

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

**МИР
ГУМАНИТАРНОЙ
КУЛЬТУРЫ
АКАДЕМИКА**

Д. С. ЛИХАЧЕВА

II МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
23—24 мая 2002 года

Санкт-Петербург · 2003

ББК 72
М63

Составитель и ответственный редактор
заведующий кафедрой социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор культурологии, профессор **Г. М. Бирженюк**

М 63 **Мир** гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева:
Международные Лихачевские научные чтения 23–24 мая
2002 года. — СПб.: СПбГУП, 2003. — 228 с.
ISBN 5-7621-0128-2

В сборник материалов Международных Лихачевских научных чтений «Мир гуманитарной культуры Д. С. Лихачева» включены работы известных ученых — экономистов, юристов, представителей различных отраслей гуманитарного знания, деятелей культуры, видных политиков, раскрывающие различные грани научной и общественной деятельности академика Д. С. Лихачева, а также воспоминания о личных встречах с выдающимся ученым и гражданином.

Обращение к жизни и творчеству нашего замечательного современника позволяет не только увидеть минувшую эпоху во всех ее противоречиях, но и наметить позитивный вектор развития культуры, науки, образования в России.

Сборник предназначен для широкого круга специалистов-гуманитариев и всех читателей, проявляющих интерес к творчеству Д. С. Лихачева, проблемам науки и культуры России.

ББК 72

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.

Президент Российской Федерации Владимир Путин
Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ ЛИХАЧЕВСКИХ ЧТЕНИЙ

Сердечно приветствую участников, гостей и организаторов Международных Лихачевских научных чтений.

Дмитрий Сергеевич Лихачев всегда был активным поборником упрочения нравственных ценностей в общественной практике, внесшим всей своей жизнью и творчеством неоценимый вклад в развитие российской науки и культуры. Уверен, что чтения, посвященные изучению наследия выдающегося ученого, станут одним из наиболее ярких событий в научной и культурной жизни России и Санкт-Петербурга. Желаю успешной и плодотворной работы.

Председатель Государственной думы
Федерального собрания РФ
Геннадий Селезнев

От всей души приветствую участников Международных Лихачевских научных чтений. Дмитрию Сергеевичу Лихачеву — ученому и человеку — были близки и дороги судьбы русской литературы. Горд тем, что Лихачевские чтения проходят в нашем городе, где Дмитрий Сергеевич прожил большую часть жизни. Для нас он всегда был живым воплощением лучших человеческих качеств: совести, благородства, достоинства и чести. Желаю организаторам и участникам научных чтений плодотворной работы.

Губернатор Санкт-Петербурга
Владимир Яковлев

Уважаемый Александр Сергеевич и участники Международных Лихачевских чтений! Приветствую вас по случаю открытия научно-практической конференции, которая является значимым событием в культурной и научной жизни российской интеллигенции и мировой общечеловечности. Желаю успешной и плодотворной работы.

С уважением,

Депутат Государственной думы Федерального собрания РФ,
руководитель фракции КПРФ
Г. А. Зюганов

В последнее время проходит очень много научных конференций — экономических, юридических, мы очень часто говорим о глобализации, о научном прогрессе, о том, что экономика и политика стирают границы. И в этом ряду особо значимы Лихачевские чтения, проходящие в этом Университете, как и все, что делается для того, чтобы сохранить духовность нашего народа, традиции, язык. Чем более ускоряется прогресс, чем быстрее мы живем, тем более важной становится эта задача. Дмитрий Сергеевич был, безусловно, человеком огромной души и таланта, мы все это очень хорошо знаем. Мы знаем и помним его как настоящего русского интеллигента. Он чрезвычайно совестлив, справедлив и терпим к окружающим, он не только давал советы, но и сам делал то, что советовал. И то, что сегодня происходит здесь, на этих чтениях — не только дань уважения к этому человеку, а в первую очередь и самое главное — продолжение того дела, которое делал он.

Мы, безусловно, движемся вперед, мы живем уже в другой стране и в другом тысячелетии, но это движение невозможно без изучения духовности русского народа, его истории и культуры. Сейчас это еще более очевидно, чем было раньше. Мы благодарны академику Лихачеву за то, что он сделал и что оставил после себя. Наша обязанность — продолжать его дело, изучать его труды. Я уверен, что с каждым годом мы будем все больше и больше узнавать, понимать и продолжать их. Приветствую вас всех, желаю успеха и благодарю за то большое дело, которое вы делаете.

Председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга
С. Б. Тарасов

Мне довелось много общаться с Дмитрием Сергеевичем, но сейчас хочу сказать о другом. Все-таки XX век кончился, и XX век без Лихачева невозможен, в нашей стране во всяком случае. Это был удивительный человек: будучи всегда в авангарде, он подарил и оставил нам памятники старины.

Неделю назад в Москве был открыт памятник Булату Окуджаве. В жизни он был довольно тщедушной комплекции, а памятник ему такой, что он выглядит крупным, могучим. И это символично. А Дмитрий Сергеевич Лихачев был человек-памятник: он был красив не только духовно, но и обладал красивой внешностью: был стройным, элегантным — просто ренессансной фигурой.

Поэтому я думаю, что если в Санкт-Петербурге будет памятник Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, то там обязательно должна быть скамейка, куда будут приходиться молодые люди и ночью при звездах говорить о жизни, об искусстве. Это было бы прекрасно.

Считаю, что ваша конференция — это тоже памятник Дмитрию Сергеевичу. Это памятник живой и теплый. Желаю вам успехов в работе конференции.

Поэт, академик РАО,
лауреат Государственной премии СССР
А. А. Вознесенский

Экономика и культура часто воспринимаются как противоположности или, по крайней мере, как два направления, далеких друг от друга. Мы часто слышим упреки, нередко справедливые, о так называемом остаточном методе финансирования сферы культуры. Но настоящая экономическая наука не может игнорировать ценностной ориентации людей. Даже объяснить действие рыночного механизма, такой, казалось бы, объективной и безжалостной вещи, невозможно без понимания системы предпочтений, которая существует у каждого из нас. Еще более сложный круг вопросов возникает в связи с формированием групповых и общегосударственных интересов. Нетрудно себе представить общество, в котором услуги культуры будут реализовываться исключительно на базе рыночного механизма. Но среди развитых стран очень трудно найти такие, где это происходило именно так. Легко представить, что вы приходите в библиотеку, и цена на пользование библиотечными услугами определяется спросом и предложением. Можно себе представить, что так же определяются цены на концерты классической музыки, на посещение музеев и так далее. Но на самом деле мы все понимаем, что если бы в этой сфере действовали именно таким образом, то объем культурных услуг значительно упал бы, и это сказалось бы на всем обществе. Для экономистов исследование ценностей не является задачей их профессии, но они обязаны учитывать существующие и формирующиеся в обществе ценности. Выявлять эти ценности — функция политической системы.

Но здесь нас подстерегает ловушка. Даже хорошо действующая политическая система, в конечном счете, интегрирует те ценности, которые существуют у отдельных членов общества. И если мы имеем дело с обществом, в котором его члены уделяют не очень большое внимание культуре, духовным потребностям, то никакой механизм, интегрирующий эти ценности, не может дать результата, способствующего культурному развитию народа. Получается, что чем выше уровень культуры общества, тем больше интереса к культуре оно будет проявлять, а чем ниже, тем меньше ресурсов оно будет выделять на предоставление культурных услуг.

Однако из этой ловушки есть выходы, и один из примеров такого выхода являет собой вся жизнь Дмитрия Сергеевича Лихачева. Такие выдающиеся люди, как он, своей удивительной подвижнической жизнью, в которой культурные ценности преобладают над всеми остальными, оказывают просто магическое влияние на остальных членов общества. Мы все ему должны быть за это очень благодарны.

Вице-президент РАН
А. Д. Некипелов

Ко всем поздравлениям я присоединяю наилучшие пожелания и поздравления по случаю этих чтений от имени Комитета по культуре и туризму Государственной думы Российской Федерации, от имени моих товарищей, которые представляют нашу интеллигенцию в высшем законодательном органе России. Вместе со мной в Комитете работают замечательные люди, с которыми очень интересно вместе работать, спорить, добиваться истины. Это Иосиф Кобзон, который работает над Законом «О чести и достоинстве российского гражданина», Станислав Говорухин — замечательный театральный режиссер и знаменитый кинорежиссер, который работает над Законом «Об ограничении распространения продукции эротического характера». Руководит нашим Комитетом Народный артист Советского Союза, бывший министр культуры Советского Союза, известный режиссер и знаменитый актер Николай Губенко. Николай Губенко работает над целым рядом законов и, кроме того, руководит нашей активной и плохо управляемой компанией. Самая дисциплинированная в нашем Комитете — это Хаписат Магомедовна Гамзатова, племянница нашего великого

поэта, бывший заместитель председателя Правительства Республики Дагестан, чрезвычайно интеллигентная, умная и очень достойная женщина.

Все мы разные, и думаем по-разному, но у всех одна боль и забота — это охрана, защита и создание условий для развития нашей национальной культуры, сохранение нашего национального богатства, духовного и материального культурного наследия, которое досталось нам от предыдущих поколений.

Работа над годовым бюджетом, внесение поправок в Налоговый, Бюджетный, Таможенный, Уголовно-процессуальный, Трудовой кодексы, которые мы рассматривали за это время, похожи на детектив. Интриги, лоббизм, столкновение интересов разных фракций — это по-человечески очень интересно. Но для меня самое интересное — применение знаний и умений, которые я получила здесь, в Университете: толерантность в общении с людьми, по-другому мыслящими, умение достигать компромисса или соглашения при разности позиций.

Мне повезло, я видела с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, и несколько раз мне посчастливилось с ним беседовать о судьбах культуры и о проблемах руководства культурой. В свое время он очень одобрил то, что существовало у нас в Петербурге — уникальную систему общественно-государственного управления культурой. Эта система столетиями вынашивалась нашей интеллигенцией и в 1992 году была принята в Санкт-Петербурге и утверждена Законодательным собранием. Сегодня мы надеемся, что этот опыт удастся возродить, и наш Университет будет участвовать в формировании этой модели управления сферой культуры — сложной, чуткой, болезненно воспринимающей административные, командные способы руководства.

Заместитель председателя Комитета по культуре и туризму
Государственной думы Федерального собрания РФ,
Заслуженная артистка России
Е. Г. Драпеко

Нынешние чтения проходят в знаменательное время — не только для нашего города, но и для всей страны. В следующем году мы отметим 300-летие Санкт-Петербурга. У нас есть возможность не просто пригласить гостей, устроить замечательные карнавалы, театральные представления, послушать новую музыку, познакомиться с новыми произведениями искусства, украсить наш город к празднику. Это возможность и необходимость осмыслить роль Петербурга, его значение в жизни страны и Европы и, без всякого преувеличения, в жизни планеты. Не так давно, буквально две недели назад, было закончено очень серьезное социологическое исследование, проведенное на всей территории России, во всех семи округах, об отношении россиян к 300-летию Санкт-Петербурга. Большая часть наших соотечественников говорит о том, что этот юбилей — праздник не только одного Петербурга. Более того, россияне хотят рассматривать юбилей Петербурга как новый шаг в интеграции России в Европу, как попытку второй раз, может быть, с новой ноги, с новым словом вписаться и в экономику, и в духовную жизнь Европы. А петербуржцы, в свою очередь, оценивают 300-летие не просто как праздник города, а как возрождение великой России.

Сейчас мы можем с новой высоты посмотреть на наш город и еще раз оценить, славен ли он только тем наследством, которое оставил Петр I, или все-таки это город, где создается новый, уникальный продукт — духовный, интеллектуальный, научный. Петербург всегда был не только перекрестком дорог, но и перекрестком мнений, местом, где рождались новые идеи и новые пути.

Председатель Комитета по информации и печати
Администрации Санкт-Петербурга
И. П. Потехина

В последние 15 лет мы говорим о переоценке экономических и духовных ценностей, о падении культуры в нашем обществе. Поэтому сегодняшний разговор о наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева особенно актуален.

Преступность — лакмусовая бумажка не только экономического, но и духовного состояния общества. И, наверное, с духовностью у нас что-то не так. Речь идет об утрате культурных ценностей, которая приводит к тяжким последствиям, а они выражаются не только в преступности, но и в определенной безнравственности общественных отношений, падении культуры общения и, в конечном итоге, в экстремизме, о котором сегодня мы все чаще и чаще говорим.

В Декларации прав культуры написано: «Утрата любого элемента культурного наследия является невозполнимой потерей и ведет к духовному обеднению всей человеческой цивили-

зации». Можно ли сказать лучше? Как и о том, что неспособность к культурному взаимопониманию и взаимообогащению ведет к межэтническим войнам и международным конфликтам. XX век показал на практике истинность этих утверждений, а мы перенесли это и в XXI век. Поэтому наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева надо изучать не только в рамках Конференции, но и за стенами этого здания. Более того, в воспитании младшего поколения мы потеряли более десяти лет, и теперь надо нашу культуру сохранить и передать в умные, заботливые руки. Молодое поколение, которое мы сегодня воспитываем, будет создавать великое российское государство с развитой экономикой и с высокой культурой, которая, безусловно, будет жить, если мы сумеем ее сохранить. И тогда у нас не будет необходимости говорить об экстремизме, потому что мы все, уважая друг друга по национальному, религиозному признаку, будем жить одной государственной идеей. Я очень бы хотел, чтобы тема сегодняшней конференции не ограничивалась обсуждением в этом здании в секциях, а уехала во все концы нашей необъятной России и стала предметом обсуждения в трудовых коллективах, в учебных заведениях, потому что это завтрашняя культурная Россия.

Начальник ГУВД Санкт-Петербурга, генерал-лейтенант милиции,
профессор юридического факультета Санкт-Петербургского
Гуманитарного университета профсоюзов
В. Г. Петухов

Очень не хочется отпускать Дмитрия Сергеевича Лихачева в историю и делать из него икону. По-настоящему крупный человек остается живым очень долго, он очень долго живет, веками, когда он становится личным достоянием каждого в отдельности. У каждого есть свой Пушкин, то есть каждый соотносит то, что сделал Пушкин, со своей жизнью, со своей профессией. Академик Лихачев для меня не икона, это совершенно живой, работающий с нами человек.

Мы очень много говорили о Дмитрии Сергеевиче как о литературоведе и как о человеке. Любая наука, в том числе литературоведение, — это только средство для того, чтобы человеку жилось хорошо. То есть, перефразируя известную цитату, литературоведом можешь ты не быть, а человеком быть обязан. Дмитрий Сергеевич был и тем, и другим в очень высоком смысле этого слова. Но я уверен, что приоритет здесь был все-таки человеческий, и это урок для тех, кто сейчас занимается модернизацией образования. Недавно мне довелось разговаривать с теми, кто сейчас занимается подготовкой образовательных программ. Программы по литературе составляются так, как будто предназначены для подготовки маленьких ученых-литературоведов. Но ведь мы учим не литературоведению, а литературе. Нам важен ученик, который становится человеком благодаря тому, что он изучает литературу. Литературоведение или элементы литературоведческих знаний — только средство для того, чтобы он был человеком.

Жизнь Дмитрия Сергеевича и то, как мы сегодня его вспоминаем, показывает, что первично в человеке все-таки человеческое, а не то, что он делает средством для того, чтобы стать человеком. Направление обсуждения, самый пафос того, что здесь сегодня происходит, позволяет сказать, что эти чтения чрезвычайно поучительны. Это урок для нас, хотя мы, обремененные степенями и лысынами, вышли из образовательной системы, но учиться никогда не поздно. Вот мы и учимся у Дмитрия Сергеевича, и я поздравляю вас с этим.

Академик РАО
В. В. Краевский

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
Заслуженный деятель науки РФ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Нам иногда кажется, что идеи добра, научной мысли, накопленные замечательными поколениями российских ученых — это нечто, что существует само по себе и навсегда. Но университеты знают, что весь научный багаж, вся система идей, знаний на самом деле живут не в библиотеках, не на компакт-дисках и видеопленках, а только в сознании людей. Новые и новые поколения молодежи обращаются к книгам, видеозаписям, и тогда жизнь научного знания продлевается. Или этого не происходит, и тогда научных идей нет. Университеты это знают, поэтому считают своей важнейшей миссией обеспечить и культурную, и духовную, и научную преемственность. Что поделаешь, поколения уходят, на их место приходят другие. И передать от одних поколений другим то, что обдумано, проверено, выстрадано, а также то, что является предметом мучительных размышлений старших поколений — это и есть важнейшая миссия университетов.

В этом зале уже десять лет проходят научные конференции нашего Университета. Они приурочены к Дню рождения Университета — 24 мая, потому что десять лет назад наш Университет был освящен русской православной церковью именно в этот день, и дата была выбрана не случайно: это День святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, выдающихся просветителей, основателей славянской письменности, которая символизирует для нас истоки российской духовности и культуры. Это, пожалуй, самый подходящий день для того, чтобы Гуманитарный университет мог осмыслить, что им сделано за год в науке, мог пригласить деятелей культуры и искусства, ученых, общественных деятелей, чтобы поговорить о том, в каких направлениях работать дальше, потому что ни одна сфера практической деятельности не может развиваться без науки и гуманитарного знания. Без гуманитарного знания, без осмысления проблем морали, нравственности, гражданственности не может быть правового государства, нормальной экономической системы, успеха реформ, благосостояния граждан. Не может быть построена процве-

тающая Россия, а это самое главное, чего мы все хотим.

Мы собираемся здесь, в этих стенах для того, чтобы поговорить о том, что нас волнует. В эти два дня мы будем обсуждать материалы наших научных исследований и итоги наших раздумий в прошедший год, потому что каждый из нас заинтересован в судьбе страны.

Подчеркну еще раз: невозможно построить процветающую Россию без создания подлинно гуманного общества. Поэтому фигура Дмитрия Сергеевича Лихачева имеет особое значение. Конечно, Дмитрий Сергеевич Лихачев был человеком из плоти и крови, как все мы, возможно, несвободным от каких-то ошибок и заблуждений, но он прожил жизнь так, что стал символом высочайшей нравственности, служения своему делу, отношения к семье, к боли и тревоге других людей. Сегодня, когда мы говорим о Лихачеве, мы говорим о нашем отношении к жизни, к народу, к окружающим нас людям, к стране, и это представляется мне очень важным. Дмитрия Сергеевича нет с нами, но мы должны помнить уроки Лихачева и относиться к тому знанию, которое ему удалось получить в результате длинной и очень яркой жизни, не как к праху, который надо хранить, а как к огню, который надо поддерживать. Наверное, мы должны подхватить то, что сделано Дмитрием Сергеевичем, обдумать и развивать дальше, потому что жизнь продолжает выдвигать перед нами новые непростые проблемы и потому что каждый молодой человек в 16–17 лет заново начинает осмысливать жизнь и решать извечную проблему, которую решал для себя в юности Дмитрий Сергеевич Лихачев и каждый из нас. В России много выдающихся личностей — замечательных символов, с которых, как говорил Маяковский, «можно делать жизнь». Но Дмитрий Сергеевич для России, для Петербурга, для нашего университета имеет особое значение.

Дмитрий Сергеевич Лихачев — наш первый Почетный доктор. Это человек, научная жизнь которого проходила в Пушкинском доме, а начиная с 1993 года — еще и у нас в Университете. С Дмитрием Сергеевичем Лихаче-

вым, с его идеями и инициативами связаны многие разработки, которые мы проводили сами, повинаясь призыву Дмитрия Сергеевича. В стенах этого Университета была разработана Декларация прав культуры. Я уверен, что рано или поздно она будет принята ЮНЕСКО в качестве одного из основополагающих документов человеческой деятельности. А Дмитрий Сергеевич Лихачев учил нас, что без культуры не может быть общества и что, защищая культуру, человек защищает самого себя, свою человеческую сущность. Поэтому мне думается, что Декларация прав культуры рано или поздно станет документом всемирного значения — не меньшего, а, может быть, и большего, чем Декларация прав человека, войдет в юридический обиход и в сознание миллионов людей во всем мире. Я в это верю.

Дмитрий Сергеевич с обостренным интересом исследовал проблемы интеллигенции. Импульс этой нашей совместной работе с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым был дан Францией, когда Генеральное консульство Франции в 1995 году предложило нам провести обсуждение проблем интеллигенции в связи с захоронением праха Андре Мальро в Пантеоне. С этого началась очень большая, яркая, интересная страница в научной жизни нашего Университета. Тон в этой работе задавал Дмитрий Сергеевич Лихачев, его научные идеи определяли стержень того, что происходило. Мы собирались здесь, в Университете, во дворце Белосельских-Белозерских, встречались на даче Дмитрия Сергеевича и вели работу по этим проблемам. Эти

работы нашли отражение в целом ряде книг, статей, иных материалов, которые выпущены Университетом. Я уверен, что на историческую авансцену будут приходиться новые и новые поколения россиян, и лучшая часть этих поколений будет вспоминать Дмитрия Сергеевича Лихачева в связи с темами интеллигенции, прав культуры, славянской письменности. К 1993 году, когда мы вручали Лихачеву мантию нашего Почетного доктора, у него было опубликовано полторы тысячи научных работ. Есть о чем поговорить, о чем поспорить, и что вспомнить, что мы и будем делать сегодня.

Дмитрий Сергеевич Лихачев был одним из инициаторов создания Конгресса петербургской интеллигенции — вместе с Даниилом Граниным, Жоресом Алферовым, Кириллом Лавровым, Андреем Петровым и другими нашими Почетными докторами. И я очень рад, что у нас в зале и на сцене собрался такой представительный кворум: и маститые ученые, и крупные государственные и общественные деятели, и молодежь, которая, мы надеемся, подхватит эстафету.

Год назад мы провели первое заседание. Мне очень приятно отметить, что нас поддержал Владимир Владимирович Путин, и к нашей первой встрече вышел Указ Президента от 23 мая 2001 года, в котором есть пункт 4: «Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных ко Дню славянской письменности и культуры».

Ж. Т. ТОЩЕНКО,

главный редактор журнала «Социологические исследования»,
член-корреспондент РАН

ФАНТОМЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Слово «фантом» по-разному используется в обыденной, литературной и научной речи. В словаре С. И. Ожегова фантом объясняется как причудливое явление, призрак. В «Академическом словаре» русского языка фантом трактуется в трех смыслах: призрак, привидение; вымысел, игра воображения; модель тела или часть его в натуральную величину, служащая наглядным пособием. В «Психологическом словаре» представление о фантомах связывается с фантомными болями в послеоперационном или последующем этапе жизни после контузии, ранения, операции, когда нет руки или ноги, но человек в определенных моменты чувствует их через боль как ре-

ально существующие. Хотя последнее определение апеллирует к узкопрофессиональному медицинскому лексикону, мы сталкиваемся здесь с особым явлением. Физическая реальность отсутствует, но ее мнимое функционирование является объективной реальностью, поскольку приносит вполне осязаемые переживания. Подобным образом протекают и фантомные воспоминания о некоторых событиях в жизни человека, когда они доставляют болезненные переживания, с такой же нестерпимой остротой, как и в момент их проявления в прошлом. Иногда к разряду фантомов относят возникновение, существование и функционирование различных мистических

обществ и орденов, внутренняя жизнь которых остается тайной не только для современников, но и для последующих поколений. Если их жизнь случайно приоткрывается, то вызывает догадки и предположения, лишь усугубляющие атмосферу таинственности.

К этому набору определений в словарях и энциклопедиях нельзя относиться как к исчерпывающему объяснению всего многообразия общественных процессов, а также специфических элементов функционирования общественного сознания и поведения.

Мы отмечаем, что в реальной научной и политической лексике этот термин стал все чаще использоваться для интерпретации процессов и явлений как выпадающих из обычного, принятого, признанного течения экономической, политической, социальной или культурной жизни. Употребление этого понятия в современной жизни вышло далеко за рамки того смысла, которым пользовались ранее. Например, режим талибов в Афганистане объявляется фантомом — особенным, нестандартным, не укладывающимся в типичные представления о государстве. Некоторые аналитики политической жизни считают, что существование таких государств, как Куба, Никарагуа, Камбоджа, на определенных этапах развития представляло собой фантомы. Они олицетворяли весьма специфические и неприемлемые мировым сообществом формы политического правления и устройства общественной жизни (М. Соколов).

Фантомными процессами иногда называют феномен секты «Аум Сенрике», а также такие специфические события, как вспышка геноцида в Сумгаите в 1989 году, которая привела к изгнанию армян с азербайджанской территории и положила начало этническим столкновениям в СССР, а затем и в России.

Проблематику фантомов пытаются использовать в аргументации против оппонентов, особенно при стремлении отвергнуть устоявшиеся представления. Так, сторонники и последователи академика А. Фоменко, предложившего новую интерпретацию отечественной истории, обвиняют традиционных историков в том, что они в течение уже нескольких столетий занимаются изучением «фантомных» событий и подвержены «субъективному подходу в осмыслении событий прошлого»¹. Фантомы стали широко использоваться в политической борьбе, особенно при проведении избирательных кампаний, когда в списках кандидатов в депутаты, мэров и губернаторов появляются двойники-однофамильцы, что позволяет им не просто отнимать определен-

ное количество голосов у реального кандидата, но даже занимать 3–4 места по итогам голосования. Такое «оболванивание» избирателей достигается при помощи умышленного создания фантомных образов, которые приводят к реальным результатам и оказывают реальное воздействие на ход общественных процессов (С. Колмаков).

В последнее время исследователи, политики и общественные деятели обращают внимание на всплески и аномалии в социальной среде. Во-первых, в реальной жизни появились милиционеры-мистики, серийные убийцы с философским складом ума, упыри-насилыники, наемные киллеры, количество которых значительно возросло, что с трудом поддается объяснению. Некоторые исследователи подобных отклонений считают своей сверхзадачей «раскрытие тех внутренних бездн, которые таятся в душе человека» (Ю. В. Мамлеев). Во-вторых, систематически возникают своеобразные фантомы разного масштаба и калибра. Когда рухнул советский строй, «первым откуда-то взялся Кашпировский с его сеансами целительной силы. Потом на нас свалился Жириновский с политической клоунадой, потом Мавроди с его финансовыми фокусами, затем Невзоров и Доренко с их информационными медитациями, за ними Березовский — совершенно «паранормальное явление» (Ю. Богомолов). Поэтому в публицистике и политической риторике понятие фантома стали применять к экстравагантным фигурам современной общественности и необычным игрокам на политической сцене.

Что касается масштабов проявления различного вида фантомов, то они могут носить как всемирный характер (терроризм), так и региональный. Например, события в Югославии привели к кровавой войне между представителями одного народа, говорящими фактически на одном языке — сербском, но разделенном религиозными условностями. В небольшом регионе также возможно проявление конфликта, уникального по причинам, этапам и следствиям разрешения (Чечня). Фантомы на локальном уровне возникают, когда нарушается плавное течение дел в определенной социальной группе, что повторяется и в других группах (обманутые вкладчики).

Примечателен такой класс явлений, как протуберанцы на политическом и общественном поприще. За последнее десятилетие кто только не заявлял о себе в политике и экономике, а потом сгинул, не оставив никакого следа. А ведь некоторые из них занимали умы россиян и были в первых строчках при опросах общественного мнения. Например, опрос студентов РГГУ в 2001 году показал, что 17–

¹ Бочаров Л. И. и др. Заговор против русской истории (факты, загадки, версии). М., 1998.

20-летние молодые люди совсем не реагируют на такие имена, как Г. Бурбулис, С. Шахрай, В. Шумейко и т. д., которые в недавнем прошлом вершили судьбы страны и способствовали развалу Советского Союза. Конечно, подростков не слишком заботили «взрослые», гражданские проблемы. Однако нам предстоит осмыслить, почему эти деятели внезапно появились и также стремительно исчезли со страниц текущей истории общества и государства. Названные фантомы родились в среде интеллигенции, и мы вправе задуматься и попытаться выяснить сущность и скрытые причины их появления в российской жизни вообще и в политике особенно.

Понятие фантома в настоящее время существенно расширилось и вобрало в себя достаточно разнообразные процессы и явления общественной жизни. Не претендуя на создание законченной классификации (типологизации), мы остановимся только на фантомах, характеризующих специфические проявления общественного сознания и стили поведения. Кроме того, мы готовы проанализировать не всех субъектов современного исторического процесса, а только представителей интеллигенции, ибо именно в их среде зародились практически все формы и виды фантомной деятельности.

Цель настоящей статьи — выявить и классифицировать фантомы общественного сознания и поведения интеллигенции, особо наглядно проявившиеся в условиях переходного периода и олицетворявшие такие феномены общественной жизни, которые обнажили парадоксальные и противоречивые процессы в духовной жизни общества. Описание, классификация и попытки смоделировать эти уникальные явления позволят обогатить теоретические представления о сущности и характере общественного сознания, что имеет не только научное, но и прикладное управленческое значение. Научное осмысление социальной реальности позволяет обратить внимание на это явление с точки зрения теории познания или повседневной практики. С этих позиций выясняется, что фантом может выступать не только как вымысел, но и как необычное явление, выбивающееся из ряда типичных повторяющихся ситуаций в силу своего специфического характера. Попытаемся сначала ответить на вопрос о причинах, порождающих данный феномен.

При обсуждении современного общественного сознания в России практически никем не оспаривается вывод, что оно не только расколото, раздроблено и противоречиво, но зачастую парадоксально, а нередко и фантомно. В общественном сознании зреют и продолжают существовать взаимоисключающие ориен-

тации, каждая из которых нередко претендует на роль единственного спасительного выхода из кризиса, в котором оказалась Россия. Смысл предпринятого анализа состоит не в том, чтобы включиться в этот спор, а в попытке разобраться, почему он бесперспективен, пока не будет найден ответ на одну из фундаментальных проблем нашего времени. Ведь не только общество в целом, включая различные социальные группы и слои, но и сам человек обладает противоречивым сознанием и представляет собой уникальное явление.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что именно в человеке, конкретном индивидууме сосредотачивается эта противоречивость. Он склонен принимать взаимоисключающие утверждения, уверовав в их совместимость и ценность для своей жизни. Такой подход позволяет охарактеризовать сознание и поведение многих людей как находящихся в конфронтации с самими собой и привносящих эту борьбу в общественную жизнь. Люди словно убегают сами от себя одновременно в прямо противоположных направлениях.

Распад СССР привел к краху устоявшегося образа жизни, пересмотру ориентации и ценностей десятков миллионов людей. Исчезла не только страна — исчезло мировоззрение, на которое опирались люди в своем взаимодействии с обществом, государством, производственными организациями, коллегами, друзьями, соседями и со всем окружающим миром. Осознание необходимости изменить состояние советского общества существовало не только в эпоху перестройки, но и ранее. Ведь именно ожидание перемен и стремление к ним породило общественное движение, усилившееся во второй половине 1980-х годов. Произошло изменение сознания людей, явный или скрытый отказ от многих ценностей и установок, с которыми люди жили десятилетиями. Но мировоззрение, как ключевое звено в сознании, достаточно консервативно. Оно продолжает сохранять приверженность к прошлому, одобрение или критику настоящего и неуверенность в будущем, вернее, в способах реализовать цели, намерения и интересы. Именно этот «гибрид» сдвигов в общественном сознании и его проявление в конкретных ситуациях позволяет говорить о парадоксальности сознания и поведения.

Парадоксальность сознания и поведения многолика и разнообразна. Парадоксальный человек как явление эпохи предстает перед нами во всем своем противоречивом облике, поскольку причины парадоксов неоднозначны. Можно с полной уверенностью утверждать, что именно парадоксальный человек

олицетворяет современную эпоху в нашей стране, будучи мощным дестабилизирующим фактором. Опасность этого явления заключается также и в том, что парадоксальный человек представляет собой очень удобный объект для манипулирования общественным сознанием. Имеющаяся информация позволяет заключить, что парадоксальный человек — неперемный атрибут переходного периода. Его нельзя изжить или проигнорировать. Его необходимо познать, чтобы ответить на злободневные вопросы развития России. И с особой наглядностью его присутствие проявляется в среде интеллигенции.

Среди причин, породивших фантомы в современной России, можно назвать прежде всего несовершенство механизма взаимодействия общества и государства с интеллектуальным потенциалом страны. Сложившийся механизм не позволяет выявлять и активно использовать творческие возможности и силы людей, а также согласовывать объективные потребности с субъективными устремлениями интеллигенции. В результате на различных уровнях управления для воздействия на жизнь страны мобилируются далеко не лучшие, а иногда и случайные персонажи, не отвечающие объективным потребностям.

Во-вторых, к причинам появления фантомов можно отнести тот факт, что некоторых представителей интеллигенции не устраивает достигнутый ими социальный статус. Они считают, что их талант, знания и творческий потенциал недооцениваются, что они способны на большее, чем выполнять порученную им работу. Не желая мириться с подобной ситуацией, такие люди активно ищут средства и методы, которые бы позволили не ожидать, а активно добиваться изменения своего социального положения. Подчеркнем, что они стремятся повысить свой статус не только законными путями, но и иными, нередко экстравагантными методами.

В-третьих, этими людьми часто руководит неумная жажда власти, безразлично какой — политической, экономической, психологической или даже совершенно надуманной. Обычно в стремлении к своей цели они безмерно настойчивы, используют все мыслимые и немыслимые средства ее достижения.

В-четвертых, в большинстве своем они испытали травмирующее чувство давления советской власти, которая формировала окружающую среду, не признававшую их исключительности, препятствовала их росту, мешала добиться тех или иных постов, должностей, позиций и т. д.

В-пятых, эти люди предстают пред нами как чрезвычайно амбициозные субъекты, которые не ограничиваются мечтами и поже-

ланиями — они весьма действенны, агрессивны, настойчивы до абсурда и непреклонны пред возникающими препятствиями. Причем всю ответственность за возникающие препятствия они возлагают на общество, на окружающих их людей, на общественные и государственные организации. Они никогда не сомневаются в правильности избранного курса, не приемлют критику их действий, постоянно претендуют на признание своей исключительности всеми и, в первую очередь, их ближайшим окружением.

В-шестых, материальное благополучие также выступает немаловажным фактором, ибо подобные люди всегда избирают так называемую референтную группу (она всегда выше той планки, о которой мечтает претендент). По крайней мере, все фантомные деятели 1990-х годов успешно позаботились о себе. Воспользовавшись случаем пребывания у власти или около нее, они организовали для себя банк, фонд, корпорацию или что-то не менее доходное.

Наконец, общая характеристика всех фантомов политической и экономической жизни России. Все они обстоятельно занимаются самовозвеличиванием, самооправданием, доказательством своего «вклада» в процветание России. Они болезненно реагируют на любые попытки усомниться в ценности их «вклада» и готовы к сопротивлению, вплоть до судебных разбирательств.

Анализ имеющихся данных, в том числе и социологических, позволяет дать характеристику различных типов парадоксального сознания и поведения избранной нами группы интеллигенции.

Первый тип — «хищники». Это идеология современных олигархов, различных комбинаторов и просто мелких жуликов. Их устремления сводятся к тому, чтобы обосновать законность и правомерность хищения и присвоения национального богатства под флагом «заботы» о будущем страны и народа. Именно от них можно услышать утверждения, что построенные дворцы и накопленное богатство, хотя и принадлежат лично им, все равно образуют национальное достояние. Потенциально оно может перейти и в другие руки, отчего общество, в конечном счете, только выиграет. Нередко «хищники» используют следующий аргумент: действительно, первое поколение владельцев богатств (например, в Америке) — хищники и грабители, но их дети и внуки — достойные члены демократического общества.

Второй тип фантомов — «мародеры». Эта категория людей пытается пожить наследием прошлого, неважно, сохраняет ли оно сегодня какую-то ценность. Обстановка после

распада СССР напоминает поле битвы, пока не ясно, кто победил и что ждет завтра воюющие стороны. Исход боя не определен, но наступило короткое затишье. Именно в таких условиях экономической и политической неопределенности возникает стремление урвать побольше, будучи убежденным в своей безнаказанности. Выискивая выгоду, фантомы мародерствуют повсюду — на экономическом поприще, в политических «дебрях», в этнических и конфессиональных конфликтах и даже в сфере культуры.

Третий тип фантомов весьма своеобразен. Это «мутанты» — фантомы парадоксального сознания и поведения, число которых очень значительно. Для них характерен следующий алгоритм действия. Большую часть жизни они придерживались определенного мировоззрения, а в период перелома объявили себя сторонниками прямо противоположных идей и убеждений. Причем это отвержение происходит в форме не просто отречения, а жесточайшей критики. Своими «оракульскими» открытиями они нередко попирают нравственные начала, ибо отказ от прежних убеждений превращается в распродажу самого отказа, в торговлю новыми убеждениями и критикой старых идей. Не лучше ли руководствоваться христианской моралью? При изменении концепции жизни ты должен оставаться наедине с Богом (со своей совестью) и только с ним советоваться об изменении своей жизненной позиции. Иначе подобная мутация свидетельствует не об изменении сознания и поведения, а о перерождении основополагающих человеческих начал.

Не менее характерен для общества переходного периода и четвертый тип фантомов — различные виды шовинизма. С одной стороны, их носители нередко декларируют общечеловеческие ценности — уважение к другим народам, признание их права на родной язык и культуру. С другой стороны, в конкретных обстоятельствах они унижают или убивают других людей, сжигают их дома лишь потому, что те придерживаются иных взглядов и «мешают жить». Так «интернационалисты» становятся носителями бытового шовинизма. Именно они оказываются сторонниками морального насилия, возрождают социальные мифы, переписывают историю, «на научной основе» доказывая претензии к другим народам и государствам.

Пятый тип фантомов парадоксального сознания и поведения представляют персонажи, подобные «блуждающим форвардам». Можно наблюдать многочисленные примеры «миграции» людей из одной партии (или общественного движения) в другую, а затем в третью, четвертую и так до бесконечности. Почти все-

гда переходы сопровождаются коренным изменением ранее провозглашенных принципов, отказом от прошлых убеждений, славословиями в адрес новых предпочтений или выгодных «открытий». Подобные деяния прикрываются тем, что переориентации объявляются воплощением «гласа народа», отражением его чаяний и желаний. По сути дела, это борьба за власть и капитал, порожденная жадной удовлетворить свои амбиции за счет народа.

Не менее характерен и шестой тип фантомов, получивший достаточно широкое распространение в современной России, — это «симулянты». К данной категории относится поведение значительной части чиновничества. Они неустанно и дружно изображают заботу об общественном благе, которая проявляется в риторике (болтовне), накопительстве и присвоении бывшего народного достояния. Причем нередко их активность прикрывается показухой — оказанием помощи одному дому престарелых или детскому дому, одной спортивной команде или больнице. Как показывают результаты выборов, такая «забота» приносит весьма ощутимые дивиденды в виде депутатских мест или должностей глав администраций. Именно эти люди осознанно поддерживают парадоксальность в сознании населения, что обещает им немалые выгоды и приносит значительное приращение личного благополучия.

Наконец, седьмой тип фантомов — «новые диссиденты». Как ни парадоксально, они комплектуются из «бывших диссидентов». Многие деятели, выступавшие против различных аспектов государственной политики СССР, с прежней настойчивостью и убежденностью противодействуют тому, что творится в сегодняшней России. К этой категории можно отнести и многих общественных деятелей первой демократической волны, которые спустя некоторое время отреклись от созданного при их содействии нового режима. Новые реалии превратили их в стойких борцов против того, за что они радели в первые годы новой России. Их парадоксальность часто проявляется в приверженности прежним идеям демократии, но уже в сочетании с патриотической или социальной ориентацией.

Итак, анализ современного состояния фантомов общественного сознания и поведения интеллигенции позволяет говорить о многообразии форм их проявления. Именно переходный период обнажил все противоречия, сделал более определенной картину представлений о парадоксальных явлениях. Понимание сложившегося положения вселяет надежду, что правильно поставленный диагноз дает возможность преодолеть социальные недуги новой России.

В значительном числе исследований проблем общественного сознания практически не изучен класс явлений, который мы называем фантомами общественного сознания. В ходе многолетних трудов нами обнаружен новый объект исследования, который не получил еще сколько-нибудь удовлетворительного осмысления и объяснения. Изучение имеющейся литературы позволяет утверждать, что предпринятая нами попытка проанализировать данный феномен общественного сознания опережает не только отечественные разработки, но и научные работы зарубежных коллег.

Следует отметить также существенный методический прием познания данного соци-

ального явления. Особое значение для изучения фантомов общественного сознания имеют распространенные качественные методы, методологические возможности которых позволяют получить новое знание. Наряду с применением контент-анализа предстоит широко использовать биографический метод, сравнительные методики изучения качеств людей. Серьезные результаты дает сопоставление характеристик фантомных явлений как со стороны самих носителей этого класса явлений, так и со стороны противостоящих им сил. Данные методики еще только разрабатываются в отечественной социологии и не имеют аналогов в мировой социологии.

А. Н. КЕЛЬЧЕВСКИЙ,

Генеральный консул Франции в Санкт-Петербурге

КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Опыт жизни русской эмиграции за границей позволяет, как мне кажется, более конкретно и точно ответить на вопрос, что означает русская культура.

Для моего поколения, родившегося во Франции и имевшего родителей, которые сами не знали России, в процессе адаптации к французскому обществу возникали совершенно конкретные вопросы:

— Первый простейший вопрос: мы русские или французы? Ребенку непонятны эти административные тонкости. Что касается меня, я очень долго не знал, что в **административном отношении** я был французом, хотя воспитание, полученное дома, язык, на котором говорили в семье, и вся моя система ценностей полностью связывали меня с русской культурой. Вместе с тем, в школе я не чувствовал своего отличия от товарищей по классу. До того дня, примерно в возрасте 9–10 лет, когда наш класс должен был посетить какое-то — я уже не помню какое — учреждение, куда иностранцам был ограничен вход, уж я не знаю на каком основании. Учитель спросил, все ли здесь французы, и я ответил, что нет, я русский. И тогда меня отделили от моих товарищей и лишили экскурсии.

— Второй круг вопросов касается нашей адаптации к французскому обществу. В мою эпоху русская эмиграция Парижа уже не обсуждала тему так называемого «мифа о возвращении в Россию». Но наши бабушки и дедушки все еще продолжали, как говорится, жить на чемоданах. Для поколения наших родителей проблема ассимиляции их детей во французском обществе осталась неразрешенной. Каждый решал ее по-своему. Одни отка-

зывались от своей русской самобытности и пытались полностью жить на французский лад, отдаляясь от остальных эмигрантов. Другие, напротив, замкнулись на общении с русской диаспорой. Но большинство попробовало найти срединный путь между сохранением культурного и духовного наследия своих родителей и открытым подходом к французскому обществу. Это был путь ассимиляции во французском обществе без отказа от своей культурной самобытности, благодаря которому многие из нас смогли найти свое достойное место во французском обществе.

— Третий круг вопросов относился к России. Всё наше домашнее воспитание связывало нас с этой страной. Но речь шла о некоей мифической стране, существовавшей до революции, стране, которой больше не было. Советский Союз — страна, занявшая ее место, — описывался нам в самых черных красках. И вот язык и культуру именно этой страны наши родители просили нас учить и любить — тяжело решаемое противоречие. Поэтому ясно, что крушение советского строя и появление новой России были нами приняты, как освобождение. Наконец-то два противоречивых образа, которые были у нас в сознании, наложились один на другой. Наконец-то мы смогли связать наш язык и нашу культуру с реальной страной — со страной, которая больше не вызывала чувство неприятия или страха, которая вновь обратилась к своим корням.

На какие размышления наводит меня мой опыт русского детства, проведенного в эмиграции во Франции?

Во-первых, и это может показаться парадоксальным, я считаю, что именно наша при-

вязанность к русской культуре и стремление сохранить наши культурные ценности помогли большинству из нас ассимилироваться во французском обществе, а отнюдь не препятствовали этому процессу.

Таким образом, внимание к сохранению русского языка кажется мне одним из главных уроков, извлеченных из этого опыта. Именно будучи за границей, понимаешь, что значит язык. Это было тем более заметно на фоне того, как Франция по-особенному относится к своему собственному языку.

Мой опыт также укрепил меня в моем недоверии по отношению к любым проявлениям национализма, когда отвергают или превозносят значимость тех или иных культурных ценностей. Напротив, наша жизнь во французском обществе показала нам, что культура только выигрывает, если она открыта для других культур, открыта для взаимопроникновения, и что только таким может быть путь развития и духовного обогащения. Я целиком разделяю мнение режиссера Эльдара Рязанова, высказанное им в прошлом году на наших чтениях. Он говорил следующее: «Когда говорят, что для России существует единственный и неповторимый путь, я сомневаюсь. Это спесивая позиция. Почему мы должны прокладывать собственную дорогу, идти в стороне от цивилизации?» Действительно, культура не может быть чем-то застывшим,

абстрактным, отдельным от людей. Она разнообразна и жизненна. Она нуждается в обменах и взаимодействии с другими. В этом смысле спор между славянофилами и западниками противопоставляет, по-моему, не защитников некоей культурной подлинности и рабских подражателей Западу, а две разные концепции культуры — застывшую и открытую для взаимодействия.

И наконец, последняя часть моего выступления касается знакомства уже в зрелом возрасте с Советским Союзом, а потом с новой Россией и ее преобразованиями. Я пришел к выводу, что русскую культуру — это обязательно верно для всех культур — следует понимать в широком смысле, то есть включая духовную сферу в общем и религиозную в частности. Здесь речь идет не о вере, которая зависит от убеждений и личной жизни каждого, а о религиозной культуре, которая уже сама по себе является необходимым знанием для любого образованного человека и которая, в моем представлении, является важнейшей составляющей самобытности русской культуры, по крайней мере для нашего времени и для обозримого будущего.

Таким образом, мой опыт, мой жизненный путь приводит меня к заключению, что только полностью вписываясь в традиции и историю России, можно определить подлинные пути ее преобразования.

В. В. ОКРЕПИЛОВ,

заместитель председателя Президиума

Санкт-Петербургского Научного центра РАН,

доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРОГРЕССА КУЛЬТУРЫ

Я хотел бы порассуждать о нынешнем и будущем состоянии культуры.

Дмитрий Сергеевич Лихачев, как истинно петербургский интеллигент, гуманист, призывал нас бережно относиться к культуре, развивать ее на благо людей, для улучшения их жизни.

Культура — как совокупность достижений во всех областях деятельности человечества — включает в себя и достижения в производственной, экономической сфере. Более того, только прогресс культуры обеспечивает прогресс экономики. Только культурное развитие позволяет добиться устойчивого экономического развития.

Как показывает мировая практика, ключевым фактором экономического и социального прогресса в последние годы стало решение проблемы качества — качества товаров, услуг — в конечном счете, качества жизни.

Качество затрагивает интересы всех: государства, общества и каждого человека. Именно последнее обстоятельство делает качество созвучным идеям, чаяниям и мировоззрению Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Обеспечение оптимального уровня качества стало одной из важнейших глобальных проблем.

Качество играет ключевую роль в экономической и социальной стратегии ведущих стран мира. Постоянное повышение качества используется как средство преодоления кризисных ситуаций.

Высокое качество является общечеловеческой ценностью, а повышение качества жизни становится целью экономической политики государства.

Теория и практика управления качеством в России имеет многолетнюю историю. Многие методы и формы этой работы были впервые

разработаны нашими учеными и специалистами. Их апробация проходила на ведущих предприятиях страны.

Следует, однако, отметить, что исторически проблема качества поначалу воспринималась как сугубо техническая, и ею занимались в основном инженеры. Акцент делался на такие свойства продукции, как надежность, прочность, ремонтпригодность и т. п.

Управление качеством прошло эволюционный путь развития от простых, чисто технических операций контроля параметров изделий до повышения эффективности производства.

Это стало возможным благодаря тому, что качеством вплотную занялись ученые-экономисты, которые прекрасно понимали его значение для достижения эффективности общественного производства.

Для этого потребовалось не только изучать качество самой продукции, но и рассматривать систему экономических отношений, разрабатывать и исследовать процессы управления всей деятельностью предприятий и обращать внимание на такие ее аспекты, как финансы, ресурсы, персонал и т. д.

Комплексный системный подход, учет всех факторов, влияющих на качество, использование основ теории управления обеспечили широкое и эффективное применение систем управления качеством продукции.

Накопленный отечественный опыт комплексного управления качеством был высоко оценен зарубежными специалистами, и многие принципы и элементы систем были использованы в дальнейшем при разработке международных стандартов ИСО серии 9000.

Внедрение этих стандартов является сегодня важнейшим делом всех участников глобального рынка.

К сожалению, в силу объективных причин Россия пока не может похвалиться большими достижениями в области качества.

Интегральным выражением уровня качества жизни в стране является принятый в Программе развития ООН «индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП), который рассчитывается как среднее арифметическое трех составляющих: средней продолжительности жизни, уровня грамотности, реального ВВП на душу населения. По индексу развития человеческого потенциала Россия занимает 71-е место в мире.

Из отчетов Всемирного экономического форума видно, что в рейтинге конкурентоспособности стран Россия находится на 59-м месте в мире. Причем, если посмотреть на отдельные факторы конкурентоспособности, то по большинству их них Россия находится за 50-м местом, и только по одному («труд») — на 25-м.

Особая значимость проблемы конкурентоспособности для России проявляется в связи с предстоящим вступлением во Всемирную торговую организацию (ВТО).

Как следует из прогнозов специалистов, уже в ближайшее время преимущественное положение в мировой экономике, социальном и культурном развитии будут иметь только те страны, которые смогут организовать производство высококачественной продукции в количестве, достаточном для удовлетворения потребностей общества и каждого человека.

Инструментом для такого развития в 90-е годы прошлого столетия стал подход, именуемый в международной практике как Total Quality Management – всеобщее управление качеством.

Дальнейшее развитие подхода Всеобщего управления качеством прогнозируется как **всеобщая культура качества** (Total Quality Culture).

Речь идет о стратегии развития, основанной на теории системного комплексного подхода к управлению процессами, протекающими на производстве и в обществе. Эта стратегия предполагает использование критерия качества, нацеленного на удовлетворение личных, производственных и общественных потребностей граждан.

Для России качество товаров и услуг – это безопасность наших граждан и окружающей среды, средство повышения конкурентоспособности товаров и услуг отечественных производителей как на внутреннем, так и на мировом рынке, это сбережение ресурсов и повышение эффективности производства.

По поручению Правительства РФ Госстандарт России, Минэкономразвития и Миннауки России совместно с научно-технической общественностью и заинтересованными ведомствами и организациями разработали и представили на утверждение проект Концепции национальной политики России в области качества продукции и услуг как важнейшей части общей экономической политики страны.

В настоящее время разрабатывается программа мероприятий по продвижению и реализации Концепции.

Следует объединить усилия правительства и ученых, органов законодательной и исполнительной власти в центре и на местах, деловых кругов и научно-технической общественности, руководителей производства и представителей системы образования, чтобы создать в стране атмосферу всеобщего уважения к качественному труду и его результатам как к кардинальной основе повышения эффективности отечественной экономики.

В современных условиях основная работа по обеспечению и управлению качеством должна проходить на региональном уровне.

В Санкт-Петербурге осуществляется широкий комплекс мероприятий, направленных на повышение качества.

Законодательным собранием и Администрацией Санкт-Петербурга принят ряд законодательных актов и распоряжений по вопросам качества.

Учреждены премии Санкт-Петербурга за качество, прочно утвердившиеся в экономике города. Сейчас завершается уже пятый ежегодный конкурс. Всего за прошедшие годы в конкурсах участвовало более 500 предприятий промышленности и сферы услуг, крупных и малых, частных и государственных. Причем многие из них участвовали неоднократно, почувствовав высокую эффективность этой работы и большую пользу для завоевания устойчивого положения на рынке.

Немаловажно и то, что участие в наших региональных конкурсах отразилось на успехах петербургских предприятий в Российском национальном конкурсе. Представители Санкт-Петербурга чаще других становятся лауреатами премии Правительства РФ.

В нашем городе создана региональная система управления качеством, ведется разработка программы «Качество», осуществляется координация деятельности контролирующих органов по защите потребительского рынка от опасной и вредной продукции.

Памятуя, что, по определению Владимира Ивановича Даля, «Культура — это образование, умственное и нравственное», мы большое внимание уделяем развитию образования по вопросам качества. В городе создается многоуровневая система подготовки и

переподготовки кадров. Система должна включать обучение в школах, колледжах, техникумах, лицеях, институтах и университетах.

Многие звенья этой системы уже действуют. Дисциплины и специальности по качеству введены во многих вузах, работают диссертационные Советы по защите докторских и кандидатских диссертаций.

В системе образования по вопросам качества неотъемлемой частью является последипломное повышение квалификации кадров и получение второго диплома о высшем образовании по специфическим специальностям в области качества.

Но наряду с образованием по специальностям для успешного решения проблемы качества требуется нравственное воспитание.

В этой связи хотелось бы процитировать еще одного выдающегося интеллигента — известного русского философа И. А. Ильина, который еще в 1928 году писал:

«Верим и знаем: придет час, и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового расцвета и нового величия. Но возродится она и расцветет лишь после того, как русские люди поймут, что спасение надо искать в качестве!..»

Вспомните же в пути и судьбы России, вдумайтесь в ее крушение и унижение! И вы увидите, что русскому народу есть только один исход и одно спасение — возвращение к качеству и его культуре...

И готовить восстановление России — значит прежде всего готовить себя самого к качественному служению Родине; готовить свой характер, свой разум, свое чувство, свою волевою идею. Имя этой волевой идеи — русское качество...»

Насколько это злободневно и сегодня!

С. Н. ИКОННИКОВА,

заведующая кафедрой культурологии Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор, академик РАЕН

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Встречи с Д. С. Лихачевым всегда становились событиями необычайной важности, среди которых были выступления и беседы, интервью по телевидению, лекции и научные доклады. Память бережно хранит не только суть его позиции в защиту культуры, колоссальную эрудицию, доказательность аргументов, но и энергетический заряд интонаций, тихую, но очень настойчивую речь, великолепный русский язык, почти утраченный нашими современниками. О чем бы ни говорил Д. С. Лихачев, во всем проявлялась главная

идея — стремление пробудить в слушателях бережно-духовное отношение к историческому наследию русской культуры, благоговение и почитание культурных ценностей, любовь к Отечеству, желание принять участие в возрождении культуры России.

Внешний облик Д. С. Лихачева тоже отражал особенности его характера. Сохранилось немало фотографий, прекрасно передающих присущий ему стиль: строгий костюм, всегда белоснежная рубашка, неприметный галстук, иногда шерстяной пуловер. Все очень просто

и удивительно элегантно. В последние годы он опирался на трость — и это вполне органично дополняло его облик. Высокий и мудрый лоб, пронзительные серые глаза, благородная седина, тщательно выбритое лицо, открытая улыбка — все свидетельствовало об искренней приветливости, общительности, доброжелательности.

Речь и голос Д. С. Лихачева оставляли неизгладимое впечатление. Его речь была правильной, но не казенной, в ней не было стертых понятий, стереотипных выражений, досадных оговорок, неверных ударений, сложных оборотов и научных терминов, лишних иностранных слов. Она была строгой и последовательной, неторопливой и внушительной, мудрой и обстоятельной, вызывала в слушателе чувство причастности к размышлению.

Голос звучал негромко, временами тихо, но очень мелодично и внятно, тембр был приятным и располагал к вниманию. В беседе, ответах на вопросы он проявлял заинтересованность, никогда не был равнодушным и безразличным, стремился убедить, но не навязывать своего мнения. Взгляд его был сосредоточен на собеседнике, а очки дополняли и даже придавали его лицу выражение значительности. В общении он держался неизменно вежливо, деликатно и предупредительно, что вызывало восхищение собеседников и слушателей. Вместе с тем, он умел «держат дистанцию», не допуская чрезмерного сближения и всегда оставаясь верным самому себе. Таким он запомнился, таким хранит его облик память современников.

Д. С. Лихачев был истинным патриотом, любил Россию и гордился своим Отечеством, но особенную привязанность и любовь он испытывал к Санкт-Петербургу. Это был город его детства и молодости, учебы и военных испытаний, профессиональной судьбы и признания, любви и дружбы, забот и огорчений, драм и трагедий, побед и поражений, авторитета и почитания. Его мысли и идеи, труды и взгляды, облик и образ жизни были воплощением петербургского стиля. Еще в начале 1990-х годов он стал одним из идейных вдохновителей возрождения Петербурга. Он посвятил этому замечательному делу немало статей, книг, выступлений, перечислил авторский гонорар за издание монографии «Поэзия садов» на счет Международного благотворительного телемарафона «Возрождение».

Он любил подчеркивать уникальность и таинственность нашего города. Огромные площади, просторные и прямые, как стрелы, улицы, припавшие к воде набережные. Этот стиль соединился с русским национальным

характером, стремлением к простору, размаху, перспективе, ориентации на вершину — будь то собор, шпиль, колокольня, башня. Соединение водной горизонтали и небесной вертикали выражает отличительную черту духовного облика Петербурга. Исторический центр, замечательные «Острова Красоты», каналы и набережные, дворцовые ансамбли и парки создают неповторимый узор города и его европейский образ.

Д. С. Лихачев считал бессмысленным спор о том, принадлежит ли Россия к Европе или к Азии. Русская культура при всем многообразии народов и национальностей, религий и вероисповеданий, степных, лесных и горных ландшафтов, морских и речных просторов, языков и диалектов имеет внутреннее единство. Нет смысла искать географические границы Европы на Урале или в горах Кавказа. На всем российском пространстве существует общая российская культура, именно она соединяет всех в единую страну при уникальности каждого народа. Свобода личности, толерантность, заинтересованность и доброжелательность стали основными особенностями европейского типа культуры.

Европейский характер русской культуры выражается в ее открытости к восприятию других культур, к их объединению, изучению, сохранению и частичному усвоению. Запад и Восток, Север и Юг образуют мощные потоки взаимодействия культур, проницаемые для обмена и распространения, доступные для понимания и развития личности.

Еще в 1990 году, размышляя о будущем, Д. С. Лихачев высказал очень важный прогноз: «Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющее талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которым должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести — вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке»¹.

Д. С. Лихачева называли «совестью России», он обладал необычайной способностью мыслить перспективно, оценивать тенденции развития, предостерегать от односторонних и предвзятых суждений, верить в торжество гуманности и мира.

¹ Лихачев. Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 6.

Т. Г. КИСЕЛЕВА,

ректор Московского Государственного университета культуры
и искусств, доктор педагогических наук, профессор,
Заслуженный работник культуры РФ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

К числу наиболее значимых цивилизационных тенденций современности следует отнести процессы глобализации и информатизации, находящиеся в диалектическом единстве и взаимообусловленности. Именно их синтез все в большей степени определяет генеральное направление социального развития человечества на ближайшую перспективу.

По мнению А. А. Пелипенко, глобализация как явление вовсе не является чем-то уникальным и присущим исключительно современной эпохе. Стремление к неограниченному росту, экспансии и бесконечной ассимиляции любого инокультурного материала свойственно всякой культурной системе. Многократные подтверждения тому явлены в человеческой истории, начиная с древневосточных империй и заканчивая совсем недавним прошлым. Так, Советский Союз пытался осуществить глобализаторский проект в рамках идеологии мировой революции, а затем «программы-минимум» — мировой системы социализма.

Чтобы адекватно оценить и осмыслить современную ситуацию, мы должны определить, какие черты современных глобальных процессов наследуются из исторического прошлого и в чем состоит их инновационная специфика.

Существует традиционное стремление к языковой, экономической, аксиологической и политической *унификации* разнообразных культурно-исторических форм на основе некоей базовой модели. Реализация этой тенденции в истории выглядит всегда одинаково. На тактическом уровне она создает удобства для управленческих процессов и манипуляций. На стратегическом же уровне она приводит к губительной *гомогенизации культурного пространства*, т. е. истощению внутренней разнородности (разности потенциалов), что неизбежно приводит к угасанию, распаду и смерти культуры. Кроме того, этнос метрополии — автор базовой культурно-цивилизационной модели как «общего знаменателя» глобализации — всегда платит за гегемонию блокировкой развития национальной культуры. Так было всегда — и у древних персов, и у византийцев, и в СССР. Нет ничего удивительного, что в подобной ситуации находят современные США. Вполне исторически преемственным является и то обстоятельство, что современный глобализационный процесс не имеет *имманентной конечной цели*. Поэтому

рубежи глобализации могут быть поставлены только *извне*.

Вместе с тем, мы должны отметить и ряд совершенно особенных черт, присущих современным глобализационным процессам. Все прежние глобализационные проекты в истории осуществлялись *в эпоху идеалов*, и, следовательно, по своим формам носили *идеократический* характер. Главным средством реализации такого проекта было прямое военно-политическое насилие, а его историческим воплощением — теократическая империя. Теперь же, когда эпоха идеалов сменилась *эпохой интересов*, прямое военно-политическое насилие оказывается средством неадекватным, и ему на смену приходит *неолиберальный* проект глобализации. При анализе современных тенденций следует учитывать следующие факторы:

1. Глобальные процессы разворачиваются на фоне приближения *системного кризиса всей человеческой цивилизации*, который, по усредненным подсчетам, должен произойти около 2025–2030 гг. (расчет группы С. П. Капицы и др.).

2. Важнейшим фактором современного культурного климата является постмодернизм, который давно перестал быть узкой интеллектуальной модой и теперь представляет собой главную форму стихийного мировоззрения большей части образованного человечества.

3. Одним из определяющих факторов структурно-качественных трансформаций культурно-цивилизационных параметров современного мира и самой психики человека ближайшего будущего следует считать *экранную революцию*, сопоставимую по своей значимости разве что с возникновением письменности.

Но виртуализация реальности, подобно любой социально-информационной технологии, является амбивалентным процессом, обладает двойным назначением, т. е. характеризуется не менее мощным социальным негативом. Благодаря новому информационному режиму современный социум становится пронизываемым для любых информационных импульсов. Информационное общество, обретя невиданную ранее свободу, единство в многообразии, динамизм развития, обрело и новую степень уязвимости перед деструктивными факторами и различными социальными

девиациями. Негативные факторы, получившие в глобальной системе новые стимулы и возможности, разнообразны, их диапазон простирается в границах от международного терроризма до хакерства, стандартизации культурных ценностей, распространения манипулятивных технологий и т. п.

Степень и характер включения современной России в мировые процессы имеет особое значение. Конкретные социально-экономические, демографические и политологические аспекты этой темы уже достаточно хорошо исследованы. Вместе с тем, общие параметры исторической ситуации, в которой оказалась наша страна, остаются совершенно недостаточно интерпретированными. Следовательно, отсутствует и «сетка координат», в которой может быть осмыслено будущее страны перед наступлением глобальных процессов. Здесь достаточно указать всего на один, лежащий на самой поверхности парадокс: империя умерла, а имперское сознание — нет. Стоит взглянуть на все, казалось бы, необъяснимые кульбиты российской внешней и внутренней политики сквозь призму этого полусознанного парадокса, как очень многое становится понятным.

Проблема будущего России в контексте глобальных процессов тесно связана с проблемой ее исторического предназначения. Здесь нам, прежде всего, необходимо определиться с ключевым вопросом — хотим ли мы строить для себя комфортные мифы и пребывать в них, или мы все-таки готовы понять и принять действительное положение дел. Первый путь не для профессионала, хотя многие ученые, вполне следующие принципам объективности в своих предметных областях, съезжают на мифологическо-идеологические рельсы, когда речь заходит о дискуссионных вопросах. Но способность к рефлексии в масштабах, недоступных обыденному сознанию, не освобождает от обязанности смотреть фактам в лицо и не подменять образ реальности идеологическими конструкциями.

Очевидно, что мировое сообщество еще не овладело в полной мере новыми инструментами социального управления, не освоилось с реальностью глобальной информационной системы, не научилось обуздывать своеволие информационных игроков. Необходимо формирование информационной культуры, этики виртуальных коммуникаций, новых знаний и умений, профессий и технологий. Именно в этом направлении развития общества и личности находится источник социального оптимизма.

Как процесс многогранный и необратимый, глобализация характеризуется такими явлениями, которые обуславливают собой неодно-

значное отношение к ним. Осознавая сильные стороны, т. е. позитивные моменты влияния новых информационно-коммуникативных технологий на сферы образования и состояние культуры повседневности, многие ученые испытывают тревогу по поводу негативных тенденций глобализации в целом. К их числу относятся такие феномены, как информационная неупорядоченность и утрата критериев отбора информации. Намечается явный разрыв между технологическим потенциалом информатизации социума и личностными характеристиками глобализации применительно к состоянию культуры.

Глобальная информационно-коммуникационная система кардинально меняет условия для культурного обмена и взаимодействия, образования, бизнеса, межличностного общения, все более стирая пространственные, временные, социальные, языковые и иные барьеры, формируя единое информационное пространство.

Позитивное значение данных процессов трудно переоценить. Благодаря им огромные пласты людей были вызволены из информационно ограниченного круга бытия с преобладанием материальных, социальных параметров и погружены в постоянно расширяющееся информационное пространство нового времени. Наш современник получил возможность постижения мира в режиме онлайн и интерактивного участия в процессе культурогенеза, границы его восприятия постоянно расширяются. Все это дает потенциальную возможность каждому строить стратагеми своей социальной деятельности, самореализации в соответствии с как никогда ранее многоплановой информацией (Н. А. Сляднева).

Единое информационное пространство как важнейший компонент и фундамент глобализации можно считать величайшим «географическим открытием» новейшего времени, соизмеримым с открытием и освоением новой среды обитания и деятельной экспансии человеческой цивилизации. Виртуальная реальность является по сути новой средой, стихией, которая вслед за сушей, водным миром, недрами, воздушным и космическим пространствами на порядки расширяет ноосферу, возможности для социального креатива. Это диктует и приоритеты в национальной политике, экономике, социокультурном развитии, образовании. Владение новыми информационными технологиями, эффективное встраивание России в глобальную информационно-коммуникационную систему является условием ее процветания, равноправного участия в мировом сообществе.

Таким образом, можно выделить следующие формы проявления глобализации.

Во-первых, принципиальные изменения в сфере коммуникаций привели к интенсивному обмену информацией, различного рода знаниями, а также к появлению информационного общества, сменившего индустриальное.

Во-вторых, кардинальные изменения произошли в сфере мировой экономики, которая представляет собой единую планетарную систему, элементы которой взаимодействуют друг с другом в «режиме реального времени» (М. Кастельс).

В третьих, отмечается интенсификация интеракционных процессов между различными культурами, народами, этносами. Мир превращается в глобальный, мультикультурный. Произошли существенные изменения в сфере образования, связанные с развитием электронных средств связи, дистанционным образованием и развитием массовых коммуникаций.

Московский Государственный университет культуры и искусств функционирует в ситуации, когда преодоление девальвации куль-

турного наследия становится насущной педагогической проблемой. В решение этой актуальной и сложной проблемы включен весь профессорско-преподавательский состав.

На фоне социальных и культурных изменений, происходящих в России, отрадно отметить, что сферы культуры и образования имеют хорошие перспективы и замечательные культурные традиции. Какие бы экономические трудности не вставали на пути академической науки и образования, продолжают сохраняться гуманистические идеалы русской интеллигенции и традиции, связанные с научной деятельностью и духовным наследием академика Д. С. Лихачева. Продолжают развиваться научные контакты между российскими университетами, в частности, укрепляется научное сотрудничество между Московским государственным университетом культуры и искусств и Санкт-Петербургским гуманитарным университетом профсоюзов, под эгидой которого проходят Международные Лихачевские чтения.

Д. Н. АЛЬ (АЛЬШИЦ),

член Союза писателей Санкт-Петербурга, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ: УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Я познакомился с Дмитрием Сергеевичем очень давно. В 1937 году я поступил в университет и учился у замечательного историка, одного из основоположников истории русского летописания, профессора Михаила Дмитриевича Приселкова. Одна из моих курсовых работ называлась «Роль Куликовской битвы в определении национального самосознания русского народа». Когда я этим занимался, то мне пришлось обратиться к литературным источникам, в частности, к знаменитому произведению древнерусской литературы «Задонщина», где описывается Куликовская битва. Михаил Дмитриевич Приселков посоветовал мне: «У нас на историческом факультете работает молодой литературовед Дмитрий Сергеевич Лихачев, сходите к нему на консультацию».

С тех пор никогда не прекращалась наша совместная работа в области древнерусской истории и литературы. Через десять лет, в 1947 году, я, вернувшись с фронта, поступил в аспирантуру Публичной библиотеки, продолжая интересоваться древнерусской рукописной книгой. Мне удалось найти заметки, которые Иван Грозный делал на летописях, зачеркивал то, что написали летописцы. Когда я защищал кандидатскую диссертацию

в Институте истории Академии Наук, оппонентом был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Я со страхом ждал, что он скажет. А он вышел на кафедру, встал в воинственную позу и произнес очень одобрительную речь, всячески меня поддержал. Диссертацию я защитил, потом подошел к нему и спросил: «Дмитрий Сергеевич, а почему Вы в такой странной позе стоите? Я даже испугался поначалу». Он ответил: «А у меня фурункулы, я не могу разогнуться».

Дмитрий Сергеевич вообще был человек очень живой, с огромным чувством юмора, любил все веселое. Однако сейчас я хочу сказать об очень важных вещах, связанных с его работой. Я уверен, что если спросить: «Какая профессия была у Дмитрия Сергеевича Лихачева?», все ответят, что он был литературоведом. Но он всегда протестовал против этого и часто говорил: «Я не литературовед». А кто же? Историк литературы, в частности, древнерусской, — процесса ее развития, движения, взаимозависимостей внутри нее. Ему удалось совершить грандиозное научное и историко-культурное дело. В этой области работало много замечательных ученых, но Дмитрий Сергеевич сумел вписать древнерусскую литературу в современную культурную жизнь,

в современное образование, пробудить к ней огромный интерес. Более того, он сумел спасти изучение древнерусской литературы и древнерусской истории в то время, когда было очень трудно ею заниматься.

В конце 1930-х годов историческая наука была под строжайшим идеологическим надзором. В частности, было не принято заниматься древнерусской историей, считалось, что это неактуально. В журналах не печатали труды историков, занимавшихся древностью, книги старались не издавать, и эта свеча — изучение древнерусской литературы и истории — могла погаснуть. Это продолжалось долго, и после войны много лет было непопулярно заниматься этим.

Историческая наука, касавшаяся древних периодов, перестала выходить. И Дмитрий Сергеевич Лихачев был практически единственным человеком, который спас историческую науку, изучавшую допетровский период.

Могу даже прочесть стихотворение, которое позднее фигурировало в «капустнике» исторического факультета, на котором присутствовал Дмитрий Сергеевич Лихачев. Оно ему очень понравилось. Выходил человек, на нем была большая обложка журнала «Вопросы истории», только между этими двумя словами было написано «без», то есть «Вопросы без истории». И этот человек пел песенку:

Историки-братишки,
 Не стало терпелу,
 Нет на меня подписки,
 По году в киосках лежу.
 А профиль наш похвальный,
 Сомненья в этом нет.
 Журнал стал актуальней
 Сегодняшних газет.
 История нам кажется
 Излишне велика.
 И греки в ней толкаются,
 И средние века.
 Зачем нам эти средние?
 Какой от греков прок?
 Мы пишем про последний,
 Про нонешней денек.
 Молчим об утопистах,
 Молчим про буйный Рим.
 О древних декабристах
 Совсем не говорим.
 С историей разлука
 Была нам не страшна,
 Наука, ты, наука,
 Чужая сторона.

Вот в этих условиях Дмитрий Сергеевич Лихачев сыграл колоссальную историко-культурную роль. Я не преувеличу, если скажу, что сотни замечательных трудов наших тогдашних советских историков-древников были

опубликованы в «Трудах Отдела древнерусской литературы». Кроме того, его стараниями были опубликованы и некоторые книги. В этом, повторю, одна из его величайших заслуг: он сделал актуальной историю древнерусской литературы.

И еще хочу рассказать о том, какая страшная катастрофа могла произойти, но не произошла в значительной степени благодаря Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. В 1961 году тогдашнему директору Публичной библиотеки Виктору Михайловичу Ворошенко пришлось в голову мысль ликвидировать отдел рукописей. Во-первых, с ним слишком много хлопот, всякие иностранцы приезжают, незадолго до этого приезжал из Америки мистер Эванс, основатель и первый директор ЮНЕСКО, а в то время было не принято иметь дело с американцами. Правда, надо сказать, он действительно произвел на всех нас странное впечатление типичного американца, чуть ли не из анекдота, потому что он все внимательно смотрел, а потом спросил: «А сколько это все стоит, если купить?» Нас это шокировало, потому что ни на какие деньги, как вы понимаете, этого купить нельзя, и никто, я надеюсь, этого никогда и не продал бы.

В библиотеке всегда было трудно с помещением и размещением книг, и вот решили освободить 5 огромных залов. Каким образом? Отдел рукописей ликвидировать, а все имеющиеся там рукописи передать в архивы МВД, в основном в Москву. Доступ к этим материалам был бы закрыт. Чтобы представить значение этих материалов, достаточно сказать, что там есть так называемый «бастильский архив», содержащий документы из истории Франции периода Великой революции. Эти документы собирал во французских монастырях секретарь русского посольства Петр Петрович Дубровский, который также по просьбе русских меценатов покупал многие книги, а потом через Бельгию, Голландию, Германию переправил в Россию. В 1805 году он продал все это Александру I, если не ошибаюсь, за колоссальные деньги — 50 000 серебряных рублей, и стал первым заведующим отдела рукописей, который тогда назывался Депо манускриптов.

В 1918 году французское правительство обратилось к Ленину с письмом, в котором просило вернуть «бастильский архив» во Францию, так как он является национальной ценностью французского народа, на что Ленин вроде бы ответил (факты это подтверждают): «Советское правительство признает, что бастильский архив является национальной ценностью французского народа и торжественно обещает возратить его во Фран-

цию на другой же день после установления там Советской власти». Возможно, это легенда, но очень похожая на правду.

Можно привести еще массу примеров, которые продемонстрировали бы, что такое отдел рукописей Публичной библиотеки. Французские ученые приезжают сюда изучать свою историю, и ученые всего мира приезжают сюда изучать наши рукописи. И все это могло погибнуть для науки, а мы узнали об этом совершенно случайно, от машинистки, которая печатала письма в министерство.

Уже был назначен день отправки. И я пошел к Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, а он

буквально побежал на заседание сессии Академии Наук, которая в это время проходила в Ленинграде, попросил слова, выступил и немедленно собрал подписи протеста 26 академиков. Мы послали правительственную телеграмму Хрущеву, от него пришли какие-то указания. Дело закончилось тем, что сняли с должности заведующего отдела рукописей. Правда, директор библиотеки Ворошенков тогда остался, но он, я думаю, сам понял, что он поступал неправильно, потому что после этого мы с ним стали мирно сосуществовать. Спасибо Дмитрию Сергеевичу и за это дело.

Г. М. БИРЖЕНЮК,

заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор культурологии, профессор

Д. С. ЛИХАЧЕВ КАК ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Наследие такого великого деятеля науки и культуры, каким был Д. С. Лихачев, привлекает и будет привлекать внимание исследователей еще долгие годы. Понятно, что степень осмысления его многогранной деятельности неодинакова по отношению к ее конкретным направлениям и сферам. В полной мере это относится к его просветительской деятельности...

Большинство из нас было свидетелями и участниками той большой просветительской работы, которую Д. С. Лихачев вел практически всю свою жизнь. Это всем памятные вечера в концертной студии Останкино, это его замечательные научно-популярные книги, это его деятельность во главе Фонда культуры и в рамках ряда культурных программ. Впоследствии сюда вошли и выступления перед студентами и педагогами СПбГУП.

Однако, как представляется, наряду с фактами просветительской деятельности Д. С. Лихачев значительный интерес представляет ее осмысление как явления культуры соответствующей эпохи. Это дает возможность воспринять просвещение в конкретном контексте, увидеть истоки и корни этого явления, обрести целостный взгляд на его объективные результаты.

Думается, что Дмитрий Сергеевич являл собой особую эпоху. Можно ли и корректно ли применять это понятие для характеристики не очень длительного по историческим меркам периода?

Думается, что можно. Во-первых, категория «эпоха» применяется не только для обозначения неких хронологических рамок, прежде всего для характеристики той или

иной культурной целостности, обладающей качественной определенностью и отличающейся от сопредельных эпох.

Во-вторых, по временным параметрам применение категории «эпоха» имеет тенденцию к сокращению своего собственно хронологического содержания, что имеет объективную основу в виде растущей динамичности исторического процесса. Если сравнить такие эпохи, как палеолит, неолит, средневековье, эпоха Просвещения, то нетрудно заметить, что каждая последующая эпоха становится короче по времени, но насыщенней по событиям. XX век в этом отношении особенно показателен — две мировые войны, распад империй, в том числе СССР, атомные катастрофы и т. д.

Таким образом, у нас есть определенные предпосылки, точнее, отсутствие принципиальных препятствий для того, чтобы осмыслить деятельность Лихачева как определенную эпоху.

Какую же эпоху олицетворял, воплощал, а возможно, и создал Дмитрий Сергеевич? Рискну высказать предположение, что это была эпоха Просвещения в России XX века.

Что дает основания для такой гипотезы?

Известно, что эпоха Просвещения наступила вслед за Средневековьем. Возможно ли наступление эпохи Просвещения в XX веке? Думается, что возможно, и для такого вывода есть определенные основания.

Прежде всего отметим, что Просвещение носило не однозначно хронологический, а *стадиальный* характер. Это значит, что многие страны пережили, но в разное время, эпохи, аналогичные западноевропейскому

Просвещению XVIII в. Просвещение имело место там и тогда, где и когда наблюдался переход от Средневековья к Новому времени.

Значит ли это, что эпоха Просвещения бывает лишь единожды в истории? Скорее всего, не значит. Думается, Просвещение бывает столько раз, сколько раз бывает Средневековье. А оно, бывает, возвращается. Пастернак писал: «имеет каждый век свое средневековье...», и для такого вывода у него были все основания. Эта эпоха затронула судьбы поколений, и Дмитрий Сергеевич ее не избежал...

А следом наступила иная стадия Средневековья — не было массовых расстрелов и лагерей, но были феодалы в ранге первых секретарей обкомов, был полный контроль над информацией, отсутствовала свобода передвижения, свобода совести и т. д. Сказанное отнюдь не означает, что эпоха по мрачности была равна тому самому Средневековью, но по ряду параметров с его характеристиками совпадала. Таким образом, в принципиальном плане нет оснований с порога отвергать мысль, что Просвещение может стать определенной философией и идеологией в эру атомных электростанций и полетов в космос.

Логика научного анализа всегда побуждает к поиску историко-системных аналогий. И тут неизбежно возникает искушение сравнить рассматриваемое явление, которое можно условно назвать «Эпохой Просвещения XX века» или «Эпохой Лихачева», с эпохой европейского Просвещения.

По ряду параметров можно зафиксировать существенную степень сходства.

Во-первых, для просветительской доктрины, мировоззрения и философии просветителей характерен *премат ценностного над познавательным*. Еще предшественник Просвещения ренессансный гуманист Петрарка руководствовался максимой: «Лучше хотеть добра, чем знать истину», согласно которой знания должны быть не просто связаны с моралью, но подчинены ей. Аналогично делали просветители. У Вольтера есть тезис: «Добродетель ценнее знаний». Известно, что Дмитрий Сергеевич во всех своих поступках всегда руководствовался именно этой максимой.

Во-вторых, *характерной чертой* французских просветителей-классиков был их энциклопедизм. Недаром символом деятельности французских просветителей стала знаменитая «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера, носившая подзаголовок «Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Если обратиться к работам Лихачева разных лет, то нельзя не поразиться той широте воззрений, которую он демонстрирует в своих работах, легкости, с которой он входит в сопредельные области знания.

Наконец, просветительские взгляды Дмитрия Сергеевича роднит с традициями Европейского Просвещения представление о культуре как самостоятельной сфере духовной деятельности, имеющей огромное значение для общества. Европейские мыслители (А. Вольтер, Дж. Вико, Ш. Л. Монтескье, И. В. Гете, И. Г. Гердер, В. Гумбольдт, Ф. Шиллер) рассматривали культуру как духовное богатство общества и внутреннее достояние человека, основанное на его постоянном стремлении к истине, добру и красоте. Через культуру человек преодолевает природную ограниченность и однократность своего существования, осознает свое единство с природой, обществом, другими людьми, с прошлым и будущим. И можно сказать, что Лихачев существенно расширил и обогатил этот подход, сформулировав известное положение о том, что вне культуры настоящее и будущее народов, этносов и государств лишается смысла.

Но здесь, если отвлечься от некоторых частностей, сходство кончается, и дальнейший бинарный анализ этих двух феноменов — Европейского Просвещения и Эпохи Лихачева — начинает высвечивать их существенные различия.

Анализ этих различий дает нам определенный ключ к пониманию не только природы и сущности просветительской доктрины Д. С. Лихачева, но и кризиса русского просвещения второй половины XIX века. Об этом кризисе упоминают редко, но много написано и сказано о кризисе народничества. Знал ли об этом кризисе Г. В. Плеханов, много сделавший для идейного разгрома народничества? Думается, знал. Но вопросы политической борьбы, политической конъюнктуры побуждали его направить острие критики не столько на Просвещение, сколько на выразителей его идей — народников.

Чуть подробнее об этом.

Расцвет русского просветительства падает на 60-е годы XIX в. (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и их единомышленники). Мировоззрение шестидесятников XIX в. — наиболее зрелые, классические формы Просвещения в России. При этом они осознавали, что русское Просвещение отражало не только внутренние противоречия российского общества, но и противоречия между самосознанием русского общества и практикой общественной жизни более развитых западноевропейских стран, в которых в эти десятилетия существовали уже достаточно зрелые формы постпросветительского типа, в первую очередь разные течения уже определившейся буржуазной, а также антибуржуазной социалистической мысли.

Как представляется, эта специфика русского Просвещения 1840–1860-х годов предопределяет также особенности его кризиса в пореформенные десятилетия.

Кризис русского Просвещения 1860-х годов — в значительной степени аналог того кризиса, который пережило французское Просвещение под влиянием революций конца XVIII в. Только кризис русского Просвещения не был во всем повторением кризиса французского Просвещения, прежде всего в силу *специфических* отличий русского Просвещения от классической модели.

В силу «нечистоты» русского Просвещения, наложения на его теорию, мировоззрение, идеологию идей постпросветительского типа близкий кризис русского Просвещения был не только предопределен, но в определенном смысле элементы этого кризиса стали проявляться в русской просветительской мысли еще на восходящем витке ее развития.

Первые симптомы кризиса только что оформившееся русское Просвещение испытало в ходе революции 1848 г. Носителем симптомов этого кризиса стал А. И. Герцен. К 1848 году А. И. Герцен был уже типологически настоящим русским просветителем. Преодолев изначальную двойственность своих устремлений к «дневному свету разума» или к «лунному свету мистического откровения», т. е. борьбу рационалистически-просветительского и религиозно-романтического начал, Герцен переходит в конце 1830-х годов на «западнические», а точнее, на просветительские позиции. Типично просветительский лозунг: «Да здравствует разум!» — чисто просветительская установка на то, чтобы все понять, осмыслить «через горнило сознания» — стал его главным лозунгом. Особенно отчетливо просветительство проявилось в трактовках Герценом проблемы великого единства развития рода человеческого, проблемы Восток — Азия — Запад, Европа — Россия, проблемы личности как вершины исторического мира и проблемы разумного эгоизма. В эти годы Герцен активно использует типично просветительскую терминологию: «естественное» — «неестественное», «искусственное» и т. д.

После 1848 г. ситуация существенно изменилась. В том, что называют «духовной драмой» Герцена, усматриваются отчетливые черты кризиса прежней просветительской доктрины Герцена 1840-х годов.

Кризис просветительства Герцена проявился в первую очередь в отходе от просветительской идеи примата политического (от «политического катехизиса» и «алгебры прав человека») над социальным и появлению склонности к идее примата социального, а также в сомнениях во всемогуществе разума.

Можно сказать так: то, что появилось у Герцена преднароднического — это результат кризиса его просветительской позиции.

Но симптомы кризиса, которые проявились у Герцена в эмиграции, не переросли в кризис всего русского Просвещения. К 1860-м годам оно, наоборот, достигло пика своего развития. Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев — это просветители, вполне сопоставимые по принципам их учений с типичными западноевропейскими просветителями-классиками, разумеется, с поправками на российскую специфику.

Кризис классического Французского Просвещения XVIII в. проявился прежде всего в наступившем разочаровании в разуме, его способности постичь и перестроить действительность. На рубеже 1860–70-х годов аналогичный процесс наблюдался и в России. И здесь наступил кризис просветительского культа разума.

Во-первых, просветителям всегда был присущ безграничный рационализм. Кант, в частности, считал, что «Просвещение заключается в максиме самосохранения разума», и девиз Просвещения усматривал в лозунге: «...Имей мужество пользоваться собственным умом!»

Со временем дело дошло до того, что предлагалось заменить понятие «эпоха Просвещения» термином «эпоха рационализма»...

Во-вторых, антисредневековый, антифеодалный характер мировоззрения просветителей проявился в их свободомыслии, антиклерикализме и антитеологизме. Наиболее последовательные, радикальные просветители доводили свое свободомыслие, антиклерикализм и антитеологизм до атеизма...

В-третьих, Просвещение антропоцентрично, а учение о человеке — центральная часть его доктрины, в том числе философии. *Антропоцентризм* — исходная и главная аксиологическая установка просветительского мировоззрения. На человека выходят, на нем в конечном счете замыкаются не только политические, правовые, социальные, но и самые отвлеченные онтологические, натурфилософские и гносеологические принципы. Перенос центра тяжести философии с проблем бога, космоса, природы, субстанции на человека — вот в чем проявился антропоцентризм просветительской философии.

Но все-таки учение, в котором хозяином своей судьбы, кузнецом своего счастья выступает существо, мало отличающееся от кролика, от червяка, от насекомого, не могло со временем не продемонстрировать своей ограниченности, своей неадекватности. Поэтому со временем просветительская антропология не могла не впасть в кризис.

В чем же суть просветительской парадигмы Д. С. Лихачева, ее отличие от классического европейского и русского Просвещения?

Вначале одно небольшое замечание. Культура и технология современного гуманитарного исследования предполагают наряду с работой в библиотеках и архивах обращение к так называемым распределенным информационным ресурсам, носителем которых является всемирная сеть. Пользуясь одной из поисковых машин, автор доклада набрал запрос в форме «просвещение», и ответ сети был удивительно скуден. В основном это были ссылки на Министерство просвещения. А вот запрос в форме «просветители» вывел на более чем полторы тысячи ссылок. Практически все они касались русских православных святых. Трудно судить, были ли все просветители святыми, но, судя по некоторым данным, все святые были просветителями. Это дает еще один ориентир для анализа просветительской деятельности Дмитрия Сергеевича.

Ее характерная черта — в продолжении традиций собственно российского просветительства, которое изначально рассматривало этот термин не как аналог воспитания или развития, а в принципиально ином смысле. Этимологически «воспитание» восходит к слову «питание», т. е. кормление (и так оно звучит в ряде европейских языков), а значит — наполнение человека знаниями, умениями и т. п., «развитие» означает раскручивание, распрямление тех сил и способностей, что уже есть в человеке. Просвещение — это еще одна грань. Ее очень хорошо выразил Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями», где он пишет, что воспитать — это высветить в человеке самое главное, сущностное. Именно так можно воспринимать все, что делал Д. С. Лихачев. Особенно это касается его книг и статей, обращенных к молодежи и детям — «Земля родная» (книга для учащихся), «Заметки о русском», «Письма о добром и прекрасном», «Раздумья».

Знание в творчестве Дмитрия Сергеевича всегда двуедино. Оно выступает и как результат поиска абсолютной истины, и как ресурс просветительства. Именно это объединяет два во многом противоположных вида деятельности — научную и просветительскую...

Его работы о «Повести временных лет», митрополите Иларионе, Владимире Мономахе, «Молении» Даниила Заточника, «Слове о полку Игореве» и многие другие — это, с одной стороны, результат серьезного научного поиска и осмысления фактов, с другой — они совершили своеобразную революцию в умах. Произведения, созданные сотни лет назад, говорили на языке, понятном миллионам, и

тем самым открыли неведомые многим прежде глубины.

Он принципиально отвергал чистый рационализм, который, как мы уже отмечали, был стержнем философии Просвещения. Во время одной дискуссии он заметил, что марксизм — это самое пессимистическое учение, потому что считает, что материя первична, а дух — вторичен. И добавил, что на самом деле дух первичен, а материя — вторична.

Каковы же результаты этой просветительской деятельности Д. С. Лихачева?

Надежных и объективных критериев нет, но обращают на себя внимание некоторые явления. В частности:

— он вернул доверие к слову, которое было основательно подорвано в течение многих десятилетий так называемыми учеными-обществоведами, газетами, пропагандистами, в том числе лекторами по распространению знаний — худшей пародией на просветителей;

— он превратил просветительство в реальную силу, обладающую воздействием на умы и даже на те или иные области жизни. В 1942 году он вместе с искусствоведом М. А. Тихоновой написал брошюру «Защита древнерусских городов», которую спустя несколько дней бойцы читали в окопах и черпали в ней как конкретные сведения, так и моральные силы;

— он являет собой образец просветителя-заступника. Он защищал Екатерининский парк, Петергофский парк, Невский проспект, малые города, библиотеки, малые народы;

— он предвосхитил многие явления, которые составили рассматриваемую нами Эпоху Просвещения. Это и неповторимые вечера В. Лакшина, время «Нового мира», передачи «Очевидное-невероятное» С. П. Капицы и многое другое. Все это формировало исподволь новое состояние сознания населения, которое проникалось великими идеями и примерами прошлого и начинало ощущать себя народом. Как говорил один политик эпохи Лихачева, «процесс пошел», и в XXI век мы вступили во многом иными еще и потому, что нам посчастливилось жить в ту замечательную эпоху;

— он утвердил в общественном сознании представление о гуманитарной науке как новой и непреходящей ценности в жизни общества;

— трудно переоценить все, что сделано им для культуры. Это, прежде всего, Декларация прав культуры, которая, кстати, отражает скрытую полемику Лихачева с ценностями европейского просвещения и его наследницы — либеральной идеи. Если ее высшим достижением стала «Декларация прав человека», утверждающая примат части над целым, то Дмит-

рий Сергеевич стал вдохновителем и автором «Декларации прав культуры», каждой строчкой утверждающей приоритет целого — культуры — над частью — человеком;

— особое место в его просветительской деятельности занимает все, что связано со школой. Он с болью наблюдал процессы, происходящие в школе — уменьшение часов на литературу, на гуманитарные дисциплины, многократно подчеркивал, что гимназия начала века давала более основательное образование. Не случайно он принял участие в разработке культуроцентристской концепции образования и воспитания, принятой в нашем Университете. Думается, что современная школа еще не восприняла до конца идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева...

Непрерывной и неотложной задачей школы становится возрождение гуманитарного образования и прежде всего *дисциплин эстетического цикла как базиса школьной системы* в обеспечении общего культурного развития личности.

Мы и сегодня далеко не во всех сферах настолько продвинулись, чтобы считать, что все идеи Просвещения применительно к нашим условиям уже вполне устарели. Поскольку и сейчас, скажем, реставрируется как религиозная метафизика, так и метафизика классического типа и еще более отсталых типов, вплоть до средневековых, остаются нерешенными до конца некоторые задачи эпохи Просвещения, остается объективная почва для функционирования идей просветительского типа. Многие из просветительских идей еще сослужат добрую службу делу прогресса общечеловеческой культуры и цивилизации и у нас в стране. Их развитие и реализация на практике — величайшая заслуга Дмитрия Сергеевича и его урок всем нам.

Известно, что история — это смена эпох. За эпохой Лихачева наступает иная эпоха. Какая? Историки знают, какая эпоха следует за эпохой Просвещения. Остальные либо предчувствуют, либо надеются. Но это уже тема иного доклада...

А. П. МАРКОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор педагогических наук, доктор культурологии

НАУЧНЫЕ ИДЕИ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА КАК РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

У известного психолога и писателя Э. Эриксона есть концепция, согласно которой источником гениальности является определенное подобие человека и времени, когда личностная боль будущего гения резонирует с такой же болью общества. В таком случае модель индивидуального исцеления становится одновременно проектом духовного исцеления культуры и общества в целом. Так было во времена Реформации, когда Лютер, переживая и изживая собственный кризис идентичности, помог западной Европе обрести новые ценностные основания бытия, заложив тем самым мировоззренческую основу современной западной цивилизации. И личностей такого масштаба история знает немало.

Именно таким человеком был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Не случайно после кончины о нем писали, что это был человек-эпоха, что вместе с ним ушла вся цивилизация, последним представителем и душой которой он был.

Интересно, что основополагающий акцент начинающего ученого был связан, как он сам вспоминает, с размышлениями о таинственной сути формулы Нового завета «В Начале

было слово». Именно слово стало Началом биографии Дмитрия Сергеевича как ученого, именно пронзительное Слово, отягощенное болью за судьбы культуры, завершило путь этого выдающегося человека.

Многим может показаться, что Д. С. Лихачев свои научные интересы ограничивал узко специализированным знанием. Однако, занимаясь вопросами текстологии, литературоведения и искусствознания, он с первых своих печатных работ выходит на многомерный и универсальный контекст отечественной культуры. Не случайно его интересуют прежде всего судьбоносные для становления отечественной культуры периоды, привлекает человеческое содержание и смысл литературы, искусства, философии, религии. Не случайно в название многих книг Дмитрий Сергеевич включает слово «культура». Стоит назвать такие его фундаментальные труды, как «Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.)» (1946), «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947); «Человек в литературе Древней Руси» (1958); «Культура русского народа X–XVII вв.»

(1961); «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.)» (1962); «Слово о полку Игореве и культура его времени» (1978); «Заметки о русском» (1981); «Прошлое — будущему» (1985).

Культурологические идеи академика Лихачева неисчерпаемы. К сожалению, в докладе я смогу обозначить лишь самую малую долю того огромного мира идей Дмитрия Сергеевича, которые имеют отношение к поставленной в докладе проблеме.

Д. С. Лихачев первым в новейшей истории России обосновал культуру как духовный базис общенационального бытия. Вне культуры, неустанно подчеркивал он, настоящее и будущее народов и государств лишается смысла.

Дмитрий Сергеевич убедительно показывает, что развитие культуры осуществляется через хаос к гармонии, через просветление высшего смысла, через совершенствование формирующей человека культурной среды; через возрастание организованности культурных форм, увеличение личностного, гуманистического начала — или «сектора свободы».

Он раскрыл особую роль национального языка, мир которого удерживает культуру как целостную систему, концентрирует культурные смыслы на всех уровнях бытия — от нации в целом до отдельной личности.

Д. С. Лихачев обосновал значение культурного диалога как ведущего условия саморазвития культурной системы — чем больше у культуры внутренних и внешних связей с другими культурами, тем богаче она становится, тем выше поднимается в своем историческом развитии.

Дмитрий Сергеевич, подчеркивая европейский характер тысячелетней русской культуры, вобравшей в себя христианские идеалы, в то же время раскрывает природу национальной самобытности России, проявляющейся в духовных исканиях народа, в канонах русской эстетики, в религиозном опыте русского православия — в опыте благоговейного отношения к земле, к природе.

Но особенно я хотел бы акцентировать ваше внимание на нескольких концептуальных позициях Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Первое. Глубокий научный потенциал и высочайший нравственный пафос имеет идея Дмитрия Сергеевича о целостности культурных и природных систем, где целое предшествует части, определяя ее сущность и функции. В одной из статей Д. С. Лихачев, размышляя над первой фразой Евангелия от Иоанна «В Начале было Слово», заметил, что Слово в русской культуре — это нечто большее, чем имя вещей. Это нечто, предвещающее саму действительность, это Логос,

идея, определяющее ее воплощение. На этой мировоззренческой основе впоследствии родилась идея целостности культуры и природы, которая, считал Дмитрий Сергеевич, должна стать основой экологии и культурологии. И та, и другая наука должны изучать эту взаимосвязь, понимая мир природы и культуры как целое, видя это целое как Логос, который предшествует бытию, определяя все его реальные проявления. Отсюда Дмитрий Сергеевич выводит принцип высочайшей ответственности человека за разрушение сложившихся в мире взаимосвязей — как материальных, так и духовных (Воспоминания. СПб.: Логос, 2000. С. 300). На базе этой философии Дмитрий Сергеевич обосновал идею духовной и стилистической целостности культуры, которая впоследствии позволила, уже на организационно-правовом уровне, обосновать (в рамках Декларации прав культуры) приоритеты государственной культурной политики.

Второе. Дмитрий Сергеевич сформулировал и осуществил важнейший культурологический принцип, согласно которому сущность культуры проявляется и формируется в Слове. Поэтому его тексты — образец гуманитарного знания, т. е. знания о собственных духовных основаниях, отягощенное верой, болью и надеждой самого автора. В этом плане наиболее показательна последняя книга академика — «Раздумья о России», которую можно считать своеобразным духовным завещанием Дмитрия Сергеевича (как известно, рукопись этой книги он передал в издательство 22 сентября 1999 г., за 8 дней до своей кончины). Он отмечал здесь, что «национальные особенности и идеалы культуры» яснее всего выражены в литературе и письменности (с. 58). При этом текст — это не просто зеркало культуры, в котором она предстает в концентрированном виде, но и мощная духовная стихия, преобразующая саму реальность по законам Слова.

Третье. Культурологический пафос последних книг Д. С. Лихачева состоит в утверждении того, что для России вхождение в свою собственную духовную традицию является более актуальным, чем интеграция в так называемый «европейский дом», в духовных пространствах которого переживает агонию европейский рационализм. Более того, своим научным творчеством Дмитрий Сергеевич приблизил нас к пониманию «духовного кода» России.

Четвертое. Фундаментальной культурологической идеей Дмитрия Сергеевича, важной для сегодняшнего самосознания духовной уникальности России, является его утверждение о том, что варианты будущего культуры ко-

ренятся в прошлом. Основной вопрос в отношении к настоящему и прошлому: где мы у себя дома? Дмитрий Сергеевич давал однозначный ответ: наш дом в прошлом. Оттуда мы будем черпать силы, идеи, веру в будущее. «Память — основа совести». В статье «Будущее литературы как предмет изучения» он писал: «Для того, чтобы протянуть очень длинную мысленную линию в будущее, нужно иметь ей достаточно длинный же противовес в прошлом — линию столь же протяженную в прошедших столетиях. Если протянуть мысленные линии из прошлого в настоящее, то некоторые из этих линий окажутся столь устойчивыми по своему направлению, что их можно будет продолжить и в будущее».

Действительно, для обретения идентичности культура должна, прежде всего, вернуть утраченную целостность, исцелиться, т. е. восстановить историческую преемственность, понять и принять свою духовную самобытность и осуществить ее на деле. Восстановление целостности и органичности национально-культурного мира, — писал академик, — «задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», нравственной дисциплины и социальности. Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение экологии культурной» (Лихачев Д. С. Экология культуры // Прошлое — будущему. Л.: Наука, 1985. С. 51).

И в другие времена, когда надо было определить духовные основания национального возрождения, Русь обращалась к прошлым эпохам. В частности, в период всплеска национального самосознания и формирования базовых основ русской национальной культуры (вторая половина XIV — начало XV веков) русские, в поисках опоры для своего культурного возрождения, активно обращались к древности, но не классической, как это делали европейские народы того же периода, решая те же задачи, а к своей, национальной. Дмитрий Сергеевич отмечает, что в тот период возник особый интерес к временам национальной независимости русского народа, к эпохе «своей античности» — к старому Киеву, Новгороду, Владимиру. Обостренным вниманием пользовались произведения XI–XII веков («Слово о законе и благодати», «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и т. д.). В это же время сформировался единый русский былинный эпос, основанный на символах Киевской Руси, центральным героем которого был князь Владимир.

Сегодня перед нами снова стоит проблема утраты историко-культурной целостности, а точнее — духовной независимости нации. Академик Лихачев предлагает нам путь обретения (и осознания) культурной миссии России:

— это прежде всего понимание и принятие прошлого — всякого, в том числе и трагического, постыдного — оно должно войти в актуальное пространство самосознания;

— это поиск в историческом прошлом пиковых состояний государственного и общественного бытия (т. е. самых «здоровых» периодов развития, когда Россия максимально полно выражала своим бытием свое предназначение). Лишь отыскав их, можно перекинуть мост из прошлого через провалы исторического и культурного небытия в будущее. Поиску таких периодов русской культуры и истории и посвятил свою жизнь Дмитрий Сергеевич.

Такой избирательный подход к прошлому закономерен — отечественная история есть своеобразное коллективное повествование, которое разворачивается вокруг определенных событий и личностей, значимых для самосознания народа. Выбор этих эпох, событий и персон не случаен — он подчинен потребности нации в осмыслении ее актуального положения, в понимании ее возможного будущего.

Более того, сами тексты Д. С. Лихачева выступают своеобразным духовным «зеркалом» русской культуры — они являют наш образ, отстраненный во времени; предлагают нам проект нашего будущего.

В биологии есть понятие «ствольные клетки» — это те клетки, которых немного, но которые определяют структуру и функции каждого органа. В них как бы содержится проект, замысел будущей системы.

Так и в культуре — есть люди, чей образ определяет и выражает сущность культуры, ее путь. Эти люди — душа культуры, ее связующая субстанция. Именно таким человеком был Дмитрий Сергеевич.

Чтобы глубоко сомневаться, надо глубоко верить. Он верил в Россию, а потому нередко сомневался в том, есть ли у нее свой, самобытный путь. Он любил Россию, а потому мог позволить себе не всегда приятные для «патриотов» высказывания.

«Многие убеждены, — писал он, — что любить Родину — это гордиться ею. Нет! Я воспитывался на другой любви — любви-жалости. И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься с 1923 года древнерусской литературой и древнерусским искусством. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети, собрать ее

изображения, показать их друзьям, рассказать о величии мученической жизни» (Раздумья о России).

Всесторонне характеризуя русскую культуру, отмечая такие ее черты, как личностный характер, универсализм, открытость и восприимчивость к другим культурам, свободу творчества, Д. С. Лихачев предупреждал о великой ответственности всех нас, живущих в эпоху социальных перемен. «Богатство русской культуры и ее широкие творческие возможности, — писал он, — в ее свободном выборе учителей и путей наследия». «К несчастью, свобода, которой она владеет, состоит также в свободе отречься от чужого и своего, крушить, уничтожать, продавать, сносить, отправлять в безвестность здания, города, села, картины, памятники, фольклор, а затем и самих авторов — интеллигенцию в целом» (Раздумья о России, с. 27).

И сегодня Россия, русская культура на перепутье, где, с одной стороны, противоречивый образ Запада, с другой — не менее противоречивый образ Востока. Какой путь выберет она? А, точнее, какой путь выберем мы, народ, — как справедливо отметил Дмитрий Сергеевич — «непредсказуемой истории»?

В одной из работ Д. С. Лихачев отметил, что нервом и главным содержанием русской литературы и культуры в целом было правдоискательство. Эта черта характерна для всего творчества и жизненного пути Дмитрия Сергеевича. И это очень существенно — слово о Правде делает ее зримой, реальной, воплощенной. Такова природа русского Слова — «по вере вашей да будет вам».

Правда о русской культуре, завещанная Дмитрием Сергеевичем, ждет своего воплощения. В этом залог нашего выбора.

Есть точка зрения, что мир академика Лихачева ушел в небытие вместе с ним. Что вместе с его смертью исчезло ключевое звено в нравственной преемственности русской культуры. Это заблуждение.

Культура — это не только и не столько сообщество живущих здесь и теперь. Это особый духовный мир вне пространства и времени, в котором царствуют люди, «смертию смерть поправ». Это мир Пушкина и Достоевского, Гоголя и Толстого, Блока и Ахматовой и многих, многих других. Эти люди выполнили свое земное предназначение. Их тексты, голоса в любой момент могут зазвучать в нашем сознании, став тем самым явлением живой культуры.

Да, Дмитрий Сергеевич был равен XX веку — российский академик и общественный деятель, узник соловецких лагерей и Герой Социалистического Труда, выдающийся ученый современности, филолог, историк, философ культуры, народный депутат СССР и член академий многих европейских стран, почетный доктор крупнейших университетов Европы, Кавалер международного ордена Святого Константина и ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

Но был Д. С. Лихачев и в другом времени — в большом времени культуры. А точнее, в тех ее пределах, которые неподвластны времени. И в этом мире всегда будет жить тихое и ответственное Слово Академика Лихачева.

Н. Б. ИВАНОВА,

заместитель главного редактора журнала «Знамя»,
литературный критик, кандидат филологических наук

Д. С. ЛИХАЧЕВ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Здравствуйтесь, уважаемые студенты, господа профессора, здравствуйтесь, дорогие петербуржцы. Господин Генеральный консул Франции говорил о том, что такое поиски идентичности для русского человека, живущего в другой стране, к тому же ребенка. Дмитрий Сергеевич Лихачев в момент, когда мы оказались в ситуации, сходной в поисках идентичности, и официально перестали быть советскими, стали искать: кто мы и самоопределяться, оказался чрезвычайно важной для всех фигурой. Здесь говорили о том, что Дмитрий Сергеевич Лихачев — человек, который звал нас самоопределяться в прошлом.

Отчасти это так, но в каком прошлом? Я прекрасно помню трехчасовой фильм по телевидению, где Дмитрий Сергеевич Лихачев откровенно и искренне рассказывал о своем прошлом, рассказывал о Соловках так, как никто и никогда ни до него, ни после него не рассказывал. И думая о нашей идентичности, нужно благодарить Бога за то, что в момент самоопределения нас как народа, с нами был Дмитрий Сергеевич Лихачев, потому что судьба могла повернуться и в сторону национализма, и в сторону ультранационализма, а фигура Лихачева стала фигурой, конечно же, предупредительной. Андрей Вознесенский го-

ворил о памятнике Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Если выбирать памятник, то я бы вспомнила одно из последних интервью Дмитрия Сергеевича Лихачева. Он сидел в Пушкинском доме в своем кабинете в наброшенном зимнем пальто, поскольку был страшный холод и говорил вещи тяжкие и очень трудные. Сегодня, когда мы вспоминаем его, не должны обращаться к мифу, а должны обращаться к реальному Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. В трудности восприятия того, что переживала и переживает страна — его завещание, в этой тревоге. Здесь говорили о русской идее, о том, как ее обрести. Чувствуя себя человеком, который учится у Лихачева, лет 10 тому назад я сказала Швыдкому, который не был еще министром культуры, что единственная русская идея, которая может нас всех объединить — это идея литературы. Для нас фигура Раскольникова — это гораздо больше, чем для кого бы-то ни было в мире. Недаром Президенту Бушу рекомендовали прочесть «Преступление и наказание» перед прилетом в Россию. Может быть, Дмитрий Сергеевич был бы этим доволен, но узнав, какое это «Преступление и наказание», а я думаю, что слегка конденсированное, он был и огорчен. В выборе позиции, куда идти России, фигура Дмитрия Сергеевича Лихачева была чрезвычайно важна. И, конечно, в выборе позиции была очень важна его толерантность, которой он учил всех нас. Здесь господин Генеральный консул Голландии го-

ворил о том, что Россия становится частью Европы, мы становимся все ближе и ближе. В последние 12–15 лет мы объездили Европу и мир так, что этот Университет — примерно сороковой, может быть, даже сорок пятый, от Принстона до Кембриджа, и до гонконгского, в которых я читала лекции. Я благодарна господину Запесоцкому, считаю, что замечательный Университет, с восхищением отношусь к тому, что я вижу вокруг. Но тем не менее, что Россия — часть Европы, это заманчивые, прекрасные слова, чего на собственном примере я не испытала. Ровно две недели назад мне было отказано в визе в замечательную страну Нидерланды абсолютно без всяких оснований. Впервые в моей жизни, когда я как частное лицо, а не как академик русской словесности, первый заместитель главного редактора, не как человек, награжденный Горбачевым орденом «За межнациональные отношения», обратилась в консульство, думая о том, что я теперь часть Европы, зачем мне все эти бумажки. Поэтому я взываю к памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева, чтобы не было двойных стандартов, чтобы в Европе нас ждали так же, как мы ждем Европу здесь, чтобы чтения Дмитрия Сергеевича Лихачева не превращались в словоприношения его памяти. Есть о чем подумать, я считаю, что на других, секционных заседаниях мы об этом поговорим, о плодотворности идей Лихачева и его завещания.

В. Е. ЧУРОВ,

заместитель председателя Комитета по внешним связям
Администрации Санкт-Петербурга

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТЕРБУРГА

Администрацию города иногда обвиняют в отсутствии идеологии, недостаточном внимании к интеллектуальному потенциалу Петербурга и недостаточных связях с интеллектуалами. Но это всего лишь один из мифов современного Петербурга, потому что мы не имеем возможности сами заниматься историческими или культурологическими исследованиями, и все то, на что мы опираемся в своей идеологии — это, прежде всего, разработки ведущих исследователей Санкт-Петербурга.

Из всей городской идеологии для своего доклада я выбрал расшифровку известной фразы, которую мы часто повторяем иностранным гостям и жителям Петербурга — о том, что Санкт-Петербург, с одной стороны, самый европейский город России, а с другой стороны — самый русский город Европы.

Какой смысл вкладывается в эту фразу? Во-первых, речь идет о том, что у Санкт-Петербурга два корня, две главные идеи, положенные гениальным Петром в основание новой имперской столицы.

Первая идея нам известна — это западная идея, появившаяся у Петра в результате его Великого Посольства — первой за много столетий заграничной поездки русских царей. Итогом этой западной идеи стали: планировка города, привлечение зарубежных специалистов, «немцев».

Меня часто пытаются убедить, что в то время в России не различали национальностей и всех иностранцев называли «немцами». Это не совсем так — уже в то время различали выходцев из Голландии, Франции, Англии, хотя загадок остается очень много.

Вы знаете, что сравнительно недавно разгадана тайна происхождения адмирала Корнелия Крюйса, который оказался не датчанином, а норвежцем из Ставангера.

Я всегда поправляю журналистов, пишущих о «немце» Сергее Витте, который на самом деле происходит из старинного голландского рода. До сих пор не вполне ясно происхождение и одного из первых архитекторов Санкт-Петербурга Трезини, архитектора Росси и многих других людей, возводивших наш город.

Однако для создания Петербурга Петр Великий использовал и вторую идею. Ее можно условно назвать восточной. В документах и делах Петра со всей очевидностью прослеживается интерес к традициям Рюриковской Руси и Новгородской Руси, как сложного многонационального конгломерата славян, балтов, скандинавов и угрофиннов, который осуществлял ту же важнейшую функцию, которую Петр придал Петербургу и которая сохраняется на протяжении вот уже трех веков — функцию посредника в торговле между Западом и Востоком.

Я приведу лишь несколько фактов, подтверждающих интерес Петра к истории до Ивана III, т. е. истории Новгородской и Рюриковской Руси: утверждение культов Александра Невского, Андрея Первозванного, чьи имена в большей степени связаны с Невой, чем с Днепром. Традиционные названия кораблей Военно-Морского Флота России на протяжении 300 лет, такие как «Рюрик», «Новик», «Аскольд» имеют балтийские корни, которые присущи именно Новгородской и начальному периоду Киевской Руси.

Восточную идею Петербурга можно назвать восточной еще и потому, что экономика истинной Руси, т. е. государства, основанного Рюриком и продолженного Новгородским княжеством, Новгородской Республикой, базировалась на восточном серебре.

В то время функцию современного доллара на всей огромной территории нынешней северо-западной части России, а также Скандинавии играли дирхемы, отчеканенные на Востоке. Несколько лет назад именно в Петербурге было отпраздновано 1100-летие Государства Саманидов, потому что, несмотря на достаточную удаленность Руси, именно с этим государством были установлены наиболее прочные торгово-экономические связи.

Отсюда, из этих двух корней, — западного и восточного, вырастает современное понимание многонационального города. Многонационального не только с официального дня рождения в мае 1703 года, но до этой даты, поскольку на его территории всегда

сосуществовали, перемешивались и развивали общую культуру представители многих народов.

Многие любят говорить, что в Америке демократия, а Россию надо учить демократии. Может быть, в чем-то и надо, но давайте вспомним историю. Иногда, выступая перед американцами, особенно перед студентами университетов и колледжей, я задаю простой вопрос. Когда в США появился первый чернокожий генерал? Они начинают судорожно вспоминать, было ли это после Гражданской войны, в конце XIX века или в Первую мировую войну, или во Вторую, но в любом случае для них оказывается сюрпризом, что Абрам Ганнибал получил первое генеральское звание в русской армии еще в первой половине XVIII века.

Иногда очень интересно изучать биографии известных иностранцев. В 1814 году при торжественном вступлении в Париж вслед за императором Александром I во главе гвардейской кавалерии ехал русский генерал принц Саксен-Кобургский. Потом он стал королем Бельгии Леопольдом I, основателем династии. Мы сейчас заняты поиском дома, в котором он жил в Петербурге.

Четвертый президент США Адамс имеет родовую могилу на кладбище Санкт-Петербурга. Когда он был послом Североамериканских Соединенных Штатов в России, петербургский климат погубил его малолетнюю дочь, которая похоронена на Смоленском лютеранском кладбище.

Ротмистр Маннергейм. Совсем неподалеку, в православной церкви Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади, был кабинет Маннергейма. На это было получено специальное разрешение Синода, и он занимался хозяйством церкви. Сейчас возник вопрос о памятной доске в том месте, где лютеранин Маннергейм стоял во время служб в Православной церкви. Ведь наш земляк потом стал президентом Финляндии.

Еще одна важная идея — балтийская, его связи с соседями.

Празднование 800-летия Риги еще раз очень ярко высветило наличие нашей общей истории. Мы присутствовали там при открытии двух памятников. Один памятник — это подарок Санкт-Петербурга к 800-летию Риги, бюст Яниса Райниса. Янис Райнис — это Иоанн Плекшан — выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, основатель латышской социал-демократической партии. Нынешние руководители города — социал-демократы, поэтому бюст Яниса Райниса пришелся весьма кстати.

Открытие памятника Петру I, отлитого в Германии (его автор — берлинский профес-

сор Шмидт-Кассель), — тоже историческое событие, так как с 1915 года никто не видел его целиком. В 1915 году монумент повезли в эвакуацию из Риги в Петербург, и немецкая подводная лодка в районе эстонского Ревеля потопила немецкий памятник. Впоследствии эстонцы его подняли, продали за небольшую сумму обратно в Ригу, но он так и лежал в виде отдельных деталей, и только благодаря усилиям предпринимателей американо-израильско-российско-латышского происхождения этот памятник был восстановлен и мы увидели его. Правда, вокруг него в Латвии идут очень серьезные споры — многие никак не могут понять, что это уже история. Латышам вообще было позволено селиться в Риге только при Екатерине Великой, а до этого там жили только немцы, поляки, шведы, купцы других национальностей в зависимости от того, кто владел этим городом. Оказалось даже, что основатель Риги Бременский епископ Альберт тоже тесно связан с Россией и Санкт-Петербургом — во-первых, потому что Бремен расположен на древней территории славян, а во-вторых, его фамилия, о чем я с удивлением узнал, Буксгевден, а его потомок — герой войн с Наполеоном генерал Федор Буксгевден — один из лучших генералов российской армии и генерал-губернатор Санкт-Петербурга.

Таких исторических пересечений на Балтике очень много.

Мы подарили Риге сборник копий архивных документов, касающихся знаменитых рижан, работавших и учившихся в Петербурге. Это не только латыши, среди них есть евреи (Оскар Строк, Сергей Эйзенштейн, сын великолепного рижского архитектора Михаила Эйзенштейна), немцы (главный архитектор Риги в середине XIX века Фельско) и другие национальности.

Интереснейший документ, датированный 1924 годом, — это прошение последнего оставшегося к тому времени латышского пастора в Ленинграде. Он пишет прошение в Ленгубисполком с просьбой продлить ему вид на жительство в России, поскольку если он уедет в Латвию, то некому будет читать молитвы в Ленинграде на латышском языке. Резолюция пока не опознанного чиновника Ленгубисполкома звучит очень характерно для того времени: «отказать», советская власть в молитвах не нуждается».

Я привел этот пример, чтобы перейти еще к одной идее Петербурга — многоконфессиональному Петербургу. Многие не обращают внимания на очень важное изменение, произошедшее в последние годы, — возрождение духовности и свободы совести в Санкт-Петербурге. Я имею в виду возвращение

многочисленных храмов различных конфессий верующим. Мы гордимся тем, что два патриарха, Католикос всех армян Гарегин II и наш Патриарх Алексий II, совместно освятили восстановленную изумительную армянскую церковь Св. Екатерины на Невской проспекте. Возрождена грузинская церковь на Старорусской улице.

Отреставрирована и открыта финская церковь на Большой Конюшенной, завершаются переговоры о возвращении и реставрации Шведской церкви на Малой Конюшенной, реставрируется Казанский Собор. Возрождение религиозных памятников и святынь в нашем городе позволяет оптимистично смотреть в будущее Санкт-Петербурга.

Среди тех имен, которые тесно связаны с многонациональным Петербургом, я назову еще несколько. Петр Павлович Шафиров, еврей, занимавший должность вице-канцлера России, совершил подвиг, спасший всю великую Россию. Во время неудачного Прутского похода именно его высокое мастерство дипломата позволило спасти русскую армию и Петра I.

Скоро исполняется 200 лет со дня первого кругосветного плавания россиян, которое возглавили капитаны Крузенштерн и Лисянский. Мне очень обидно, что сейчас в Таллинне могила прибалтийского немца, российского героя — адмирала Крузенштерна — не осенена боевыми андреевскими флагами. Мало кто из адмиралов внес столь огромный вклад и в географическую историю нашей родины и в дело воспитания подрастающего поколения, будучи директором Морского корпуса.

Петербург — удивительный город. В нем генералы и адмиралы были интеллигентными людьми и принимали самое деятельное участие в развитии и строительстве нашего города. Тому, что в нашем городе находится крупнейшая в Европе мечеть, мы обязаны генералу Абдул Ахаду Хану Эмиру Бухарскому. Мусульманин, родившийся на востоке, он поистине может называться достойнейшим петербуржцем.

Я не упомянул здесь фамилии тысяч известных петербуржцам людей разных национальностей, которые создавали Петербург, его культуру, его высокую нравственность.

Мы никогда не будем считать языки народов прежней и новой России иностранными, потому что это языки людей, живущих в нашем городе. То, что в Петербурге поддерживается национальный мир и согласие, прежде всего, их заслуга.

Национальная культура — это достояние всего Петербурга, равно как концерт Нани Брегвадзе становится событием в жизни не только грузин, но и всех жителей нашего

города, как в празднике «Сабантуй» участвуют представители очень многих народов, живущих в Санкт-Петербурге.

Но, к сожалению, в современном мире ничего нельзя сделать без денег.

Предположим, живет в Петербурге человек определенной национальности, которая является титульной нацией в другом субъекте Федерации или в зарубежном государстве. В этом случае он получает дополнительные деньги на развитие своей культуры от зарубежного государства или субъекта Федерации, где его нация является титульной. Кроме того, он должен получать дополнительные деньги по Закону «О национально-культурной автономии в России». И, наконец, получает свою долю, как любой житель Петербурга, из общего бюджета на культуру. Таким образом, формально кажется, что этот человек получает в 3 раза больше, чем русский, проживающий в Санкт-Петербурге.

Это действительно было бы так, если не учитывать того, что о русских в зарубежных государствах и других субъектах Федерации должны заботиться точно так же, как в Петербурге заботятся о людях других национальностей.

К сожалению, это не так. И обстановка в Петербурге весьма чувствительна к истинным или мнимым проявлениям дискриминации русских за рубежом или в других субъектах Федерации.

Я просил бы учитывать это, потому что только при условии благополучного существования и хорошего самочувствия людей всех национальностей, проживающих в Санкт-Петербурге, мы можем сохранить мир. Будем откровенны. Проявления шовинизма, антисемитизма, ксенофобии имеют и объективные корни. Мы должны это отчетливо понимать и не допускать создания такой ситуации, когда эти корни дадут нездоровые всходы. Нельзя сеять семена вражды, ненависти, зависти даже на бытовом уровне.

Я уже говорил о том, что мы здесь друзья-единомышленники, потому что мы все в равной степени заинтересованы в самых простых вещах:

- мире, покое, благосостоянии;
- улучшении окружающей среды;
- развитии культуры;
- благоустройстве города, его безопасности.

Огромный вклад в создание положительного образа Санкт-Петербурга вносят руководители национально-культурных автономий и обществ. Сейчас у нас зарегистрировано 11 национально-культурных автономий: Азербайджанская, Армянская, Башкирская, Белорусская, Дагестанская, Еврейская, Ингерманланд-

ская, Корейская, Латышская, Литовская, Татарская, Украинская. Существует более 100 национально-культурных обществ, в основном объединенных в две крупные организации: Дом национальных культур под руководством Олега Родзевича и Лигу наций, которой с момента создания руководит Хамзат Цокиев. Во многом благодаря их рассудительности, взвешенному и патриотичному отношению к Петербургу удается согласовывать многие вопросы.

В Петербурге в настоящее время проживают 4,5 тысячи выходцев из Африки, из них примерно 1,5 тысячи имеют российское гражданство. Впервые после многих лет в городе вновь отпразднуют День Африки.

Мы все вместе торжественно отметили 1700-летнюю годовщину принятия христианства в качестве государственной религии в Армении.

При поддержке, в том числе финансовой, Администрации Санкт-Петербурга прошли традиционные татарские, казахские, бурятские, славянские, ингерманландские и другие праздники.

Конечно, основное направление работы сейчас — это участие многонационального общества Петербурга в праздновании 300-летия со дня основания нашего города. Планируются два основных мероприятия. Первое — это Спартакиада народов Петербурга. Второе — это «100-дневный марафон навстречу юбилею» — Фестиваль народов Петербурга — концерты, выставки, открытие благоустроенных улиц с историческими национальными названиями и многое другое.

Еще одним направлением является работа с соотечественниками за рубежом. Традиционно Администрация Санкт-Петербурга оказывает основное внимание соотечественникам в странах Балтии. Состоялись встречи губернатора города с жителями блокадного Ленинграда в Риге и Таллинне, делегации ветеранов и школьников регулярно приезжают в Петербург, налажена переподготовка учителей русских школ, решаются вопросы медицинской и социальной помощи. Эта работа ведется совместно с комитетами по образованию, науке и высшей школе, социальным вопросам и здравоохранению.

Шефская помощь направляется нашим соотечественникам, несущим нелегкую службу на границе Таджикистана с Афганистаном. Я хотел бы отметить, что задолго до того, как мировое сообщество поняло важность этой проблемы, Администрация города уже оказывала помощь российским пограничникам и воинам 201-й дивизии, которые, по сути, являются не только нашими соотечественниками, но и единственным серьезным

барьером на пути проникновения наркотиков в Европу.

Большое значение в деле укрепления межнационального мира и согласия, взаимоотношений между различными этническими, языковыми, культурными и религиозными общинами в городе имеют средства массовой информации, в том числе печатные издания самих национальных объединений (на родном языке или двуязычные). Администрация города оказывает большую помощь (организационную и частично финансовую) в регистрации и издании национальных газет и журналов. В настоящее время в городе издаются следующие печатные издания: газета «Нур» (на татарском и русском языках), газеты «Украинские новини» и «Украинцы Санкт-Петербурга», журнал «Забута Краина» (украинская НКА), газета «Sankt-Petersburgische Zeitung» (Немецкое общество), газета «Ами» (еврейская НКА), журнал «Кзаки России», газета «Веруем» (Армянская община), газета «Inkerin Uvtiset» («Соседи») — (НКА финнов инкери), газета афганского землячества (на родном языке), готовится к изданию газета азербайджанской НКА. Кро-

ме того, при финансовой и организационной поддержке Администрации города издается журнал «Многонациональный Петербург», газета «Караван».

В Санкт-Петербурге установлены памятные доски Витолсу Язепсу (Латвия), Бисмарку (Германия), Чюрленису (Литва), Алие Молдагуловой (Казахстан), Косте Хетагурову (Осетия), Лидии Койдула (Эстония). Установлены памятники Гете, Адаму Мицкевичу, Тарасу Шевченко и Низами.

Значительную роль в системе мер, направленных на сохранение и развитие культур национальных меньшинств, играет содействие развитию национального образования во всех возможных формах. Так, в последние годы в Санкт-Петербурге был открыт Еврейский университет, кафедра грузинской филологии в Санкт-Петербургском государственном университете, финское отделение на кафедре прикладной лингвистики РГПУ, Ингерманландский учебный научный центр (обучается 1134 чел.).

Таковы некоторые черты облика многонационального Петербурга накануне его 300-летия.

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки РФ
И. Е. ТАЙМАНОВА	профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, Заслуженная артистка России
А. С. КУШНЕР	поэт, лауреат Государственной премии РФ, Пушкинской премии
Ю. В. ЗОБНИН	заведующий кафедрой литературы Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор филологических наук, профессор
А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ	поэт, академик РАО, лауреат Государственной премии СССР
М. М. ЧУЛАКИ	писатель, общественный деятель
Б. Д. ПАРЫГИН	заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
Н. А. СИВОВА	председатель Комиссии по государственным наградам при Президенте РФ
М. А. ГРИННИК	секретарь Федерации независимых профсоюзов России по Северо-Западному федеральному округу
Н. Б. ИВАНОВА	заместитель главного редактора журнала «Знамя», литературный критик, кандидат филологических наук
Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА	директор Института среднего специального образования РАО, доктор педагогических наук, профессор
Г. А. ПРАЗДНИКОВ	заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, кандидат философских наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ:

Уважаемые коллеги, гости! Жизнь выдающегося художника становится фактом искусства. Жизнь ученого тоже становится фактом науки. Но происходит это в тех случаях, когда ученый повлиял на судьбы своих современников и определил духовный облик целых поколений. Именно это характеризует академика Д. С. Лихачева, и именно это обуславливает пристальное внимание не только к его научной деятельности, но и к мельчайшим подробностям личной жизни, деталям его выступлений, интервью, личных встреч и т. д.

Наша конференция посвящена в основном научному творчеству Д. С. Лихачева и тем аспектам современной гуманитарной науки, которые представляются актуальными в свете

его идей. Здесь собрались люди, лично знавшие Д. С. Лихачева и сохранившие свои, может быть, и субъективные, но ценные для нас впечатления. Как представляется, разговор за этим Круглым столом позволит дополнить и расширить спектр вопросов, обсуждаемых на Пленарном и секционных заседаниях, и достичь необходимой полноты представлений о масштабе и многогранности таланта Д. С. Лихачева, нашего современника.

И. Е. ТАЙМАНОВА:

Судьба свела меня с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, когда я еще не родилась. Моя мама, оказавшись в 1960-е годы на коммунальной кухне в городе Зеленогорске,

вдруг увидела седовласого человека, который повернулся к ней и спросил: «Вы были в блокаду в Ленинграде?» «Да», — ответила мама, удивительно красивая женщина. «Вы помните, — спросил он, — как Вам кто-то около БДТ крикнул: “Бомба, ложись, падай!”?» Мама сказала: «Да». «Это был я, — ответил Дмитрий Сергеевич Лихачев. — Это я Вам тогда крикнул через мостик: “Бомба, ложись, падай!”»

Позднее уже я лично встретила не с академиком, не с ученым, не с филологом и не с литературоведом, а с человеком, который помогал в моей работе телевизионного режиссера в самые трудные периоды становления ленинградского телевидения.

Но мне хочется начать с финиша, с того потока людей, который пришел проститься с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. И когда я увидела эту толпу, которая шла, как поток, прежде к Мавзолею, а ныне — просто к нравственной личности, желая прикоснуться к истоку нравственности, я была потрясена количеством и разнообразием людей, которые черпали и продолжают черпать в силе под названием Лихачев свои собственные силы. Я вспоминаю, как Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал мне как-то: «Меня считают чуть ли не мессией, и для меня это очень обидно, потому что я отнюдь не считаю себя истиной в последней инстанции. Меня спрашивают — я отвечаю, но нередко я отвечаю за тех, кто считает, что я знаю все. Подобно греку, я знаю то, что я ничего не знаю, но я пытаюсь вместе со всеми разобраться в том, о чем меня спрашивают». И вот с таким человеком, который пытается разобраться вместе со всеми в проблемах России, Петербурга, нравственности, мне довелось встречаться многократно.

После той встречи на коммунальной кухне прошло лет двадцать, мы встретились на выходе со студии телевидения. Дмитрий Сергеевич снял шляпу, поклонился и сказал: «Здравствуйте, Ирочка». Я засмушалась и спросила: «А как же Вы меня узнали, ведь Вы видели меня тринадцатилетней?» Он ответил: «Вы меня за неинтеллигентного человека держите. Во-первых, если я помню рукописи XII века, почему я должен забыть то, что было 20 лет назад. И второе — я смотрю и ценю то, что Вы порой делаете на экране». После этого я считала, что обязана стремиться делать так, чтобы ему хотелось смотреть.

Позднее мне пришлось к нему обращаться, и эти ситуации были достаточно запоминающимися. Волна национализма, захлестнувшая Петербург в пору перестройки, заставила Дмитрия Сергеевича активно вмешаться, и у нас с ним была огромная часовая программа о многонациональном и национальном искусстве.

Поскольку по одной из профессий я музыкант, то именно с этой точки зрения мы обсуждали, как важно ценить все то, что пропущено сквозь иные национальности в русскую культуру, мы говорили о половцах и связывали это, как ни странно, с событиями на Кавказе, мы говорили о национальном, и Дмитрий Сергеевич гневно поднимал свой голос против националистических и шовинистических акций. И в любом выступлении Дмитрия Сергеевича сквозила его заинтересованность в том, чтобы сделать проблемное доступным, а доступное проблемным. И, быть может, очень простая программа о взаимосвязях культуры, социальных и политических проблем была основой многих наших диалогов на экране.

Вспоминается еще один поступок: из Швейцарии приехала художник и теолог Валерия Даувальдер и позвонила мне с предложением подарить Фонду культуры картину Коровина. Естественно, я, заинтересованная в пополнении русской коллекции, звоню Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, а до этого мы с ним не виделись, наверное, лет десять. Дмитрий Сергеевич отвечает так, как будто мы с ним вчера виделись: «Знаете, Ирочка, я завтра уезжаю к Горбачеву (он работал вместе с Раисой Максимовной в этом Фонде) и, быть может, через два дня я смогу встретиться». — «Но завтра она уезжает вместе с картиной». — «Тогда приезжайте через 2 часа». Картина была подарена и осталась в России. Дмитрий Сергеевич сделал один только шаг: он нашел время.

Сегодня я делаю в «REN-TV» целый цикл программ о династиях Петербурга, который я назвала «Атланты берегут и стерегут город». Естественно, одной из первых династий будет династия Лихачевых, потому что, когда Дмитрий Сергеевич получил звание почетного гражданина Санкт-Петербурга, он засмеялся и сказал мне: «А впрочем, я получил его уже давно, потому что мой прадед, поставляя оружие царскому двору, был назван почетным гражданином Санкт-Петербурга. Таким образом, это лишь подтверждение сквозь время». Когда я застала его за шахматной партией с правнуком, то мы говорили о системе ценностей в каждом из поколений. Поколение Лихачевых и династия Лихачевых продолжается: одна его правнучка пишет прекрасные книги, находясь в Лондоне, другая работает на российском телевидении. Они верят в то, что не завещал, а поселил, посеял в них Дмитрий Сергеевич Лихачев своими представлениями о морали и нравственности.

Вспоминаю, как насмешливая Зина спросила Дмитрия Сергеевича: «Что ж ты, дед,

говоришь о бескорыстии? А у самого в квартире мебель красного дерева». Он, засмущавшись, сказал: «Но ведь это собирала из обломков твоя мама Вера, я не хотел мешать ее вкусам. Это осталось из памяти о твоей маме». Он даже тогда меж строк дал понять, что не вещи интересуют его. И на дереве нравственности династии Лихачевых растут новые побеги.

Я хочу обратиться к последним временам из моего общения с Лихачевым. Были программы о политике и политиках, и Дмитрий Сергеевич доходчиво и ясно излагал позицию и взгляды тех, кому он верил. И, как ни странно, именно те, о ком он говорил в 1992 году, сегодня составляют окружение Президента. Записи моих программ подтверждают, что он оказался провидцем. Однако Дмитрий Сергеевич всегда настаивал на том, что не надо ждать от него ответов на вопросы, а надо ставить вопросы, на которые мы вместе отвечаем.

На протяжении всех лет, что я знала Дмитрия Сергеевича и его окружение, его жизнь была системой поступков, соответствующих его представлениям. Ведь у нас так часто поступки отличаются от позиции. Дмитрий Сергеевич силен тем, что у него воедино связано то, что он делал, с тем, что он писал, и тем, как он жил. И я, человек другого поколения, питалась, питаюсь, и мои студенты будут питаться тем, что оставил в наследство Дмитрий Сергеевич. Когда, делая программу о Пушкине, мы с одной из моих студенток пришли в Пушкинский дом, Дмитрий Сергеевич встал и поцеловал ей руку. Засмущалась не только она, но и я. Я сказала: «Дмитрий Сергеевич, ну зачем же Вы привстали?» Он ответил: «Потому что то, чему тебя учили с детства, нужно хранить до последней минуты».

Таким образом, наследство и наследие, не только филологическое и творческое, но в первую очередь человеческое, осталось не как завещание, а как то знамя, которое нужно перехватить, потому что это знамя не той красоты, что спасет мир, а того разумного человеколюбия, которое передается порой по наследству из поколения в поколение немногим, но с надеждой. Низкий поклон за это Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

А. С. КУШНЕР:

Год назад я выступал за таким же Круглым столом. Тогда я говорил о том, что есть огромное количество недоброжелателей. Один критик, например, называет Дмитрия Сергеевича Лихачева «умеренным националистом»,

другой, сравнивая с М. И. Калининым, — «все-союзным старостой». Думаю, эти критики замечательно проявили бы себя в Соловках, но до этого они побыли бы рапповцами.

В свое время Н. Гумилев говорил А. Ахматовой: «Задуши меня, когда я начну пасти народы». Дмитрий Сергеевич не пас народы, просто бывают такие времена в истории страны, когда необходим человек, который может что-то сказать обществу, и к нему прислушаются. Выбор был очень большой: можно было выбрать Баркашова, например, или Жириновского, да мало ли кого. И то, что наш народ выбрал Лихачева, внушает большую надежду и многое говорит о народе. Значит, не только России свойственно стремление иметь большого человека, который бы как-то соответствовал общему настроению. В Германии это были Томас Манн и Генрих Белль, они были нужны народу в самые тяжелые дни, во время фашизма и после него.

Точно так же, я думаю, нам был необходим Дмитрий Сергеевич, и сегодня он необходим. Почему? Вот прошло несколько лет после его смерти. И я думаю: как бы он отнесся к тому, что происходит сегодня в мире? Что бы он сказал по поводу взрывов в супермаркетах, в небоскребах, на дискотеках, на парадах? Совершенно понятно что, но важно, чтобы это было сказано человеком, который заслужил общее признание и доверие к себе. Я бы определил так: в нем была тишина. В его книгах о древнерусской литературе есть замечательная глава, посвященная «Повести о Петре и Февронии». Там он говорит о том, что лучшее в русской культуре — это именно тишина, а не экзальтация, не крик. Он любил «Слово о полку Игореве» и куда меньше любил «Задонщину», «потому что, — говорил он, — в «Задонщине» слишком много скрежета зубовного». Помоему, Дмитрий Сергеевич сам был похож на князя Святослава, на автора «Слова о полку Игореве» и на Февронию своими тихими жестами и речью, которая звучит куда громче самой громкой, истеричной и взвинченной.

И еще скажу вот о чем: Дмитрий Сергеевич отличается от многих филологов и многих наших ученых тем, что он говорит не на заумном, птичьем, научном языке, а на замечательном, ярком, доступном просвещенному читателю. Он никогда не важничал, не ходил, выставив грудь вперед. Я связываю это в числе других причин и с тем, что он любил стихи. Он писал книги о древнерусской литературе, но при этом любил современную поэзию. У Виктора Сосноры не вышла бы книжка в 1961 году, если бы Дмитрий Сергеевич не написал к ней предисловие.

Когда я говорил о тишине, об отсутствии какой-либо экзальтации, то вспомнил свое стихотворение, которое было обращено к Лидии Гинзбург, чье столетие мы отметили в этом году. Они дружили — Лидия Яковлевна и Дмитрий Сергеевич. А стихи такие:

И за словом, на два тона взятом выше,
Смрад обмана, как за поступью дракона,
Напустившего тумана.
То есть нет того, чтоб руки
Опустить легко вдоль тела,
Нет, заламывают в муке,
Поднимают то и дело.
То есть так, удобства ради,
Прибегая к сильной страсти,
В этом дыме, в этом смраде
Ловят нас и рвут на части.

Ю. В. ЗОБНИН:

Что такое поэтический канон? Это штука неоднозначная. На наш с вами взгляд, привыкший к культуре свободы, поэтический канон — это то, что отличает, собственно, средневековую литературу, то есть это сознательное самоограничение художника, когда он принципиально налагает на себя некое очень существенное обязательство, если угодно, по своей инициативе борется со свободой творчества.

Это связано с историей Каина и Авеля. Почему жертва Каина, хотя он был старше, не была принята? Потому что, оказывается, как толковал Иоанн Златоуст, Авель, перед тем как приносить жертву, выбрал лучшую часть и положил на алтарь, а Каин торопился и навалил все без разбора, поэтому его жертва была отвергнута. И поэтому считалось, что художник должен четко осознать, о чем нужно писать, о чем не нужно писать. Эта идея отделения, идея границ была очень выражена в средние века, потом была подхвачена акмеистами. Можно очень долго говорить о стихах Ахматовой, Гумилева и Мандельштама, об их идеях предела, формы, но меня заинтересовало вот что. Да, естественно, что Лихачев об этом каноне очень много писал, у него есть очень интересные моменты, связанные как раз с самоограничением, с идеей крещения в древнерусской литературе. И его знаменитая формула об историко-монументальном стиле, принципиально реализуемом древнерусскими художниками, опять-таки восходит к поэтическому канону.

Совершенно неожиданно я как-то наткнулся на то противоречие, которое долго не давало мне покоя. Научный авторитет Лихачева сомнений не вызывает, об этом даже глупо говорить, но у меня в сознании четкое разделение. С одной стороны, я считал и считаю

Лихачева одним из самых ярких идеологов современного российского общества. С другой стороны, читая его публицистику, я не могу сказать, что он прекраснодушный мечтатель. У него нет каких-то парадоксальных мыслей, того, что мы можем назвать эффектом откровения. Получается, что воспринимаешь человека как идеолога, но тексты этого не подтверждают. Это противоречие, на мой взгляд, объясняется очень просто. У него очень развиты элементы апофатического мышления, то есть он обращает наше внимание на то, что нельзя делать, а мы привыкли к той публицистике, которая учит нас, что нужно делать. В Лихачеве-идеологе очень сильно развито абсолютно непопулярное среди современной идеологии отрицательное начало, которое, на мой взгляд, весьма и весьма продуктивно. Мы говорили об этом с Еленой Григорьевной Драпеко, и она сказала: «Я теперь поняла, на основании чего могут сходить люди совершенно разных и взаимоисключающих идеологий: не на попытке как-то согласовать свои взгляды, а на попытке очень четко определить, что все собравшиеся в какой-то кружок не будут делать ни при каких условиях. В таком случае можно договориться, вести дискуссии, почувствовать какое-то объединение».

А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

В этом году мы отмечаем двадцатилетие спектакля «Юнона и Авось». Там были стихи, которые советская цензура запретила. Я их прочту: на мой взгляд, они очень актуальны сегодня.

И в твоей стране, и в моей стране
До рассвета спят не спина к спине.
И одна луна золота вдвойне
И в твоём окне, и в моём окне.
И в твоей вине, и в моей вине
Есть любовь и боль по родной стране,
И в твоём вранье, и в моём вранье
Есть любовь и боль по родной стране.
Идиотов бы поубрать вдвойне
И в твоей стране, и в моей стране.

М. М. ЧУЛАКИ:

Когда мы говорим об интеллигенции и интеллигентности, то невольно в этой теме преобладают восторженные эпитеты. Понятие интеллигентности чрезвычайно обширно, и недаром до сих пор нет исчерпывающего определения, что такое интеллигенция и, соответственно, что такое интеллигентность. Но тем не менее люди как-то интуитивно догадываются и могут определить, что перед тобой интеллигент, хотя и часто объяснить

этого не могут. Так вот в этом разнообразии качеств, которые входят в понятие интеллигента, особенно принято подчеркивать какие-то благодетельные качества. Но я хотел бы обратить внимание на то, что вызывает некоторую тревогу. Дело в том, что интеллигенции очень свойственно понятие иерархии нравственных ценностей. Иногда это очень хорошо: например, человеку с детства объясняют, что Пушкин — гениальный поэт, Чайковский — гениальный композитор и так далее, то есть закладывается какая-то иерархия ценностей. Но тут есть одно подводное течение. Приведу пример.

Русская интеллигенция всегда успешно протестовала против насилия власти. Огромная часть русской дореволюционной интеллигенции была оппозиционна самодержавному строю, большинство русской интеллигенции презирало кровавого царя Николая II, Николашку, как его обычно называли, зачитывалось известным фельетоном Амфитеатрова «Господа Обмановы». Однажды известный сатирик А. Аверченко был приглашен в гости к царю, который очень его любил. Опасаясь гнева, с одной стороны, начальства, а с другой стороны, коллег, Аверченко сказался нездоровым и не пошел к царю просто под предлогом нездоровья. Тогда на него обрушился праведный гнев: как это, Аверченко не бросил в лицо самодержцу, что не желает к нему идти, а трусливо сказался нездоровым. А. И. Куприн написал на него весьма злобную эпиграмму. То есть тогда вся интеллигенция ненавидела самодержавие, и в то время интеллигентному человеку заступиться за царя было чрезвычайно сложно, потому что протестовать против власти легко, а протестовать против мнения своего круга — гораздо и гораздо труднее. Сейчас все наоборот, сейчас подавляющая часть интеллигенции умильно вспоминает уже не кровавого Николашку, а царя-мученика Николая Романова. И теперь весьма трудно вспомнить, что все-таки были у него действительно весьма кровавые дела. Это свойство интеллигенции поддерживать и разделять мнение своих, бояться идти против мнения своих весьма и весьма опасно, потому что оно вызывает цепную реакцию.

Гражданское мужество на Руси встречается гораздо реже, чем военное. Такое же редкое качество — умение не разделить общих мнений своего круга.

Дмитрий Сергеевич Лихачев умел противостоять общему мнению людей, которые считали себя интеллигентными и даже были уверены, что Дмитрий Сергеевич должен их поддержать. В 1991 году Дмитрий Сергеевич, который сам православный и многое сделал для восстановления утраченных традиций,

очень твердо выступил против введения Закона Божьего в школах, хотя, вероятно, многие от него ждали обратного. Но он очень твердо сказал, что школа у нас отделена от церкви, церковь отделена от государства, не говоря о том, что в школах учатся дети разной национальности, их родители могут быть представителями разных конфессий или атеистами, поэтому всех детей под одну гребенку стричь в школе — это значит ставить многих в очень трудное нравственное положение. Я хочу именем Дмитрия Сергеевича призвать всех, особенно молодое поколение, к умению противостоять среде: это, может быть, самое главное качество для становления личности.

Б. А. ПАРЫГИН:

Сегодня, когда вниманию к человеку как к носителю прежде всего духовно-нравственных ценностей все более активно противопоставляется экспансия технократического, вульгарно-социологического или манипуляторского подхода, особую актуальность приобретает обращение к глубоко гуманистической позиции Д. С. Лихачева, который одним из первых заметил опасность дальнейшего развития подобных тенденций.

Конечно, Д. С. Лихачев не был склонен к излишней категоричности суждений в тех случаях, когда требовалась деликатность при подходе к дискуссионным вопросам науки.

И в связи с этим, вероятно, можно было бы согласиться с мнением признанного специалиста по его творческому наследию, каким, несомненно, является Ю. В. Зобнин, когда утверждает, что в типологии логических построений Д. С. Лихачева доминирует «нет, не надо».

Однако, на наш взгляд, даже подобное доминирование не дает оснований для полного исключения из научных построений Д. С. Лихачева вполне определенного «да, надо» в тех случаях, когда вставал вопрос о необходимости занятия четкой и принципиальной позиции ученого даже по самой деликатной и острой проблеме.

Такой, по нашему мнению, оказалась научная ситуация в связи с широко обсуждаемыми в середине 1980-х годов проблемами тенденций и перспектив развития отечественного человековедения.

Растущие ожидания радикальных перемен в социальной системе в направлении деидеологизации обществоведения и демократизации социальных отношений в канун начала перестройки, веяния постмодернизма с отходом от высоких критериев и эталонов в искусстве и эстетике, кризис идентичности всех

форм культуры — вот тот фон, на который во многих случаях ложилась дискуссия о путях развития наук о человеке.

За внешней конфронтацией традиционного и инновационного, ценностно-ориентированного и инструментального, технологического подходов к человеку Д. С. Лихачев, как нам кажется, одним из первых если не отчетливо увидел, то, по крайней мере, почувствовал перспективу возможного отказа от глубинного, а вместе с тем и более масштабного, чем утилитарно-прагматический подход, видения проблем человека.

Совсем не случайно именно в это время он призывает обществоведов обратиться к изучению сложнейших взаимоотношений людей как друг с другом, так и с природой в масштабах Вселенной, к постижению глубинных пластов взаимопонимания, установления интимного душевного контакта в ситуации межличностного общения между ними.

Если Н. А. Бердяев, по его собственному признанию, хотя много и общался с людьми, но всегда «носил маску» для защиты своего внутреннего мира, за что потом и расплачивался чувством одиночества, то Д. С. Лихачев говорил о возможности, естественности и плодотворности глубинного, доверительного, душевно-интимного межличностного контакта без угрозы потери своей индивидуальности.

«Мы нечасто задумываемся над тем, — писал он, — что сознание человека обладает удивительной способностью проникать в сознание другого человека, понимать других людей, сопереживать им, постигать самые интимные чувства и настроения человеческой души. Человек входит в мир другого человека исполненной стихией собственного бытия, и тем не менее он способен любить, проникать в чужое бытие, облечься в него как в свое собственное, всецело «покинуть» себя ради другого и тем самым утвердить себя полностью и настоящим образом».

Для Д. С. Лихачева такое душевное взаимопроникновение не является отклонением от сути человеческого общения. Скорее наоборот, именно в возможности достижения глубинного контакта между людьми и состоит подлинный смысл и духовно-нравственная ценность межличностного общения.

«В этом проникновении в чужое бытие, в другую душу есть момент встречи, совместного переживания и взаимодействия, и этот момент, как мне кажется, составляет самую суть, основной нерв общения», — писал он.

Можно только сожалеть о том, что Д. С. Лихачев не успел сам более полно развернуть и определенным образом включить свой подход к пониманию общения в достаточно широкий поток как отечественной, так и зарубеж-

ной литературы, посвященной этим проблемам в последние десятилетия.

Однако это несколько не снижает научную ценность и значимость того, что было сказано им в начале 1980-х годов об общении для успешного поиска, определения и развития стратегического направления в развитии отечественной науки о человеке, и прежде всего социальной психологии.

Н. А. СИВОВА:

Я хотела бы сказать о том, почему именно сегодня возникли новые государственные награды Российской Федерации. История государственных наград насчитывает более 300 лет, начиная с ордена Святого апостола Андрея Первозванного, учрежденного Петром I.

Конечно, хорошо, когда интеллигенция сходится на том, чего делать нельзя. Но кто будет искать ответы на вопросы: а что надо и что делать? Если этого вопроса не будет, как тогда вообще общество будет развиваться? Кто должен развивать общество, традиции, культуру, идти дальше, чтобы сохранить то ценное, что есть у нас в истории? В связи с этим вспоминаются стихи Гете:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.

Но вернусь к государственным наградам. В советское время РСФСР не имела орденов и медалей, только почетные звания и грамоты Президиума. И вот в 1990 году после принятия суверенитета встал вопрос о том, чтобы Россия, республика в составе Союза, имела свой, российский орден. После Октябрьской революции Российская республика имела орден Боевого и Трудового Красного Знамени, но эти ордена стали общесоюзными. И вот я, будучи депутатом, создавала документ, который потом был принят Президиумом Верховного Совета, о российском ордене, но потом настал август 1991 года, и уже после распада СССР этот вопрос встал очень остро уже в Российской Федерации. В 1992 году снова началась работа над созданием российских орденов и медалей. Я была назначена председателем Комиссии, и благодаря историкам, философам, деятелям культуры нам удалось создать систему наград Москвы и Санкт-Петербурга. Символики новой России еще не было, а мы работали над государственными наградами и думали, где это взять. Мы постарались не отступать от исторических традиций и смотреть на все беспристрастно, не теряя ни одного дня из истории государства.

В 1992 году впервые восстановлен орден Святого Георгия, и в последующие годы появилась возможность восстановить орден

Святого апостола Андрея Первозванного. А орден «За заслуги перед Отечеством» сделан на основе ордена Святого Владимира, с Владимирским крестом и девизом «Польза, честь и слава!». Но в системе государственных наград России есть награды, похожие по названию на старые советские, но с новым изображением: звание Героя Российской Федерации, медаль «За отвагу», медаль Ушакова, «За отличие в охране границы», «За отличие в охране общественного порядка», орден Мужества, орден Почета, орден Дружбы. То есть мы опирались на весь исторический опыт нашего государства: и до 1917 года, и после него.

Отдельно скажу об ордене «За заслуги перед Отечеством». Это очень высокая награда. Одним из первых награжденных этим орденом стал Дмитрий Сергеевич Лихачев. В связи с этим событием мне впервые посчастливилось поговорить с Дмитрием Сергеевичем, и еще раз — когда Президент вручал орден Святого апостола Андрея Первозванного за номером один. Комиссия решила, что у нас в стране больше нет человека, которого бы знали и настолько уважали. Я ни разу не слышала о нем отрицательного мнения.

Он получил этот орден в 1998 году, будучи уже в очень почтенном возрасте. В приемной, там, где мы ждали вручения, был всего один стул. Когда я подошла к Дмитрию Сергеевичу, он встал. Мне довелось поговорить с ним всего несколько минут, и за эти две встречи удалось рассказать ему о системе наград, о том, что и как мы делаем. Я получила одобрение со стороны Дмитрия Сергеевича. И тот факт, что он принял награды новой России, — высокая оценка наших сегодняшних государственных наград, которым в этом году исполнилось десять лет.

М. А. ГРИННИК:

Дмитрий Сергеевич, как великий гуманист, в своей деятельности отдавал предпочтение интересам человека как самой дорогой ценности во Вселенной, самого прекрасного и совершенного творения природы. Мы полностью принимаем и разделяем такое мировоззрение, краеугольный камень гуманитарной культуры. В то же время профсоюзы отдают дань устремлениям деятелей культуры, уважают и ценят их усилия по сохранению гуманитарного богатства. И мы рассматриваем проблемы в более широком аспекте. Не хотелось бы вдаваться в рассуждения, что для человека главное: духовная культура или экономический интерес. Жизнь людей — это взаимосвязь и взаимопроникновение материального и духовного. Считаю, что нужно развивать все сферы деятельности человека. Сейчас мы уже

можем реально оценивать, что дали обычным людям, гражданам России, жителям Санкт-Петербурга последние 10 лет жизни в нынешней российской действительности и весь тот комплекс антигуманных событий и явлений. К сожалению, имеется тенденция забывать то, о чем говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев: нужно подходить к человеку прежде всего с гуманистических позиций. Имеет место тенденция деградации образования, здравоохранения, культуры, есть угроза истинно человеческим ценностям. Кстати, это тормозит и экономику. Иногда у нас вызывает непонимание, что в сфере интересов профсоюзов находится не только экономика, но и культура, образование, здравоохранение, социальные взаимоотношения. Почему? Ответ прост: мы стремимся обеспечить достойный труд работников в качестве основы развития и преумножения важнейшего фактора развития любого общества и человеческого капитала. Достойный труд, как определено в документах Международной организации труда (и мы полностью разделяем этот подход), — это занятость с перспективой на будущее. Это хорошие условия труда, возможность совмещать труд с семейной жизнью, с воспитанием детей, равенство прав мужчин и женщин, возможность для женщин находить свое место на рынке труда, средства реализации личных устремлений. Это синоним человеческого достоинства, достойная работа означает производительный труд, при котором права трудящихся защищены, который приносит достаточный доход с обеспечением адекватной социальной защиты. Человеческий капитал — это знания, навыки, здоровье, образование, культура работника — главного фактора прогресса и главной производительной силы общества. Для профессиональных союзов человеческий капитал — главное богатство, и эта позиция соответствует общемировым тенденциям. В Конституции России на первом плане также стоят интересы человека как личности во всех ее проявлениях. В концепции деятельности Федерации независимых профсоюзов России и новой концепции, которая разработана здесь, в Санкт-Петербурге, как в центре профсоюзного движения Северо-Западного округа, на ближайшие годы предложена модель будущего общества. Если внимательно рассмотреть ее положения, то увидим, что она включает в себе истинно гуманистические идеи: развитие человека, достойную заработную плату, учет интересов разных слоев общества. В ней обеспечивается ряд устойчивых гуманистических тенденций, вот они: рост благосостояния и качества жизни всех социальных групп и слоев общества, а не только избранных элит, рост образования

и культуры народа как источника формирования и развития человеческого капитала, приоритет финансирования именно человеческого капитала в развитии социальной сферы, здравоохранения, образования, науки, культуры и искусства. Концепция предусматривает достижение в ближайшие годы устойчивого экономического роста, серьезных структурных сдвигов в экономике, ускоренного развития наукоемких отраслей, секторов и предприятий, приоритета ресурсосбережения и экономии при выборе технологий производства, широкого распространения систем контроля и стимулирования высокого качества товаров и услуг. Нам очень близка позиция Дмитрия Сергеевича, выраженная в его последней статье в «Санкт-Петербургских ведомостях» (октябрь 1999 года), цитирую: «Если что и необходимо нашему обществу, так это оживить угасающее экологическое движение. Мощное, всенародное, оно должно подняться над всякой политикой, быть лишено всяких левых и правых уклонов, претензий на власть, стоять в оппозиции ко всему, что уводит людей в сторону от самого насущного». В сфере социального партнерства мы добиваемся всемерной поддержки создания рабочих мест и новых предприятий, постепенного повышения доли трудовых доходов работников до уровня развитых стран Европы и Соединенных Штатов, высокой правовой культуры, уважения и неукоснительного соблюдения трудовых и социальных прав личности, выполнения контрактов и трудовых договоров, предусмотренных трехсторонними соглашениями на всех уровнях власти в России. Профсоюзы в современных условиях — хранители гуманистической культуры. Если бы в России XIX века существовали более сильные, влиятельные профсоюзы, то история нашей страны могла бы развиваться без вселенских потрясений и кровавых катастроф века XX и шла бы по иному пути, не такому трагическому и противоречивому, не сопряженному с такими гигантскими потерями и жертвами. Сохранение, развитие и преумножение человеческого капитала — сейчас главная миссия профсоюзов. В этом будущее нашей родной России.

Н. Б. ИВАНОВА:

Я хочу сказать, что думаю о явлении, о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве в контексте времени и в контексте той определенной социально-исторической ситуации, в которой ему приходилось делать выбор и в которой он так или иначе влиял на нас. Вспомним о некоторых высказываниях, которые кратко сводятся вот к чему. Во-первых, не надо ученому заниматься поверхностной публицисти-

кой: такая широта размывает определенность его интеллектуального высказывания. И во-вторых, в своих работах он был недостаточно плодотворен. Поскольку я все же скорее критик, чем ученый, то должна сказать, что я не согласна ни с тем, ни с другим.

Вспомним, что «Заметки о русском» появились в журнале «Новый мир» в совершенно определенный социально-исторический и политический момент, именно тогда, когда еще перестройки никакой не было и до перестройки еще было довольно далеко, и когда в обществе прошла очень неприятная дискуссия, которая называлась «Классики и мы». В. В. Кожин и его единомышленники заявили о вполне определенной позиции, и такое полноценное высказывание Дмитрия Сергеевича Лихачева «Заметки о русском» было как определенная расстановка вполне ясных и твердых позиций по поводу нашего самоопределения, самоидентификации. Дмитрий Сергеевич как наш современник помогал, я думаю, очень многим сделать выбор. Поэтому его публицистика, на мой взгляд, была исключительно плодотворна.

И еще. Я знаю множество ученых с такой позицией: они ученые, эксперты, они наблюдают, анализируют, а жизнь идет отдельно от них, они в ней не участвуют. У Лихачева никогда этого не было. Он никогда не был ангажирован, но он всегда был вовлечен в бытие. Государство для него было, мне кажется, не столь важно, как общество. И вот он занимался тем, что влиял на структурирование общества.

Годы, которые мы сейчас переживаем, на мой взгляд, это годы определенной реакции. Наше население устало, структурирование запаздывает, а общество наше очень атомизировано, настоящих объединений, увы, нет.

Повторю по поводу плодотворности идей Дмитрия Сергеевича и того, что он сильно разбрасывается. Вот он написал предисловие к двухтомнику Пастернака, где во вступительной статье к «Доктору Живаго» вскользь выдвинул идею о том, что Юрий Андреевич Живаго является лирическим автогероем Пастернака. Я написала об этом целую книгу и услышала много лестных слов насчет концепции автогероя. Так что я и за это тоже благодарна Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА:

Здесь уже говорили, что Лихачев шел от отрицательного, призывал объединяться на почве того, что нельзя делать. Это утверждение имеет очень глубокие, библейские корни, но если их экстраполировать на педагогическую деятельность, то есть некоторая

опасность. Мы все знаем заповеди: «Не укради», «Не убий» и так далее, но одновременно существует такая позиция, я ее коротко могу выразить простым примером из педагогической жизни: «Вася, повтори все те слова, которые ты никогда не должен говорить». Так вот, Дмитрий Сергеевич писал, что воспитывать надо, питая из чистого источника.

Меня всегда удивляют люди, которые о своем отношении к чему-то не могут сказать самостоятельно, не могут быть суверенными по отношению к тексту. Знание языка, умение на нем красиво говорить — это, я считаю, важнейший критерий истинной интеллигенции. Кроме того, хоть я и согласна с утверждением, что интеллектуалы и интеллигенты — это не одно и то же, но все же образованность — самый высочайший признак интеллигентности. Сегодня даже в концепции модернизации образования обозначено понятие «интеллектуализация содержания и процесса образования».

Я сегодня давала интервью для молодежной телепрограммы, и они меня попросили: «Научите, как нам жить, чтобы не пропасть в этом мире». Я ответила, что надо очень много знать, очень много уметь, чтобы вас не задвинули, не затерли, чтобы вы всегда были востребованы, чтобы никакие жизненные катаклизмы вас не уничтожили. Поэтому все-таки образование, не только специальное, но и самое широкое, я считаю, — самое главное требование к интеллигенту. Ну и плюс к этому все остальное — сочувствие обиженным, совесть и т. д.

Существует определенное противоречие: с одной стороны, надо воспитать человека интеллигентного, с другой стороны, надо научиться конкурировать, бороться, за себя постоять. Противоречат ли друг другу эти вещи? Если брать классическое понимание интеллигенции, то противоречат, но надо их совместить, то есть должно быть двойственное целеполагание: воспитание и интеллигентного человека, и образованного человека-профессионала.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ:

Сегодня я услышал много умных, прекрасных слов от интеллигентных, образованных людей. Но у меня осталось такое ощущение, что мы живем в разных мирах. Я уже много дней не могу забыть увиденных по телевидению молодых бритоголовых ребят, скриншотов, с железными прутьями. И я подумал: вот поколение, которое от детского сада выросло в годы, которыми мы при этом гордимся. Я не мог спокойно ходить по Невскому

проспекту мимо перекидки от Гостиного двора к Пассажу, объявлявшей о боях женщин в грязи, в двухстах метрах от Русского музея, от Большого зала Филармонии, как бы через запятую.

Я думаю, что мы теряем какое-то чувство ответственности, которое интеллигента не должно покидать. Дмитрия Сергеевича очень не любило партийное руководство нашего города. Он стал академиком, но по своим научным заслугам он должен был стать академиком десятилетия на три раньше, однако этому препятствовал наш город. Нашему партийному руководству не нравилось не его мнение по поводу датировки «Слова о полку Игореве», а его обеспокоенность тем, что по всему Невскому проспекту собираются сделать витринные окна. Говорят, что надо его реставрировать в духе первой половины XVIII века, а Лихачев — нельзя, потому что он сложился в более позднее время. Что он во все лезет? Такой был Дмитрий Сергеевич. И мне кажется, что сейчас настало время поступка, который бы противоречил, может быть, общепринятому мнению. Я думаю, что наши реформы во многом пошли бы по-другому, если бы мы не боялись критиковать в то время, когда уже надо было критиковать, а мы боялись.

Я говорю: «Что же происходит с высшей школой?», а мне отвечают: «Георгий Александрович, да ведь то, что Вы говорите, верно, но ведь когда мы собираемся на митинг, тут же появляются люди с портретами Сталина и с красными флагами. Выходит, мы их поддерживаем». Не поддерживаем, но нельзя допускать того, что происходит.

Приведу пример конкретного поступка. Вчера в «Петербургских ведомостях» была опубликована статья Михаила Михайловича Чулаки «Синдром голого короля», и я представляю, что она вызовет возмущение многих. Он протестует против миллиарда, уплаченного за «Черный квадрат» Малевича. Это поиск, но это не та находка, которую стоит так высоко оценивать.

По поводу поиска очень хорошо говорил Андрей Тарковский, что ищут грибы в лесу, а фильм, спектакль, книга должны быть результатом этого поиска, в том числе и нравственного.

Мне довелось присутствовать при разговоре молодых кинематографистов в Болшево, и все они говорили, как плохо, как ужасно, как не хватает свободы, на что Андей Тарковский возражал: «Вы делайте так, чтобы сколько вас ни резать, осталось бы все равно самое главное, ради чего вы делаете фильм». В кулуарах говорили: «Скурвился Андрей Арсеньевич, большевикам продался». Особенно воз-

мутил конец его выступления, он сказал: «Что вы без конца говорите о свободе? Хотите быть свободными — будьте, и хватит об этом».

Наверное, вопрос этой внутренней свободы, свободы следования тем ценностям, которыми ты живешь, — это и есть самое основное в свободе. А мы обрадовались той свободе, которая позволила нам жить в произволе, и боимся сказать свое слово: вдруг подумают, что ты против демократии, про-

тив реформ, против современного искусства. Надо говорить. И как бы ни было нам больно сталкиваться со своими друзьями, я думаю, вот эта свобода как нравственное задание себе, как Чехов ее понимал, и величайшая ответственность, которую дает эта свобода, — это основное, что сейчас стоит перед интеллигентным человеком, во всяком случае, перед человеком, который каким-то образом себя причисляет к этому сонму.

Е. Г. ДРАПЕКО,

заместитель председателя Комитета по культуре и туризму
Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации,
Заслуженная артистка России

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРЫ В РФ

Законодательное регулирование вопросов сохранения, охраны и управления памятниками истории и культуры в РФ на сегодня осуществляется следующими правовыми актами:

— Статьи 72, 77, 78 Конституции Российской Федерации;

— Сборник законов Российской Федерации и города Москвы об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры;

— Постановление Совета Министров СССР от 16.09.82 № 865 «Об утверждении положения об охране и использовании памятников истории и культуры»;

— Постановление Верховного Совета РСФСР от 25.12.90 № 447-1 «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР»;

— Постановление Верховного Совета РСФСР от 27.12.91 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность»;

— Указ Президента Российской Федерации от 20.05.95 № 176 «Об утверждении перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения»;

— Федеральный закон от 18.07.95 № 107-ФЗ «О статусе столицы Российской Федерации»;

— Указ Президента Российской Федерации от 05.05.97 № 452 «Об уточнении состава объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения»;

— Постановление Правительства Российской Федерации от 05.01.98 № 3 «О порядке закрепления и использования находящихся в федеральной собственности административных зданий, строений и нежилых помещений»;

— Федеральный закон от 24.06.99 № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»;

— Постановление Правительства Российской Федерации от 31.08.2000 № 648 «Вопросы государственной регистрации прав на недвижимое имущество, находящееся в федеральной собственности».

Уже в начале 1990-х годов стало ясно, что в связи с изменениями основ законодательного регулирования в РФ действующий до той поры Закон «Об охране памятников истории и культуры», принятый в 1978 году, находится в противоречии с новой Конституцией РФ, Гражданским кодексом, другими новыми законодательными актами и потому не является действенным механизмом охраны культурного наследия.

Началась работа над новым законом, которая активно шла в течение восьми лет. В ней принимали участие ведущие специалисты, работающие в этой сфере в Москве, Санкт-Петербурге, других регионах страны. Разработанный вариант дважды отправлялся Государственной думой на доработку. Поступило более 400 поправок. В результате кропотливой работы появился окончательный текст закона, который учел все возможные поправки и был принят в 2001 году большинством голосов. Съезд музеев в 2001 году отметил, что этот закон очень нужен и дальше без него жить нельзя. В законе появились специальные статьи относительно памятников археологии — их признали памятниками федерального значения. Одновременно из закона изъяли все вопросы, связанные с разграничением собственности на федеральную и субъектов РФ.

Точно сформулированы понятия федерального, регионального и местного значения памятника и его отнесения к собственности федеральной, субъекта РФ, муниципалитета, что было не оговорено в действующем Законе 1978 году. Урегулированы единые научно-методические принципы сохранения культурного и природного окружения объекта культурного наследия.

Продекларировано право органов государственной власти РФ включать в Государственный реестр памятников истории и культуры Российской Федерации памятники истории и культуры федерального значения без права вето субъектов РФ, но по согласованию с

ними (это касается объектов культурного наследия регионального значения), а объекты культурного наследия местного (муниципального) значения — также с органами местного самоуправления. В случае угрозы утраты (физической) или нанесения непоправимого ущерба выявленному объекту культурного наследия, установленной на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы, при отказе органа государственной власти субъекта РФ включить указанный объект в Реестр, либо в случае включения в реестр объекта археологического наследия согласования с органами государственной власти субъекта РФ не проводятся.

Порядок включения в Реестр объекта регионального или местного значения определяется Законом субъекта РФ.

Порядок проведения историко-культурной экспертизы, состав экспертов, перечень представляемых документов, порядок их рассмотрения устанавливается Правительством РФ, что обеспечивает унификацию процесса проведения экспертизы. Это, как нам представляется, приведет к усилению контроля федеральных органов в деле выявления и охраны объектов.

Несмотря на то, что закон был принят в Государственной думе абсолютным большинством голосов, на нем появилось вето Совета Федерации. Основные претензии сводились к необходимости именно в этом законе решить вопросы разграничения собственности, приватизации и расширить роль и права субъектов РФ в распоряжении объектами культурного наследия.

Был проведен ряд совещаний у мэра Москвы Ю. М. Лужкова с участием представителей ряда других регионов. Были обращения к Президенту со стороны мэра Москвы и министра культуры со взаимоисключающими предложениями. Губернаторы ряда регионов высказали недовольство действиями Федерального агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры, которое повело себя как «слон в посудной лавке». Распоряже-

нием КУГИ и Министерства культуры за этим агентством на праве оперативного управления закреплены объекты федерального (общероссийского) значения; ему также поручено принять в оперативное управление расположенные на территориях особо ценные объекты. Таким образом, получилось, что только у Москвы со временем предполагается изъять 1500 недвижимых памятников вместе с земельными участками — почти всю «историческую Москву». Аналогичная ситуация в Санкт-Петербурге. Понимая всю сложность возникшей ситуации, думская часть созданной Согласительной комиссии согласилась с целым рядом поправок, внесенных Советом Федерации для усиления участия субъектов РФ в государственном регулировании вопросов управления и сохранения объектов культурного наследия, однако не могла согласиться с предложениями о внесении в Закон вопросов разграничения собственности, предложив разработать отдельный закон по этой проблеме.

В настоящее время в Федеральном законе «О приватизации государственного и муниципального имущества», принятом Госдумой в первом чтении, есть статьи 29, 30, определяющие порядок приватизации в области культуры. Сейчас идет работа над поправками в этот Закон.

Согласительная комиссия урегулировала все конфликтные ситуации, возникшие из-за поправок СФ. Осталась не принятой только одна поправка Правительства, которое не согласно с требованием закона о праве пользователя или собственника объекта культурного наследия на частичную компенсацию из государственного бюджета произведенных им затрат на мероприятия по сохранению памятника истории и культуры.

Надеюсь, что и это противоречие нам удастся преодолеть, и, если Президент не наложит вето, вполне вероятно, что на следующей нашей конференции я смогу рассказать о первых результатах введения в действие нового рамочного закона в области культуры, работа над которым продолжалась почти 10 лет.

А. И. ЛУКЬЯНОВ,

председатель Комитета Государственной думы
Федерального собрания Российской Федерации по государственному
строительству, доктор юридических наук, профессор

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В последнее время в прессе, по телевидению и радио все чаще говорится о том, что в Российском обществе не существует ни дос-

таточного политического опыта, ни демократических традиций, а также прочных основ развития государственности. Этим объясняют

и тягу к монархическим институтам, авторитаризму, а затем и к культу личности, пытаясь таким образом обосновать появление множества негативных процессов, происходящих сегодня в общественной жизни.

Одним словом, все сводится к тому, что в России, мол, никогда не было демократических институтов, республиканских традиций, умения коллективно решать сложные вопросы государственной жизни, стремления налаживать межнациональные отношения. Нам постоянно рекомендуют брать пример с Запада, поскольку российский опыт не представляет никакой ценности. Конечно, история России неразрывно связана с монархическим правлением. Было время открытого авторитаризма, и последствия его мы испытываем и сегодня. Попробуем обратиться к русским летописям. Известно, что уже в XII веке Новгород стал республикой (это было огромное государство), причем, мостовые в Новгороде, в Новгородской республике, как подтвердили археологи, значительно старше парижских мостовых. Позже возникла Псковская республика, тоже довольно крупная, она просуществовала до начала XVI века, затем республика Вятка (сведений о ней немного) на территории России. Известный историк Н. И. Костомаров называл эти республики «народоправствами в полном смысле этого слова». Такова республиканская традиция. Князь был лишь наемным должностным лицом, которому вменялось в обязанность защищать республику.

На Западе много пишут о том, что в России никогда не было коллегиального управления, представительных органов. И это неправда. В середине XVI века в России сложилась сословно-представительная монархия, существовали Земские соборы, которые играли огромную роль в государственном устройстве России. Серафим Владимирович Юшков, один из крупнейших историков государства и права, прямо сравнивал Земские соборы с Генеральными штатами во Франции, английским парламентом, испанскими кортесами. На одном из этих соборов в 1613 году был избран на царство Михаил Романов.

И, наконец, еще одно. Историки по сей день не могут отказаться от изображения России как империи, тюрьмы народов, указывают на полное неумение решать межнациональные вопросы. Мы снова сталкиваемся с намеренной фальсификацией нашей истории. Необходимо учесть, что российское государство возникло как полиэтническая общность. Россия объединяла племена, народы, нации, маленькие народности. Здесь сочетались самые разные формы государственности. Одни из них возникли традиционно для феодализ-

ма — это захват чужих территорий, другие — на базе добровольного объединения с Россией (Сибирское ханство, Кабарда, Украина). В состав России входили: Великое княжество Финляндское, как бы самостоятельное государство на территории России, царство Польское, которое даже имело свою конституцию, Эстляндия, нынешняя Эстония, где крепостное право было отменено на пятьдесят лет раньше, чем в России, целый ряд восточных феодальных княжеств, часто рабовладельческих (Бухара, Коканд, Хива), как только они присоединялись к России, в них отменялось рабовладение. Важно отметить, насколько тонко к решению национальных вопросов подходило правительство России в то время. Человек, назначенный генерал-губернатором Туркестанского края или Закавказья, должен был знать язык и обычаи населявших эти районы народов. С большой осторожностью подходили к решению военных конфликтов.

Исследуя ту или иную государственную структуру, юристы должны оценивать ее экономическую эффективность. За годы советской власти уровень жизни рабочих повысился в 12 раз (это официальная статистика Организации Объединенных Наций), крестьян — в 19 раз. Огромных успехов достигли наука, образование, культура. Образование было бесплатным, значительные ассигнования получала наука, особенно связанная с точными отраслями, машиностроением, ракетостроением.

Разгромив фашизм, СССР стал второй ведущей державой мира. Многие страны использовали достижения советской системы. Советники президента Соединенных Штатов Ф. Рузвельта свидетельствовали, что он признавал необходимость использования опыта советской плановой системы для преодоления экономического кризиса в США. Советский опыт социальных реформ, в частности работы с трудовыми коллективами и введение бесплатного образования, тщательно изучался в Японии.

Достижения Советской власти можно и нужно было развивать, модернизировать, совершенствовать. Именно этот путь постепенного развития, использования рыночных рычагов в экономике взял на вооружение Китай. А в нашей стране была предложена схема бездумной ломки существующего строя в угоду теневым структурам и Западу, который давал определенные установки. Сегодня необходимо основательно проанализировать сложившуюся ситуацию в контексте истории.

Тенденции и традиции развития исконно российской государственности пробивают себе дорогу, разрушая всевозможные планы так называемых реформаторов и их заокеанских

учителей. В настоящее время России навязывается третий этап реформ в отношении естественных монополий, жилищно-коммунальной и пенсионной систем. Неистребима в российском обществе тяга к республиканским институтам, как то: коллективизм, объединение властей, совместное разрешение различных социальных проблем. Тенденция к соединению властей, их подключению к разрешению важнейших проблем совершенно очевидна во всем мире. Так прорастают российские традиции в развитии современной государственности. Даже поверхностный обзор этих явлений показывает, что исторические закономерности сложного и противоречивого пути российской государственности нельзя ни в коем случае игнорировать. К сожалению, это не всегда так, например, из учебника истории убрано само понятие Великой Отечественной войны и заменено второй мировой, внесены сведения о генерале Власове, но даже не упоминается маршал Г. К. Жуков. В программе, подготовленной заместителем министра высшего и профессионального образования Асмоловым, предусматривается лишь несколько лекций по истории России, и та называется историей цивилизаций. Для сравнения, в Англии преподавание английской истории занимает три года в любом государственном высшем учебном заведении.

Из вузовских учебников и планов убирается история России, а заменяется чередой мифов и фальсификаций. Вместо русской истории на старших курсах вузов и в старших классах школ предложено читать курс мировых цивилизаций. Оттесняя историю России, современные реформаторы западного толка стремятся к тому, чтобы молодежь была дезориентирована и не могла понять сегодняшний день. Французский историк Марк Блок писал: «Незнание прошлого неизбежно приводит к непониманию настоящего, но, пожалуй, столь же тщетны попытки понять прошлое, если ты не представляешь настоящее».

Теперь, когда каждый столкнулся с нашим трудным настоящим, мы можем гораздо отчетливее видеть свое прошлое и разбираться в нем, чтобы не потерять из него ни одной крупинки позитивного и отринуть все негативное и наносное. Нам выпало сложное и противоречивое время, но, как сказал один Ленинградский поэт, «времена не выбирают, в них живут и умирают». И я искренне желаю, чтобы в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов учили главному — пониманию своего времени, традиций государства, великой России, все остальное приложится. Мы — оптимисты: традиции российского общества, история создания государственности, положительные традиции победят, во что бы то ни стало.

И. И. МЕЛЬНИКОВ,

депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор, действительный член Международной Славянской академии

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Кризис в образовательной системе России, воспитании культуры взаимоотношений — следствие недооценки значения образованных, воспитанных граждан в становлении экономики, культуры, промышленности, гражданского общества. Проблемы образования, повышения культуры поведения во многом зависят от содержания, направленности информации, информационных технологий, так как они либо позволяют использовать передовой опыт, лучшие методики, учет исторического прошлого, либо навязывают зарубежный опыт, без учета традиций, социальных условий России. Нередко замалчивая то важное, эффективное, что существовало в России, в бывших союзных республиках СССР, в Российской Федерации упускается возможность хотя бы сохранить тот уровень обра-

зованности и культуры, на котором находилось более 90% граждан.

Сложная проблема в образовании — это отсутствие возможностей пользоваться информационными технологиями, способными автоматизировать умственный труд человека, выявить полезное, использовать возможности вычислительных средств. Во многих школах, особенно в сельской местности и небольших городах, крайне недостает соответствующей техники, средств на ее приобретение, ремонт, замену, модернизацию. Еще одна проблема в этой сфере — отсутствие специалистов, способных обслуживать технику, учить подрастающее поколение пользоваться ею.

Цели совершенствования информационно-правовых отношений в сфере образования и культуры:

— координация усилий всех структур Федерального и местного уровня, отвечающих за результаты образования, привнесение культуры в различные слои населения, за оснащение образовательных и культурологических учреждений техникой, технологиями, подготовленными кадрами, создание единой всероссийской системы информационно-технического обеспечения;

— разработка методологии, концепции информатизации образования и культуры;

— создание подбавляющих условий для коренного изменения отношения к понятию, содержанию, уровню культуры и его значимости для будущего Российского государства;

— повышение уровня культуры, прежде всего, должностных лиц, отвечающих за организацию и осуществление культурных акций среди различных категорий граждан и, прежде всего, — молодежи;

— обеспечение доступа широких масс к различным видам образования и, прежде всего, к специальному среднему и высшему;

— создание благоприятных условий для доступа ко всем материальным и духовным ценностям культуры;

— обеспечение культурного досуга населения.

Без совершенствования информационно-правовых отношений, подменяя их бездуховностью, пропагандой дегустации пива, оргий в ночных увеселительных заведениях и выпуская из образовательных учреждений не научившихся, как в США, даже писать «специалистов», рассчитывать нам ни на что иное не приходится. Вывод и выход один — думать о будущем России, подрастающих поколений, активно использовать ранее имевшийся опыт учить, воспитывать, готовить в жизнь людей образованных, порядочных, преданных Отечеству, своему народу. Возможно ли это? Да, но при условии, что:

— с экранов телевизоров, из радиопередач, с газетных и журнальных полос, рекламных роликов, зарисовок уйдут сюжеты с кровью, насилием, порнографией, неуважительным отношением к женщине, старшим, стражам правопорядка;

— материальные и духовные ценности станут доступными всем, а не только новым русским, их детям и обслуживающему их персоналу;

— для общества, подрастающего поколения эталоном подражания станут не киллеры, проститутки и качки, а воспитанные, благородные, преданные государству люди.

И. А. БАЧИЛО,

заведующая сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ЗАЩИТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Заявленная тема требует некоторых пояснений и, прежде всего, относительно соприкосновения, взаимозависимости информационного права с объектами, ценностями культурной сферы и их защитой. Руководствуясь вышеизложенным, определимся с понятиями: информационное право, культурные ценности или объекты культурно-правовых отношений и методы, способы их защиты посредством использования возможностей информационного права.

Право, как таковое, представляет собой информационную систему, привносящую в обслуживаемую ею среду и одновременно в среду, ее передающую, упорядочивающее воздействие. Функции права: собрать информацию (данные) о наличии соответствующих отношений, нуждающихся в правовом регулировании, создать конкретные необходимые нормы, то есть информацию о правилах поведения и отношений между субъектами, обеспечить содержание указанных норм (правил поведения), которое призвано разрешить

возникший конфликт, проблему и обеспечить соответствующее воздействие на их нарушителя. Получается, что право — есть управляющая информация, подкрепленная властно-организационными механизмами политической системы и обеспечивающая порядок действий, неотвратимость действия и, конечно, воздействия этой (правовой) информации.

Определение понятия, задач, назначения информационного права невозможно без раскрытия содержания предмета информационного права, под которым понимается та часть общественных отношений, которая связана с созданием, формированием, хранением, обработкой, распространением, использованием информационных ресурсов и их конкретных объектов, с управлением в области их формирования и использования в обществе и его отдельных структурах, с развитием и использованием новых технологий работы с информацией и технологий ее передачи в системах и сетях коммуникаций, с установлением и реализацией мер по обеспечению

безопасности в информационных сферах, а также с установлением юридической ответственности за правонарушения, допущенные в названных областях.

Направленность предмета информационного права позволяет утверждать, что под ним следует понимать совокупность правопредписаний, направленных на регламентацию отношений между его субъектами по поводу производства информации, ее поиска, получения, передачи (обмена), сбора, хранения, распространения и использования в личных, служебных и коммерческих целях.

Разобравшись с назначением информационного права, следует выяснить, какие ценности культуры находятся под его охраной, защитой.

Культурные ценности подразделяются на материальные и моральные, национальные и международные. Начнем с общего определения культуры, под которой следует понимать совокупность определенных, разноплановых знаний, сведений, данных о лицах, предметах, объектах, событиях, явлениях, фактах и процессах, необходимых для конкретных нужд, видов деятельности физических, юридических лиц, общественных объединений, наконец, для государств, в целом. Следовательно, культура может быть подразделена на социальную, личностную, общественную, национальную и международную.

Ценности материального и морального характера, относящиеся к любой области, таковыми признаются и становятся лишь после полученной о них информации. Информация,

регламентированная правопредписаниями, автоматически становится информационно-правовой. Как уже подчеркивалось ранее, правовая информация служит для упорядочения отношений, разрешения коллизий, споров, а, следовательно, и для защиты разного рода сведений информационного характера.

Культурные ценности национального характера, достоинства находятся под охраной национального информационного права, а те, которые признаны международными, охраняются, защищаются нормами международного права¹. К числу основных международно-правовых актов указанной области относятся: Рекомендации ЮНЕСКО от 13 ноября 1964 г. «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза, передачи прав собственности на культурные ценности» и Конвенция «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза, передачи прав собственности на культурные ценности», принятая Генеральной Конференцией ЮНЕСКО на XIV сессии 14 ноября 1970 г.

Из вышеизложенного следует, что информационное право имеет непосредственное отношение не только к пропаганде культурных ценностей, но и, это очень важно, к их защите, сохранению. Механизм организации и осуществления защиты² культурных ценностей включает в себя определенную совокупность методов, средств и способов, закрепленных национальным правом, в том числе, информационным и международным законодательством, о котором упоминалось ранее.

П. П. ГЛУЩЕНКО,

декан юридического факультета, заведующий кафедрой государственного права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Почетный адвокат России

КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

В юридической науке (как национальной, так и международной) под объектами любого вида правоотношений принято понимать охраняемые законопредписаниями ценности материального и морального характера, по поводу которых вступают во взаимоотношения юридические и физические лица.

Для того чтобы определить, что же в сфере культурных правоотношений следует отнести к объектам международно-правовой охраны, необходимо, как нам представляется, разобраться в следующем: что именно из культурных ценностей морального и материального характера находится под охраной норм международного права, и каким обра-

зом приводится в действие механизм международно-правовой охраны.

Ранее нами уже определено содержание культурных ценностей международного значения, к которым относятся движимое и недвижимое имущество, имеющее большую

¹ Подробнее см.: *Глущенко П. П.* Проблемы государственно-правовой защиты культурных ценностей: Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева. Международные Лихачевские научные чтения. 24–25 мая 2001. СПб., 2001. С. 51–53.

² Подробнее см.: *Глущенко П. П.* Правовая самооборона (проблемы социально-правовой защиты прав, свобод и интересов граждан). Монография. СПб., 1999.

значимость для народов мира¹. Ответ на первый наш вопрос, касающийся того, что именно из культурных ценностей находится под охраной норм международного права, содержится в таких международно-правовых актах, как: Рекомендации ЮНЕСКО от 13 ноября 1964 года «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза, передачи прав собственности на культурные ценности» и Конвенция «О мерах, направленных на закрепление и предупреждение незаконного вывоза, ввоза, передачи прав собственности на культурные ценности», принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО на XIV сессии 14 ноября 1970 года.

Ответ на второй вопрос сложнее, ибо что касается обращения к механизму международно-правовой защиты культурных ценностей национального и международного значения, то в настоящее время существует несколько точек зрения. Определенная часть как отечественных, так и зарубежных юристов, политиков, специалистов в области археологии, культуры и искусства считает, что под международно-правовой охраной имеют право находиться только те культурные ценности, которые признаны таковыми ЮНЕСКО. В этой части с ними нельзя не согласиться, однако сложно оспорить то, что для каждого государства, нации, народа свое историческое, традиционное не менее дорого, ценно, чем попавшее в списки ЮНЕСКО.

Ведь не секрет, что особенно в последнее десятилетие из России увозят (по крайней мере стремятся это сделать) бесценные предметы культуры, искусства, живописи, литературы, нанося колоссальный, непоправимый ущерб культурному наследию, будущему народов Российской Федерации. Однако не только государство, его представительства, но и граждане вправе прибегнуть к механизму международно-правовой защиты объектов культуры.

Под механизмом международно-правовой защиты культуры и ее объектов, как нам пред-

ставляется, следует понимать совокупность методов, способов, средств и направлений, санкционированных либо не запрещенных международным правом, используемых для охраны, реализации и защиты культурного наследия, имеющего статус международного. Обращаться к указанному механизму могут не только специализированные органы и организации, но и отдельные физические лица, имеющие отношение к охране, хранению, перевозке, восстановлению, возвращению, реставрации и т. д. соответствующих объектов. Граждане, в собственности которых находятся объекты культурного наследия международного уровня, признанные таковыми компетентными органами, организациями либо ведущими специалистами, также вправе обращаться к международно-правовому механизму за защитой, восстановлением, возвращением ценностей².

Выбор той или иной составной части механизма международно-правовой защиты объектов международного культурного наследия (методов, способов, средств, направлений) зависит от существа посягательства на него и полномочий соответствующих структур, наделенных правом и обязанностью стоять на страже таких ценностей. Успешность же срабатывания механизма находится в зависимости от своевременности обращения к нему и подготовленности тех, кто обязан точно выбрать указанные выше его составные части с тем, чтобы получить положительный результат.

Лучший способ защиты объектов международного культурного наследия — не допустить даже малейших нарушений в процессе их хранения, перевозки, реставрации и особенно выставок. Приведенный механизм международно-правовой охраны требует постоянного совершенствования, а соответствующие органы, организации и физические лица — подготовки и переподготовки. Будем надеяться на то, что данная статья, а также приведенные нами работы будут способствовать и тому и другому.

В. В. ПЫЛИН,

профессор кафедры государственного права СПбГУП,
доктор юридических наук

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИХ В РОССИИ

Правовая культура представляет собой достигнутый уровень развития правовой организации жизни людей. Основными элемента-

ми правовой культуры являются правовые воззрения, нормы, институты (учреждения) и поведенческие отношения. О правовой куль-

¹ Подробнее см.: *Глуценко П. П.* Проблемы государственно-правовой защиты культурных ценностей: Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева // Международные Лихачевские научные чтения 24–25 мая 2001 г. СПб., 2001. С. 51–53.

² Подробнее см.: *Глуценко П. П.* Правовая самооборона (проблемы социально-правовой защиты прав, свобод и интересов граждан): Монография. СПб., 1999. С. 38–51; *Глуценко П. П., Кикоть В. Я.* Теория и практика социально-правовой защиты

туре конкретного гражданского общества и его государства судят с позиций современных мировых достижений в области действующих правовых систем, институтов (учреждений) государственной и муниципальной власти, правосознания и поведенческих отношений граждан.

Основные международные правовые принципы и стандарты организации и развития местного самоуправления установлены в Европейской хартии местного самоуправления, а также (с учетом того, что главной функцией местного самоуправления является соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина) в целом ряде других международных актов, закрепляющих права человека. Важнейшими из них являются Всеобщая декларация прав человека, утвержденная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, и Международный пакт о гражданских и политических правах, вступивший в силу в 1976 году.

Конституционное и законодательное закрепление в России принципов местного самоуправления в основном соответствует международным стандартам в области местного самоуправления и основным гражданским и политическим правам и свободам человека. Однако законодательное регулирование этих принципов и стандартов и их практическое осуществление в нашей стране страдают многими недостатками.

Несоответствие работы местной власти конституционно-правовой природе порой столь очевидно, что позволяет многим не только публицистам, но и ученым и специалистам не без основания говорить о том, что местного самоуправления у нас нет. К сожалению, подобные утверждения приходится слышать все чаще и чаще¹. Так же как нередко утверждения и о том, что до тех пор, пока местное самоуправление будет влачить полунищенское существование, оно нереально. Конечно, без стабильной и достаточной финансовой базы муниципальная власть не может обеспечивать удовлетворение основных жизненных потребностей населения в сферах, отнесенных к ведению муниципальных образований. Но и без местного самоуправления невозможны создание необходимой финансово-экономической базы, эффективно управления на местном уровне, демокра-

тия, общественный порядок и законность. Предложения о введении местного самоуправления постепенно, по мере создания нужных для этого предпосылок, утопичны. Восстановить утраченное и обеспечить дальнейшее развитие можно быстрее и успешнее, только опираясь на органы местного самоуправления, а через них — на местные сообщества.

Тем не менее вопреки всем подобным пессимистическим взглядам и оценкам, местное самоуправление является крупнейшим собственником в нашей стране и, несмотря на свою полунищенскую ресурсную базу, благодаря подчас только упорству и энтузиазму многих своих руководителей и специалистов, повседневно решает множество вопросов, связанных с непосредственным обеспечением жизнедеятельности населения. Другой вопрос — как справедливо многими отмечается, эффективность местного самоуправления в целом по стране крайне низка, особенно во многих малых городских поселениях и в сельской местности. Диагноз всему этому давно поставлен, так же как обоснован и курс лечения. Много ценного и конструктивного в этом отношении содержится в Послании Президента России В. В. Путина Федеральному собранию РФ на 2002 год², в его выступлении на заседании Президиума Государственного совета РФ в феврале 2001 года³, в «Основных положениях государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации», утвержденных Указом Президента РФ от 15 октября 1999 года № 1370⁴, а также в материалах целого ряда научно-практических конференций, парламентских слушаний, дискуссий на страницах авторитетных журналов, в трудах видных ученых и специалистов.

Безусловно, большая часть проблем, существующих сегодня в организации и деятельности местного самоуправления, проистекает прежде всего из-за отчуждения от него широких масс населения.

В последние годы общественная активность людей резко снизилась и продолжает сокращаться. Для массового общественного сознания людей характерно нарастание гражданской глухоты, пассивности, отчуждения от проблем государства и местных сообществ, правовой нигилизм, должностное разгильдяйство, пренебрежение к нормам морали, равнодушие друг к другу, к чужой и даже

конституционных прав, свобод и интересов граждан в Российской Федерации: Учебник. М., 2002. С. 62–99.

¹ См. например: *Атаманчук Г.* Нам не нужны виртуальные муниципальные образования // *Российская Федерация сегодня.* 2001. № 6. С. 34–35; *Кирпичников В.* Выступление 19 января 2001 года на парламентских слушаниях // *Выборы. Законодательство и технологии.* 2001. № 2. С. 3–5.

² *Российская газета.* 2002. 19 апреля.

³ *Путин В. В.* Нужно вернуть престиж местного самоуправления // *Российская газета.* 2001. 28 февраля.

⁴ *Собрание законодательства РФ.* 1999. № 42. Ст. 5011.

собственной жизни. Причин здесь много. Среди них и обвальное разочарование в политике и в политиках, и обремененность проблемами выживания, и понимание того, что в нынешних условиях «все равно от меня ничего не зависит». Негативное влияние оказывает и то, что нынешние преобразования общества осуществляются в основном в отрыве не только от широких масс граждан, но и от общестственности. Однако успех реформ зависит не столько от желаний и целей политической элиты, сколько от выбора таких путей, которые обеспечивали бы ей опору в местных сообществах, среди широких масс граждан на местах. Ведь по каким бы привлекательным моделям ни конструировались местное самоуправление и локальная демократия, их дееспособность и реальное содержание определяются прежде всего участием и политической культурой населения.

Ключевой вопрос состоит в осознании того, что обновление жизни возможно лишь на основе свободы, самостоятельности и участия самого народа в осуществлении власти законодательной и в контроле над властью исполнительной. Главное — пробудить у людей сопричастность идущим в обществе преобразованиям, преодолеть сложившуюся в последние годы апатию, обеспечить разумный баланс между индивидуальными и коллективными интересами.

В любом местном сообществе наиболее продуктивен тот характер самоуправления, который позволяет максимально развиваться инициативе, самостоятельности, непосредственной и представительной демократии, который максимально стимулирует самоорганизацию экономических и политических сил.

Прошло более восьми лет после принятия Конституции РФ, а и без того низкий уровень народовластия в системе местного самоуправления вопреки конституционным установлениям продолжает снижаться, по-прежнему происходит отчуждение населения от местной власти. Формирование органов местного самоуправления почти в половине территорий так и не закончено. Референдум в большинстве муниципальных образований не используется вообще. Так, за два последних года (2000–2001) в стране было назначено лишь 43 местных референдума, больше половины из них не состоялись из-за низкой явки граждан. Народное обсуждение важнейших вопросов проводится очень редко. Влияние населения на власть чаще всего заканчивается у избирательной урны. А из-за массового неучастия избирателей в выборах во многих местах легитимность избран-

ных местных органов власти и управления остается очень низкой. Контроль снизу, со стороны местных сообществ за деятельностью органов местного самоуправления практически отсутствует, а отсюда — множество фактов беспредела.

Основные причины подобного положения не только в низком уровне научного и законодательного обеспечения местного самоуправления, из-за недоработки которого практическая работа часто осуществляется вслепую, с использованием далеко не самого рационального способа проб и ошибок, но и в неумении, а подчас и нежелании многих исполнительных органов (как региональных, так и местных) строить управление на механизмах демократии, делиться властью с гражданами и их представителями.

Практически все, кто размышляет о причинах низкого уровня местного самоуправления, справедливо указывают на необходимость повышения роли и статуса его представительных органов, в том числе за счет увеличения количества депутатов, которое в среднем по России составляет лишь 9–10 депутатов на одно муниципальное образование. Если еще 12 лет назад интересы своих избирателей в стране представляли свыше 1 миллиона 100 тысяч депутатов местных Советов и заодно проходили хорошую школу по приобретению навыков управления, то сейчас на местах избирается только около 130 тысяч депутатов, т. е. почти в 9 раз меньше.

Вследствие подобной практики многие городские и сельские поселения остаются без своего депутата в представительных органах местного самоуправления, а представительным органам не удается образовать полноценные постоянные комиссии и обеспечить действенную связь с населением.

Зарубежный опыт свидетельствует о стремлении формировать местные представительные органы достаточно большой численности на всех уровнях. В Финляндии и Норвегии Советы коммун избираются в составе от 13 до 85 человек. В Германии районные Советы избираются в составе от 20 до 80 членов, а Советы общин — от 5 до 80 человек¹.

Однако при всевластии главы муниципального образования представительные органы часто становятся демократической ширмой — от того, что в них нет ни одного депутата, работающего на постоянной основе, нет своего аппарата. В большинстве муниципальных образований это приносит больше вреда, чем пользы — оттого, что они во многом бесправ-

¹ См.: Харлоф Э. Местные органы власти в Европе. М.: Финансы и статистика, 1992.

ны. Важно законодательно закрепить, что исполнительные органы и руководители их структурных подразделений подотчетны представительным органам, которые вправе выразить недоверие главе муниципального образования, а также руководителям структурных подразделений местной администрации, вправе отменить акты главы муниципального образования, противоречащие законодательству и решениям представительного органа, принятым в пределах его компетенции.

К числу наиболее важных и острых проблем относятся вопросы, связанные с неопределенностью и неурегулированностью собственной компетенции органов местного самоуправления для каждого его уровня, разграничения ее с компетенцией органов государственной власти, а также в целом системы взаимоотношения государственных и муниципальных органов и, в частности, порядка осуществления муниципальной властью отдельных государственных полномочий. Эти проблемы носят принципиальный характер, они являются основой в построении системы власти и управления, требуют первоочередного четкого правового оформления.

Пока и в науке конституционного и муниципального права нет четкой выверенной теории по данному вопросу. Все это порождает серьезные сложности, проблемы и коллизии. Решить эти проблемы можно. Прежде всего необходимо точно обозначить место и роль местного самоуправления в системе власти и управления России. Без решения этих фундаментальных теоретических и практических вопросов нельзя выстроить отвечающую современным требованиям единую систему данных взаимоотношений.

Нельзя продолжать игнорировать то, что местное самоуправление как составная часть единой публичной власти является децентрализованным и организационно обособленным институтом государственного механизма, выступающим в качестве административной организации по обеспечению жизнедеятельности населения муниципального образования в соответствии с государственными социальными стандартами и общим национальным и политическим курсом органов государственной власти. Одновременно оно является институтом самоуправления и самоорганизации населения для самостоятельного и ответственного решения непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения.

Излишняя децентрализация и абсолютная самостоятельность местного самоуправления не являются благом. Они препятствуют согласованности общенациональных и общерегиональных усилий, создают возможность для всякого рода злоупотреблений, местничества, ведут к дроблению системы исполнительной власти, к снижению ее эффективности, а нередко и к прямому противостоянию.

Необходимо найти надлежащий баланс между децентрализацией государственной власти и самостоятельностью муниципальных образований, адекватный реальным условиям, а также тем задачам, которые ставятся перед государственным управлением и местным самоуправлением. Все это не должно противоречить принципу единой исполнительной вертикали, обеспечивающей единство и управляемость государства. Эта модель должна базироваться на совокупности принципов подчинения, партнерства и субсидиарности.

А. В. СТРЕМОУХОВ,

заведующий кафедрой трудового и профсоюзного права СПбГУП,
доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент
Международной академии акмеологических наук

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Признание Конституцией РФ человека высшей ценностью, а его прав неотчуждаемыми вызывает необходимость создания механизма их эффективной защиты. Такая необходимость, безусловно, распространяется и на права в сфере культуры.

Культура представляет собой одно из явлений общественной жизни, качественно характеризующая образ жизни людей, понимаемый как способ материальной и духовной жизне-

деятельности в предлагаемых условиях и обстоятельствах¹.

Термин «культура» обычно имеет различную смысловую нагрузку. В самом широком смысле слова культура была определена Всемирной конференцией по политике в области

¹ См.: Горанов К. Культура и искусство в быстро меняющемся мире // Искусство в системе культуры: социологические аспекты. Л., 1981. С. 9.

культуры (Мехико, 1982 год) как «совокупность ярко выраженных черт, духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, характеризующих общество или социальную группу. Культура охватывает помимо искусства и литературы образы жизни, основные права человека, системы ценностей, традиции и веры»¹.

В узком понимании *культура* — это обусловленная требованиями общества мера и способ деятельности людей на основе высокого уровня образованности (в том числе и информационно-правовой), убежденности, активности и умелости². Культура имеет множество форм и проявлений. Различают культуру духовную и материальную, национальную, религиозную и пр.

Культуры разных стран влияют друг на друга, происходит их взаимопроникновение. На конференции в Мехико государства признали, что культурная самобытность народов обновляется и обогащается в результате знакомства с традициями и ценностями других народов. Культура — это диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций других; в изоляции она увядает и погибает³.

В современной жизни каждый человек имеет право на пользование достижениями культуры, причем не только своего народа, но и других стран и народов. Эти права определены в Конституции РФ и многих документах по правам человека. В частности, в Конституции РФ записано: «Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» (п. 2 ст. 44).

В ст. 27(1) Всеобщей декларации прав человека говорится: «Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном процессе и пользоваться его благами».

Ст. 15 (1) Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах гласит: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на: а) участие в культурной жизни; б) пользо-

вание результатами научного прогресса и их практического применения; в) пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является».

Международный пакт о гражданских и политических правах провозглашает: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» (ст. 27).

Право на участие в культурной жизни, вероятно, следует трактовать широко, понимая его как право на пользование достижениями мировой культуры, а не только культуры в рамках одного государства. Для обеспечения этого права государства обязаны сотрудничать в культурной области, создавать для своих граждан благоприятные международные условия⁴.

Основная цель правового обеспечения — упорядочение общественных отношений, а значит, оно тесно связано с правовым регулированием⁵. Категория правового регулирования достаточно разработана в научной литературе⁶.

Правовое регулирование в динамике именуют механизмом правового регулирования. В юридической литературе убедительно доказано, что одним из элементов этого механизма является механизм правовой (информационно-правовой) защиты прав человека⁷, в том числе, безусловно, и культурных прав.

Существует, таким образом, научная основа, позволяющая исследовать формы и

⁴ См.: Галенская Л. Н. Предисловие // Международно-правовые документы по вопросам культуры / Сост. и науч. ред. сб. А. С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 1996. С. 8.

⁵ См.: Агапов А. Б. Некоторые проблемы информационно-правового обеспечения деятельности общественных объединений в Российской Федерации // Государство и право. 1994. № 2.

⁶ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Т. 4: Социалистическое право. Гл. 2. М., 1973.; Теория государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. М., 1985. С. 292–309; Проблемы теории государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. М., 1987. С. 224–327; Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

⁷ См.: Глуценко П. П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (теория и практика): Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 1998. С. 59–84.

¹ Декларация Мехико по политике в области культуры // Культуры: диалог народов мира. ЮНЕСКО, 1984. № 3. С. 77.

² О понятии «культура» подробно см.: Стремлюхов А. В. Воспитание политической культуры у политработников органов внутренних дел: Пособие. Л.: Высшее политическое училище МВД СССР им. 60-летия ВЛКСМ, 1996. С. 10–16.

³ Декларация Мехико по политике в области культуры // Культуры: диалог народов мира. ЮНЕСКО, 1984. № 3. С. 77.

методы информационного воздействия на защиту культурных прав в общем контексте их правового обеспечения. Поэтому информационно-правовая защита, рассматриваемая с этих позиций, предусматривает взаимосвязь и единство ее основных элементов — информационной и правовой защиты.

Информационно-правовые отношения, возникающие в сфере защиты культурных прав, достаточно обширны по содержанию и регулируются соответствующим законодательством. Характеристика информационного законодательства основывается на понятии информационной сферы как совокупности норм, регулирующих взаимосвязанные области производства и преобразования информации, необходимых для формирования информационных ресурсов, получения и распространения информационных продуктов, предоставления информационных услуг, поиска, получения и потребления информации пользователями, создания и применения механизмов и средств обеспечения информационной безопасности¹.

Информационно-правовые нормы², содержащиеся в различных нормативных правовых актах, регламентируют права, обязанности и ответственность субъектов информационных отношений в сфере культуры при производстве, распространении и использовании информации, содержащейся на материальных носителях. Нормы права могут запрещать субъектам культурных прав в информационных отношениях совершать некоторые действия, предписывать конкретное поведение (публичное право) либо разрешать самим свободно определять характер взаимоотношений друг с другом на договорной основе (частное право).

Информационное законодательство представляет собой самостоятельную отрасль, которая начала формироваться с принятием Декларации прав человека и гражданина (22 ноября 1991 года) и Конституции Российской Федерации, провозгласивших фундаментальный принцип, в соответствии с которым каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять

информацию любым законным способом. Это положение касается не только граждан, но и юридических лиц и самого государства.

Качественное обновление общества, становление рыночной экономики и построение демократического правового государства потребовало принятия Концепции правовой информатизации России, что преследовало цель обеспечить правовую информированность всех структур общества и каждого гражданина³.

За период после принятия Конституции было сформировано информационное законодательство, источниками которого являются нормы конституционного уровня, федеральные законы о вопросах информатизации, специальные законы, регулирующие информационные отношения в различных сферах общественного развития. Гражданский кодекс РФ впервые отнес информацию к объекту гражданских прав и регламентировал действия с информацией, составляющей служебную и коммерческую тайну. В Уголовном кодексе РФ предусмотрена ответственность за преступления в информационной сфере. В состав информационного законодательства входят подзаконные акты. Важное место среди них занимают Указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и ведомственные акты. По различным оценкам, только за период 1991–1995 гг. было принято 500 нормативных правовых актов в информационной сфере⁴.

Анализ этих актов показывает, что основополагающими принципами информационно-правовой защиты являются: свобода информации и равенство субъектов информационных отношений, достоверность, полнота и своевременность информации, соблюдение требований законности и правопорядка в информационных отношениях, информационная безопасность и защита информации, ограничение доступа к отдельным видам информационных ресурсов. Названные принципы закрепляют определенные нормы информационно-правовой защиты, складывающейся в сфере культурных прав⁵.

³ О Концепции правовой информатизации России: Указ Президента РФ // САНП. 1993. № 27. Ст. 2521.

⁴ См. работы: *Бачило И. Л.* Правовое регулирование процессов информатизации // Государство и право. 1994. № 12. С. 73; *Волчинская Е. К.* Информационные технологии и право. Проблемы развития законодательства // Защита прав создателей и пользователей программ для ЭВМ и баз данных. М., 1996. С. 12–13; *Гаврилов О. А.* Информатизация правовой системы России. М., 1998. С. 44.

⁵ См.: *Северин В. А.* Правовое регулирование информационных отношений // Российская академия юридических наук: Научные труды. Т. 2 / Ред. кол. Ф. А. Григорьев и др. М.: Юрист, 2001. С. 299 и след.

¹ См.: *Бачило И. Л., Копылов В. А., Брусницын Н. А., Курило А. П.* О концепции правового обеспечения информатизации России. М., 1993. С. 3–20; *Копылов В. А.* Информационное право: Учеб. пособие. М., 1997. С. 26–135.

² Представляется, что введенный в оборот термин «информационно-правовые нормы» имеет право на существование, по аналогии с гражданско-правовыми, уголовно-правовыми и т. п. нормами. (См.: *Тихомиров Ю. А.* Информационный статус субъектов права. М., 1992; *Труды института законодательства и сравнительного правоведения.* № 52. С. 23.)

С учетом специфики информационно-правовой защиты культурных прав человека в ней выделяют ряд направлений:

1. Охрана и защита прав на пользование средствами массовой информации (СМИ). Закон РФ от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации»¹ регулирует отношения, связанные с поиском, получением, производством и распространением массовой информации, под которой понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. Закон допускает создание и распространение средств массовой информации с использованием новых информационных технологий и устанавливает недопустимость цензуры и разглашения сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну, регулирует организацию деятельности СМИ и их отношения с гражданами.

Вместе с тем, несмотря на свободу массовой информации, законодательно закреплена ответственность субъектов за доведение через СМИ заведомо ложной информации о культурной деятельности человека.

2. Защита культурного права на получение информационных услуг и пользование информацией. Важным правовым актом в этой области является Федеральный закон от 20 февраля 1995 года «Об информации, информатизации и защите информации»², который регулирует отношения, возникающие при формировании и использовании информационных ресурсов на основе создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и предоставления потребителю документированной информации, в том числе и в области культуры.

Под информационными ресурсами, как считает В. А. Северин, следует понимать отдельные документы и массивы документов, в том числе в информационных системах (библиотеках, архивах и т. д.). Информационные ресурсы, относящиеся к духовной культуре, защищаются нормами законодательства наряду с материальными, финансовыми и другими ресурсами. Информационные ресурсы могут находиться в собственности различных субъектов права. Государственные информационные ресурсы являются открытыми и общедоступными, за исключением тех, что отнесены законом к категории ограниченного доступа. Собственник (владелец) информационных ресурсов самостоятельно определяет порядок получе-

ния пользователем информации, причем сведения об условиях доступа к ней предоставляются бесплатно. Отказ человеку в доступе к информационным ресурсам может быть обжалован в судебном порядке³.

В целях формирования информационных ресурсов законодательством предусмотрена обязанность различных субъектов предоставлять в государственные и муниципальные органы сведения об их деятельности или обязательные экземпляры документов. Федеральный закон от 29 декабря 1994 года «Об обязательном экземпляре документов»⁴ обязывает предприятия независимо от их организационно-правовой формы представлять обязательный экземпляр различных видов документов в библиотеки и органы научно-технической и иной информации, кроме документов личного и секретного (конфиденциального) характера.

Информационными ресурсами считаются и персональные данные о гражданах, которые собираются и накапливаются в различных государственных и муниципальных органах, на предприятиях и в общественных организациях. Конституция провозгласила право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, которое получило дальнейшее развитие в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации». Закон относит персональные данные к категории конфиденциальной информации и устанавливает ограничение на обращение такого рода информации. В частности, не допускается сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, кроме как на основании судебного решения.

3. Большое значение для информационно-правовой защиты культурных прав имеют Основы законодательства РФ о культуре от 9 октября 1992 года⁵ и Федеральный закон от 29 декабря 1994 года «О библиотечном деле»⁶, которые устанавливают принципы деятельности библиотек, права человека на свободный доступ к духовным ценностям, свободное духовное развитие, научную и образовательную деятельность.

4. Нормы информационно-правовой защиты права на пользование архивами устанавливают Основы законодательства Российской Федерации от 7 июля 1993 года «Об Архив-

¹ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

² СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609.

³ См.: Северин В. А. Правовое регулирование информационных отношений // Российская академия юридических наук: Научные труды. Т. 2 / Ред. кол. Ф. А. Григорьев и др. М.: Юрист, 2001. С. 300 и след.

⁴ СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 1.

⁵ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

⁶ СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 2.

ном фонде Российской Федерации и архивах»¹. Они регулируют формирование, организацию хранения, учет, использование архивов в целях обеспечения сохранности архивных документов и использования их в интересах граждан, общества и государства. Под архивным документом понимается документ, который в силу его значимости для общества подлежит сохранению. Архивный фонд РФ образуют архивные фонды и архивные документы независимо от источника их образования, вида носителя, места хранения и формы собственности предприятия. Законом запрещено создание тайных архивов, затрагивающих права граждан.

5. Относительно молодым в нашей стране является право на пользование всемирной информационной сетью. В силу ряда факторов (относительной новизны интернет-отношений, отсутствия соответствующего законодательства и недостатка элементарной компьютерной грамотности) юрисдикционная практика правовой защиты, судебная и административная, указанного права еще не сложилась. Более того, процесс формирования такой практики пока нельзя назвать реально начавшимся.

Юрисдикционные органы оказались в довольно сложном положении: возникла новая система общественных отношений, связанная с совершенно новыми технологиями. Чтобы применить к подобным отношениям нормы существующего законодательства, нужно как минимум понимать сущность и содержание этих отношений. А это последнее условие зачастую невыполнимо, поскольку очень многие судьи и государственные служащие с трудом представляют себе, что такое Интернет (особенно характерна такая ситуация для периферии). Кроме того, в спорах, связанных с нарушением исключительных прав на программное обеспечение в Интернете, в большинстве случаев требуется расширительное толкование норм права, поскольку в авторском законодательстве отсутствуют какие-либо ссылки на специфику защиты авторских прав в глобальных компьютерных сетях².

В связи с вышеназванными обстоятельствами, как совершенно справедливо замечает Е. В. Смыслина, неюрисдикционная форма защиты исключительных прав на программное обеспечение в Интернете является на сегодняшний день господствующей. И такую ситуацию нельзя признать нормальной, поскольку ку гарантом защиты прав граждан должно

быть именно государство в лице юрисдикционных органов, так как только государство может обеспечить принудительное осуществление этих прав. Отсутствие реальной гарантии судебной защиты исключительных прав на программы для ЭВМ в Интернете ведет к одному результату — очередной деформации отечественного рынка программного обеспечения и полной незащищенности правообладателей в российском секторе Интернета³.

Неюрисдикционная форма информационно-правовой защиты культурного права на пользование всемирной сетью — это совершение действий по защите исключительных прав на программы для ЭВМ в Интернете правообладателями самостоятельно, без помощи юрисдикционных органов. В границах указанной формы защиты правообладателями может быть применен целый ряд способов защиты исключительных прав, предусмотренных ст. 12 ГК РФ, ст. 49 Закона РФ от 9 июля 1993 года «Об авторском праве и смежных правах»⁴ (с изм. и доп. от 19 июля 1995 года), ст. 18 Закона РФ от 23 сентября 1992 года «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных»⁵. Способы и средства защиты исключительных прав на программное обеспечение в Сети, применимые в рамках неюрисдикционной формы защиты, можно разделить на: а) правовые (юридические) способы защиты; б) программные средства защиты; в) организационные средства защиты.

6. Информационно-правовую защиту передачи и получения информации в области культурных прав с участием иностранных физических и юридических лиц, а также на уровне межгосударственных отношений регулирует Федеральный закон от 4 июля 1996 года «Об участии в международном информационном обмене»⁶.

Таким образом, законодательство об информационно-правовой защите культурных прав человека основывается на конституционных нормах, закрепляющих право каждого свободно искать, получать, производить и распространять информацию о культурных правах и ценностях любым законным способом, а также на соответствующих положениях Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации».

³ См.: Смыслина Е. В. Защита исключительных прав на программы для ЭВМ в глобальных компьютерных сетях // Российская академия юридических наук: Научные труды. Т. 1. М.: Юрист, 2001. С. 313 и след.

⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1242.

⁵ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2325.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3347.

¹ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1311.

² См.: Смыслина Е. В. Защита исключительных прав на программы для ЭВМ в глобальных компьютерных сетях // Российская академия юридических наук: Научные труды. Т. 1. М.: Юрист, 2001. С. 313 и след.

И. Е. ТАРХАНОВ,

профессор кафедры международного и зарубежного права СПбГУП,

доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Международные правоотношения — это общественные отношения между субъектами международного права, носящие безличностный характер, то есть они не являются отношениями между отдельными государствами. Основными субъектами международных правоотношений являются государства. Государства, вступая в правоотношения, вносят в них свои права и обязанности. Международное право определяет и регулирует взаимоотношения между субъектами правоотношений в соответствии с их правами и обязанностями. Правоотношение обеспечивается возможностью государственного принуждения.

Международные правоотношения имеют сложный состав. Их элементами являются субъекты, то есть участники. Кроме того, правоотношения имеют свое содержание и свой объект, на который они направлены.

В противопоставление правоотношению выступает силовое отношение. Это международные отношения, регулируемые силой. В этих отношениях игнорируется принцип справедливости. Основу правоотношений составляет искусство добра и справедливости — *jus est ars boni et aequi*.

Анализируя современные международные отношения, то есть правоотношения, основанные на принципах международного права, на принципах Устава ООН, нетрудно заметить, что одни государства не только публично признают, но и строго соблюдают эти принципы (Россия, страны СНГ), другие государства, на словах признавая эти принципы, фактически ими не руководствуются

(например, государства, входящие в агрессивный блок НАТО), а некоторые агрессивные государства и страны вообще не признают основных принципов международного права и открыто их игнорируют.

Можно констатировать, что подавляющее большинство государств в своих действиях на мировой арене действует в строгом соответствии с международными правоотношениями и стремится к укреплению международного правопорядка. Наглядным примером таких правоотношений является внешнеполитическая деятельность Советского Союза и Российской Федерации. СССР на протяжении всей своей истории стремился к укреплению мира и безопасных международных отношений. Благодаря усилиям СССР удалось урегулировать отношения между государствами после Второй мировой войны, защитить международные интересы СССР и других стран, решить сложные международные проблемы послевоенного устройства, вести решительную дипломатическую борьбу против международных силовых отношений.

Главная особенность современного мира состоит в том, что, несмотря на его сложность и разнообразие, миролюбивые государства и их народы хорошо усвоили свои суверенные права и убеждены, что в современном мире невозможно управлять мировыми процессами по воле какого-либо иностранного государства. На мировой арене появились новые мировые центры, например, Индия, Китай, Бразилия и другие, вес которых в руководящих центрах мира, особенно в ООН, продолжает расти.

А. И. ЗЯБКИН,

заведующий кафедрой международного и зарубежного права СПбГУП,

кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЕЛЕНИЯ

В настоящее время в современном международном праве насчитывается более 60 специальных международно-правовых актов универсального и регионального характера, регламентирующих отношения его субъектов в сфере выявления, охраны и популяризации объектов культурного наследия¹.

Объектом охраны в международном праве являются все культурные ценности в самом широком смысле этого понятия.

¹ См.: Международно-правовые документы по вопросам культуры / Сост. и науч. ред. проф. А. С. Запесоцкий. СПб., 1996.

Термин «культурные ценности» универсален и в числе других включает в себя наиболее значимую, особо ценную их часть — культурное наследие. Вместе с тем следует отметить, что в существующих международно-правовых актах не дается универсальных дефиниций вышеуказанных понятий.

Практически в каждом правовом акте содержатся свои определения, используемые в рамках того или иного документа, исходя из его конкретных целей и задач.

Представляется, что наиболее полное определение культурных ценностей содержится

в ст. 1 Конвенции об охране культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, принятой на дипломатической конференции под эгидой ЮНЕСКО. Согласно этой Конвенции, культурными ценностями считаются независимо от их происхождения и владельца:

а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше;

б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте а), такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте а);

в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах а) и б), так называемые «центры сосредоточения культурных ценностей». К числу таких центров могут быть отнесены исторические кварталы в больших городах или исторические города целиком, такие, например, как Венеция, Флоренция, Суздаль.

Все объекты, рассматриваемые Конвенцией как культурные ценности, подпадают под общую защиту. Специальная защита предоставляется ограниченному кругу особенно важных объектов, сохранение которых имеет значение не только для одной страны, но для человечества в целом. Специальная защита предоставляется «центрам сосредоточения культурных ценностей» и укрытиям, предназначенным для их хранения.¹

Эти ценности должны регистрироваться Генеральным директором ЮНЕСКО в специальном реестре и иметь особый отличительный знак, который представляет собой заостренный книзу щит, разделенный на четыре части, синего и белого цветов.

Наиболее широкий характер определения «культурная ценность» наряду с Конвенцией 1954 года содержат Рекомендации ЮНЕСКО

о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности 1964 года и одноименная Конвенция ЮНЕСКО 1970 года. Конвенция 1970 года имеет предметом своего регулирования исключительно движимые культурные ценности — ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки (в ст. 1 Конвенции содержится список таких ценностей, разделенный на 11 категорий)². Более развернутое определение понятия «движимые культурные ценности» дается в Рекомендациях ЮНЕСКО 1978 года. Там же содержится список предметов, отнесенных к движимым культурным ценностям³. Этот список состоит также из 11 категорий, но отличается от перечня Конвенции 1970 года.

В дальнейшем список движимых культурных ценностей был дополнен Рекомендацией ЮНЕСКО об охране и сохранении движущихся изображений 1980 года, которая содержит перечень таких «движущихся изображений»⁴, и Рекомендацией 1989 года, посвященной проблематике комплексного сохранения фольклора.

На региональном уровне наиболее детальная классификация культурных ценностей дается в Постановлении ЕС № 3911/92 Совета Европейских сообществ от 09.12.92 о вывозе культурных ценностей, в котором выделяется 14 категорий таких ценностей⁵.

Наряду с понятиями «культурная ценность», «культурное достояние» в международно-правовых актах универсального и регионального характера применяется термин «культурное наследие».

Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года относит к культурному наследию три категории объектов: памятники, ансамбли и достопримечательные места.

К первой категории относятся «произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки».

² Молчанов С. Н. Об использовании понятий «культурные ценности» и «культурное наследие» (достояние) в международном праве (информационно-аналитический обзор) // Московский журнал международного права. 2000. № 2.

³ Там же.

⁴ Молчанов С. Н. Указ. соч.

⁵ Молчанов С. Н. Указ. соч.

¹ Подробнее о мерах по защите культурных ценностей см.: Богуславский М. М. Международная охрана культурных ценностей. М., 1979.

Ко второй категории отнесены группы изолированных или объединенных строений, которые в силу их архитектуры, единства или связи с пейзажем представляют особую ценность с точки зрения истории, искусства или науки.

Развернутое определение понятия «ансамбль» дано в Рекомендации ЮНЕСКО 1976 года, специально посвященной сохранению исторических или традиционными ансамблями» понимаются любые совокупности зданий, сооружений и открытых пространств, включая места археологических и палеонтологических раскопок, составляющие поселения людей в городской или сельской местности, целостность и ценность которых признаны с археологической, исторической, эстетической, социальной или культурной точек зрения.

К третьей категории объектов, входящих в общее понятие культурного наследия, согласно Рекомендации 1972 года и Конвенции 1972 года отнесены «достопримечательные места».

Достопримечательные места — это зоны, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, а также зоны (включая археологические достопримечательные места), представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики или антропологии.

К природному наследию отнесены естественные памятники, геологические и географические образования и природные достопримечательные места (ст. 2 Конвенции)¹.

В качестве основного критерия отнесения культурных и природных ценностей к охраняемым категориям в Конвенции 1972 года принят критерий «выдающаяся универсальная ценность», хотя, что понимать под этим критерием, в Конвенции не уточняется.

Толкованию этого критерия может способствовать преамбула Конвенции, где говорится, что речь идет о сохранении «уникальных и незаменимых ценностей независимо от того, какому народу они принадлежат». При этом вопрос отнесения ценностей к этим категори-

ям входит в компетенцию государств-участников (ст. 3 Конвенции 1972 года).

В Конвенции 1972 года предусмотрен комплексный подход к проблеме охраны культурного наследия — рассматриваются одновременно вопросы национальной и международной охраны. Главную ответственность за сохранение культурных ценностей, входящих в мировое наследие, несет государство, на территории которого эти ценности находятся. В число мер, направленных государствами на обеспечение возможно более эффективной охраны культурного наследия, указываются: проведение общей политики, направленной на придание культурному наследию определенных функций в общественной жизни, создание специальных служб по охране наследия, развития научных и технических исследований в этой области, административные и финансовые меры.

Меры международного характера состоят из двух групп. К первой отнесены обязательства государств-участников по оказанию международной помощи, так называемая «система коллективной охраны», ко второй — обязательства государств.

В отечественной литературе справедливо отмечается однозначность понятий «культурные ценности», «культурное наследие», «культурное достояние»².

Тем не менее, рассматривая национальные и международную систему охраны культурных ценностей как относительно целостную совокупность норм, выразим мнение, что речь идет об одних и тех же объектах, но с разных позиций — в одном случае говорится о всемирном наследии с точки зрения международного права как концепции общего наследия человечества, в другом — о культурном наследии народов с точки зрения национального права.

И хотя в рамках международного права вышеуказанные термины взаимозаменяемы, правовой режим объектов всемирного культурного наследия и правовой режим, если можно так выразиться, «просто» культурных ценностей весьма различаются³.

Н. Н. НИКИФОРОВА,

доцент кафедры трудового и профсоюзного права СПбГУП,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ТЕАТРАЛЬНО-ЗРЕЛИЩНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Особая пенсия в связи с творческой деятельностью на сцене в театрах и других театрально-зрелищных организациях и коллективах (за выслугу лет) впервые была введена

в СССР в 1967 году Постановлением Совета Министров СССР от 28 декабря 1967 года

² Богуславский М. М. Указ. соч.

³ Подробнее см.: Клименко Б. М. Общее наследие человечества (Международно-правовые вопросы). М.: Международные отношения, 1989.

¹ Богуславский М. М. Указ. соч.

№ 1169¹. Теоретическим обоснованием для ее введения служит риск раннего профессионального старения таких работников, когда задолго до достижения общего пенсионного возраста человек теряет способность к творческой деятельности на сцене, или ее выполнение становится нецелесообразным. Сильнее всего раннее профессиональное старение проявляется у артистов балета и цирка, поэтому закон предоставляет им возможность уйти на пенсию раньше других, имея хотя бы 15 или 20 лет (в зависимости от специфики деятельности) стажа работы по определенным специальностям. Право на пенсию, назначаемую раньше общепенсионного возраста в зависимости только от стажа, освобождает творческих работников сцены от необходимости продолжать прежнюю работу, когда она становится для них затруднительной.

Законом РФ «О государственных пенсиях в РФ» от 20 ноября 1990 года² пенсия за выслугу лет в связи с творческой работой на сцене в театрах и других театрально-зрелищных организациях и коллективах устанавливалась при выслуге 15, 20, 25 и 30 лет в зависимости от характера работы (ст. 82 Закона). Список профессий и должностей работников театров и других театрально-зрелищных организаций и коллективов, творческая работа в которых дает право на пенсию за выслугу лет, был утвержден Постановлением Совета Министров РСФСР от 28 августа 1991 года № 447³ (далее Список). С тех пор в него вносились изменения, однако он так и остался весьма казуистичным, резко суживающим положения ст. 82 Закона РФ от 20 декабря 1990 г. Так, работа в должностях артистов и артисток различных жанров засчитывалась в стаж творческой деятельности в театрах, а в должностях актеров и актрис — нет. Получалось, что если в трудовой книжке театрального работника была сделана запись «актер», а не «артист», органы социальной защиты отказывались зачесть ему период работы актером в стаж для назначения пенсии за выслугу лет. Лишь в сентябре 2001 года Постановлением Министерства труда и социального развития № 66 от 10 сентября 2001 года⁴ эта

проблема была частично решена: установлено, что работа в должности актера (актрисы) в организациях, предусмотренных Списком, засчитывается в выслугу, дающую право на пенсию наравне с должностью артиста (артистки). Работа в указанных должностях должна учитываться и за прошлое время, но пенсия с учетом «актерской» выслуги может быть назначена не ранее 14 октября 2001 года, при этом перерасчет ранее назначенных пенсий в связи с увеличением выслуги лет не производился по прямому указанию Минтруда⁵. Такое положение явно незаконно. Минтруда своим постановлением фактически признал, что в течение почти десяти лет он неправильно трактовал положения ст. 82 Закона «О государственных пенсиях в Российской Федерации», умаляя при этом права и законные интересы граждан, но исправить положение считал возможным только на будущее время. Права лиц, уже получающих пенсию в связи с творческой работой на сцене, остались невосстановленными, хотя ст. 82 названного Закона не давала никаких оснований для подобных ограничений, поскольку связывала право на пенсию с характером работы, а не с наименованием занимаемой должности. Характер же работы определяется не только должностью, но и профессией, специальностью, квалификацией, должностными обязанностями. По окончании театрального вуза выпускнику присваивается квалификация «актер драматического театра и кино», «актер музыкального театра»⁶ и т. д., значит, работа по этой квалификации есть не что иное как творческая работа на сцене.

Новый Федеральный закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»⁷ не выделяет такого вида трудовых пенсий, как пенсии за выслугу лет, но сохраняет за лицами, осуществляющими творческую деятельность на сцене в государственных и муниципальных театрах или театрально-зрелищных организациях не менее 15–30 лет, право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости (п. 12 ст. 28). Анализируя эту норму, необходимо обратить внимание, что право на досрочную пенсию вместо пенсии за выслугу лет сохранено только за творческими работниками сцены государственных и муниципальных организаций. Для артистов других театрально-зрелищных организаций возможно создание профессиональных пенсионных

¹ СП СССР. 1968. № 2. Ст. 6.

² Ведомости РСФСР. 1990. № 27. Ст. 351; Ведомости РФ. 1992. № 11. Ст. 531; Собр. законодательства. 1994. № 2. Ст. 73; № 7. Ст. 684; 1995. № 5. Ст. 346; 1997. № 3. Ст. 363; № 5. Ст. 611; № 12. Ст. 1375; № 19. Ст. 2188; № 30. Ст. 3585; № 40. Ст. 4548; 1999. № 9. Ст. 1094; № 23. Ст. 2815; 2000. № 2. Ст. 133; № 45. Ст. 4400; 2001. № 1. Ст. 19; № 17. Ст. 1637.

³ Пенсионное законодательство. М., 1996. С. 106.

⁴ Российская газета. 2001. 3 октября.

⁵ См.: Разъяснение Постановления Министерства труда и социального развития РФ от 10 сентября 2001 года № 66/1; Пенсия. 2001. № 10. С. 7–8.

⁶ Правоприменительная практика: вопросы и ответы // Пенсия. 2001. № 4. С. 19.

⁷ Российская газета. 2001. 20 декабря.

систем, законы о которых еще находятся в стадии разработки.

При решении вопроса о круге лиц, имеющих право на досрочную пенсию, органы социальной защиты предлагают использовать тот же Список от 28 августа 1991 года со всеми его недостатками, нарушающими законные права творческих работников сцены. Хотя, как уже отмечалось ранее, право на досрочную пенсию должно связываться с характером работы, вызывающей раннее профессиональное старение, а не с казуистически составленным перечнем должностей.

Список сохраняет свое значение и при определенной возможности суммирования раз-

личных видов творческой деятельности и определения требуемого стажа в таких случаях. Принцип такого суммирования следующий: весь стаж творческой деятельности по определенным должностям подлежит сложению, а право на пенсию определяется по той работе, для которой установлены более высокие требования к стажу (выслуге).

Положительным моментом для пенсионного обеспечения артистов является то, что теперь право на досрочную пенсию не связано с тем, оставил человек работу по той должности, в связи с которой она назначена, или нет. Досрочная пенсия выплачивается и тем артистам, которые продолжают работать по специальности.

П. П. ГЛУШЕНКО,

декан юридического факультета, заведующий кафедрой государственного права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Почетный адвокат России;

О. М. ХАРАЙБАТОВА,

Заслуженный работник культуры республики Саха (Якутия), аспирантка кафедры государственного права

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анализ действующего национального и международного законодательства, регулирующего культурно-досуговую деятельность, позволяет утверждать, что он имеет основание быть признанной отдельным, самостоятельным правовым институтом, которому присущи:

— определенная совокупность мер, мероприятий политического, экономического, идеологического, социального и административно-правового характера, имеющая непосредственное отношение к деятельности структур культурно-досуговой сферы;

— наличие нормативно-правовой базы, предназначенной для регламентации такой деятельности;

— организационно-административный аппарат, управляющий вышеназванной деятельностью;

— механизм регулирования правоотношений, действующих в этой сфере деятельности;

— виды и формы получения культурно-досуговых услуг;

— основания, условия, порядок и особенности реализации конституционных прав и свобод в области культурно-досуговой деятельности.

Все названные составные части института культурно-досуговой деятельности предопределили появление на свет еще одного вида правоотношений — культурно-досугового, ибо

налицо самостоятельные субъекты, объекты и правосубъектность.

Субъекты культурно-досугового правоотношения представлены юридическими и физическими лицами. К юридическим лицам относятся: государство, его органы и организации, иные юридические лица (учреждения, предприятия, организации) и общественные объединения (светские и религиозные, коммерческие и некоммерческие, политические, спортивные, женские, детские и т. д.), относящиеся прямо либо косвенно к организации и осуществлению культурно-досуговой деятельности или наделенные правом осуществления контроля и надзора за ними. К физическим лицам могут быть отнесены: граждане России, лица без гражданства, иностранные граждане и так называемые специальные субъекты, то есть специалисты, занимающиеся культурно-досуговой индустрией и политикой.

Объекты культурно-досугового правоотношения представляют собой те общественные отношения, которые урегулированы нормативно-правовой базой культурно-досуговой деятельности и прямо либо косвенно связаны с взаимоотношениями между собой субъектов, то есть это охраняемые законодательством ценности морального и (или) материально-го характера.

Правосубъектность культурно-досугового правоотношения есть совокупность право-

способности и дееспособности субъектов, то есть наличие определенных прав, свобод, интересов и обязанностей, без которых невозможно рассчитывать на надлежащий уровень взаимоотношений между участниками культурно-досуговой деятельности.

Совокупность прав, свобод, интересов и обязанностей составляют определенный уровень, объем правомочий, используя который, субъекты культурно-досуговых правоотношений участвуют в культурно-досуговой деятельности. Объем таких правомочий различен, ибо он зависит от целей и задач, решаемых в процессе такой деятельности. Участниками, сторонами культурно-досуговой деятельности являются как юридические лица, в том числе и государство, так и физические лица, граждане. Естественным следствием является то, что юридические лица, тем более государство, имеют гораздо больше возможностей для реализации своих правомочий, чем отдельно взятый гражданин.

В силу этого возникает разумный, обоснованный вопрос: каким образом, на основе чего можно и должно отрегулировать процедуру взаимоотношений, обеспечить достойное равноправие сторон, что это за сила, механизм, которые позволят его добиться, обеспечить либо восстановить в случае нарушения? В этой связи следует признать, что вряд ли удастся найти более надежный инструмент, способный удовлетворить интересы субъектов культурно-досугового правоотношения, чем законопредписание. Почему законопредписание, в чем его преимущество над возможными другими средствами, методами, способами? Во-первых, законопредписание должно выражать волю большинства, которой обязаны подчиняться все, и тем более несогласное с чем-то меньшинство. Во-вторых, законопредписание может быть разных уровней, от федерального до местного, и в нем следует согласовывать волю субъектов, сторон культурно-досуговой деятельности.

Таким образом, мы выходим опять-таки на культурно-досуговое правоотношение, покоящееся на законопредписаниях, в которых и должна быть отражена согласованная воля его субъектов, сторон, участников. Возможно ли это, достижимо ли? Авторы уверены, что да, возможно. Однако при этом следует добиться, чтобы законопредписания были правомерными, отвечали соответствующим требованиям. К числу таковых, как нам представляется, следует отнести следующие международно-правовые требования (критерии): а) полное соответствие национального законодательства в сфере культурно-досуговых отношений

аналогичным международно-правовым актам; б) недопущение противоречий между законодательными актами культурно-досугового назначения федерального уровня и законопредписаниями субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления; в) экономическая обеспеченность, обоснованность каждой нормы закона и подзаконного акта; г) наличие механизма всеобъемлющего контроля над соблюдением законопредписаний культурно-досугового назначения.

Обеспечение исполнения всех названных международно-правовых требований (критериев), предъявляемых к законодательной базе, регулирующей культурно-досуговую деятельность, есть надлежащий путь к совершенствованию культурно-досуговых правоотношений, в которых в должной мере могут согласовываться воли их субъектов. Более того, стороны, участники отношений культурно-досугового характера при вступлении во взаимоотношения вправе добиваться заключения таких условий, которые отвечали бы их взаимным интересам.

Вторым средством достижения «взаимности», правда, с подключением правоохранительных органов, является использование механизма¹ социально-правовой защиты прав, свобод и законных интересов участников культурно-досуговой деятельности. Под механизмом в нашем случае следует понимать совокупность интересов, средств и способов воздействия на тех, кто отстает от достигнутых договоренностей, ненадлежащим образом их исполняет либо злоупотребляет властью, доверием, полномочиями с тем, чтобы проигнорировать законные права, интересы другой стороны — участника взаимоотношений.

К числу методов как составной части механизма социально-правовой защиты относятся: убеждение, обжалование и принуждение. Средствами механизма социально-правовой защиты прав, свобод и интересов участников любых правоотношений, в том числе и культурно-досуговых, признаются:

— правомерное и своевременное обращение к административному расследованию²;

— соразмерно содеянному правонарушению применение мер юридической ответственности к правонарушителям;

¹ Подробнее см.: Глущенко П. П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (теория и практика): Монография. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД РФ, 1998. С. 59–83.

² См.: Глущенко П. П., Лукичев Ю. А. Методика административного расследования. СПб., 2001.

— правомерное возбуждение уголовных дел и привлечение виновных к уголовной ответственности¹.

Правовые способы² механизма социально-правовой защиты подразделяются на:

- административно-правовой;
- гражданско-правовой;
- уголовно-правовой;
- конституционно-правовой;
- международно-правовой.

Желание и умение овладеть названными методами, средствами и способами социально-правовой защиты должно стать насущной задачей для каждого гражданина России, ибо он ежедневно находится в сфере деятельности различных структур культурно-досуговой деятельности либо пользуется их продукцией, услугами.

Любое правоотношение требует установления соответствующего порядка вступления в него и тем более участия в нем. Под порядком участия в культурно-досуговом правоотношении, как нам представляется, следует понимать установленные правопредписаниями основания и условия осуществления культурно-досуговой деятельности, в процессе которой реализуются конституционные права и интересы граждан в сфере культурно-досуговых услуг либо восстанавливаются и (или) защищаются в случае их нарушения.

Таким образом, порядок культурно-досуговых отношений есть четко урегулированные законопредписаниями различного уровня (федерального, субъекта федерации, местного самоуправления) формы и способы поведения субъектов правоотношений с тем, чтобы реализовать свои правомочия либо разрешить возникшую между ними проблему. Указанный порядок необходим не ради своего существования. Он необходим для достижения реальных конечных результатов:

— реализации полагающихся прав, свобод и законных интересов в сфере культурно-досуговой деятельности;

— восстановления социальной справедливости, поиска фактов, дополнительных доказательств права на соответствующие права, свободы и законные интересы;

— защиты административно-правовыми мерами, без обращения в судебные инстан-

ции, нарушенных прав и свобод, либо в случае необходимости и наличия оснований, использования судебно-правовых мер воздействия на виновных (гражданско-правовых, уголовно-правовых, конституционно-правовых и международно-правовых).

Порядок организации и осуществления культурно-досуговых отношений — это установленная национальным (а в определенных случаях международным) законодательством процедура введения в действие правомочий субъектов культурно-досуговой деятельности, на основе которых реализуются права и свободы граждан в сфере культурно-досуговых услуг либо восстанавливаются и защищаются в случае их нарушения, а виновные несут за это соответствующие виды ответственности.

Анализ содержания действующего национального и международного законодательства культурно-досугового характера позволяет сделать следующие выводы и предложения:

1. культурно-досуговое правоотношение как одно из появившихся в последние десять лет находится на стадии упорядочения, развития, совершенствования;

2. законопредписания, регулирующие отношения между сторонами, участниками культурно-досуговой деятельности, в большинстве своем требуют конкретизации, экономического обеспечения и должного контроля за их исполнением;

3. содержание и эффективность культурно-досуговых правоотношений зависят не только от законодательной базы, но и от уровня правовой культуры участников культурно-досуговой деятельности;

4. реализация правомочий субъектов культурно-досуговых правоотношений во многом предопределена и зависит от уровня владения ими механизмом социально-правовой защиты положенных им прав, свобод и законных интересов;

5. культурно-досуговые услуги по своему характеру, объему и разнообразию существенно зависят от наличия надлежащим образом обученного персонала, специалистов и их социально-правового статуса, положения.

¹ Глуценко П. П., Лукичев Ю. А. Уголовно-правовые средства защиты прав и интересов юридических лиц и граждан в РФ. СПб., 1998. С. 11–32.

² См.: Глуценко П. П. Правовая самооборона (проблемы социально-правовой защиты прав, сво-

бод и интересов граждан): Монография. СПб., 1999. С. 31–54; Глуценко П. П., Кикоть В. Я. Теория и практика социально-правовой защиты конституционных прав, свобод и интересов граждан в Российской Федерации: Учебник. М., 2002. 448 с.

И. М. РЕЗНИЧЕНКО,

профессор кафедры гражданского права и процесса СПбГУП,

доктор юридических наук

СУДЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Для судебной культуры характерна ее непосредственная зависимость от действующего законодательства как важнейшего фактора ее формирования.

В этой связи история уголовного права и уголовного процесса позволяет проследить тенденции развития судебной культуры.

Важнейшей тенденцией ее развития в России является гуманизация. Так, действующее уголовное право характеризуется, например, наряду с включением в УК РФ новых составов, обусловленных жизнью, декриминализацией еще сравнительно недавно наказуемых деяний, обращением к таким видам наказания, которые заменяют лишение свободы, и др.

Но, пожалуй, самым важным в этом ряду является мораторий на смертную казнь. Он имеет тем более важное значение, что в XX веке смертная казнь применялась весьма часто.

Это привело к тому, что значительная часть населения России до сих пор воспринимает смертную казнь не как исключительную меру наказания, а как обыденное, привычное и, более того, необходимое явление.

Отказ от применения смертной казни в условиях стабильно высокого уровня тяжких преступлений приобретает принципиальное значение.

Надо полагать, что мораторий не будет снят, а напротив, на смену ему придет законодательное закрепление отмены смертной казни как торжества гуманистического начала, провозглашающего право на жизнь каждого человека. То есть право на жизнь станет, с точки зрения закона, абсолютной ценностью.

Гуманистическое начало проявляется и в сфере уголовного процесса, прежде всего в эволюции применения презумпции невиновности. Презумпция невиновности представляет собой конкретизацию в уголовном процессе более широкого, а по сути дела универсаль-

ного положения «не навреди». Обвинительный приговор не может не навредить невиновному. Поэтому обвинение должно быть доказано безусловно, не вызывая никаких сомнений. Презумпция невиновности чревата оправданием виновного, если его вина не нашла достаточного подтверждения в суде. Но другого пути нет и не может быть. Эти издержки несопоставимы с огромным списком потерь, которые связаны с отказом от презумпции невиновности. Законодатель принял эту цену, предпочитая оправдание невиновного. Поэтому принятие и усвоение судьями (а также прокурорскими работниками) презумпции невиновности как категорического императива будет означать явление государственного масштаба.

В этой связи проявлением гуманизации правосудия является и введение суда присяжных (в ближайшем будущем на территории всей России). Суд присяжных как суд людей из народа является лучшей гарантией против осуждения невиновных. Конечно, некоторые вердикты суда присяжных оказываются ошибочными. Но это не отменяет принципиальной предпочтительности суда присяжных перед любым иным судом.

Таким образом, отмеченные тенденции в развитии уголовного и уголовно-процессуального права не могут не сказаться на мировоззрении, а следовательно, и на культуре судей в том, что касается гуманизма.

Данный вывод, безусловно, реалистичский, т. к. для судей характерен приоритет закона перед любыми иными регуляторами поведения.

Деятельность судей запрограммирована как проявление гуманности, формирующее соответствующие качества прежде всего у лиц, отправляющих правосудие, а затем и среди населения.

Е. Ф. МОСИН,

доцент кафедры права предпринимательской деятельности СПбГУП,

кандидат технических наук

БОРЬБА С ПРАВОВЫМ НИГИЛИЗМОМ — БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Масштабы распространения правового нигилизма в нашей стране ныне столь велики, что можно говорить о его угрозе отечественной культуре. Оснований для такого утверждения множество. Назовем несколько из них:

1. Правовой нигилизм обычно сопряжен с уклонением от уплаты налогов (нигилизм оправдывает это уклонение, а уклонение делает нигилистическую направленность сознания выгодной для нигилиста), а налоги в

подавляющем большинстве стран образуют основу доходной части государственного бюджета, без которого не могут существовать ни государство, ни культура.

2. Правовой нигилизм — одна из причин распространения в стране преступлений, сопряженных с порчей и хищением произведений культуры; случаев неисполнения предусмотренной Конституцией Российской Федерации (ст. 44) обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

3. В немалой степени именно правовой нигилизм является одной из наиболее значимых причин того, что в нашей стране некоммерческие организации, в том числе организации, объявленные их учредителями как содействующие развитию отечественной культуры, на практике нередко используются не в тех целях, которые декларированы в их уставах, а для извлечения сверхприбыли путем построения различных схем уклонения от налогов, обналичивания денежных средств, нецелевого использования гуманитарной помощи и т. п.

4. Характерные при распространении правового нигилизма противоречия между законом и массовым правосознанием служат своеобразным мультипликатором тех негативных экстерналий (отрицательных побочных эффектов) для общественного сознания, которые всегда присущи бизнесу, а бизнесу в странах переходной экономики — особенно. В результате работы этого мультипликатора негативные экстерналии не затухают под воздействием осуждающего их общественного сознания, а продолжают воспроизводиться и распространяться, и их опасность для нормального функционирования общества со временем не уменьшается, а возрастает.

5. Негативно-отрицательное, неуважительное отношение к праву, законам, нормативному порядку, составляющее сущность правового нигилизма, обычно не ограничивается областью права и распространяется на другие формы общественного сознания, в том числе на культуру. В процессе этого распространения происходит слияние правового нигилизма с другими формами нигилизма, в том числе нравственным и политическим, в результате чего формируется мощный деструктивный заряд, становящийся основой и движущей силой антисоциального поведения личности.

6. Правовой нигилизм искажает систему аксиологических характеристик, присущих культуре как системному образованию.

7. Распространение в обществе правового нигилизма препятствует полной реализации гражданами их конституционных прав, в том числе предусмотренного Конституцией Российской Федерации права на участие в культурной жизни, на доступ к культурным ценностям. Очевидно, например, что положение Конституции о том, что интеллектуальная собственность охраняется законом, может быть в полной мере реализовано в правоприменительной практике только при том условии, что оно найдет поддержку в массовом сознании. В противном случае сохранятся те нарушения авторских прав в сфере шоу-бизнеса, литературы и т. п., которые сегодня характерны для нашей страны.

Здесь названы только некоторые из причин, которые позволяют уверенно утверждать, что сегодня правовой нигилизм угрожает отечественной культуре. Но уже этого перечня достаточно для следующего утверждения: ныне борьба с правовым нигилизмом — это борьба за сохранение и развитие отечественной культуры.

Г. И. ГНИЛИЦКИЙ,

доцент кафедры права предпринимательской деятельности СПбГУП,
кандидат военных наук

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИДЕОЛОГИИ

Гармоничное единство общества и природы неразрывно связано с механизмом природопользования и охраны окружающей среды (ПР и ООС).

Структура механизма природопользования и охраны окружающей среды состоит из шести основных элементов, которые, в свою очередь, являются самостоятельными механизмами ПР и ООС: это организационно-правовой (управленческий) механизм; правовой меха-

низм; механизм особой охраны; идеологический механизм; международно-правовой механизм.

Все основные механизмы ПР и ООС взаимосвязаны, взаимообусловлены и в соответствии с существующими методиками рассматриваются по критериям их влияния на окружающую среду.

Составляющими элементами идеологического механизма ПР и ООС являются: эко-

логическое воспитание, экологическое образование, экологическая культура, экологическое сознание, экологическое мировоззрение.

Очевидно, что элементы идеологического механизма ПР и ООС являются базисными в формировании личности руководителей различных рангов и в целом позиции государства в международном сообществе.

Выпадение одного из элементов идеологического механизма ПР и ООС или недооценка роли и значения какого-либо отдельного элемента приводит к нарушениям взаимосвязи единства общества и природы и, как следствие, к экологическим катастрофам.

Среди ключевых проблем сферы экологической культуры, требующих программного решения, можно выделить следующие:

- противоречие общества и природы;
- сохранение и освоение эколого-культурного наследия;
- создание инфраструктуры экологической культуры;

- подготовку специалистов экологической культуры;

- обеспечение бюджетного финансирования программ экологической культуры;

- полноту и целевое использование бюджетных и внебюджетных средств, направляемых на решение вопросов экологической культуры;

- своевременное и достоверное предоставление информации о состоянии окружающей среды;

- предотвращение использования территории России в качестве свалки отходов;

- неотвратимость наказания за нарушения природоохранного законодательства.

Требуется усиление роли общественных экологических движений в работе по формированию новой точки зрения на экологию в общественном сознании. Тем самым будет внесен весомый вклад в развитие экологической культуры, новой цивилизации, новой структуры социальных отношений и основных общечеловеческих ценностей.

К. Б. ХАЧИНСКИЙ,

специалист Федерального управления Министерства юстиции Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу

КРИТЕРИЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В ИЗУЧЕНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура — одно из фундаментальных научных понятий. Без преувеличения можно сказать, что оно играет значительную роль в социально-гуманитарном познании. Культура характеризует сложный и многогранный фактор человеческого бытия, который проявляется во множестве самых разнообразных феноменов социальной жизни, называемых явлениями культуры. Существуют различные подходы к пониманию той стороны социальной реальности, которая стоит за понятием культуры.

При анализе понятия *правовой культуры* в отечественной литературе используются в основном три концепции культуры:

- а) антропологическая;
- б) социологическая;
- в) философская.

Суть антропологического подхода — в признании самоценности культуры каждого народа, на каком бы этапе своего развития он ни находился. Культура понимается как способ существования человека, как все то, что создано или модифицировано в результате сознательной или бессознательной деятельности индивидов, взаимодействующих между собой.

Правовая культура, являющаяся частью духовной культуры, при антропологическом подходе рассматривается как проявление самых разнообразных сфер правовой жизни.

Так, С. А. Комаров¹ в правовую культуру включает:

- право как систему норм, выражающих возведенную в закон государственную волю;

- правоотношения как систему общественных отношений, участники которых обладают взаимными правами и обязанностями;

- правосознание как систему духовного отражения всей правовой деятельности;

- правовые учреждения как систему государственных органов и общественных организаций, обеспечивающих правовой контроль, реализацию права.

К этому перечню В. И. Каминская и А. Р. Ратинов² предлагают добавить правовое поведение, деятельность по правовому воспитанию.

¹ Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 1996.

² Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры: Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974.

Н. М. Кейзеров¹ добавляет критерии политической оценки права и правового поведения, правотворческую деятельность, правовую науку.

В. П. Сальников² говорит, что правовая культура пронизывает «всю юридическую действительность в функционировании и развитии ее составных частей».

Как бы обобщая различные трактовки правовой культуры антропологического подхода, Л. С. Явич³ включает в ее содержание «все социально положительные компоненты правовой действительности, которые накоплены человечеством в ходе его овеществленного развития и которые способствуют прогрессу земной цивилизации».

Положительной стороной этого подхода является его широта, поскольку правовая культура рассматривается как проявление самых разнообразных сторон и сфер правовой жизни. Его достоинство становится еще более очевидным при сравнении с распространенной сегодня практикой узкого и в большинстве случаев ситуативного употребления понятия «правовая культура».

Однако широкому подходу присущи и недостатки. Он, в частности, ориентирован лишь на суммарную, механическую фиксацию продуктов правовой деятельности. Кроме того, характеризуя эти результаты как ценности, предлагаемый взгляд не позволяет сформулировать четкие критерии для определения того, что следует считать ценностями. Ограничиваясь данной точкой зрения, нельзя вычленить правовые ценности, без которых невозможно понять правовую культуру.

Сторонники социологического подхода трактуют культуру как фактор организации и образования жизни общества. Подразумевается, что в каждом обществе, как и в каждом организме, есть некие «культурологические силы», направляющие его жизнь по организованному, а не хаотическому пути развития. Культурные ценности создаются самим обществом, но они же потом и определяют развитие этого общества, жизнь которого начинает все больше зависеть от произведенных им ценностей. Этот подход рассматривает культуру и в форме субъектов, творцов, и в форме ее носителей. В данном случае выделяется национальный характер, менталитет, проявление нравственности.

Правовая культура при социологическом подходе рассматривается в общественном и

личном плане. Так, В. П. Сальников пишет, что «правовая культура есть особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние личности и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям».

Более развернуто об этом говорит А. П. Семитко: «Под правовой культурой понимается обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека».

Типичным и наиболее полным применительно к данному подходу можно считать определение понятия правовой культуры В. В. Лазарева⁴ «...как качественного состояния правовой жизни общества, выражающегося в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, а также в степени свободы ее поведения, положительно влияющих на общественное развитие и поддержание самих условий существования общества».

Положительная сторона социологического подхода состоит в том, что акцент делается на правовой культуре общества и личности, которую можно рассматривать как одну из категорий общечеловеческих ценностей, как важнейший результат общегуманистических завоеваний человечества. При этом подход к пониманию правовой культуры идет через призму аксиологической направленности, т. е. определенного качества правовой жизни общества и личности. Однако данный подход высвечивает только культуру общества и личности в ценностном аспекте, но не раскрывает их связь и взаимодействие и не отражает других проявлений правовой культуры.

Философский подход к культуре связан со стремлением выделить сущность культуры, определить место человека в ней, способы культурной самореализации. «Классическая модель культуры» получила фундаментальное обоснование в немецкой классической философии, в частности, в трудах Гегеля. Основные составляющие культуры (религия, искусство, философия, право) предстают в них как вся духовная культура человечества в целом. Они рассматриваются также и как закономерные этапы в развитии «мирового

¹ Кейзеров Н. М. Политическая и правовая культура. М., 1983.

² Теория государства и права / Под ред. В. М. Корецкого и В. Д. Перевалова. М., 1998.

³ Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985.

⁴ Общая теория государства и права / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1997.

разума». Создается универсальная схема развития «мирового духа», реальными воплощениями которой выступают культуры разных народов. Они подчиняются всеобщим нормам творческого самопознания мирового духа: та или иная культура воплощает в себе определенный этап самопознания «духа». Каждая культура различается лишь тем, на каком этапе находится историческое шествие «духа», «разума»¹.

В целом, в философском понимании культура — это все то, что создано человечеством в процессе духовной деятельности. Культура есть мир воплощенных духовных ценностей. Исходя из этого, правовая культура — это ценности, созданные людьми в области права.

Так, С. С. Алексеев², связывая освещение правовой культуры с ценностными характеристиками права, считает, что она «представляет собой своего рода юридическое богатство, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, накопленных правовых ценностей, тех особенностей права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре, к правовому прогрессу». С этой точкой зрения солидарен и В. В. Лазарев: «Правовая культура представляет собой разновидность общей культуры, состоящей из духовных и материальных ценностей, относящихся к правовой действительности. При этом правовая культура включает лишь то, что есть в правовых явлениях относительно прогрессивного, социально полезного и ценного»³.

С нашей точки зрения, теоретические основы приведенных подходов к понятию правовой культуры недостаточно прочны. Это обнаруживается, например, в том, что одну и ту же позицию можно одновременно отнести к различным подходам. Например, позицию В. П. Сальникова можно интерпретировать и в антропологическом, и в социальном ключе, а В. В. Лазарева — и в социальном, и в философском.

Отметив основные подходы к понятию правовой культуры, можно сказать, что они носят по преимуществу описательный характер, не объясняют ее сущности, а лишь суммируют различные стороны и проявления. Так, антропологический подход охватывает широкий круг правовых феноменов, но не раскрывает связи между ними, а социологический и философский подходы высвечи-

вают только ценностный аспект, но не отражают других проявлений.

В представленных подходах к культуре есть рациональное содержание, каждый из них указывает на какие-то более или менее существенные ее черты. Однако остается не вполне ясным, как сочетаются между собой эти черты? Какие из них более, а какие менее существенны? Что объединяет их в одно целое, называемое «культурой»? Для ответа на эти вопросы необходимо теоретическое осмысление культуры как целостной единой системы, понимание закономерностей, обуславливающих ее функционирование и развитие.

Для достижения целей исследования обратимся к информационно-семиотической концепции, так как именно она является той почвой, на которой происходит сближение позиций адапционизма, в котором культура рассматривается как специфический человеческий способ взаимодействия с окружающей средой (центральное место здесь отводится понятию деятельности) и идеационизма, в котором культура понимается как область идеального, содержащая продукты духовного творчества человека (именно здесь создаются символы, идеи, ценности, в свете которых люди воспринимают действительность и строят свое бытие). В этой концепции культура понимается как социальная информация, которая сохраняется и накапливается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых систем.

В заключение хочется отметить, что в обществе складываются социальные связи, выражающиеся в устойчивых формах совместного поведения людей. Эти формы осознаются людьми, а затем выражаются в конкретных нормах и объективируются в юридических документах — законодательстве. В данной ситуации конкретные формы поведения выступают тем самым основанием, по отношению к которому вырабатываются нормы — знаки. Правовая культура с точки зрения информационно-семиотического подхода — это правовая информация (совокупность регулятивов, ценностей и знаний в области правовой действительности), которая накапливается, сохраняется и передается в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых систем.

К сожалению, в данной статье мы не можем детально остановиться на каждом подходе понятия правовой культуры (работы Э. Кассирера, Ю. М. Лотмана, В. А. Иванова, Х. В. Гадамера, А. Моля, В. С. Степина, А. С. Кармина и других исследователей), но некоторые аспекты основных принятых в отечественной литературе концепций мы рассмотрели.

¹ Гегель Г. В. Работы разных лет: В 2 т. / Под ред. А. В. Гулыги. М., 1971.

² Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.

³ Общая теория государства и права / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1997.

Т. К. КИРИЛЛОВА,

доцент кафедры государственного права СПбГУП,

кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Правовая культура — важная часть общей культуры. Без должной правовой культуры нельзя говорить о формировании правового государства. «...Без должной правовой культуры невозможно не только обеспечить защиту и гарантию прав и свобод человека и гражданина, но и должную стабильность в обществе»¹.

«Стержнем гуманитарной культуры, важным условием возрождения истинно могучего государства были, есть и будут приемлемые для всех правила поведения, санкционированные действующими законами. А это возможно при наличии в народе должного уровня правовой культуры»². При помощи таких правовых явлений, как правосознание, правовая культура «происходит теоретическое и практическое освоение правовых средств, формируются навыки, умения, установки и готовность к их практическому использованию»³.

Семейные отношения, как правило, носят длящийся характер; неотчуждаемы и непередаваемы, безвозмездны. В них четко определен субъектный состав: супруги, дети, родители, усыновители. Семейные отношения часто переплетаются с административными (регистрация рождения, брака). Таковы особенности отношений, регулируемых семейным правом. Не все семейные отношения подвластны правовому регулированию. Это связано с их лично-доверительным характером. Определить понятие семейных правоотношений можно на основании ст. 2 Семейного кодекса РФ.

Семейные правоотношения — это общественные правоотношения, урегулированные нормами семейного права, возникающие из брака, родства, усыновления или иной фор-

мы устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей. «Исследование сущности... статей Семейного кодекса РФ позволяет показать содержание основных семейных прав, интересов и обязанностей членов семей, которое позволяет утверждать, что под семейным правоотношением следует понимать урегулированное семейным законодательством России и международными нормами общественные отношения, возникающие между супругами, родителями, детьми и иными членами семьи по поводу пользования ими имущественными и личными неимущественными правами, появляющимися в связи с возникновением между ними в соответствии с действующим законодательством прав, интересов и обязанностей»⁴. К элементам семейного правоотношения относятся субъекты, объекты, содержание. Субъектами семейных правоотношений являются физические лица, обладающие семейными правами и обязанностями (супруги, родители, дети, опекуны, попечители и др.). Семейные правоотношения могут существовать не только между членами одной семьи, но и между членами разных семей, например, алиментные обязательства совершеннолетних детей и родителей. Объекты семейных правоотношений — действия и вещи. Основную роль в качестве объектов играют действия (положительные и в форме воздержания). Они являются объектами во всех неимущественных правоотношениях (между супругами, родителями и другими воспитателями и детьми) и в относительных имущественных правоотношениях (алиментных обязательствах). В одних правоотношениях объект составляют действия другого участника, например, действия алиментно-обязанного лица. В других — объект образует как возможные действия самого управомоченного, так и действия другого лица. Например, родитель может совершать определенные действия в отношении своих детей и в то же время требовать от них соответствующего поведения. Супруг может совершить определенные действия, осуществляя право на самостоятельный выбор рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства. Наряду с этим он вправе требовать соответствующего поведе-

¹ *Рохлин В. И.* Воспитание правовой культуры — важная составляющая гуманитарного университетского образования // Гуманитарное образование: традиции и новации: Ежегодная межвуз. науч.-метод. конференция 14–15 февр. 2001 г. Тезисы докладов. СПб.: СПбГУП, 2001. С. 155.

² *Глуценко П. П.* Гуманитарная культура как средство возрождения державности России // Правовая культура как фактор возрождения державности России: Науч.-практич. конференция юридического факультета 19 окт. 1996 г. СПб.: СПбГУП, 1997. С. 44.

³ *Сапун В. А.* Правовые явления как элементы культуры в правовом государстве // Ученые записки юридического факультета. Вып. 6. Проблемы правоотношений в социально-культурной сфере. СПб.: СПбГУП, 2001. С. 19.

⁴ *Балибалова Д. И., Глуценко П. П., Тихомирова Е. М.* Социально-правовая защита женщин. Предотвращение насилия в отношении женщин и детей. СПб., 2001. С. 92–93.

ния со стороны другого супруга. Вещи являются объектами только в тех семейных правоотношениях, которые возникают между супругами, родителями и детьми по поводу принадлежащего им имущества. Содержание семейных правоотношений составляют права и обязанности их участников.

Семейные правоотношения классифицируются по различным основаниям. По содержанию: личные неимущественные и имущественные. Они подразделяются в зависимости от субъектного состава (между супругами, между родителями и детьми, между другими членами семьи). По специфике прав и обязанностей семейные правоотношения бывают супружеские, родительские, по поводу воспитания и материального содержания, только по воспитанию, только по материальному содержанию. По характеру защиты семейные правоотношения подразделяются на три группы. Первая — относительные права, но обладающие абсолютным характером защиты от нарушения со стороны всех других лиц (право родителей на воспитание детей). Во вторую группу входят абсолютные права с некоторыми признаками относительных правоотношений. Например, правоотношения по поводу общей совместной собственности супругов. В третью группу входят относительные правоотношения, не обладающие признаками абсолютной охраны. Например, личные неимущественные отношения между супругами. В эту же группу входят и али-

ментные обязательства. Не все субъекты семейного правоотношения реализуют свои права, исполняют свои обязанности. Некоторые участники семейного правоотношения, зная, что оно возникло, не совершают действий, необходимых для осуществления правоотношения. Например, отец ребенка уклоняется от выполнения своих семейных обязанностей. Не всегда участники семейного правоотношения знают о том, что оно возникло, и поэтому не реализуют свои права, в частности, не требуют уплаты алиментов. Например, совершеннолетний нетрудоспособный нуждающийся брат не знает, что он вправе получать алименты от своего брата, которому неизвестно, что на нем лежит эта обязанность. В некоторых случаях неисполнение обязанностей членом семьи может привести к прекращению семейных правоотношений (при невыполнении своих обязанностей родителем, опекуном или иным воспитателем родитель лишается родительских прав, усыновление отменяется, опекун отстраняется от выполнения своих обязанностей).

Таким образом, фактическое правовое и правозначимое поведение личности, привычки к правомерному поведению, соблюдению права, гражданско-правовая активность, признание уважительного отношения к правам другого человека в семье, то есть то, что составляет содержание правовой культуры, является важным для участников семейных правоотношений.

Н. М. СЕННИКОВ,

доцент кафедры трудового и профсоюзного права СПбГУП,
кандидат технических наук

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ РОССИИ

В наше время большинство профсоюзов мира не только не уменьшают активность в социокультурной сфере, но даже наоборот, расширяют. Так, например, во Франции комитету предприятия, в который избираются трудящиеся различной профсоюзной принадлежности, работодатель обязан выделить до 3% от суммы фонда оплаты труда на социальные цели. В полном ведении комитетов предприятий находятся центры обучения и переподготовки работников, они контролируют деятельность различных служб предприятия (медицинскую, общественного питания и т. д.). Профсоюзы организуют бюро трудоустройства, центры социальных исследований и иные учреждения, которые пользуются государственной поддержкой и получают финансовые дотации.

Одним из важных аспектов социокультурной деятельности профсоюзов за рубежом является сфера социального страхования, прежде всего от безработицы. Наиболее показательный опыт в этом направлении накоплен северными странами. Так, например, в Швеции страховые кассы по безработице, возникшие в двадцатых годах прошлого века, накопили на своих счетах около 100 миллиардов долларов. Взносы в эти кассы в обязательном порядке делают все работодатели, перечисляя деньги одновременно с профсоюзными взносами. Именно из этих касс профсоюзы производят выплату пособий по безработице. Практически все профсоюзы имеют юридические службы, которые оказывают правовую помощь членам профсоюза. Значительное внимание

профсоюзы уделяют вопросам работы с молодежью, пенсионерами, национальными меньшинствами и т. д.

В России каких-либо значительных исследований правовых основ социокультурной деятельности профсоюзов в период Российской Империи не проводилось. Большинство источников советского периода носили крайне идеологизированный характер и делали основной акцент в исследовании на политической борьбе как самих профсоюзов, так и внутри них накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому задача исследования правовых основ социокультурной деятельности профсоюзов России с момента их возникновения и как социальных субъектов, и как субъектов права, т. е. с конца XIX века и по настоящее время представляется достаточно новой и актуальной. Актуальность данного исследования заключается прежде всего в том, что мировой кризис профсоюзов настоятельно ставит перед ними задачу выработки новой парадигмы с целью повышения своего влияния не только на рынке труда, но и в обществе в целом.

Историко-правовой аспект социокультурной деятельности профсоюзов. В России к концу XIX века стали образовываться общественные организации различного характера — общества взаимопомощи, похоронные и свадебные кассы и т. д. По мнению А. Ельницкого, в то время только в Центральной России обществ такого рода насчитывалось более сотни. Возникали и своеобразные прообразы фабричных и заводских комитетов. Так, например, на Урале появились заводские товарищества, образованные в соответствии с Положением о горнозаводском населении казенных горных заводов от 8 марта 1861 года.

Пожалуй, самой распространенной легальной формой объединения наемных работников в России, которую можно считать, в определенной степени, прообразом корпоративных объединений на профессиональной основе, т. е. профсоюзов, являлись кассы взаимопомощи. Они стали активно организовываться в конце XIX века. Образование профсоюзов в массовом порядке и рост их влияния на регулирование социально-трудовых отношений приходится на годы первой русской революции 1905 года. Практически все вновь возникающие профсоюзы закрепляли в своих уставах полномочия в социокультурной сфере. Так, например, устав профсоюза рабочих Семьянинского завода в Петербурге устанавливал, что союз оказывает поддержку своим членам и их семьям путем выдачи беспроцентных ссуд и безвозвратных пособий в случаях смерти, болезни, потери трудоспособности, ареста, высылки, безработицы и пр. Кроме

того, в обязанности союза входила забота о духовном уровне его членов. В связи с этим открывались библиотеки, клубы, всевозможные учебные и просветительные учреждения (технические и иные школы и т. п.), проводились публичные лекции, собрания, основывались различные общества и пр.

С целью легализации возникшего де-факто профсоюзного движения и введения его в определенные рамки закона 4 марта 1906 года издается Именной высочайший указ Николая II «О временных правилах об обществах и союзах». Данный нормативный правовой акт был направлен на регулирование общественных отношений с участием профсоюзов. Указ устанавливал, что целью профессиональных обществ является выяснение и согласование экономических интересов, улучшение условий труда своих членов или поднятие производительности труда (п. 1 ч. 2).

После победы социалистической революции в России резко возросла активность культурно-просветительной работы профсоюзных организаций на местах. ВЦСПС признавал: «Союзные массы проявляют огромную инициативу в области самостоятельного создания клубов, библиотек, школ, профтехнических курсов и проч., союзным культорганам часто остается только фиксировать эту работу и по возможности объединять ее и руководить ею».

На протяжении всего советского периода, вплоть до начала девяностых годов XX века, профессиональные союзы России вели очень большую работу в социокультурной сфере. Социально-политические реформы, проводившиеся в СССР с 1985 года, привели к распаду Советского Союза, сильнейшему экономическому кризису, развалу политической системы государства, ослаблению всех социально-политических институтов, ликвидации ВЦСПС.

Теоретико-правовые основы социокультурной деятельности профсоюзов. Социокультурная деятельность профсоюзов с юридической точки зрения имеет различные аспекты.

Первый аспект — правовые основы организационной деятельности профсоюзов в этой сфере. Как известно, профессиональные союзы являются одним из видов общественных объединений. Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» с последующими изменениями и дополнениями устанавливает, что правоспособность общественного объединения (за исключением прав и обязанностей юридического лица) возникает у него с момента принятия решения о его создании, утверждения уставных документов и формирования руководящих и контрольно-ревизионных органов

съездом (конференцией) или общим собранием (ст. 18). Правоспособность профессионального союза как юридического лица возникает у него после государственной регистрации.

Второй аспект правового положения профсоюзов в социокультурной сфере затрагивает имущественную сторону проблемы. Несмотря на невосполнимые потери девяностых годов XX века, стоимость профсоюзного имущества по-прежнему оценивается достаточно большими суммами: от 5 до 6 млрд руб. Следует отметить, что подавляющую часть в составе имущественного комплекса профсоюзов занимают объекты социокультурной деятельности. Каковы же правовые основы функционирования профсоюзов в этой области?

В научных взглядах на правовую природу профсоюзной собственности, как в советские времена, так и в настоящее время единой общепринятой точки зрения не существует.

Приобретая правовой статус юридического лица, профсоюзы приобретают и целый комплекс вещных прав как собственники и владельцы соответствующего имущества (право собственности, право оперативного управления, право хозяйственного ведения

и др.). Эти права регламентируются такими нормативными правовыми актами, как Гражданский и Налоговый кодексы Российской Федерации, Федеральные законы «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях», «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», «О бухгалтерском учете».

Гражданский кодекс РФ определяет правовое положение всех участников гражданского оборота — граждан (физических лиц) и юридических лиц, а также основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав.

Профсоюз, являясь некоммерческой организацией, обладает специальной правоспособностью, содержанием которой является представительство и защита социально-трудовых прав и интересов объединяемых членов. Осуществлять предпринимательскую деятельность профсоюзы могут только в установленных законом и уставными документами целях. Споры, возникающие в связи с осуществлением профсоюзами предпринимательской деятельности, подлежат рассмотрению арбитражными судами в соответствии с процессуальным законодательством.

А. П. ФЕДОРОВ,

доцент кафедры трудового и профсоюзного права СПбГУП,
кандидат технических наук

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Уже первые законы, принятые в разное время в Англии, Франции, Германии, России и других странах в ранний период развития капиталистических отношений и ознаменовавшие начало становления трудового права как самостоятельной отрасли права, содержали нормы, устанавливавшие пределы эксплуатации несовершеннолетних работников. К настоящему времени отдельные нормы трудового права, регулирующие труд несовершеннолетних, развились в подинститут регулирования труда данной категории работников. Кроме того, во второй половине XX века возник и начал формироваться комплексный институт социально-правовой защиты прав несовершеннолетних, включивший в себя указанный подинститут.

Современное российское законодательство в области защиты трудовых прав ребенка содержит значительный пласт норм, закрепляющих права несовершеннолетних работников, устанавливающих для них дополнительные гарантии и льготы. Трудовой кодекс РФ в це-

лом воспринял защитную направленность Кодекса законов о труде РФ применительно к трудовым и иным непосредственно связанным с ними отношениям с участием несовершеннолетних работников, хотя в ряде случаев он снизил объем предоставляемых гарантий¹.

Одной из особенностей социокультурной деятельности на современном этапе является широкое привлечение детей к профессиональной работе в шоу-бизнесе (в частности, в цирке, кино, на телевидении). Кодекс законов о труде и российское законодательство в целом обходили молчанием вопрос о защите трудовых прав этой категории детей. В Трудовом кодексе предпринята попытка правового регулирования трудовых отношений с

¹ В частности, Трудовой кодекс устанавливает для работников в возрасте до 18 лет сокращенную продолжительность рабочего времени (ст. 92), но не гарантирует оплату труда в таком же размере, как работникам соответствующих категорий при нормальной продолжительности рабочего времени (ст. 271).

участием несовершеннолетних в социокультурной сфере. Применительно к трудовым отношениям в социокультурной сфере Трудовой кодекс содержит две группы норм: а) общие нормы, регулирующие труд граждан в этой сфере (ст. 59, 94, 96, 113, 153, 351); б) нормы, прямо относящиеся к несовершеннолетним (ст. 63, 94, 268).

Какие же нормы из первой группы и в какой степени применимы к детям, работающим в организациях социокультурной сферы? Прежде всего необходимо отметить, что в соответствии со ст. 351 на творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении произведений, профессиональных спортсменов трудовое законодательство распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. Трудовой кодекс содержит нормы, предусматривающие возможность заключения с данными лицами срочного трудового договора, а также регулирующие продолжительность ежедневной работы (смены), оплату труда в выходные и нерабочие праздничные дни, порядок привлечения к работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни¹.

Срочный трудовой договор работодатель вправе заключить с творческими работниками средств массовой информации, организаций кинематографии, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иными лицами, участвующими в создании и (или) исполнении произведений, профессиональными спортсменами (абз. 15 ст. 59).

Продолжительность ежедневной работы (смены) для творческих работников организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков, средств массовой информации, профессиональных спортсменов может устанавливаться в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, локальными нормативными актами, коллективным договором либо трудовым договором (ч. 3 ст. 94).

Порядок работы в ночное время для творческих работников организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов,

театров, театральных и концертных организаций, цирков, средств массовой информации и профессиональных спортсменов может определяться коллективным договором, локальным нормативным актом либо соглашением сторон трудового договора (ч. 6 ст. 96).

Творческие работники организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков, средств массовой информации, профессиональных спортсменов в соответствии с ч. 3 ст. 113 могут также привлекаться к работе в выходные и нерабочие праздничные дни². При этом оплата труда в выходные и нерабочие праздничные дни творческих работников организаций кинематографии, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении произведений, профессиональных спортсменов определяется на основании трудового договора, коллективного договора или локального нормативного акта организации (ч. 3 ст. 153).

Очевидно, что все вышеупомянутые нормы распространяются и на несовершеннолетних работников, но с учетом особенностей правового статуса этих лиц. Последнее обстоятельство выражается в следующем.

Во-первых, нормы абз. 15 ст. 59 и ч. 3 ст. 153 распространяются непосредственно и на несовершеннолетних работников. Во-вторых, продолжительность ежедневной работы (смены): а) для работников в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет не может превышать 5 часов, в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет — 7 часов; б) для учащихся общеобразовательных учреждений, образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования, совмещающих в течение учебного года учебу с работой, в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет — 2,5 часа, в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет — 3,5 часа (ст. 94). В-третьих, к работе в ночное время работники, не достигшие возраста восемнадцати лет, не допускаются, за исключением лиц, участвующих в создании и (или) исполнении художественных произведений (ч. 5 ст. 96). В-четвертых, для несовершеннолетних работников действуют нормы ст. 268, в соответствии с которыми запрещаются направление в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в

¹ Перечни соответствующих профессий и категорий работников должны утверждаться Правительством РФ (в ряде случаев с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений). Однако на сегодняшний день соответствующие перечни отсутствуют.

² В данном случае перечни категорий указанных работников в организациях, финансируемых из бюджета, утверждаются в порядке, устанавливаемом Правительством РФ, а в иных организациях — в порядке, устанавливаемом коллективным договором.

ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни работников в возрасте до восемнадцати лет (за исключением творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении произведений, профессиональных спортсменов).

Данные нормы имеют общий характер, являются преимущественно отсылочными, не содержат механизмов реализации и не могут непосредственно применяться для правового регулирования трудовых отношений с несовершеннолетними работниками (за исключением запретительных норм). Поэтому для своей реализации они требуют разработки и принятия соответствующих нормативно-правовых актов.

Однако наибольшее количество вопросов вызывает ст. 63 Трудового кодекса. В то время как по общему правилу заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими возраста шестнадцати лет (ч. 1 ст. 63), а в исключительных случаях — с лицами, достигшими возраста пятнадцати либо четырнадцати лет (ч. 2, 3 ст. 63), в соответствии с ч. 4 ст. 63 в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках допускается с согласия одного из родителей (опекуна, попечителя) и органа опеки и попечительства заключение трудового договора с лицами, не достигшими возраста четырнадцати лет, для участия в создании и (или) исполнении произведений без ущерба здоровью и нравственному развитию.

Данная норма не устанавливает нижней границы возраста, с которого возможно заключение трудового договора с несовершеннолетними. Таким образом, теоретически становится возможным заключение трудового договора с малолетним ребенком (5–6 лет и менее).

По общему правилу в соответствии с п. 1 ст. 28 ГК сделки за несовершеннолетних, не

достигших четырнадцати лет (малолетних), могут совершать от их имени только их родители, усыновители или опекуны. Исключение составляют мелкие бытовые сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации, сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения. Они могут самостоятельно совершаться малолетними в возрасте от шести лет (п. 2 ст. 28 ГК).

Следовательно, трудовой договор (как специфическую разновидность двусторонней сделки) малолетние лица заключать не вправе. Он должен заключаться от их имени только их родителями, усыновителями или опекунами. Но это противоречит личностному характеру трудовых отношений.

Заметим, что в трудовом праве работник как субъект трудового права, сторона трудового договора, всегда выступал только в личном качестве, а его трудовая правоспособность возникала одновременно с его трудовой дееспособностью. Поэтому конструкция нормы ч. 4 ст. 63 подрывает концепцию единой трудовой правосубъектности работника.

Готовых ответов на эти и другие вопросы, связанные с правовым регулированием труда детей в социокультурной сфере, теории трудового права не содержит.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что Трудовой кодекс РФ фактически только обозначил проблему правового регулирования трудовых отношений несовершеннолетних в социокультурной сфере. Дальнейшее движение в этом направлении предполагает не только большую и кропотливую нормотворческую работу, но и прежде всего глубокое теоретическое осмысление новых правовых феноменов в российском трудовом праве.

П. А. НАЗАРЕНКО,

доцент кафедры трудового и профсоюзного права СПбГУП,
кандидат философских наук

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОРСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ, СОЗДАНЫХ В ПОРЯДКЕ СЛУЖЕБНОГО ЗАДАНИЯ

Труд некоторых категорий работников неразрывно связан с созданием и использованием произведений науки, литературы, искусства, исполнением, постановкой, передачей организаций эфирного или кабельного вещания, являющихся предметом авторского и

смежных прав, а также с достижением творческих технических задач (изобретений), относящихся к патентному праву. Таким образом, помимо трудового законодательства использование результатов труда таких работников регулируется законодательством об

авторском праве и смежных правах и патентным законодательством, относящимся к отрасли гражданского права.

Очевидно, что правовой статус и порядок использования произведений отличается от правового статуса и порядка использования изобретений. Первые входят в предмет авторского права (ст. 1 ФЗ «Об авторском праве и смежных правах»), вторые — патентного (п. 1 ст. 4 ФЗ «Патентный закон РФ»).

Соответственно и статус произведений и изобретений, созданных в порядке служебного задания, также различен.

Согласно ст. 14 ФЗ «Об авторском праве и смежных правах» авторское право на произведение, созданное в порядке выполнения служебных обязанностей или служебного задания работодателя (служебное произведение), принадлежит автору служебного произведения. Исключительные права на использование служебного произведения принадлежат лицу, с которым автор состоит в трудовых отношениях (работодателю), если в договоре между ним и автором не предусмотрено иное. Размер авторского вознаграждения за каждый вид использования служебного произведения и порядок его выплаты устанавливаются договором между автором и работодателем.

Следовательно, автору служебного задания принадлежат все личные неимущественные права, указанные в ст. 15 ФЗ «Об авторском праве и смежных правах»: право признаваться автором произведения (право авторства); право использовать или разрешать использовать произведения под подлинным именем автора, псевдонимом либо без обозначения имени (право на имя); право обнародования или разрешение обнародования произведения в любой форме (право на обнародование), включая право на отзыв; право на защиту произведения, включая его название, от всякого искажения или иного посягательства, способного нанести ущерб чести и достоинству автора (право на защиту репутации автора).

Работодателю принадлежат исключительные (имущественные) права на использование произведения, означающие право осуществлять или разрешать действия, указанные в ч. 2 ст. 16 ФЗ «Об авторском праве и смежных правах»:

- воспроизводство произведения (право на воспроизведение);
- распространение экземпляров произведения любым способом;
- импортирование экземпляров произведения в целях распространения;
- публичный показ и исполнение произведения;

- сообщение произведения для всеобщего сведения путем передачи в эфир или последующей передачи в эфир;

- сообщение произведения для всеобщего сведения по кабелю, проводам или с помощью аналогичных средств;

- перевод произведения;

- переделку, аранжировку или иную переработку произведения.

При разработке архитектурных, дизайнерских, градостроительных и садово-парковых проектов в сферу исключительных прав входит также право практической реализации проектов, включающее право собственника исключительных интеллектуальных прав на требование от заказчика предоставления права на участие в реализации своего проекта при разработке документации для строительства и при строительстве здания или сооружения, если иное не предусмотрено в договоре.

Из содержания приведенных статей Федерального закона «Об авторском праве и смежных правах» вытекает следующее:

1. Автор вправе запретить использование своего произведения, поскольку право на обнародование произведения относится к личным неимущественным правам автора и не является исключительным. Однако в этом случае налицо существенное нарушение трудовой дисциплины, поскольку автор был нанят в том числе и для выполнения творческого задания (заданий), а работник, запретивший использование произведения, созданного в порядке служебного задания, подпадает под дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения за систематическое неисполнение своих трудовых обязанностей при продолжающихся запретах на использование работодателем своих произведений.

2. За каждый вид использования своего произведения работник имеет право на вознаграждение, размер и порядок которого устанавливается договором с работодателем. В юридической литературе по-разному трактуется вопрос о том, имеет ли автор, создавший произведение в порядке служебного задания, право на дополнительное вознаграждение, если его размер и порядок выплаты за использование не урегулирован договором. Ряд ученых, к примеру Э. П. Гаврилов, считают, что в этом случае никакого дополнительного вознаграждения не выплачивается. Однако данная позиция не основана на действующем законодательстве, т. к. в ч. 3 ст. 31 ФЗ «Об авторском праве и смежных правах» указывается, что Советом Министров, Правительством Российской Федерации устанавливаются минимальные ставки авторского вознаграждения, которые индексируются одновременно с индексацией минимального

размера оплаты труда. Поэтому более близка к истине другая группа правоведов, таких как А. П. Сергеев, утверждающих, что автор вправе получать вознаграждение в пределах, установленных минимальными ставками авторского вознаграждения. Но и здесь необоснованным представляется утверждение, что автор в трудовом договоре имеет право отказаться от получения вознаграждения, что не будет являться нарушением действующего законодательства. В любом случае автор не может получать вознаграждение меньше минимальных ставок, установленных действующим законодательством, поскольку это положение трудового договора будет противоречить ч. 3 ст. 31 ФЗ «Об авторском праве и смежных правах», а ч. 7 ст. 31 прямо гласит, что условия авторского договора (или трудового в части, регулирующей использование результата труда авторов), противоречащие положениям настоящего закона, являются недействительными. Данная норма сходна с аналогичным положением трудового законодательства о том, что минимальный размер оплаты труда работнику не может быть меньше установленного законодательством.

Бесплатно могут использовать произведения только некоммерческие организации, если автор передал исключительные права на свое произведение или создал для них служебное произведение, преследуя исключительно благотворительные цели, о чем должно быть прямо указано в договоре автора с некоммерческой организацией.

Конкретный же размер минимального авторского вознаграждения за произведения, созданные в том числе в результате служебного задания, определяется постановлениями Правительства РФ. Так, минимальный размер авторского вознаграждения за использование произведений литературы и искусства установлен постановлением Правительства РФ «О минимальных ставках авторского вознаграждения за некоторые виды использования произведений литературы и искусства» от 24 марта 1994 года. В случае, если за использование конкретного вида произведения минимальное вознаграждение не установлено и возникает спор, судом может и должен применяться принцип аналогии закона, установленный ГК РФ и ГПК РСФСР, обязывающий суд защищать нарушенное право путем применения нормы, устанавливающей минимальный размер вознаграждения за использование произведения сходного вида. Кроме того, при наличии спора о размере дополнительного вознаграждения судом может приниматься во внимание прибыль, полученная орга-

низацией от использования произведения с тем, чтобы сумма дополнительного вознаграждения автора была соразмерной полученному организацией доходу.

На создание в порядке служебного задания работодателя энциклопедий, энциклопедических словарей, периодических и продолжающихся сборников научных трудов, газет, журналов и других периодических изданий дополнительное вознаграждение автору служебного произведения не выплачивается в силу прямого указания закона (п. 4 ст. 14 ФЗ «Об авторском праве и смежных правах»).

При создании служебного произведения такое вознаграждение является частью заработной платы, поскольку связано с вознаграждением за труд и является выплатой стимулирующего характера (ч. 2 ст. 129 ТК РФ). Вот почему в случаях, когда труд работника связан с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства, работодателю и работнику следует включать условия и размер выплаты вознаграждения за использование произведений, созданных в порядке служебного задания, в трудовой договор.

В отличие от авторов произведений, патентообладателями изобретений, полезных моделей или промышленных образцов и вытекающими из патента исключительными правами на использование таких объектов является работодатель (п. 2 ст. 8 ФЗ «Патентный закон РФ») в случае, если он зарегистрировал патент в течение 4 месяцев после того, как автор уведомил его о создании изобретения или сообщил автору о сохранении существующего объекта в тайне (абз. 3 п. 2 ст. 8 ФЗ «Патентный закон РФ»). Поэтому запретить или препятствовать работодателю в использовании патента работник просто не в состоянии. Однако в случае, если отдельным договором между автором и работодателем установлены иные условия относительно произведенных разработок, то действуют условия, установленные в таком договоре.

Что же касается выплаты дополнительного вознаграждения автору за использование результатов его труда, то по этому вопросу законодатель занимает такую же позицию, как и по защите прав авторов — создателей произведений в порядке служебного задания. Так, авторы изобретений, полезных моделей и промышленных образцов имеют право на дополнительное вознаграждение, размер и порядок которого также устанавливается постановлениями Правительства РФ, а при их отсутствии — действующими нормативными актами СССР (Закон СССР «Об изобретениях в СССР», Закон СССР «О промышленных образцах»).

Такие выплаты тоже относятся к заработной плате согласно ч. 2 ст. 129 ТК РФ, и потому условия вознаграждения авторам-изобретателям, выполнявшим служебное задание, также следует устанавливать в трудовом договоре.

К сожалению, новый Трудовой кодекс не предусматривает порядок использования и уплаты вознаграждения авторам-изобретателям и авторам произведений науки, литературы и искусства, создавшим произведение или изобретение в порядке служебного задания, хотя, безусловно, поскольку обязанность работника создавать такие произведения при выполнении трудовых функций, с одной стороны, и обязанность работодателя уплатить отдельное вознаграждение за использование результатов труда работников, с другой стороны, является предметом трудового законодательства.

Судебная практика именно по вопросам регулирования отношений между работода-

телем и работником при создании и использовании служебных произведений в виде Постановлений Пленума Верховного Суда РФ отсутствует. Основное же внимание имеющих Постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и РСФСР уделяется разграничению служебных и неслужебных произведений.

Такое положение дел ведет к ущемлению трудовых прав работников, которым работодатель в принципе не выплачивает отдельное вознаграждение за использование результатов творческого труда, считая, что выплатой заработной платы он полностью рассчитывается с работником за использование его произведения. Поэтому для упорядочивания вопросов о выплате работникам отдельного вознаграждения необходимо принимать отдельные нормативные акты по вопросам использования результатов труда работников, создающих произведения или изобретения (федеральные законы, коллективные договоры и соглашения).

Н. С. ХАНИНА,

доцент кафедры международного и зарубежного права СПбГУП,
кандидат юридических наук

ЮНЕСКО — ГАРАНТ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ЮНЕСКО сегодня — это специализированное учреждение ООН, членами которого являются 186 государств, из которых 177 имеют национальные Комиссии, объединяющие представителей образования, науки и культуры. Кроме того, 588 неправительственных организаций постоянно поддерживают официальные отношения с ЮНЕСКО. Необходимо подчеркнуть, что в рамках ЮНЕСКО существуют 3200 ассоциированных школ, занимающихся воспитанием молодежи, 4800 центров, ассоциаций и клубов ЮНЕСКО. Бюджет ЮНЕСКО, образуемый из обязательных взносов государств-членов, на 1996–1997 годы составлял 518 миллионов долларов, к этой сумме следует добавить еще 290 миллионов долларов «внебюджетных» взносов.

Комитет по всемирному наследию ЮНЕСКО, созданный на основании Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, принятой в 1972 году, — межправительственный орган, его члены (21 человек) представляют государства, участвующие в Конвенции, и избираются Генеральной ассамблеей стран-участниц сроком на шесть лет. Комитет уполномочен заниматься рассмотрением кандидатур на включение в Список всемирного наследия, а также наблюдением за состоянием уже внесенных в пере-

чень памятников. Конвенция, которую ратифицировали 167 государств, входит в число международных документов, собравших наибольшее число подписей.

Список всемирного наследия под угрозой, которым также занимается Комитет по всемирному наследию ЮНЕСКО, призван привлечь внимание властей и общественности на необходимость сохранения отдельных памятных мест, которые подвергаются особой опасности разрушения.

Комитет по всемирному наследию в своих решениях опирается на оценки и выводы двух своих консультативных органов: Международного совета по охране памятников и исторических мест (ИКОМОС) — в отношении памятников Культуры и Всемирного союза охраны природы (IUCN) — в отношении памятников природы. Кроме того, Международный центр по изучению вопросов сохранения и восстановления культурных ценностей (ИККРОМ) представляет в Комитет свои заключения о состоянии реставрационных работ на объектах, а также проводит курсы по подготовке специалистов в этой области.

Страны-участницы Конвенции 1972 года берут на себя обязательства обеспечивать сохранность объектов, внесенных по их предложениям в Список всемирного наследия, Коми-

тет рассматривает доклады о состоянии этих объектов и, если выводы негативны, требует принятия необходимых мер для исправления положения. Участники Конвенции должны также принимать законодательные и регламентирующие меры для защиты объектов культурного и природного наследия на своей территории. Комитет по всемирному наследию ЮНЕСКО распределяет также субсидии Фонда всемирного наследия, например, для финансирования срочной помощи по восстановлению памятников, пострадавших от природных факторов или деятельности человека.

Признание ЮНЕСКО шедеврами устного и нематериального наследия уникальных явлений культуры того или иного народа — своеобразное дополнение к Списку всемирного наследия ЮНЕСКО, который включает выдающиеся материальные культурные и природные памятники человечества. Вместе с древнейшей китайской оперой, японским театром Ногаку, грузинскими песнями, народным кукольным театром Сицилии культура забайкальских староверов вошла в число девятнадцати шедевров устного и нематериального наследия ЮНЕСКО, которые впервые были определены международным жюри, состоящим из 18 членов. Данная культура — это этнокультурный феномен, отражающий уклад жизни, фольклор, народные и религиозные обряды, ремесла, народную медицину староверов, сосланных Екатериной II в Таргатайский район Забайкалья (Бурятия). Здесь сохранены традиции старой Руси, находящиеся сегодня под угрозой исчезновения. По инициативе неправительственных организаций и при поддержке Российского государственного фонда народного творчества создан расщитанный на десять лет план действий, предусматривающий сбор документов о традиционной культуре «Семейских», проведение научных конференций, фестивалей, создание музея деревянного зодчества и прикладного искусства.

Титул «Шедевр устного и нематериального наследия человечества» отныне будет присуждаться уникальным пространствам и формам культурного выражения. Народные и традиционные формы культурного выражения включают языки, устное народное творчество (в частности, мифы, сказки, эпос), музыку, танцы, игры, костюмы, обычаи и ритуалы, народные промыслы и ремесла, архитектуру и другие виды искусств, основанные исключительно на культурных традициях народа, народности или какой-то этнической группы, выражающие надежды и чаяния людей, творения, оформленные в устной речи, телодвижениях (танец, пантомима и т. п.) либо другими способами нематериального характера. Пространствами культурного выражения считаются постоянные и временные места, где регулярно либо эпизодически проходят какого-либо рода культурные манифестации.

При отборе шедевров жюри учитывает следующие показатели: уникальный характер, историческую принадлежность к культурной традиции, утверждение культурной самобытности, источник вдохновения, роль в межкультурных обменах, современное культурное и общественное значение, совершенство исполнения, уникальное свидетельство живой культурной традиции, существующий риск исчезновения. Окончательный вариант списка «Шедевров устного и нематериального наследия человечества» будет составлен и оглашен в мае 2003 года.

2 ноября 2001 года высший решающий орган ЮНЕСКО — Генеральная конференция на тридцать первой сессии в Париже приняла **Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии**. Международное сообщество впервые принимает столь подробный нормативный документ, возводящий культурное разнообразие в ранг «общего наследия человечества... которое так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы».

В. А. САПУН,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права СПбГУП,
кандидат юридических наук, профессор

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И УРОВНИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Право как неотъемлемый компонент духовной культуры общества и высокоэффективный регулятор общественных отношений подлежит обязательному изучению в образовательных учреждениях как общего, так и профессионального образования. Право регулирует общественные отношения только посредством воли и

сознания людей и прежде всего правового сознания. Правовое обучение на всех уровнях направлено на формирование правовой культуры и правосознания личности и социальных групп.

Правовое обучение предполагает решение следующих задач по формированию правовой культуры:

— знание основ права, принципов его действия, способов и типов правового регулирования;

— привитие обучающимся навыков самостоятельного использования полученных правовых знаний в практической деятельности по реализации правовых норм;

— формирование установок на правомерное поведение, на совершение только правомерных действий;

— формирование правовых чувств ответственности и законности¹.

Формирование правовой культуры возможно лишь на основе научно обоснованной общегосударственной программы юридического образования, направленного на перестройку всех компонентов и уровней правосознания: массового, профессионального, научного.

Исследование уровней правосознания имеет ключевое значение для научно обоснованной организации юридического образования как системы правового просвещения и обучения, спроецированного на формирование и развитие определенного уровня правосознания, необходимого и достаточного для обеспечения соответствующей деятельности субъектов в сфере правового регулирования.

Уровни правосознания складываются из определенного взаимодействия содержательных элементов социальной структуры правосознания: рационально-идеологических, психологических, поведенческих, и характеризуют правосознание с точки зрения глубины познания юридических явлений с целью использования субъектами правовых средств в их практической деятельности в сфере правового регулирования.

Таким образом, несколько моментов характеризуют правосознание с точки зрения его уровней.

Во-первых, это глубина и качество отражения правосознанием правовых явлений, которое характеризуется степенью («объемом») знания права, его основных принципов, регулятивных и охранительных правовых средств, познанием и оценкой правовых явлений, эмоционально-психологическим отношением к ним. Интериоризация правовых требований и возможностей в сознании субъектов как лично значимых и готовность к практическому использованию правовых средств в конкретных жизненных ситуациях требуют формирования умений и навыков предметной деятельности при помощи разнообразных юридических средств.

Во-вторых, уровни правосознания предопределяются характером и содержанием спе-

циальной деятельности субъектов по использованию правовых средств при решении разнообразных социальных задач и проблем.

Субъекты общественных отношений должны не только знать о правовых требованиях и возможностях, но и уметь пользоваться разнообразными правовыми средствами: регулятивными, охранительными, процессуально-процедурными. Это достигается не только путем правового просветительства и обучения (собственно юридического образования), но и практической заинтересованностью в использовании права и правовых средств как таковых.

Уровни правосознания с субъективной стороны обеспечивают два вида юридической деятельности: 1) правотворчества как деятельности по созданию нормативной основы правового регулирования, прежде всего законов; 2) деятельности, направленной на реализацию права.

На современном этапе проведения правовой реформы особая роль принадлежит научному правосознанию, которое призвано не только обеспечить научно обоснованную правотворческую деятельность, но и выработать научные основы и принципы организации юридического образования. Правотворческая деятельность в современных условиях предполагает формирование относительно самостоятельного и специфического уровня правосознания — профессионального правосознания законодателя, которое наряду с научно-практическими знаниями, идеями, концепциями должно включать в себя умения и навыки использования многообразного технико-юридического инструментария: нормативных построений, юридических конструкций технико-юридических норм.

На стадии реализации права различная по своему характеру и содержанию юридическая деятельность субъектов с использованием правовых средств обеспечивается с субъективной стороны соответствующими уровнями правосознания: обыденным и профессиональным, особенности формирования которых на современном этапе должны в полной мере учитываться при организации юридического образования.

Деятельность в процессе реализации права направлена на достижение определенного социального результата с помощью разнообразных правовых средств. В зависимости от характера и содержания используемых юридических механизмов, способов и типов правового регулирования она разделяется на следующие виды: 1) фактическое правомерное поведение и правовая активность как деятельность по использованию автономных правовых средств общедозволительного регулиро-

¹ Социология права / Под ред. В. М. Сырых. М., 2001. С. 195–196.

вания; 2) правореализующая деятельность — особый вид юридической деятельности субъектов с использованием правовых средств императивно-властного характера на началах разрешительного регулирования, а также активное исполнение пассивных обязанностей; 3) правоприменительная деятельность — специальная государственно-властная деятельность по вынесению индивидуальных предписаний органами управления, должностными лицами, а также правоохранительная деятельность специальных органов по применению мер правового принуждения и восстановлению нарушенного права.

Каждая из видов деятельности в сфере действия права не только осуществляется с использованием особого «набора» специфических правовых средств, но и требует соответствующего уровня правосознания субъектов, обеспечивающего с субъективной стороны такую деятельность.

В сфере общедозволительного регулирования, где действует общеправовой принцип «разрешено все, что не запрещено законом» и не требуется активных форм использования правовых средств, деятельность носит характер фактического правомерного поведения, которому соответствует массовое правосознание с преобладанием обыденных представлений о праве и правовых средствах. Интериоризированные в массовом правосознании правовые средства общедозволительного регулирования дают простор и гарантируют самостоятельную автономную деятельность людей в целях удовлетворения разнообразных потребностей и интересов.

К таким правовым средствам и соответствующим им представлениям относятся прежде всего абсолютные права субъектов, в которых определяются лишь общие границы правомерности их поведения. Одновременно вводятся оптимальные ограничительные линии в виде запретов, юридических обязанностей пассивного содержания, препятствующие произволу и отраженные в массовом правосознании в виде «стоп-сигналов». Они служат определяющими нравственно-правовыми границами дозволенного поведения. Фактическое правомерное поведение весьма условно имеет юридический характер. Субъекты используют здесь правомочия на собственные действия, соблюдают правовые запреты в силу прямого осуществления материальных, политических, духовных и иных интересов.

Фактическая деятельность в данной ситуации определяется прежде всего общесоциальными, экономическими факторами и стимулами и лишь соприкасается с правом постольку, поскольку правовые средства от-

крывают простор для использования общесоциальных регуляторов и стимулов, а также устанавливают запреты на совершение определенных действий, не допуская произвола в фактическом поведении субъектов. Массовое правосознание при этом, с преобладанием в нем обыденных компонентов (рациональных, психологических, поведенческих), следует рассматривать как необходимый и достаточный уровень правосознания абсолютного большинства лиц, не обладающих специальными правовыми знаниями, непосредственно осуществляющих свои правомочия в повседневных отношениях. Поэтому не прошла проверку временем распространенная в специальных исследованиях и публицистике формула о «необходимости подтянуть обыденное правосознание до уровня теоретического», и тем более невыполнима задача «поднять обыденное индивидуальное правосознание, имеющее эмпирическое происхождение, до уровня основных положений теории права». Задача юридического образования применительно к фактическому правомерному поведению в другом — необходимо развивать компоненты массового правосознания до такого состояния, когда с их помощью без особых затруднений можно ориентироваться в сфере правового регулирования.

Вместе с тем реализация правомочий на началах общедозволительного регулирования требует необходимого уровня политической и правовой культуры, нравственного совершенства, на основе которых формируются «здоровый смысл» и установка на общественно полезные формы правомерного поведения, соответствующие не только закону, но и нравственности, веками отработанным общечеловеческим ценностям. Все это требует включения в процесс юридического образования нравственного аспекта, направленного на формирование нравственно-правовых установок и готовности к соблюдению принятых в любом обществе правил поведения, принципов общечеловеческой нравственности.

Особого уровня правосознания требует деятельность субъектов при активных формах использования разнообразных правовых средств регулятивного и охранительного значения в составе общедозволительного регулирования. Такая деятельность приобретает характер правовой активности и выражается в инициативных действиях субъектов правоотношений, в их усмотрении, выборе и активном использовании правовых средств, прежде всего в сфере частного права¹. Правовая активность как разновидность юридической

¹ Алексеев С. С. Частное право. М., 1999.

деятельности граждан заключается в правильном выборе правовых средств, их искусном, умелом использовании, преодолении возможных коллизий между правовыми общесоциальными средствами в процессе осуществления правомочий в сфере частного права. Специальные юридические действия, посредством которых реализуется правовая активность, как правило, выражаются в институционных правовых формах (разнообразные договоры, специальные протоколы и соглашения по их реализации, письменные формы и условия сделок, юридически оформленные кредитные отношения, жалобы и заявления и т. п.) и являются средствами автономного, индивидуального регулирования.

Правовая активность выражается и в использовании охранительных правовых средств, когда управомоченные лица прибегают к дозволенным способам защиты субъективных прав, а также самозащиты.

Правовая активность с субъективной стороны не может быть обеспечена только обыденными элементами правосознания, «здравым смыслом» либо нравственными императивами. В процессе юридического обучения необходимо формирование и развитие определенных компонентов специализированного правосознания, включающего не только информированность о правовых возможностях и запрещенных деяниях, но и умения, навыки использования правовых средств в различных сферах частного права, прежде всего это — договорные отношения, в процессе реализации которых лица на основе диспозитивных норм закона имеют возможность сами вырабатывать и использовать правовые средства автономного, индивидуального действия.

В процессе юридического обучения в целях обеспечения правовой активности необходимы новые организационные формы такого обучения, которыми могут стать правовые школы предпринимателей, менеджеров, брокеров и др., осуществляющих управленческую и коммерческую деятельность в системе принципиально новых экономических отношений.

Особенно отличаются компоненты массового и специализированного правосознания в деятельности субъектов по использованию правовых средств и способов разрешительного регулирования. Характерная черта такой деятельности заключается с юридической стороны в том, что субъект в процессе реализации императивных дозволений и позитивных обязанностей непосредственно использует правовые формы, типовые программы поведения, предписанные правовыми нормами и с необходимостью интериоризированные в рациональных и поведенческих элементах правосознания.

Правовые средства при этом отличаются значительным потенциалом, внешней силой и обеспечивают с юридической стороны неукоснительное проведение в жизнь правовых предписаний, определяют рамки, строгий порядок использования правовых возможностей. Императивный характер правовых средств разрешительного регулирования требует особой правореализующей деятельности по их использованию, которая выражается в особых юридически оформленных действиях и обеспечивается с субъективной стороны конкретными правовыми знаниями и представлениями о правах и обязанностях, убеждениями в необходимости их соблюдения и исполнения.

В правореализующей деятельности познавательные и оценочно-эмоциональные компоненты правосознания не всегда приводят к положительному эффекту, необходимы конкретные результаты исполнения юридических обязанностей, наиболее полное удовлетворение интересов управомоченных, что находится в прямой зависимости от состояния поведенческих компонентов правосознания и, прежде всего, готовности к активным действиям по использованию правовых средств при достижении поставленных задач.

Юридическое образование с учетом особенностей деятельности субъектов должно быть направлено на целенаправленное, систематическое формирование всех основных компонентов массового правосознания: рационально-идеологических, психологических, поведенческих. При формировании познавательных элементов правосознания необходимо учитывать особенности реальной применимости права и готовность субъектов массового правосознания к правильному использованию юридических средств в практической деятельности. Само информирование о праве, разъяснение конкретных правовых норм является первоначальной стадией юридического образования. Одновременно с внедрением правовых знаний должны формироваться эмоционально-психологические компоненты, положительное отношение к правовым установлениям и возможностям их использования, правовые оценки и убеждение в необходимости следовать правовым предписаниям как лично значимым.

Наличие в структуре массового правосознания поведенческих компонентов предполагает наличие в юридическом образовании стадии формирования правовой деятельности субъектов по корректному и эффективному использованию правовых средств в связи с различными способами и типами правового регулирования.

Выбор правовых средств в практической деятельности, осознание и конкретизация

субъективных прав и обязанностей, принятие решения и оценка последствий правового поведения непосредственно зависят от усвоения лицами правовых требований и возможностей их интериоризации в принципах индивидуального правосознания. В тех случаях, когда правовые возможности и предписания воспринимаются личностью только как внешние, а иногда и чуждые ей требования, имеют место либо формальное, либо безразличное отношение к правовым средствам, либо отрицательная эмоциональная реакция на правовые явления. Во всех случаях создается реальная угроза неисполнения юридических обязанностей, злоупотребления правом, совершения правонарушений.

Дефектность индивидуального правосознания на обыденном уровне может проявляться в дефектах его познавательных, эмоциональных либо поведенческих компонентов. Это выражается в пробелах в юридических знаниях (рациональный компонент), в отсутствии

положительных правовых чувств, настроений, убеждений (эмоциональный компонент). Но наиболее наглядно дефекты индивидуального правосознания проявляются в поведенческих компонентах при совершении правонарушений как специфической формы выражения противоречий между общественным, групповым и индивидуальным в процессе действия права.

Массовое правосознание существенно воздействует на формирование таких привычек правового поведения, социально полезный вариант которых избирается для данного субъекта каждый раз как естественный, почти автоматически. Но способность к избранию правомерных целей и средств независимо от ситуации может порождать только такое состояние индивидуального правосознания, которое характеризуется правильным общим представлением о правомерном и противоправном, знанием правовых требований и возможности, готовности к их исполнению и использованию.

В. Г. ИВАНОВ,

профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

*Слова у нас до важного самого
в привычку входят, ветшают, как платье.*

*Но так ли разрабатывать важнейшую из тем?
Индивидуализмом пичкать?
Демоны — в ад, а духи — в эдем?
А где, я вас спрашиваю, смычка?*

В. Маяковский

1. А есть ли они — «общечеловеческие ценности»? Может быть, они принадлежат прекрасному миру идей Платона или «вечному и неизменному миру ценностей» неокантианцев, то есть тому, что современное прагматично-утилитарное сознание третирует как «миф», «метафизику», «иллюзию», короче, как то, чего «не было, нет и быть не может», или, как любили говорить прагматики, сражающиеся за «истину в последней инстанции», «сапоги всмятку» или «genіx», то есть чепуха?

2. В иных претендующих на поиск «новой идеологии» или даже на «обновление русской идеи» сочинениях, объем которых, похоже, призван заменить скудость содержания, есть и другое, весьма устойчивое мнение: все разговоры об общечеловеческих ценностях — это «идеологическая диверсия», «идея, подброшенная американским империализмом» для того, чтобы «одурманить простых советских... pardon, русских, русских людей» и подчинить

чуждым им «ихним» (империалистическим, американским, космополитическим по форме) ценностям, «разоружить идейно» и так далее (смотри соответствующую пропагандистскую литературу времен «железного занавеса»).

Итак: то ли «общечеловеческие ценности» — чепуха, то ли гораздо хуже — отравленные «конфетки» для наивных душ простых людей или для идейно неокрепшей молодежи.

Полагаю, что сказанного достаточно, чтобы еще раз вернуться к проблеме общечеловеческих ценностей, и не только к словам (понятиям), их выражающим, но, что гораздо важнее, к их содержанию и проявлению во всем многообразии межчеловеческих отношений — от личных до межгосударственных.

3. Речь пойдет о ценностях моральных, система которых в том или ином варианте воспроизводится во всех современных учебниках по этике (как в отечественных, так и в

зарубежных): труд, добро, свобода, равенство, справедливость, долг, ответственность, честь, достоинство, совесть, счастье.

За каждой из них долгая история, но каждая пришла из древности, о каждой написаны сотни исследований и книг. Одни ими клялись, за них умирали. Другие стремились стереть их из памяти, освободить от их обаяния и значения (кто не знает фразы — крылатой — Гитлера: «Я освобождаю вас от химеры совести!», которую мог бы повторить любой диктатор прошлого, настоящего и будущего — уже потому, что никакой диктатор не считает других равными себе)... А они, эти ценности, живут сегодня и не умрут, пока живут люди, считающие, что человека от скота (не от животных — не надо оскорблять братьев наших меньших) отличает то, что он может восхищаться звездным небом над головой и следовать голосу совести как личностной квинтэссенции всей системы моральных ценностей — «слышать голос сердца», как говорили и Паскаль, и Сковорода, и Памфил Юркевич.

4. Тогда почему их считают «чепухой» или видят в них нечто подозрительное и опасное?

Во-первых, потому что многие полагают, что в нашем жестоком мире они — лишь прекрасноречивые слова, бессильные против вполне реального зла, прежде всего зла социального, что «сила солону ломит» и «против лома нет приема», что в нашей действительности слишком много жестокости, розни, лжи и равнодушия не только к «дальним», но и к ближним, и слова о любви, о жизни в согласии с моральными ценностями пропадают втуне, как пропадает семя, упавшее на камни.

Однако, хотя во все времена зла хватало с избытком, род человеческий живет — и живет именно потому, что во все времена, даже времена переходные, переломные, большинство людей, не произнося всуе этих слов, следуют в жизни обозначенным ими ценностям.

А то, что на поверхности реки жизни, особенно в периоды половодья, каковыми оказываются переломные эпохи, всплывает много мусора, так это пена, и в такие времена река жизни очищается и обновляется, сохраняя свою животворную силу. Надо уметь видеть и понимать, что людей честных, трудолюбивых, живущих по правде, а не по лжи, всегда больше — в противном случае народ вырождается и гибнет.

Во-вторых, потому что, как и встарь, огромную силу имеет групповое моральное сознание, выражающее самую прочную и самую косную форму эгоизма и индивидуализма — эгоизма и индивидуализма группы, базирующегося на подсознательном «мы хорошие, а они плохие». Это сознание отнюдь

не отвергает моральных ценностей, но изначально, как некую аксиому, принимает, что сфера их применения — только между членами «нашей группы», какой бы по своему происхождению и положению ни была эта группа (определенный этнос, сословие, класс, конфессия, секта, партия). Отсюда и действительное стремление, начиная с Древнего мира, не только превозносить, но и навязывать всем «свои, особые» идеологические ценности. Однако только с эпохой капитализма (или с возникновением техногенной цивилизации) и появлением таких социальных групп, как классы (буржуазия — пролетариат), идеологи этих групп действительно пытались объявить свои групповые ценности общечеловеческими. Первыми с подобными устремлениями выступили идеологи буржуазии в XVIII веке, и это, по словам К. Маркса, было «исторической иллюзией», но после победы буржуазии и ее прихода к власти стало сознательным лицемерием. Идеологи пролетариата, в свою очередь, провозгласили общечеловеческими ценности пролетариата, а его мораль — моралью всего человечества в будущем. Какие же ценности (с точки зрения пролетарской морали) будут в бесклассовом коммунистическом обществе? Да те же, которые провозглашала и буржуазия: труд, свобода, равенство... и далее все, о чем я говорил в самом начале, вплоть до совести и счастья. И если Гитлер, освобождая солдат вермахта от «химеры совести», брал «ответственность» на себя, то В. И. Ленин, провозгласив, что «партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», превратил эти понятия в узкопартийные, освободив конкретную личность от ответственности и совести, ибо совесть должна была быть коммунистической.

5. Существует ли критерий, позволяющий отделить лицемерное навязывание чуждых, выражающих узкогрупповой интерес ценностей (как правило, это псевдоценности) от действительных общечеловеческих ценностей? Есть. И он, в принципе, прост — более того, с декабря 1948 года он выражен в документе, имеющем не только моральную, но и юридическую силу: это «Всеобщая декларация прав человека». Если человек, независимо от того, в какую социальную группу он входит, признает, что права и ценности, которые соответствуют этим правам, распространяются на всех людей без каких-либо ограничений — он тем самым признает наличие общечеловеческих моральных ценностей, ибо в каждом другом уважает человеческую личность и считает ее равной себе.

Чем больше таких людей становится на планете, тем надежнее фундамент для сохра-

нения и развития культуры человечества — и тогда нет нужды ломать копыта из-за того, каким словом обозначить эти ценности: общечеловеческими, всечеловеческими или просто человеческими, ибо за этими словами в равной мере будет стоять убеждение в том, что Земля — наш общий дом и мы все — земляне, составляющие не «население земного

шара», а человечество, состоящее не из «особей», «номеров», «индивидов», «винтиков», «верных солдат» того или иного диктатора, фанатиков той или иной идеи, а личностей, в процессе своего развития становящихся индивидуальностью, каковая — каждая! — есть неповторимый мир, и с потерей которой несет утрату все человечество.

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ,

доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП,

кандидат педагогических наук

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ (международно-правовой анализ)

Проблемы правовой культуры поднимались и рассматривались учеными разных направлений научной мысли: юриспруденции, философии, социологии, политологии.

При этом в России выработалась наиболее общая дефиниция правовой культуры, под которой понималась часть общечеловеческой культуры, выражающая общий уровень правовых знаний и чувственного восприятия права, где главными составляющими правовой культуры являются правосознание, свобода личности, взаимответственность и взаимодействие личности и государства, уровень совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности¹.

На Западе в проблеме становления теоретических взглядов, вопросов правовой культуры выделяются две группы теоретических источников — работы классиков мировой социологии (Э. Дюргейма, М. Вебера, Т. Парсонса) и классические работы американских политологов и юристов (Г. Алмонда, С. Вербы, С. Липсета и Л. Пая).

В воззрениях М. Вебера право базируется на принуждении, опирается на силу государственной власти и напрямую связано с политикой. М. Вебер в своих трудах закладывает основание типологии правовой культуры, отождествляет ее с политической культурой — как технологией поддержания социального функционирования управленческих (от вождей до президентов) органов. То есть в своей типологии М. Вебер прежде всего делает акцент на понятии «господство», «легитимный порядок».

В этом направлении рассматривал правовую культуру и классик структурно-функционального анализа Т. Парсонс².

¹ Спиридонов Л. И. Теория государства и права. СПб., 1997. С. 77.

² Калиновский Г. А. Факторы формирования правовой культуры учащейся молодежи средних горо-

Несколько похожа «теория» правовой культуры и у американских ученых Г. Алмонда, С. Вербы, С. Липсета, Л. Пая. Они считают, что субъектом, творящим и контролирующим правовые нормы, выступает только государство, поэтому правовая культура — как способ создания, поддержания, трансляции правовых норм и ценностей — непосредственно связана с политической культурой, причем сфера политики шире сферы права, поскольку включает в себя негосударственные, а поэтому и неправовые элементы³.

Но если М. Вебер определял тип господства по источнику производства социальной регуляции, то американские ученые определяют его через поведение и установки тех, кто интернализует выработанные правовые нормы.

У русского дореволюционного юриста Б. А. Кистяковского была своя, довольно своеобразная концепция понятия правовой культуры. Она включает «объективное право» в общее понятие «культурного блага», т. е. вся система права, по Кистяковскому, — это «особая культурная реальность»⁴.

Русско-американский социолог П. Сорокин в своей монографии «Общество, культура и личность» наряду с характеристикой различных видов норм права и их функций рассматривал правовую культуру как элемент нескольких типов систем идеологической культуры⁵.

Проблемами правовой культуры активно занимаются и современные российские теоретики права: С. С. Алексеев, В. В. Барчук,

дов юга России: Автореф. дис. канд. социологич. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 13.

³ Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Образы права в России и Франции. М., 1996. С. 108.

⁴ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 258–259.

⁵ Сорокин П. «Общество, культура и личность» М., 2000. С. 108.

Э. В. Тадевосян, В. М. Сырых, Л. И. Спиридонов, В. П. Казимирчук, В. Н. Кудрявцев и другие.

Так, например, В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук рассматривают правовую культуру как явление идеологического порядка, ориентированное обществом и государством на формирование и поддержание норм правового поведения людей, т. е. формирование правовой культуры общества находится полностью в ведомастве государственных органов властей.

В целом в современной российской правовой науке в проблематике правовой культу-

ры доминирует правовой подход, на Западе же преобладает социологический подход.

Современному обществу свойственен гражданский тип правовой культуры, к которому стремится большинство демократических государств. Он отличается ценностным отношением к праву как к наиболее приемлемой форме регуляции социальных отношений и антагонизмов внутри социума¹.

Поэтому, на наш взгляд, правовая культура является частью политической и общечеловеческой культуры.

А. В. КИРСАНОВА,

старший преподаватель кафедры государственного права СПбГУП

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Международно-правовое сотрудничество государств в области культуры выступает как социальное, имеющее ярко выраженную цель явление, охватывающее всю совокупность важнейших ценностных компонентов правовой реальности в ее фактическом функционировании и развитии.

Сотрудничество государств в области культуры имеет глубокие исторические корни. Оно развивается и совершенствуется, обновляется и обогащается в результате обмена и знакомства народов с традициями, ценностями и самобытностью других народов.

Роль международно-правового сотрудничества государств в области культуры на современном этапе немыслима без человека и общества, без активной деятельности и прогрессивной направленности, без передового мышления и чувства нового, без компетентности и профессионализма, без знания дела и культуры.

Многообразная практика межгосударственных культурных отношений на базе основных принципов международного права приводит к созданию нового типа международных культурных отношений, оказывая благотворное воздействие на характер и формы этих отношений. Понятно, что любое государство имеет свою историю, культуру, традиции и особенности, что каждое государство придает огромное значение культуре во всестороннем развитии личности и общества, а также в воспитании и формировании мировоззрения личности и общества. На современном этапе развития цивилизации тем более немыслимо нормальное существование государств без международно-правового сотрудничества в области культуры, которое способствует взаимопониманию между народами и странами,

уменьшая опасность возникновения вооруженных конфликтов и устанавливая стабильность в международных отношениях. При осуществлении международно-правового сотрудничества в области культуры государства обязаны руководствоваться основными принципами современного международного права и специальными принципами культурного сотрудничества. Специальные принципы были сформулированы в Декларации принципов международного культурного сотрудничества, одобренной Генеральной конференцией ЮНЕСКО 4 ноября 1966 года. В Декларации содержатся следующие принципы:

- принцип равенства культур;
- служение культуры делу мира;
- взаимовыгодность культурного сотрудничества;
- обязательность защиты культурных ценностей во время мира и во время войны.

Международно-правовое сотрудничество государств в области культуры осуществляется по определенным направлениям, таким как культурные обмены, проведение фестивалей, научно-исследовательская деятельность, защита культурных ценностей, совместная деятельность по созданию культурных ценностей и т. д.

Эти направления международно-правового сотрудничества в области культуры реализуются в различных формах, которые характерны для международных отношений. Это заключение международных договоров, принятие решений в рамках международных организаций. Международно-правовое сотрудничество в области культуры регулируется

¹ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права. М., 1995. С. 31.

международными договорами о дружбе и сотрудничестве, о культурном и научном сотрудничестве, о правовой помощи; соглашениями о создании и деятельности культурных центров; планами культурных и научных обменов. Государства заключают двусторонние, многосторонние, региональные и универсальные договоры. В области культурных отношений заключены международные договоры на региональном уровне. Среди них договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников, который был подписан еще в 1935 году государствами Американского континента (Пакт Рериха), в 1954 году была подписана Европейская культурная конвенция, в 1969 году государствами-членами Европейского совета подписана Европейская конвенция об охране археологического наследия, в 1976 году — Конвенция об охране археологического, исторического и художественного наследия американских наций (Сан-Сальвадорская конвенция), в 1985 году — Конвенция об охране архитектурного наследия Европы, также в 1985 году подписан договор между Данией, Финляндией, Норвегией, Швецией и Исландией о культурном сотрудничестве и так далее.

На универсальном уровне сотрудничество в области культуры обеспечивает Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

ЮНЕСКО поощряет международные обмены, имеющие культурно-просветительские цели, работает над ознакомлением широкой общественности с малоизвестными сокровищами мирового культурного наследия, содействует всемирному признанию различных культурных ценностей, а также служит информационным центром. ЮНЕСКО принято множество практических мер по охране и спасению ряда выдающихся памятников культуры: были спасены от затопления памятники Древней Нумбии в Египте и Судане; индонезийский храм Борободур в Пакистане, Афинский акрополь, памятники Венеции, Перу, Кубы, Вьетнама и другие.

Результаты деятельности ЮНЕСКО находят отражение в ее актах. ЮНЕСКО принимает постановления, рекомендации, декларации и директивы. Следует подчеркнуть, что рекомендации этой организации обладают обязательной силой, поскольку в течение года после принятия рекомендации на Генеральной конференции она должна быть одобрена компетентными органами государства, и в случае одобрения государство должно представлять периодические доклады о ее выполнении. К таким рекомендациям относятся: Рекомендация, определяющая принципы международной регламентации археологических

раскопок, принятая Генеральной конференцией на ее девятой сессии в Нью-Дели 5 декабря 1956 года, Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей, принятая Генеральной конференцией на двенадцатой сессии в Париже 11 декабря 1962 года, Рекомендация о сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ, принятая на пятнадцатой сессии Генеральной конференции в Париже 19 ноября 1968 года и другие.

Обязательным характером обладают также постановления Генеральной конференции.

В 1976 году Генеральной конференцией ЮНЕСКО была принята и одобрена Рекомендация об участии и вкладе народных масс в культурную жизнь. Под эгидой ООН и ЮНЕСКО в 1988 году было провозглашено Всемирное десятилетие развития культуры, основными задачами которого стали учет культурного аспекта развития, расширение участия в культурной жизни, утверждение культурной самобытности и, естественно, содействие международному культурному сотрудничеству. Обширная программа мероприятий в рамках Десятилетия стала крупным вкладом в развитие культуры и цивилизации на мировой арене.

В мае 1992 года странами СНГ было подписано Соглашение о сотрудничестве в области культуры. Страны СНГ взяли обязательство создавать благоприятные условия для развития культурных связей и культурного обмена в области музыкального, театрального, изобразительного, эстрадного и циркового искусства, кино, телевидения, библиотечного и музейного дела, охраны и рационального использования объектов культурно-исторического наследия и других видов культурной деятельности. С 1995 года действует Совет по культурному сотрудничеству СНГ. Создан Фонд поддержки культурного сотрудничества. Проводятся дни культурных и памятных дат, международных выставок, фестивалей театра, кино.

12 января 1995 года было принято Постановление Правительства РФ «Об основных направлениях культурного сотрудничества с зарубежными странами», а 17 мая 1996 года — «О программе мер по поддержке соотечественников за рубежом».

В 1997 году при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО создан Российский национальный комитет всемирного наследия. 15 апреля 1998 года были приняты два Закона РФ:

1. Закон РФ о культурных ценностях, перемещенных в СССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории РФ, который имеет следующие цели:

защита ценностей от расхищения, предотвращение их незаконного вывоза за пределы РФ и создание для этого необходимых правовых условий.

2. Закон РФ о вывозе и ввозе культурных ценностей, который имеет своей целью сохранение культурного наследия народов РФ, а также должен способствовать развитию международного культурного сотрудничества, взаимному ознакомлению народов РФ и других государств с культурными ценностями друг друга.

В настоящее время на международном уровне многие государства, в том числе и Россия, в целях создания благоприятных условий для развития международных культурных связей, культурного обмена и сотрудничества заключают Соглашения в области театрального, музыкального, изобразительного, эстрадного и циркового искусства, кино, телевидения и радиовещания, библиотечного и музейного дела, охраны и рационального использования памятников и других объектов культурно-исторического наследия, самодельного народного творчества, народных промыслов и других видов культурной деятельности.

Сегодня для политики любого государства становится приоритетным и очень важным сохранение культурного наследия и развитие рынка произведений искусства.

В России более 90 процентов подлинных российских культурных ценностей сосредоточено в государственных музейных фондах, но и в частных коллекциях встречаются шедевры. Однако статус частного коллекционера пока не получил прописки в нашем законодательстве.

Поддерживая частные собрания произведений искусства и самих коллекционеров, государство не может забывать о строгой системе организации торговли антиквариатом, основанной на лицензировании, способствующей

развитию цивилизованного антикварного рынка России, который находится еще в начальной стадии. Лицензируя предпринимательскую деятельность, связанную с антиквариатом, государство фактически делегирует частной структуре функции государственного учета культурных ценностей, организацию их экспертизы, обеспечение их сохранности, контроль за правомерностью прав собственности.

В реформировании нуждается российское законодательство о вывозе и ввозе культурных ценностей, которое существенно устарело. Действующий закон противоречив и очень сложен в применении. Можно сказать, что он препятствует полноценному развитию международных связей и противоречит международной практике, разрешая вывоз произведений современного изобразительного и декоративно-прикладного искусства, создаваемых российскими художниками.

Музеи, закупающие культурные ценности на международном рынке за счет собственных средств, также не освобождены от уплаты НДС при ввозе этих приобретений в Россию. В соответствии с Налоговым кодексом от уплаты НДС освобождаются только те вещи, которые зарубежные владельцы передают в дар государственным музейным хранилищам, являющимся особо ценными объектами культурного наследия народов России. На сегодня льготой по НДС наделены только 32 государственных музея, имеющих особый статус, а их в России более 2,5 тысяч.

Усилия Министерства культуры РФ и других организаций по возвращению культурных ценностей дают ощутимые результаты, но можно добиться гораздо больших результатов, если снять заградительные барьеры, которые стоят на пути ввоза в нашу страну произведений искусства, принять мудрые правовые акты и наладить взаимовыгодное сотрудничество государств.

В. Н. ЗАЙЦЕВ,

генеральный директор Российской национальной библиотеки,
Первый президент Российской библиотечной ассоциации,
Заслуженный работник культуры России

«ПРОФЕССИИ БИБЛИОТЕКАРЕЙ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ АВТОРИТЕТ...»

Сегодня, когда возникают споры о том, нужна ли книга как продукт общества и не следует ли ее заменить компьютером, нужна ли вообще человеку будущего библиотека, важно отметить, что почти во всех странах поток читателей в библиотеках не ослабевает, и растет количество издаваемых и выдаваемых книг. В силу этого возникает необходимость попытаться еще раз взвешенно подойти к оценке будущего библиотек и библиотечных профессий.

В нашей стране издавна воспитывалось пиететное отношение к книге как к одному из величайших явлений человеческой культуры и к «книжным людям» как хранителям и знатокам мудрости. Можно вспомнить Ярослава Мудрого, который уже в начале прошлого тысячелетия создал знаменитую библиотеку. Слава о ней распространилась далеко за пределами Руси. Многочисленные «книжные люди», привлеченные Ярославом, не только помогли переводить с разных языков и переписывать книги, но и участвовали в организации школ, в развитии древнерусской книжности, в создании сводов законов «Русская правда», положили начало систематическому летописанию. Именно в те времена Русь достигла успехов в науках, архитектуре, укреплении государственности.

В дальнейшем в истории России не раз бывали периоды благоприятного развития и всегда, как правило, для них был характерен расцвет культуры и книжности. И наша страна по праву считается европейской сокровищницей книг. Во все времена библиотеки являлись ведущим звеном жизни общества, развития науки, образования и культуры. Этим определяется и авторитет «книжных людей, библиотекарей». И хотя материальная оценка их труда зачастую невелика, их моральный авторитет всегда высок.

Огромную роль сыграли библиотеки в последние десять лет — в период радикальных, но плохо управляемых реформ. Библиотеки оставались единственными учреждениями культуры, выполняющими свою социальную роль, бесплатно обслуживая широкие слои населения. В невероятно сложных условиях,

при постоянном недофинансировании, отсутствии средств на приобретение необходимой литературы, скудной зарплате сотрудников они давали людям надежду и возможность для саморазвития, получения новых знаний, образования, удовлетворения культурных потребностей, помогали им выстоять и тем самым сохранить себя и страну. И в этом, безусловно, заслуга тех самоотверженных людей, которые, несмотря на трудности, оставались со своими библиотеками, со своими читателями.

В этот период большую нравственную поддержку библиотекарям оказал выдающийся деятель русской культуры академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Как крупный ученый, для которого работа в библиотеках была важной частью жизни, он хорошо знал и понимал значение библиотеки в жизни людей. Его взгляды наиболее ярко выражают, каким должно быть отношение к библиотекам и библиотечной профессии в обществе.

Библиотекам Дмитрий Сергеевич отводил главную, приоритетную роль: «Библиотеки важнее всего в культуре. Может не быть университетов, институтов, научных учреждений, но если библиотеки есть..., — культура не погибнет в такой стране».

Эта позиция помогла многим осознать миссию библиотек в обществе. Библиотеки должны рассматриваться не только как основа культуры, но и как база развития экономики и политики. По его мнению, «нерадивое отношение в нашем обществе к библиотекам во многом объясняется тем, что такие задачи (как закрытая или утраченная библиотека, не полученная вовремя книга) у нас еще не просчитывают математически и экономически...» Сейчас уже появилось понимание, что библиотеки являются хранилищами огромных информационных ресурсов, а будущее во многом определяется уровнем развития информатики.

С огромным уважением относился Дмитрий Сергеевич Лихачев к людям, чья профессия так или иначе связана с книгой. Например, библиографическую работу он связывал с состязаниями лучников: «это спорт, это поэзия.

Хороший библиографический труд — это сотни попаданий в цель. Он по-своему красив — как изящно найдены и удачно, без пропусков подобраны данные. Библиограф должен быть в своей работе элегантен».

Еще в юности, будучи читателем Публичной библиотеки, он был покорен библиографом, удивительным знатоком русской книги, постоянно жившим в России французом А. А. Ларондом. Вот как поэтически Д. С. Лихачев его вспоминает: «Он приходил на работу в библиографический отдел в накрахмаленной белейшей рубашке (это было в первой половине 20-х годов), и его розовые щеки, покрытые короткой щетиной белой бороды, как бы символизировали жизнерадостность и праздничность библиографической работы. Он трудился, как хирург в белом халате и щеголял точностью. Без лишних слов, коротко и деловито выдавал справки, точно оброненный платочек подавал даме. Он в равной степени был корректно вежлив со студентом и с маститым ученым. Казалось, что с нами он был даже вежливее, ведь мы имели право на любые вопросы, а ученый не всегда. Его работа была действием, и такими же изящными были его библиографические справочники».

Такое отношение к библиотекарям у Дмитрия Сергеевича сохранилось на всю жизнь. Будучи депутатом Верховного Совета СССР, главой Советского фонда культуры, он проявлял поистине отеческую заботу о рядовых библиотекарях: «буду стремиться к улучшению условий жизни рядовых библиотекарей. Низовые работники библиотек..., те, кто обращен лицом к человеку, те, кто несет культуру, должны быть прежде всего почитаемы и награждаемы. Профессии библиотекарей должны иметь авторитет...»

Зная о том, что фонды наших библиотек поистине уникальны, что это действительно национальное достояние, Лихачев считал, что именно государство призвано обеспечить сохранность этих сокровищ: «страна не может развиваться без хороших библиотек..., деньги надо найти и перераспределить...»

Безусловно, очень важно, чтобы у библиотек были такие авторитетные защитники, как академик Д. С. Лихачев, но это не решит проблему их социальной значимости, если библиотекари сами не будут вести постоянную целенаправленную работу, демонстрирующую важность их деятельности. И он, в частности, был глубоко убежден, что положение с библиотеками в нашей стране могут и должны поправить сами библиотекари: «...Надежды связываю с очень хорошими рядовыми работниками библиотек, их много, тысячи, десятки тысяч, несмотря на нищенское жалование, несправедливо низкий пре-

стиж профессии, униженное положение, когда любую мелочь им приходится вымалывать с протянутой рукой. Это и есть мои единомышленники».

Для решения этих задач он предлагал создать ассоциацию библиотечных работников, которая существовала бы на правах творческого союза или под эгидой Верховного Совета. Он считал, что «...такая ассоциация сама выработала бы статус наших библиотек всех рангов, от школьных и сельских, до научных и государственных, подготовила бы проект Закона о библиотеках... Но, кроме союза библиотечных работников, должны быть и общества друзей библиотек».

Эти пожелания совпали с требованиями жизни — в нашей стране стали создаваться общественные профессиональные объединения. Усилиями библиотечных работников были организованы различные библиотечные ассоциации и общества: международные, российские, региональные, по функциональному или территориальному признакам, по интересам: национальных, научно-технических, детских библиотек и тому подобное. Начали создаваться и общества друзей при библиотеках. Например, при Российской национальной библиотеке такое Общество, созданное в 1994 году, возглавил известный писатель Даниил Александрович Гранин, который также оказывает большую моральную поддержку развитию библиотек в стране.

Библиотечные ассоциации и общества играют все более значительную роль в формировании и реализации политики в сфере библиотечного дела. За сравнительно небольшой срок профессиональные объединения оказали значительное влияние на состояние библиотечного дела в стране. Крупнейшая в стране Российская библиотечная ассоциация (РБА), объединяющая в своем составе более 360 библиотек 82 регионов России, добилась решения ряда крупных проблем, определяющих развитие библиотечного дела. При ее активном участии были приняты правовые акты, направленные на улучшение работы библиотек, библиотечного дела в стране: Закон о библиотечном деле, Закон об обязательном экземпляре, Указ Президента о Всероссийском Дне библиотек и ряд других актов. РБА выступила инициатором разработок ряда национальных программ по созданию единого обменного коммуникативного формата библиографических записей, национальной программы «ЛИБНЕТ», направленной на автоматизацию библиотек России, национальной программы сохранности библиотечных фондов. Она вошла полноправным национальным членом в состав Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА),

способствует развитию профессиональных контактов с библиотеками других стран.

Вместе с тем, нынешняя эпоха, характеризующаяся динамичным развитием новых технологий (в первую очередь компьютерных и телекоммуникационных), требует постоянного совершенствования библиотечной профессии. Во многом это будет определяться той нишей, которую займут библиотеки в информационном обществе. Но уже и сейчас ясно, что предстоят серьезные коррективы во взглядах на миссию, характер и содержание труда библиотекарей. Эти процессы следует рассматривать как с психологических, так и с технологических позиций. Библиотечное сообщество в связи с этим активно обсуждает свое будущее.

На саммите директоров крупнейших пятидесяти библиотек мира в Соединенных Штатах Америки, проводившемся три года назад по случаю 100-летия Нью-Йоркской Публичной библиотеки, вопросы будущего вызвали оживленную дискуссию. Вице-президент корпорации IBM, производящей компьютерную технику, заявил, что скоро необходимость в библиотеках отпадет. Показывая десятицентовую монету, он сказал, что недалеко то время, когда вся информация Библиотеки Конгресса США, а там хранится более 100 миллионов единиц, будет помещена на носители такого размера. Многие не согласились с таким прогнозом, вспомнив, что уже не раз предсказания об исчезновении книг не сбывались. Казалось, что появление кино грозило забвением не только книгам, но и театру. Рождение телевидения, по мнению некоторых, должно было похоронить и книги, и театр, и кино. Новые технологии микрофильмирования и микрофиширования должны были вытеснить печатную продукцию с полок книгохранилищ. Прошло время, и все

новации сосуществуют в нашей жизни, взаимно дополняя друг друга, и книги при этом не утратили своего значения. Более того, они продолжают доминировать во многих сферах человеческой жизни.

Каким же видится библиотекарь? В наше время нельзя воспринимать библиотекаря как человека, главная обязанность которого только хранить и выдавать книги. Это человек, который стремится к знаниям, любит книги и всегда старается помочь посетителям библиотеки, открывая новые для них знания, человек высоких моральных качеств и нравственного долга. Он не может оставаться простым наблюдателем, он всегда должен быть активным участником процесса преобразования библиотечного дела, делая это сознательно в интересах пользователей. Сейчас подошло время перемен, и хотя в библиотеках еще долго будет сохраняться традиционное обслуживание, доля компьютерных и сетевых технологий, электронных изданий стремительно возрастает.

Компьютеризация библиотек предъявляет новые требования к их сотрудникам. Библиотекарь теперь должен успевать следить за преобразованиями не только в своей традиционной профессиональной работе, но и в информационной сфере, в которую активно включаются библиотеки. Книги и ресурсы, с которыми ему предстоит работать, находятся не только в стенах библиотеки, но и в других странах, и он должен научиться свободно ориентироваться во всем мировом информационном пространстве, стать лоцманом в нем для своих читателей, проводником к нужной им информации. Но можно уверенно предсказать, что библиотечные профессии сохранятся вечно. Они приобретут новые формы, несомненно, новые специализации, но звание «Библиотекарь» всегда будет иметь высокий авторитет в обществе.

РЕНЦО ОЛИВА,

атташе по культуре Генерального консульства Италии в Санкт-Петербурге;

ФРАНКО ОЛИВА,

публицист, политолог

БУДУЩЕЕ КНИГИ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Предложенная тема, казалось бы, заключает в себе мысль о смерти книги или о ее постепенно возрастающем и неизбежном моральном устаревании в рамках изменения языков под влиянием новых коммуникативных инструментов. Размышление над данным вопросом требует от нас предварительно прояснить, относится ли смерть, которую мы со-

бираемся констатировать, к вербальному языку и к условиям, поддерживающим посредством его существование человеческих отношений, либо же к языку креативному, а также не являемся ли мы, напротив, свидетелями более глубокого изменения и менее предсказуемых особенностей процесса человеческого общения.

Хорхе Луис Борхес начал рассказ «О культуре книг», вошедший в сборник «Новые исследования», с цитаты из восьмой главы «Одиссеи», согласно которой боги создают злоключения, чтобы будущим поколениям было о чем петь, и добавил к ней утверждение Малларме: «Мир существует, чтобы войти в книгу». Борхес усматривал в этих двух «теологиях» существенную разницу, относя первую к эпохе устного слова, а вторую — к эпохе слова письменного. «В одной говорится о сказе, а в другой о книгах», — комментирует автор. Далее он возвращает нас в конец четвертого века, к заре мыслительного процесса, который достигнет кульминации в господстве письменной речи над устной, «пера над голосом». В поддержку подобного мнения он приводит довольно показательный отрывок, взятый из «Исповеди» Святого Августина, где святой описывает свое смущение при виде Святого Амвросия, погруженного в чтение: сидит в комнате человек с книгой и читает, не произнося слов. «Этот человек переходил непосредственно от письменного знака к пониманию, опуская знак звучащий. Странное искусство (...) читать про себя приведет к поразительным последствиям. Оно приведет, по прошествии многих лет, к идее книги как самоцели, а не как орудия для достижения некоей цели». Это приобретало в глазах святого характер необычайности, учитывая привычку его современников читать вслух, в присутствии слушателей, дабы «умерить или избежать недостаточность рукописных текстов». Недостаток, который будет позднее преодолен благодаря изобретению Иоханна Гутенберга, позволившему размножать написанные тексты.

Изменению структуры речи от устного слова к письменному противостояли другие, умственные препятствия. В «Федре» Платон сравнивал книги с нарисованными фигурами, которые «кажутся живыми, но ни слова не отвечают на задаваемые им вопросы». Недостаток, преодоленный философом при помощи приема «философского диалога». С преимуществом, данным нам современностью, мы могли бы наблюдать, что подобные фигуры не гарантировали интерактивной связи между читателем и производителем коммуникативного события — условие, которое, казалось бы, в достойной форме исследования поддерживается новыми доступами к сетям и к языкам, делающим такие доступы универсально возможными, и которое могло бы быть использовано, по мнению некоторых ученых, для возрождения устной композиции в литературных произведениях. Андре Мартине, ссылаясь на все увеличивающееся количество «говорящих машин» и соответственную звуковую передачу, в точности предвидел наме-

чающееся начало этого возрождения, уточняя, однако, что там, где подобная «устная литература» останется строго языковой (вербальной), «именно там будет находиться языковой идеал сообщения, исполняемого посредством производных знаков», в то время как неязыковые элементы «удалили бы нас от идеала, представленного графическими обозначениями отдельных черт, присущих излагаемому».

Но в чем же состоит специфичность письменного языка (или книги, рассматриваемой как его воплощение) в сравнении с устным? Опять же Мартине, осознавая, что использование языка (устной речи) вне обстоятельств представляет собой идеал, создавая исключительные условия, когда сообщение создается при помощи чисто языковых средств, отмечал, что разговор лишь изредка является независимым от обстоятельств, в то время как автор «перед лицом чистой страницы» «почти что приговорен к подчинению подобному идеалу, поскольку невозможно предвидеть все условия, в которых его послание будет получено». Если допустить, таким образом, что на форму написания сильно влияет отсутствие интерактивной связи с большинством читателей или с одним конкретным, но все же незнакомым читателем, то мы, по идее, должны легко прийти к выводу, что средства, позволяющие восполнить подобную нехватку, подходят и для изменения формы устной передачи. Но подобное наводящее страх изменение также не смутило бы нас, учитывая намного более сложную природу человеческого общения. Об этом писал Поль Шюшар в сочинении «Язык и мысль»: «Принимая во внимание, что язык — это фактор отношения и связи, соединяющей людей, неудивительно, что он помутился до шизофрении, и он является этой связью, не будучи передачей фонем, но по самой своей символической сущности, по своему значению». Он также не должен сам по себе удивлять нас, если мы приостановимся и поразмыслим над вопросом, изученным Морисом Леруа: ведь если письменность, насколько нам известно, восходит к началу четвертого тысячелетия до рождения Христова, то мы на протяжении всего двух с половиной тысяч лет обладаем таким богатым и многогранным творением и в любом случае «эти несколько тысячелетий составляют лишь очень маленькую часть человеческой истории и позволяют приблизиться лишь к одной языковой стадии, которая сама по себе уже является результатом длиннейшей эволюции».

В любом случае мы должны учитывать сравнительную быстроту изменения и кажущуюся относительность его инженерной эволюции, которые смешивают порядок объяс-

нений сущности языковой эволюции такими учеными, как Джакомо Девото, который, признавая механический и слепой характер эволюционных сил, тяготеющих к некоей «коллективной тенденции», все же придавал значение осмысленному влиянию сознательной силы в литературных произведениях художников и писателей. Но подобные характеристики изменения подвергают сомнению даже результаты исследований таких психологов, как Э. Делакруа, по мнению которого «эволюция языка, хоть и является по большей части механической, все равно зависит от требований значения», или более старомодные утверждения Н. Марра, который, полагая, что язык тесно связан с комплексом человеческой деятельности, считал процессы развития и эволюции языка в недрах общества, безусловно, очень медленными.

В настоящее время именно технологические характеристики средств коммуникации диктуют нам ее время и форму, вне зависимости от «требований значения», освобождая его от «влияния (любой) сознательной силы». В то время, как остается до сих пор неясным, связаны ли изменения языка, даже немедленные, с комплексом человеческой деятельности, еще один неясный элемент представлен психологической и экономической характеристиками в пределах внимания потребителя/пользователя новых инструментов доступа к сетям. Тем не менее, кажется сразу ощутимым переворот, еще незавершенный и противоречивый, в отношениях между сознательной силой писателя и абстрактным миром его неизвестных и потенциальных читателей, отношений, которые устанавливаются между индивидуумом — пользователем сети и недифференцированным миром коммуникации.

В то время, как книга сознательно переносит свою конфигурацию на объект познавательного исследования, познавательный мир сети сегодня представляется как протезное распространение индивидуума, поддерживаемое новыми технологиями. В трудах Галилея вселенная сравнивается с огромной книгой: «Философия изложена в той огромной книге, которая постоянно открыта у нас перед глазами (...), но которую не понять, если сначала не выучить язык и не знать букв, которыми она написана». Сегодня сеть заменяет собой не книгу, но всю вселенную, предлагая себя в качестве более доступного суррогата.

Что мы, таким образом, имеем в виду, торжественно предсказывая исчезновение книги? Что пришел конец вселенной? Что огромная книга более не открывает нам написанных страниц? Или что притупляется наша способность к чтению в то время, как мы торжественно возводим Вавилонскую баш-

ню из чужих слов, из кристаллов, составляющих рисунки, символы, коды, созданные не нами, но отражающие несоразмерность нашего представления о вселенной?

Перед лицом диспропорции темы представляется более приемлемым анализ судьбы литературного произведения, интерпретированного как сознательный фактор языковой эволюции, даже отходя от концепции Малларме, введшей своего рода эстетическое оправдание исторических событий, и не снисходя до недостаточных технических терминов, при помощи которых литература могла бы быть интерпретирована как чистое равновесие между плотностью информации и восприятием читателя, а уже не в терминах «акта исторической солидарности», как утверждает Ролан Барт.

Именно происходящее изменение придает актуальность размышлениям Барта о «трагическом неравенстве» между тем, что писатель видит и тем, что он делает, в то время как перед его глазами мир формирует новую Природу, которая говорит и создает языки, недоступные ему, поскольку он вынужден барахтаться среди «дедовских и всемогущих знаков, которые из глубины чуждого прошлого навязывают ему Литературу как ритуал, а не как примирение». Настоящее положение автора представляется, впрочем, более связывающим, чем предсказанное Бартом, принимая во внимание непригодность пути бегства, выражаемого в поиске некоего не-стиля или «устного стиля», или, как его называет Барт, нулевой степени письма, предвестницы абсолютно однородной стадии общества. Недостижимость универсального языка, основанного на универсальности (не мистической и не номинальной) цивилизованного мира, делает тщетным разлад языков и цель литературного письма, колеблющуюся между отчуждением Истории и мечты и интерпретируемой как «языковая утопия».

Похоже, смерть, которую мы собираемся констатировать, относится не столько к книге, сколько к письменности как «функции» или как отношению между поэтическим созданием и обществом, либо как языку, трансформированному своей социальной судьбой. Это подтверждается чрезмерным изобилием названий книг, выставленных в магазинах, что, казалось бы, не подтверждает идею об их быстром угасании и о побочном использовании сети. В Европе было подсчитано, что количество доступов в сеть по сравнению с ее потенциальными возможностями достигает лишь скромной цифры в два процента. В то время, как оптимистические ожидания создания рынка, заинтересованного в приобретении

«информационных» предложений одновременно с технологической эволюцией продукции сталкиваются с тем, что в среде экономистов принято называть «порогом внимания» потребителя. Формирование нового языка, характерные тенденции которого, казалось бы, ориентированы на своего рода «интерактивную устность», оказываются, таким образом,

никак не связанными с сознательной ролью письменности и оторванными от своей социальной судьбы. В сущности, мы являемся свидетелями создания языка, который не интерпретирует вселенную и не отражается в ней, а который заменяет ее, предлагая себя в «естественной» форме, лишенной способности развенчания, присущей письменности.

А. С. ЗОНИН,

директор Государственного учреждения культуры
и дополнительного образования «Институт культурных программ»,
кандидат педагогических наук;

Н. Ю. ЗАЧЕК,

заведующий информационно-издательским отделом

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Эффективность формирования и реализации культурной политики зависит, прежде всего, от уровня развития инфраструктуры культурной деятельности. Эта инфраструктура представляет собой комплекс направлений деятельности и механизмов, обеспечивающий объединение усилий и ресурсов участников культурного процесса, качество предоставляемых ими продуктов и услуг. Инфраструктура культурной деятельности содействует укреплению межрегионального и международного сотрудничества в сфере культуры и искусства. Как инструмент культурной политики инфраструктура позволяет анализировать вклад культуры и искусства в общественное развитие, определять стратегические приоритеты, координировать и планировать культурную деятельность.

Основой стратегии органов власти Санкт-Петербурга, и прежде всего Комитета по культуре, в области инфраструктуры культурной деятельности является информационное обеспечение культуры и искусства. Это предполагает достижение и поддержание высокого уровня технической оснащенности и информатизации основных технологических процессов организаций культуры, создание единого информационного пространства, которое было бы доступно как институтам и отдельным людям, представляющим сферу культуры и искусства, так и потребителям культурных продуктов и услуг. В этой связи эффективное использование электронных информационных ресурсов, и в частности Интернета, становится одной из первоочередных задач информационного обслуживания.

Санкт-Петербург обладает масштабной и разветвленной сетью учреждений культуры и искусства. В городе работают свыше 170 му-

зеев и 40 галерей, 1270 библиотек, 50 театров, 100 концертных организаций и клубов. В последнее время учреждения культуры все больше используют возможности, которые предоставляет Интернет, для развития и популяризации своей деятельности. Создаются сайты музеев, театров, концертных организаций, галерей, библиотек. Каждая организация сопровождает свой сайт, поэтому сайты очень сильно различаются по своему уровню — как техническому, так и содержательному. Информация оказывается рассеянной по различным адресам, не систематизированной, и поиск нужных сведений затрудняется.

Все это приводит к тому, что сфера культуры и искусства Санкт-Петербурга представлена в сети Интернет не как единое целое, а как некое число разрозненных, не связанных между собой элементов.

Для того чтобы собрать «под одной крышей» всю информацию, касающуюся культуры, очевидно, необходим портал (сайт-навигатор), который объединяет все информационные ресурсы учреждений культуры вне зависимости от ведомственной принадлежности. Эту функцию в настоящее время выполняет официальный сайт Комитета по культуре «Санкт-Петербург: 1703–2003» (<http://www.300.spb.ru>), открытый в 1999 г. Сайт ведет Институт Культурных Программ совместно с МЦСЭИ «Леонтьевский центр».

Сайт «Санкт-Петербург: 1703–2003» создавался как информационный канал для освещения деятельности городской администрации и, в первую очередь, Комитета по культуре, а также учреждений культуры и общественных организаций по подготовке празднования 300-летия города. Сайт можно рассматривать как действенный механизм ин-

формационного сопровождения юбилея города с точки зрения отражения культурной среды, на фоне которой идет вся подготовка к юбилею.

Цель проекта — постоянно информировать российскую и международную общественность о событиях культурной жизни Санкт-Петербурга, чтобы город занял достойную позицию на международных культурных и туристических рынках, а мировое сообщество проявило больший интерес к предстоящему юбилею и городу вообще. Доступ к информационным ресурсам сервера «Санкт-Петербург: 1703–2003» способствует формированию благоприятного имиджа города и укреплению его международного статуса. Сайт включает в себя следующие разделы:

— **официальные документы:** указы, распоряжения, постановления Администрации Санкт-Петербурга, грантовые конкурсы, объявленные Комитетом по культуре;

— **проекты к юбилею** различных организаций;

— **новости** культурной жизни;

— **карты**, исторические и современные;

— **история:** хронология важнейших событий за 300 лет;

— **культура:** события культурной жизни на год, «Афиша» на текущий месяц, база данных по фестивалям Санкт-Петербурга;

— **в сети:** навигатор по петербургским ресурсам Интернета;

— **интересно:** «живая камера» с видом на Петропавловскую крепость.

«Санкт-Петербург: 1703–2003» пользуется большой популярностью у Интернет-пользователей: 32% тех, кто открывает этот сайт, — россияне. Среди зарубежных пользователей наибольшее количество обращений поступает из США (14%), стран СНГ и Западной Европы.

Характеристики сайта позволяют ему взять на себя функцию связующего звена всех элементов инфраструктуры культурной деятельности, стать информационным ядром, объединяющим другие элементы, включая профессиональную коммуникацию, непрерывное образование, работу с персоналом, PR-деятельность, и являющимся источником их развития. Сайт может быть использован для поддержки формирования и реализации культурной политики, направленной на усиление социальной роли культуры и искусства и увеличение их вклада в экономическое развитие города.

А. В. СОКОЛОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный работник культуры России

ЧТЕНИЕ В ЭПОХУ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Чтение понимается как социально-коммуникационная деятельность, опосредованная человеком читаемым (не машиночитаемым!) документом в форме широко понимаемой *Книги* (от газетного листка и рекламного буклета до монографии и многотомника). *Социальная коммуникация* вообще есть движение смыслов (знаний, умений, эмоций, волевых стимулов) в социальном времени и пространстве. Если носителем этих смыслов служит книга, то имеет место документальная (точнее — документная) коммуникация. Все культурно-исторические эпохи, пройденные человечеством со времени изобретения письменности в III тысячелетии до н. э., были эпохами господства документной коммуникации, или эпохами *книжной культуры*. В конце XX века в связи с развитием телекоммуникаций футурологи, журналисты, даже ученые заговорили о наступлении новой эпохи — эпохи безбумажной электронной коммуникации, эпохи экранной или *мультимедийной культуры*. В этой культуре носителями смыслов долж-

ны стать не человекочитаемые тексты, а аудиовизуальные сообщения, где текст играет вспомогательную роль. Какова вероятная судьба чтения в эпоху торжества мультимедийной культуры? Именно этот вопрос мы собираемся обсудить.

И опять-таки нужны уточнения. Пользователи электронных коммуникационных систем, несомненно, должны быть людьми грамотными, то есть умеющими читать и писать. Отсюда можно сделать вывод, что чтение — неперемнная операция в электронной коммуникации, и стало быть, никакой коллизии интересующий нас вопрос не содержит. Но мы разумеем под чтением не индивидуально-психологическое восприятие и понимание текста, а *социально-культурное* явление, трансформация которого для духовной культуры имеет такое же значение, как смена энергоносителя для материального производства. Интересующее нас чтение связано не с текстом в виде буквенно-линейной записи, а с книгой, прессой, литературой, адресованными

читательским массам. Коллизия заключается в том, что эти массы в эпоху электронной коммуникации якобы предпочитают в качестве источников нужных им смыслов не книгу, а мультимедиа. Возможно ли это? Да, возможно в том случае, если электронная коммуникация будет выполнять социально-культурные функции, традиционно присущие документной коммуникации, лучше (оперативнее, полнее, комфортнее), чем последняя. Тогда чтение как социально-культурное явление сойдет на нет, библиотеки станут музеями, а литераторы переквалифицируются в «сетераторов» (от «сетература» — публикация художественных и публицистических произведений на сайтах Интернета). Надо заметить, что не все функции документной коммуникации реализуются посредством чтения. Так, фонды национальных библиотек комплектуются не столько для чтения, сколько для хранения в качестве культурного наследия (не случайно более половины их томов никогда не касалась рука читателя); библиофилы собирают раритеты не для того, чтобы изучать их содержание; книги всегда были товаром на книжном рынке, а некоторые становились ценной реликвией. Ясно, что эти и другие «нечитательские» функции книжной коммуникации электронные средства перехватить не способны. Зато о более важных «читательских» функциях этого сказать нельзя. Перечислим основные функции:

1. Образовательная (педагогическая, просветительная, воспитательная) — распространение знаний, этических норм, идеалов, убеждений, обеспечивающих социализацию личности.

2. Идеологическая (агитационно-пропагандистская) — суггестивная популяризация каких-либо политических, религиозных, субкультурных доктрин (учений).

3. Вспомогательная — обслуживание профессиональных информационных потребностей ученых, инженеров, медиков, военнослужащих и других специалистов.

4. Бюрократическая, поскольку бюрократия зиждется на документных потоках и немислима без них.

5. Художественно-эстетическая — функция формирования и развития художественной литературы как особого, словесного вида искусства.

6. Гедонистическая (культурно-досуговая) — книга может стать источником эстетического наслаждения, положительных эмоций или просто увлекательного чтения.

Средства электронной коммуникации в виде телевидения, видеокассет, компакт-дисков, компьютерных технологий, Интернета также выполняют все перечисленные шесть функций, успешно конкурируя с книгой. Дис-

танционное обучение без живых преподавателей и бумажных учебников — из модных новаций современной педагогики; телевидение и Интернет, бесспорно, гораздо более эффективный инструмент любой идеологии и рекламы, чем пресса; органы научно-технической информации давно уже практикуют электронные издания без аналогов в человекочитаемой форме; для современного бюрократа компьютер — необходимая деталь конторского интерьера, а машинистки и секретари превратились в компьютерных операторов; телевидение и компьютерные игры заменяют подрастающему поколению чтение детской литературы, а пенсионеры черпают эстетическое наслаждение не в классических романах, а в латиноамериканских сериалах.

Можно привести другие общеизвестные факты триумфального наступления электронной коммуникации на книжную культуру. Нет нужды умножать цитаты. Очевидно, что судьбу книги и чтения будет решать *интеллигенция XXI века*, поэтому важно заблаговременно составить представление о коммуникационных установках, читательской культуре и читательской практике современного студенчества — завтрашней интеллигентной элиты нашей страны.

В 2000–2002 гг. мы провели комплексное социологическое исследование студентов пяти петербургских вузов 14 различных специальностей и форм обучения. В исследовании приняли участие 1580 студентов первого-пятого курсов (возраст 17–25 лет), из которых 1220 представляли гуманитарные специальности. Использовались массовые анонимные опросы, дополнительные выборочные опросы, групповые и индивидуальные интервью, ведение дневников и мысленный эксперимент «Я в 2025 году».

Читательская деятельность студенчества выглядит следующим образом. Периодически читают толстые художественные журналы — менее 3% студентов; 25% гуманитариев и негуманитариев читают лишь литературу, рекомендованную преподавателем. Русская классика привлекает 27% (лидеры чтения: Достоевский, Набоков, Пушкин), около 40% обращаются к произведениям современных отечественных авторов, а 60% их не читают; иностранная литература более популярна — только одна треть студентов не интересуется ею; 6% студентов-гуманитариев признались, что они вообще не читают на досуге художественную литературу, а 15% не читают ни газет, ни журналов.

Тем не менее, традиционная приверженность книжной культуре достаточно сильна: половина опрошенных собирает личные библиотеки и с этой целью регулярно приобретает

научную и справочную литературу; 23% покупают переводные художественные бестселлеры и реже — книги современных авторов («непокупателями» являются 27% студенческой молодежи). Опрос по теме «современные русские писатели и поэты» показал, что круг известных студентам имен не превышает пятидесяти. Наиболее популярны В. Пелевин, А. Солженицын, Д. Гранин, А. Маринина; 24% не смогли назвать ни одного имени.

Надо заметить, что электронная коммуникация, перехватывая социальные функции книги, не сможет освоить ее художественно-эстетическую функцию, подобно тому, как компьютерная графика бессильна вытеснить живопись. «Сетература» — не конкурент, а виртуальная тень печатной продукции. Другое дело, что со временем может появиться электронное искусство со своей поэтикой, тематикой и герменевтикой. Могильщиком русской художественной литературы могут стать только наши современные писатели и поэты.

А. С. Пушкин в 1834 г. (золотой век!) с грустью писал статью «О ничтожестве литературы русской»; в наши дни Виктор Ерофеев оптимистично рекламирует «Русские цветы зла», которые сотворило, по его словам, «поколение далеко не слабых писателей». «Цветок зла» — это воспетый классиком анчар, к которому «и птица не летит, тигр нейдет»; неудивительно, что русские «литературные анчары» мало способны пробуждают читательского энтузиазма.

Электронная коммуникация постепенно осваивается нашей молодежью (правда, студенты-гуманитарии не являются лидерами в этом процессе). Для 75% студентов Интернет стал обыденным коммуникационным средством. К нему обращаются за получением научной информации для учебных целей, для переписки по электронной почте, иногда — за получением эстетической и развлекательной информации. Не пользуются Интернетом около 15% опрошенных студентов. Около одной трети активно приобретают дешевые музыкальные аудиокассеты и компакт-диски (CD-ROM); 16% сообщили, что они покупают довольно дорогие видеокассеты.

Видимо, еще рано делать вывод об определенных предпочтениях студенчества в коммуникационной сфере. Сейчас наблюдается неустойчивый баланс между книгой и компьютером, перспективы развития которого будут определяться тенденциями на книжном рынке (неблагоприятными для учебной и научной литературы) и тенденциями распространения информационно-компьютерных технологий в образовании, искусстве, развлечениях, быту (весьма благоприятными и многообещающими). Кажется, человек буду-

щего — это человек не столько читающий, сколько смотрящий или слушающий (кстати, из всех искусств около 60% студентов предпочитают музыку, которая далека от словесной семантики).

Однако внушает оптимизм следующий факт. В футурологических эссе «Я в 2025 году», описывая свои досуговые занятия, подавляющее большинство студентов (75%) отметили: «читаю книги», «предпочитаю досуг с хорошей книгой», «перечитываю Достоевского». Оказывается, нынешние «нечитатели» носят в душе своей не реализуемую сейчас потребность в чтении; получается феномен «отложенной читательской деятельности». Этот феномен можно объяснить высоким авторитетом и привлекательностью книжной коммуникации, которые запечатлены не в сознании, а скорее в подсознании нынешнего поколения молодежи.

Конечно, наше изучение читательской деятельности будущих интеллигентов XXI века носит предварительный характер и не может претендовать на научную строгость и завершенность. Судьба чтения в эпоху электронных коммуникаций — предмет не отдельной статьи, а масштабного научного исследования, учитывающего разные категории читателей, типы литературы и виды изданий, социальные, психологические, культурные аспекты чтения, а также коммуникационные барьеры и ограничения, свойственные электронной коммуникации, и возможные перспективы ее совершенствования в первой половине XXI века. Тем не менее рискнем сформулировать три вывода, два из которых достаточно очевидны, а один — гипотетичен.

Во-первых, пространство книжной коммуникации будет сокращаться; во-вторых, социально-культурная значимость Книги сохранится, благодаря выполнению ею «нечитательских» функций, перечисленных выше. Гипотетический вывод относится к взаимосвязи русской интеллигенции и русской литературы. Насколько неразрывна эта взаимосвязь? Наши опросы, констатируя низкую книжную культуру постсоветского студенчества, свидетельствуют и об авторитете книги в их сознании (возможно, подсознании). История напоминает о литературоцентризме, взрастившем русскую интеллигенцию. Последней вспышкой литературоцентризма была гласность конца 1980-х годов. Теперь модно стало писать о конце русской интеллигенции (прощай, интеллигенция!) и об умирании русской литературы (вечная память!). Действительно существуют многочисленные поводы для «гибельного восторга». Наша гипотеза состоит в том, что русская интеллигенция сохранится в качестве читателя русской классической и неклассической литературы в среде мультимедийной культуры.

И. И. САБИЛО,

председатель правления

Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России

«ОБРАЩАТЬСЯ С СЛОВОМ НУЖНО ЧЕСТНО...»

Многое из того лучшего, что содержит в себе язык народа, на протяжении веков становилось достоянием литературы, искусства и в целом культуры и возвращалось народу. Этот животворящий круг не прерывался с войнами, разрухой, иными стихиями, и живое человеческое слово определяло собой степень нравственности народа, его жизнестойкость, его устремленность в будущее.

О живом русском языке и поведем мы речь. О таком языке, который объединяет, а не разделяет, который возвышает, а не унижает, который укрепляет нравственные устои, а не разрушает их, и без которого невозможно наше человеческое существование. Равно как невозможно существование книги как вершины человеческой деятельности.

Еще совсем недавно ничто так не объединяло людей, как чувство боли. Сочувствие, сопереживание, сострадание — вот отклик нашей души, нашего сердца на несчастье или боль другого...

Впрочем, подавляющее большинство граждан нашей страны — больших и маленьких — были тогда беззащитными перед болью. Высоконравственное воспитание, культура, чувство ответственности за другого — вот основные черты характера многих советских людей и прежде всего ленинградцев.

А сколько случаев мы знаем, когда, например, семья, отстоявшая много лет в очереди на квартиру, вдруг отказывалась ее получать только потому, что другая семья находилась в еще более стесненных условиях, и уступала свою очередь ей. «Дайте сначала им, — говорили они, — а уж потом нам». И многое другое, человеческое, обеспеченное совестью и глубоким пониманием.

Изменились нынче нравы. Наши недруги, а точнее, враги вовсю постарались за последние годы, чтобы лишить нас присущих нам достоинств: и порог боли повысить, и научить безучастно относиться к судьбе другого.

Притерпелись, привыкли к боли. А может быть, уже и не больно. И может ли хватить человеческой боли на все и на всех? По телевизору кровь, насилие, злодейство, хоть у нас в России, хоть за рубежом. Все новости начинаются с катастроф, с убитых и раненых, с утонувших и обездоленных. Одна Чечня чего стоит! Причем уж если трупы, то самым реальным образом, с отрезанными головами, вспоротыми животами и пр. Все мы видели сокрушительный террористический акт в Нью-Йорке. Сотни, тысячи жертв. Но, к

чести американского телевидения, оно не показало ни одной натуралистической картины, ни одного раздавленного тела, ни одного обгоревшего лица. Значит, щадят своего — и не только своего — зрителя. Значит, берегут родных и близких тех, кто были заживо погребены под обломками гигантских небоскребов.

А у нас? Вспомните трагедию с «Курском». Второй год все о нем, все в деталях, в ужасающих подробностях. Словно специально спланированная, срежиссированная, разрушающая сознание и нервную систему акция против граждан страны. И как результат — апатия и чувство обреченности многих из нас, неверие в то, что жизнь в стране может наладиться, вернуться светлой, созидательной стороной.

Повышение порога боли, к сожалению, коснулось и молодых литераторов. Многие из них в своих сочинениях стараются как можно больше «пролить» крови и поэффектнее укокошить очередную жертву... Жестко и точно по этому поводу высказался Валентин Распутин: «Раньше классик создавал образ Смердякова, а теперь смердяковы взялись за написание книг...» Удивительно ли, что наша культура оскудевает под натиском пошлости, а наш язык все более приходит в упадок?

О том, что русский язык в упадке, говорили и писали многие, в том числе Ф. М. Достоевский: «Русские, по крайней мере высших классов русские, в большинстве своем, давным-давно уж не рождаются с живым языком, а только впоследствии приобретают какой-то искусственный, и русский язык узнают почти что в школе, по грамматике».

Сегодня великий писатель, будь он жив, вероятно, нашел бы иные, более эмоциональные выражения, дабы высказаться о насилии, совершаемом над русской живой речью, над отдельными ее словами.

Сегодня уже всем понятно: так называемая перестройка привела к невиданным разрушениям в промышленности, сельском хозяйстве, экономике, армии. Да что там хозяйство — разрушено величайшее государство — Советский Союз! Но процесс разрушения набирает силы, и его главным объектом теперь все более становится Культура.

Стратеги перестройки, новореформаторы явили собой крайне неспособных к созиданию лиц. Их геростратовых «талантов» достало лишь на то, чтобы разрушить, а не перестроить социалистический дом. И хищнически растащить по своим частным углам ценнос-

ти нашего общего дома. Поделили власть. Поделили деньги. Поделили имущество. Вот-вот поделят главную драгоценность народа — землю. Остается культура. Но культуру, как воздух, поделить нельзя. Значит, будут разрушать. Уже разрушают. Наши театры, кинематограф, образование, наука вопиют о помощи. Добрались и до главного культурного достоинства нации — языка.

Вспомним И. С. Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Так написал Иван Сергеевич в 1882 году. А сегодня в нашей защите и поддержке нуждается и великий писатель, и сам язык. Сегодня пошлость и грубость все более одолевают быт и сознание многих «россиян». Лицемерие, ложь, угодничество все глубже проникают в нашу жизнь и язык, все чаще слова-паразиты расцветают на страницах многих журналов и книг.

Выйдем на улицу. Мы видим, сколь бесцеремонно, если не сказать агрессивно, в наш город вторгается латиница. Новоиспеченные владельцы магазинов стараются перецеголять друг друга, помещая над своими торговыми точками вывески на чужом языке. И не понимают, простак, что таким образом выражают не заемное достоинство, а собственное лакейство.

Сегодня лишь Церковь и в какой-то степени школа пытаются сдерживать нарастающий вал вульгарности и непристойности. Но им одним не справиться, необходим общегосударственный, общенациональный подход к решению этой проблемы. Тем более что сегодня на учителя обрушилось столько «Отчего?» и «Почему?», «Что делать?», «Кто виноват?» и «Как быть?», что никакому академику и даже целому институту не ответить на эти традиционные для нашего Отечества вопросы. Учитель, как известно, учеников не выбирает — ему приходится работать с теми, кто пришел. Ныне же огромное число детей приходит из поникших, растерянных, а то и просто спившихся семей, где люди уже не понимают ни смысла жизни, ни ее ценности. Сломанные судьбы, исковерканные души мальчиков и девочек, смещенные ориентиры добра и зла — вот зачастую духовный багаж наших детей. А что же учитель? Велик ли, разнообразен ли его инструментарий, чтобы хоть что-то исправить в надломленной душе? Отнюдь. Но у него есть два неоспоримо могучих средства — родной язык и родная

литература. Хотя сейчас наша литература как будто перестает быть русской, превращаясь в так называемую «российскую» или «русскоязычную» литературу, когда автор, создавая свое произведение вроде бы на русском языке, являет нам образы вовсе не русские, далекие от русской души, от русского характера.

Особый предмет нашего внимания — телевидение. Телевидение тоже книга, к тому же особая, уникальная. Даже несмышленому ребенку, даже неграмотному, даже слепому и глухому здесь все покажут и расскажут, и объяснят. Казалось бы, тем ответственнее оно должно подходить к зрителям и слушателям. Чтобы не ранить, не повысить порога боли, чтобы утешить и обнадежить, да и просто пощадить. А на поверку — совсем иное: фильмы и сцены насилия, унижения человека человеком, грубость и пошлость любовных оргий, демонстрация низменных вкусов и страстей. Иначе говоря, наше телевидение, как по заказу, стало являть нам чудовищные собрания и коллекции мракобесов и недоумков, выдавая их ерничанье и кривлянье чуть ли не за вершину искусства. К тому же заметим, что еще никогда в истории советского, русского телевидения (и радио) не глумились над русской речью столько картавых, гундосых, шепелявых и косноязычных ведущих, комментаторов и прочих «жизневедов» и «политологов». Понятно, что их на телевидение или радио приводит не талант, не особые данные — голосовые, речевые, интеллектуальные — а известная своей порочностью линия — «брать только своих».

Такое чувство, будто телехозяева задались целью специально приучить наш слух к уродливому произношению, к нерусскому говору и интонации.

Понимая, что идет глумление над русской речью, целенаправленное разрушение русского языка, литераторы Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России на своем собрании подписали обращение к интеллигенции Петербурга, ко всем гражданам России. В нем, в частности, говорилось: «В последние годы на самом высоком государственном уровне принято немало важных законов, охраняющих национальные богатства нашего Отечества. Но все еще нет Закона об использовании и защите языка, хотя язык народа — то великое сокровище, утрата которого, как учит история, равнозначна гибели самого народа».

Русский язык сейчас подвергается тяжкому испытанию. Газеты, радио, телевидение, уличная реклама ежедневно обрушивают на нас поток слов иноязычного происхождения. Большая их часть не обогащает русский язык, а калечит, уродует его. Настойчиво вводится

в оборот матерщина: выражения, оскорбляющие, унижающие достоинство человека, признанные в православном мире непечальными, преподносятся прессой как высшее достижение демократии.

Мы призываем всех, кому дорог русский язык, наши моральные, нравственные ценности, поддержать нас. Закон об использовании и защите русского языка должен быть принят безотлагательно».

Необходимость подобного акта была настолько очевидной, что никто из писателей и подумать не мог, что у Закона о языке могут оказаться противники. Но они тут же возникли. И, как ни странно, прежде всего среди «творческой интеллигенции», существование которой в принципе невозможно без культуры, без языка. Пример тому — Объединенный пленум творческих союзов России, который проходил в ноябре 1994 года в Доме актера. Тогда нами в резолюцию пленума и в обращение к Президенту России было внесено предложение принять Закон о защите русского языка, однако при голосовании пленум, хотя и незначительным большинством голосов, все же отклонил это предложение.

В январе 1995 года мы наше обращение направили в Госдуму. Комитет Госдумы по культуре, науке и образованию рассмотрел наши предложения и сделал первые шаги по разработке нового Закона.

В июне того же года Госдума провела первые слушания проекта Закона, однако и там, среди депутатов, нашлись его противники, которые под разными предлогами стали сворачивать это дело на обочину. И свернули. До сих пор Закона нет.

Кто-то может задать вопрос — а есть ли такой Закон в других странах? Да, есть. Например, во Франции летом 1994 года был принят «Закон об использовании французского языка». В статье 1 этого Закона говорится: «Являющийся государственным языком Республики в соответствии с Конституцией, французский язык представляет собой основной элемент исторического лица и наследия Франции. Он служит языком образования, работы, обменов и услуг в государстве. Он является основной связью между государствами, составляющими Сообщество франкоговорящих государств...»

То же самое можно сказать о русском языке в России и в русскоговорящих государствах, народы которых, несмотря на усиливающееся давление националистических сил, продолжают сохранять русский язык как первейшее условие развития культуры и взаимопонимания.

Далее, в статье 3 читаем: «Любая надпись или объявление, вывешенное или сделанное

на улице, дороге, в любом месте, открытом для публики, либо в общественном транспорте, предназначенные для информации публики, должны быть сформулированы на французском языке... Если требование не выполнено, в зависимости от серьезности нарушения, нарушитель может быть лишен возможности пользоваться упомянутым имуществом, независимо от условий контракта или терминов, в которых разрешение ему было дано».

Все, как видим, предельно просто и ясно — как в любом другом законе. Следуй закону — и будешь прав! Да, но как быть, если мы имеем дело с многонациональным государством, каковым является Российская Федерация? Оказывается, это тоже может быть отражено в нашем Законе, как это предусмотрено в Законе об использовании французского языка во Франции, где статья 21 гласит: «Положения настоящего Закона применяются без ущерба для законодательства и правил, относящихся к региональным языкам во Франции, и не противоречат использованию этих языков».

Добавим от себя, что в Российской Федерации необходимо защищать не только русский язык, но так же башкирский, татарский, чувашский, якутский. Тогда мы будем иметь дело с культурными формами этих языков, а не с каким-то лжеэсперанто, а точнее — жаргонно-тарабарским конгломератом, который сейчас все более заменяет собой устную речь и печатное слово.

Примечателен комментарий к Закону о языке Алена Жюппе, тогдашнего министра иностранных дел Франции: «Разумеется, что развитие французского языка является приоритетной задачей... Однако в то же время — никогда нашему языку так не угрожало то, что представляется неудержимым наступлением английского (а скорее, этого англо-американского, который пытается стать языком международного общения). Не ошибемся в цели: речь не идет о том, чтобы начать битву против английского языка, это было бы глупостью и в какой-то мере уже признанием в неудаче. Речь идет о битве за сохранение многоязычия и культурного плюрализма, которые представляются необходимыми не только для нас самих, но и для многих наших партнеров... Однако сражение за наш язык имеет и другое направление: международный статус французского языка является составным элементом нашего статуса великой державы мира, так что у нас здесь и политический интерес».

Мы покривили бы душой, если бы не отметили здесь, что нам, России, также небезразлично — каков статус нашей державы —

великой или малой? Наши интересы и в этом вопросе сходны с французскими.

Не менее значимы и другие высказывания государственных деятелей Франции, в частности, министра культуры и франкоязычия Жака Тубона: «Качество парламентских дебатов и их результат показали, что депутаты Национального Собрания и сенаторы отдают себе отчет в важности языковой проблемы для Франции. Они поняли, что язык является одним из основных элементов исторического наследия страны, цементирующим национальное единство и социальную интеграцию. Законопроект нередко выставляется в карикатурном виде средствами массовой информации... Благоприятная реакция зна-

чительной части общественного мнения, а также некоторых профессиональных кругов способствовали проведению благотворного обсуждения, в ходе которого были даны объяснения истинных мотивов и содержания законопроекта. Французы осознали необходимость поддержки своего живого языка и свое право на его использование в повседневной профессиональной жизни».

Как говорится, точнее не скажешь. Будем надеяться, что у нас, в России, простые граждане и политики, деятели культуры и законодатели также поймут необходимость решения не сегодня возникшей проблемы языка. И тогда с большой уверенностью можно будет сказать: «Мы защитим тебя, Русский Язык!»

Н. А. СИДАЛОВСКИЙ,

писатель, историк Петербурга

ДЕЛОВОЙ ПЕТЕРБУРГ В ЛЕГЕНДАХ И ПРЕДАНИЯХ

Идея выхода России к морю, овладевшая Петром накануне XVIII столетия, диктовалась не столько политическими амбициями молодого государя и даже не военным противостоянием с агрессивной Швецией, сколько полной бесперспективностью огромного крестьянского хозяйства страны, запертой внутри государственных границ и практически не имевшей выхода на мировой рынок.

Как известно, Азовские походы Петра закончились неудачей. И без того крайне ограниченный набор вариантов решения этой проблемы свелся к одному и безальтернативному — в 1700 году Петр I объявляет Швеции войну за возвращение исконно русских прибалтийских земель и выход к Балтийскому морю.

Только в 1721 году между Россией и Швецией будет заключен мирный договор. Но уже первые победы, одержанные Петром I над Карлом XII, позволили русским закрепиться на невских берегах. В мае 1703 года была заложена крепость, под защитой которой возник город Санкт-Петербург, едва ли не сразу ставший новой столицей Российского государства.

Петр I при каждом удобном случае личным примером утверждал преимущественно коммерческий, торговый, купеческий характер Санкт-Петербурга. В раннепетербургском городском фольклоре сохранились легенды, которые не оставляют на этот счет никаких сомнений.

Согласно одной из них, первое торговое судно с товарами привел в Петербург в качестве кормчего сам Петр I. Более того, он

пригласил заморского шкипера к себе в дом, угостил его обедом и вел себя с ним так просто, что тому и в голову не могло прийти, что он находится в гостях у царя.

В конце концов все раскрылось, и заморский купец в смущении бросился перед царем на колени. Но тот великодушно поднял его, купил все его товары и пожаловал многие привилегии на будущее время.

По другой, менее известной легенде, Петр спросил однажды у капитана заморского судна, где его лучше принимают — в Архангельске или Петербурге. «Все бы хорошо, царь, — ответил купец, — да нет в Петербурге архангельских оладий». И Петр пригласил капитана к себе домой, угостил оладьями и велел впредь всегда готовить оладьи для голландских купцов.

Наряду с иностранцами, в Петербург потянулись предприимчивые негоцианты и даровитые ремесленники из внутренних губерний. Складывалось особое сословие инициативных, энергичных и талантливых людей, к которым принадлежал и сам царь.

Культ деловой активности поощрялся и всемерно стимулировался. Имена «новых русских» первой четверти XVIII столетия уже тогда, как свидетельствует фольклор, буквально вписывались в петербургскую историю. Всем в Петербурге известен Крюков канал, прорытый еще при Петре I. Известно и имя подрядчика Семена Крюкова, прорывшего его и оставившего свое славное имя в названии канала. Но мало кому известно, как это произошло. Вот что рассказывает старинная легенда.

Петр I, покровительствуя искусству, объявил аукцион и представил собравшимся картины молодого художника Никитина. Большинство картин вскоре были раскуплены, и когда осталась последняя, государь сказал: «Эту картину купит тот, кто больше меня любит». — «Даю пятьсот!» — крикнул Меншиков. «Восемьсот», — перебил его Головин. «Тысячу», — возразил Апраксин. «Две», — прибавил Меншиков. «Три тысячи», — проговорил молчавший до того дородный Крюков. Государь дал знак об окончании аукциона, подошел к Крюкову, поцеловал его в лоб и сказал: «Отныне канал, прорытый тобой в Петербурге, будет называться твоим именем».

Заданная инерция оказалась столь мощной, что уже во второй половине XVIII века имена многих петербургских купцов стали легендарными. Их знали. О них складывали легенды. По одной легенде, купец-миллионер Горохов в 1756 году построил на Адмиралтейской улице первый каменный дом, завел в этом доме лавку и очень скоро приобрел такую известность, что местные жители стали называть свою улицу Гороховой, да так настойчиво, что вскоре официальное название «Адмиралтейская» было навсегда вычеркнуто из петербургской топонимики.

Обросло легендами и имя тверского крестьянина Саввы Яковлевича Яковлева, человека исключительно тщеславного и заносчивого. По преданию, церковь Успения Пресвятой Богородицы, более известная в народе под названием «Спас на Сенной», была основана Яковлевым. На его же деньги в Москве в 1780 году для этой церкви был отлит колокол весом более 542 пудов. Только железный язык колокола, как утверждает Пыляев, весил 17 пудов и 5 фунтов. Так вот, звонили в этот колокол только по личному разрешению купца, так как семнадцатипудовый язык был скован особой цепью, которую Яковлев лично запер на замок, а ключ держал при себе.

Со временем уже никто не сомневался в высочайшем качестве и исключительной добротности всего, что изготовлено или сделано в Петербурге. И если какое-либо строительство, потребовавшее вдруг непривычно больших временных или материальных затрат, и подвергалось в городском фольклоре остракизму, то только ради того, чтобы таким опосредованным способом подчеркнуть исключительную необычность этого строительства. В середине XIX века петербуржцы стали свидетелями трех невиданных по размаху и объему строек. Возводился Исаакиевский кафедральный собор, наводился первый постоянный мост через Неву, строи-

лась железная дорога между Петербургом и Москвой.

В городском фольклоре эта тема надолго стала дежурной.

— Говорят, одна пророчица предсказала, что Монферран умрет, как только достроит собор.

— То-то он так долго его строит.

— Император Николай Павлович распорядился повышать инженера Кербедза в чине за каждый позволенный им пролет моста.

— Ах, вот почему первоначальный проект был пересмотрен в пользу увеличения числа пролетов.

Так это или нет, сказать трудно. Но Монферран действительно умер едва ли не сразу после торжественного освящения Исаакиевского собора, а строитель Благовещенского моста, выпускник Института путей сообщения Станислав Кербедз, начав строительство и скромном чине капитана, закончил его в генеральском звании.

Неслучайно фольклор начал выполнять и неожиданные для себя, явно или скрыто выраженные рекламные функции. Это тем более замечательно, что инициатива принадлежала обыкновенному обывателю.

Своя легенда-реклама была у обувной фабрики «Скороход». В музее фабрики бережно сохраняется чудесный женский ботиночек, изготовленный из цельного куска натуральной кожи. Весит он менее тридцати граммов. Говорят, будто из-за него фабрика и получила свое название «Скороход». Медленно в таких необычайно легких ботиночках не походишь — ноги озябнут. Петербуржцы хорошо знают здание касс Аэрофлота на Невском проспекте. Построил его в стиле средневековых дворцов венецианских дождей модный в начале века петербургский зодчий М. М. Перетяткович. Дом строился для купца 1-й гильдии, крупного банковского деятеля М. И. Вавельберга. Рассказывают, что при приемке дома Вавельберг долго ходил по этажам, пытаясь найти хоть какой-нибудь изъян. Все было выполнено безупречно. Качество работ не вызывало сомнений. Наконец, поблагодарив строителей, купец направился к выходу. И тут он обратил внимание на табличку, укрепленную на дверях: «Толкать от себя». «Это не мой принцип, — заявил банкир. — Переделайте на: „Тянуть к себе“».

Фактом общественной жизни Петербурга рубежа веков стали модные и шикарные рестораны, о которых ходили легенды. В перестроенном по проекту архитектора Л. Н. Бенуа для Московского купеческого банка доме № 46 на Невскому проспекту в начале века открылся фешенебельный ресторан «Квисси-

сана». И то ли безупречная ресторанный кухня вполне отвечала высоким гастрономическим требованиям избалованной петербургской публики, то ли звучная ритмика заморского названия вызвала сложные лингвистические ассоциации, но в петербургском салонном фольклоре появилась поговорка, которую столичные щеголи той поры любили произносить по-латыни: «Mens Sana in Quisisano» — здоровый дух в Квисисане.

Недалеко от Елисейского магазина, на Малой Садовой, 8, был знаменитый ресторан Федорова, прославившийся в Петербурге своей «стойкой». Рюмку водки и бутерброд с булениной там можно было получить не раздавая, всего за десять копеек. Бутерброды посетители набирали сами и только перед выходом расплачивались с буфетчиком. Уследить за всеми один буфетчик не мог. Народу, особенно по вечерам, было много, и деньги брали только за количество, названное самим посетителем. Говорили, что многие из недоплативших по недостатку средств, когда поправляли свои финансовые дела, посылали на имя Федорова деньги, сопровождая их благодарственными письмами.

Впрочем, рюмку водки в Петербурге можно было получить почти задаром и не заходя в ресторан. Водка была буквально на каждом углу. Предприимчивому купцу 1-й гильдии Василию Эдуардовичу Шитту удалось откупить право на винную торговлю в розлив практически во всех промышленных кварталах Петербурга. Кабачки и лавочки Шитта, как правило, размещались в угловых помещениях зданий, расположенных на многолюдных уличных перекрестках. Эта примечательная особенность шиттовского бизнеса не ускользнула от пронизательного взгляда городского фольклора. Во всяком случае, в Петербурге активно зажили две пословицы: «Шитт на углу пришит» и «В Питере все углы шиты».

Фигурально выражаясь, всякий фольклор, к какой бы оценочной категории он ни принадлежал, по сути своей — реклама. Будь это легенды, о которых мы уже упоминали, анекдоты, пословицы или поговорки. Даже если они носят общий характер. В трехвековом противостоянии двух столиц фольклор всегда находился в авангарде и вступал в бой всякий раз, когда появлялась необходимость в очередной раз определить место того или иного города в общественной иерархии. «Славна Москва калачами, Петербург — сигаами» — это не только указатель приоритетов, но и целая философия общественной жизни. Старозаветному патриархальному московскому чаепитию с засахаренным вареньем и сытны-

ми калачами противопоставлялась кипучая деловая активность продутого свежими ветрами современного города.

Сохранилась легенда об одной из первых реклам старого Петербурга. Молва связывает ее с именем Пушкина. Будто бы однажды к поэту пришел немец-ремесленник и попросил подарить ему хотя бы четыре строчки для рекламы своей продукции. И Пушкин тут же произнес: «Яснее дня, темнее ночи». Это якобы и была реклама производимой ремесленником сапожной ваксы.

В условиях беспрецедентной лицемерии и цинизму государственной пропаганды фольклор рождал самые невероятные легенды, смелость вымысла в которых граничила с откровенным вызовом и демонстрацией. Так, имя известного бунтаря и мятежника Степана Разина бывшему Калининскому пивоваренному заводу присвоили будто бы после того, как в 1918 году кому-то пришла в голову шальная мысль выставить несколько бесплатных бочек нива делегатам Третьего Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходившего тогда в революционном Петрограде. Одурев от «халявного» хмеля, новые хозяева России прервали заседание и до ночи орали любимую песню революционной братвы «Из-за острова на стрежень». В благодарность за угощение будто бы и приняли решение присвоить заводу имя славного атамана.

Желание оставить след в истории на титульных досках улиц, городов, заводов и даже магазинов было так заразительно, что в конце концов это переросло в опасную эпидемию. Чего стоит, например, верноподданническая легенда о том, что ленинградский завод «Светлана» назван в честь дочери вождя всех времен и народов Сталина — Светланы, в то время как самостоятельное производство осветительных ламп накаливания «Светлана» в составе машиностроительного акционерного общества «Айваз» существовало уже в 1913 году. Что же касается названия, то есть на этот счет две одинаково правдоподобные версии. То ли «Светлана» — название, образованное от слова «свет», что, кстати, вовсе не противоречит этимологии замечательного женского имени, то ли это аббревиатура полного наименования предмета производства: СВЕТовая ЛАМпа НАкаливания. В любом случае совпадение с именем единственной дочери генсека совершенно случайно.

Вот такие легенды о предприимчивости, о предпринимателях, о купцах, об истории, о нас и о нашем с вами городе...

Г. П. СТАРУШЕНКО,

старший научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, кандидат педагогических наук

ПЕРЕД ВЫБОРОМ: ВЫЖИВАНИЕ, ОТСТУПЛЕНИЕ ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ (особенность современного этапа развития библиотек)

С появлением неопределенных внешних факторов, формирующих среду, с которыми взаимодействует библиотека как социальный институт, а опосредованно — и внутренних факторов, произошел отход от текущего и перспективного планирования, когда будущее было прогнозируемо путем экстраполяции исторически сложившихся тенденций роста, а выполнение целей достигалось в соответствии с планомерно решаемыми задачами. В то же время общеизвестно, что развитие всегда неустойчиво, из хаоса рождается система, а с равновесием приходит стабилизация.

Решающими для библиотеки как целостной системы явились структурные изменения в социальных взаимодействиях, а также в связях между компонентами. Таким образом, возникла возможность прогнозировать результаты положительных процессов, отделяя их от других форм преобразований, несущих определенную угрозу для полноценного функционирования библиотеки.

Быстрое развитие инновационных, телекоммуникационных технологий, сетевого взаимодействия библиотек и т. д., выход российского государства на уровень стабилизации способствовали началу разработки библиотеками разного уровня перспективных планов, концептуально-стратегических документов планово-прогностического характера. Проблема получила особую остроту по причине того, что библиотеки оказались перед выбором: выживание, отступление или трансформация.

Значимость подобного планирования, позволяющего определить приоритетность наиболее важных задач, несомненна. Она выражается в следующем:

— каждая библиотека должна осознать свои цели и задачи, иметь определенную стратегию, направленную на их достижение;

— результативность проявляется не только в конечном итоге, но и в самом процессе планирования и последующих корректировок задач и решений;

— системность выражается в соотношении управления библиотекой с окружающей обстановкой. В процессе продвижения вперед предполагаются постоянная переоценка и переработка первоначально разработанных концепций с учетом происходящих изменений во внешней среде.

Сложность разработки и реализации подобных документов закономерна в условиях становления российского общества. Она взаи-

мосвязана с постоянным усложнением информационных потребностей общества, непрерывным ростом цен на документальные и нематериальные ресурсы. Названные факторы ведут к противоречию между важностью модернизации библиотечной технологии и недостаточностью средств для ее осуществления. Другой негативный момент заключается в том, что теоретическая мысль не успевает за социальными переменами. Осмысление новой социальной роли и утверждение соответствующего статуса библиотек происходит опытным путем, опираясь на:

— существующий опыт нашей страны;

— длительные и сложные процессы реформирования, обновления всех сторон жизни общества;

— рождающиеся организационные формы и нормы социального поведения;

— опыт передовых стран, их цивилизационный потенциал.

Особенностью развития библиотек на протяжении советского периода являлось то, что они выражали политику государства, являясь его неотъемлемой идеологической частью. В современных условиях библиотеки, обслуживающие все категории населения, имеют возможность вести работу без посредников, осуществляющих идеологическое воздействие. В то же время библиотека сама, как социальный институт, выступает в роли посредника между гражданским обществом и государством, обеспечивая их взаимосвязь в деле культурных изменений и являясь социокультурным и информационным центром. Однако государство не в состоянии обеспечить должных условий для реализации и выполнения основных целей и задач, возложенных на библиотеки, в частности, по причине недостаточного финансирования. В связи с этим особую важность приобретает определение приоритетов, выбор рациональных путей с учетом имеющихся ресурсов и их распределение. Причем результативность проявляется не только в конечном итоге, но и в процессе планирования.

Залог успеха проводимой работы, как показывает опыт, заложен в достижении баланса между двумя аспектами: модернизацией, открытостью новому и сохранением традиций, всего исторически ценного. Трансформация в библиотеках происходит постепенно и позволяет взаимодействовать старым и новым элементам, что дает возможность создать проме-

жуточный качественный уровень, обеспечивающий воспроизводство основных элементов и механизмов. Это взаимодействие прослеживается во всестороннем учете особенностей развития страны, которые наиболее полно проявляются на местном и региональном уровнях.

Важной частью является осознание потребностей в более рациональном отношении к технологическим нововведениям, которые справедливо рассматриваются в качестве нового средства работы с основными документальными ресурсами библиотек. Бесспорны достижения российских библиотек в области использования новых технологий. Однако опыт показывает необходимость плавной переориентации, более рационального отношения к технологическим нововведениям. Это связано с осознанием следующих положений:

— новые технологии не дают немедленной и полной трансформации, перемены происходят постепенно, технологические новации порождают много трудностей;

— необходимо тщательно изучать ситуацию перед тем, как внедрять изменения и учитывать традиции библиотечного дела.

На первый план выдвинулись вопросы, связанные с возможностями доступа к информации, созданием локальных баз данных, оперативностью, точностью удовлетворения запросов пользователей, информационных услуг в целом. При этом важно учитывать тот факт, что высокие технологии делают обслуживание универсальным только в определенных сегментах, связанных с удовлетворением пользователей, где ожидания одинаковы. Надо принять во внимание и территориальные, региональные различия в области финанси-

рования, уровня развитости инфраструктур, объемов информации в традиционном и электронном виде.

В результате основная позиция как отечественных, так и зарубежных специалистов выражается в двойном подходе или синтезе использования традиционных и цифровых ресурсов. Причем при продвижении в среду он-лайн управление традиционными ресурсами будет проблемным, особенно комплектование и организация фондов компактных оптических дисков. Исключительное значение имеет объединение усилий, взаимодействие целей комплектования и развития фондов, позволяющих установить приоритеты, определить границы полей взаимных ожиданий.

Введение в комплектование фондов электронных публикаций (библиографической, текстовой и даже виртуальной информации), формирование библиотечно-информационных сетей связаны с главной задачей библиотек — удовлетворением потребностей пользователей в наиболее эффективной форме. Однако необходимо учитывать сложность сопоставления расходов на доступ с расходами на владение из-за нестабильности цен на печатные документы, изменчивость технологической и экономической ситуации, непредсказуемость использования библиотек потребителями.

Появление и широкое распространение нематериальных ресурсов, их включение в фонды, в обслуживание пользователей ставит как перед зарубежными, так и перед российскими библиотеками ряд сложных вопросов организационного, технологического и юридического характера, от решения которых зависит продвижение вперед.

Т. В. ПЕТРУСЕНКО,

заведующая отделом комплектования Российской национальной библиотеки, кандидат педагогических наук;

М. И. ДЕМИДОВА,

старший научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук,
Заслуженный работник культуры РФ

КОЛЛЕКЦИЯ КАК ФЕНОМЕН МИРА БИБЛИОТЕК

Коллекция как особая форма хранения документов с самого рождения в виде глиняных табличек, надписей на костях, рукописных, первопечатных, а затем более поздних изданий была и остается явлением культуры.

Коллекция, приобретая научную, историческую или художественную ценность, может в течение долгого времени сохранять статичную целостность, но потенциально имеет тенденцию к развитию.

Д. С. Лихачев, определив коллекцию в качестве «одной из важных форм культурно-

исторического наследия» [1], отмечал, что ее свойства обусловлены спецификой истории культуры, которая «есть не только история изменений, но и накопление ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии» [2].

Среди этих накопителей документальной информации о достижениях культуры прошлого и настоящего, памятников истории и культуры достойное место занимает библиотечная коллекция. Само понятие «библиотечная коллекция» во многом определяется спецификой

деятельности библиотеки, ее ролью в обществе и в сфере культуры.

В настоящее время, когда реализуются федеральные и международные гуманитарные программы, связанные с развитием культуры и сохранением ее наследия, значительно расширяются задачи и функции библиотек России.

Современная библиотека, оснащенная новыми технологическими и информационными средствами, становится важнейшим информационным, культурным и образовательным учреждением, а ее коллекции – непосредственным источником изучения истории и вклада отдельных деятелей культуры, причастных к созданию этих собраний и обогащению материальной и духовной культуры страны.

Современные дефиниции терминов «коллекция», «документ», «библиотечная коллекция», встречающихся в российских терминологических словарях и справочниках, пока не определены достаточно полно. Исключением является термин «документ», под которым понимается «материальный объект с зафиксированной на нем информацией в виде текста, звукозаписи или изображения, в том числе в машиночитаемой форме, предназначенной для распространения во времени и пространстве» [3].

«Коллекция» определяется как собрание, представляющее художественный или научный интерес и объединенное собственным видением собирателя-коллекционера [4]. Термин «библиотечная коллекция документов» не удалось найти в справочной литературе. Поскольку он включает три дефиниции: «библиотека», «коллекция» и «документ», то целесообразно их рассматривать вкуче в качестве «коллекции документов, целостно сохраняемой в библиотеке».

Тогда о библиотечной коллекции можно говорить как о целостном собрании документов, систематизированном по усмотрению его создателя по какому-либо (видовому, тематическому, книговедческому и др.) признаку и имеющему научную, историческую или художественную ценность. Содержание и структура коллекции определяется создателем или субъектом культуры, в качестве которого может выступать личность или совокупность индивидов (этническая, социальная, территориальная, национальная и др.), объединенная общей системой ценностей или являющаяся носителем определенного культурного потенциала.

Огромное разнообразие сохранившихся в библиотеках коллекций документов еще раз подтверждает авторитетность мнения доктора педагогических и культурологических наук, профессора СПбГУП А. П. Маркова, что «в процессуальном плане культура есть деятель-

ность различных социальных субъектов (личностей, социальных групп, институтов, общества)..., она есть единство опредмечивания (производства) и распредмечивания (потребления) – создания традиций, норм, ценностей, идей и их освоения, хранения, защиты, трансляции, превращения во внутренние качества личности. Культурные нормы и ценности, которые воспроизводит, хранит и видоизменяет субъект культуры, определяют смысл существования как общества, так и отдельного человека, для которого богатство культуры является основным условием реализации его возможностей» [5].

Библиотечная коллекция как одно из явлений культуры, осуществляющих трансляцию традиций, влияющих на духовное развитие общества, его отдельных индивидов и их групп, становится феноменом мира библиотек, воспроизводящим «лабораторию» ее создателя, результаты его творческих поисков и находок, олицетворяющим ценностные ориентиры коллекционера, обусловленные богатством культуры его времени.

Примечательно, что это исключительное свойство коллекции определяется прежде всего ее интегративной ценностью, которая способна передать пользователю целого комплекса документов из собрания более сильный заряд творческой энергии и вдохновения коллекционера-собирателя, чем каждый отдельный документ коллекции.

Проблема интегративной ценности частных коллекций была затронута доцентом СПбГУКИ, кандидатом педагогических наук О. И. Ильиной в докладе «Личные библиотеки как памятники культуры» на первых Международных Лихачевских научных чтениях в 2001 году. Ею был сделан вывод о том, что осознание личных библиотек как памятников культуры откроет новые возможности их изучения [6].

Представляется, что не только осознание личных библиотек в качестве памятников культуры на фоне распространения электронных источников информации откроет новые возможности их изучения. Осознание значительного комплекса библиотечных коллекций в качестве памятников отечественной и общечеловеческой культуры, представляющих феномен мира библиотек, расширит возможности использования библиотечных коллекций не только в историко-книговедческих, но и культурологических и других исследованиях.

Выделим четыре возможных аспекта изучения отечественных библиотечных коллекций как феномена мира библиотек:

1. Коллекции, ставшие фондообразующей основой библиотеки в первые годы ее создания.

2. Наиболее значительные коллекции документов, приобретенные отечественными библиотеками в XIX–XX вв. и сохранившиеся в библиотеках как целостные собрания. Личности коллекционеров, создавших эти собрания, и их ценностные ориентиры при подборе документов коллекции.

3. Крупные коллекции, созданные в отечественных библиотеках в XIX–XX вв., и специфика видового, тематического и целевого подбора документов.

4. Традиционные и нетрадиционные коллекции в современных отечественных библиотеках, их взаимодействие и развитие.

Каковы же были первые крупные коллекции рукописных и печатных книг, поступившие в старейшие государственные библиотеки России: Библиотеку Академии наук (основана в 1714 г.), Библиотеку Академии художеств (основана в 1757 г.), Императорскую публичную библиотеку (основана в 1759 г.) и др.?

Фонд библиотеки Академии наук, основанной по приказу Петра I, первоначально содержал три коллекции: библиотеку Аптекарского приказа и полученные в дар библиотеку Курляндских герцогов и Гетторпскую библиотеку. Вскоре была привезена царская библиотека из Москвы, а после смерти Петра I в БАН была передана его личная библиотека.

Библиотека Академии художеств, созданная по инициативе М. В. Ломоносова и И. И. Шувалова, одной из первых приобрела коллекции первого президента Академии художеств И. И. Шувалова, И. И. Бецкого, а затем и следующего президента А. Н. Оленина.

Императорская публичная библиотека, основанная по указу Екатерины II, первоначально включила в свои фонды коллекцию иностранных книг и рукописей, созданную братьями Залусскими в Польше и вывезенную в Россию в качестве трофея после окончания войны. Эта коллекция, ставшая основой для иностранного фонда Публичной библиотеки, не сохранилась — она была передана Польше в 1920–е—30–е гг. и погибла во время Второй мировой войны. Важнейшую роль в формировании фондов отечественной и зарубежной литературы в Публичной библиотеке сыграла коллекция рукописей, собранная секретарем-переводчиком русского посольства во Франции П. П. Дубровским, которая была куплена у него императором Александром I и передана в ИПБ, что позволило создать в ней «Депюманускриптов» с богатыми собраниями западноевропейских и русских рукописей.

Перечень этих крупных коллекций, поступивших в старейшие отечественные государственные библиотеки в первые десятилетия

их деятельности, свидетельствует о том, что коллекции императорского двора и государственных сановников становились основой крупных библиотечных фондов страны. Чаще всего они включались в основной фонд библиотеки — рукописный или фонд редкой книги, и только немногие из них сохранились как целостные отдельные собрания. К таким целостным собраниям можно отнести коллекцию Петра I в БАН, в последние годы дополненную книжными собраниями его сподвижников, коллекцию И. И. Шувалова в Академии Художеств и коллекцию П. П. Дубровского в РНБ (рукописные и печатные книги полностью сохранены, но размещены в рукописном отделе, отделе редкой книги, отделах эстампов и картографии РНБ).

Впоследствии в Императорской публичной библиотеке и других крупных отечественных библиотеках приобретенные коллекции рукописей часто сохранялись в виде отдельного целостного собрания, что способствовало возрастанию интегративной ценности этих коллекций и обеспечивало возможности их изучения в качестве памятников истории и культуры.

Понимание особой значимости сохранения ценнейших коллекций в библиотеке в качестве целостной совокупности документов для прошлого, настоящего и будущего отечественной культуры в разные периоды ее истории создало определенные условия для существования отдельно сохраняемых коллекций документов в библиотеке и даже потребность восстановления собраний, документы которых оказались рассредоточенными в фонде.

В результате бережного отношения к приобретенным ценным коллекциям в XIX и XX вв. сохранились многие рукописные коллекции в РНБ, в ЦБ БАН, сети академических библиотек, РГБ и НБ Академии художеств.

В настоящее время в рукописном отделе РНБ хранится «Древлехранилище» известного библиофила М. П. Погодина, приобретенное у него в 1852 г. Оно включает более двух тысяч русских и славянских рукописных книг XI–XIX вв. и оценивается как самое богатое и исключительно полезное собрание для деятелей науки и любителей книги. Здесь же находятся коллекции средневековых русских книгохранилищ — библиотеки Новгородского Софийского собора, Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, собрания греческих и других западноевропейских рукописей. Среди коллекций редкой книги особое место занимает коллекция французского просветителя Вольтера, купленная у него Екатериной II.

Из коллекций, приобретенных ГПБ в 1920–е годы, широко известны библиотека и архив публициста, критика, деятеля российского и

международного рабочего движения Г. В. Плеханова. В 1980-х годах ГПБ приобретена уникальная книжная коллекция востоковеда-арабиста, действительного члена Академии наук И. Ю. Крачковского. На базе двух последних коллекций в РНБ созданы центры изучения научного наследия — Дом Г. В. Плеханова и Кабинет И. Ю. Крачковского [7].

Большая работа по восстановлению целостности коллекций в 1970–80-х гг. была проведена в НБ Санкт-Петербургского государственного университета. Из книг частных коллекций, рассыпанных по всему фонду библиотеки, были воссозданы три коллекции:

1) собрание коллежского советника П. Ф. Жукова, положенное в 1783 г. в основу будущей библиотеки университета;

2) библиотека астронома П. Б. Иноходцева, поступившая в 1809 г.;

3) библиотека одного из основателей славяноведения в России П. И. Прейса, приобретенная в 1847 г. [8].

Учитывая исторические особенности и возрасставший в различные годы интерес читателей библиотеки к историко-культурному наследию страны и к наиболее актуальным вопросам социально-политической жизни и развития культуры, работники библиотек создавали коллекции, отвечающие, по их мнению, запросам пользователей. К таким коллекциям можно отнести собрание академических изданий в БАН, коллекцию «Россика» в ИПБ, коллекцию листовок первых лет Советской власти и коллекцию «Ленинград в Великой Отечественной войне», созданную в дни блокады города и последние годы войны в ГПБ, коллекцию изданий русского зарубежья в РГБ, коллекции книжных памятников в УНБ, депозитарные фонды литературы в зональных депозитариях и депозитариях национальной, краеведческой литературы и местной печати.

С внедрением новых технологических и информационных средств в библиотеках России появились новые возможности расширения состава библиотечных коллекций. Наряду с коллекциями документов на традиционных носителях информации появились коллекции электронных книг и других нетрадиционных документов. В настоящее время в отечественных библиотеках условно можно выделить три типа собраний:

1. Традиционно понимаемое собрание рукописных, печатных книг или других документов, объединенных пространством и временем (богатейшая коллекция графа Н. П. Румянцева в РГБ, коллекции кириллической печати XV–XVII вв., книг гражданской печати XVIII в., собрание инкунабул (БАН, РНБ, РГБ), дореволюционная «Россика», коллекция рус-

ской гравюры XVII–XVIII вв. в РНБ и многие другие).

2. Смешанный тип, представляющий объединение документов в качестве коллекции только в справочно-информационном аппарате библиотеки. Яркими примерами такого типа коллекций являются в РНБ собрание советской россики, экслибрисов, автографов. Документы этих коллекций физически рассыпаны по различным фондам РНБ, однако они учтены для пользователей в виде коллекций, представленных в специальных картотеках.

3. Тип коллекции, представленный в библиотеках в виде электронных собраний документов. Например, CD «Россика в библиотеках Санкт-Петербурга» (РНБ), виртуальное собрание на двух лазерных дисках «Урал на изломе. 1919: Коллекция уральских газет» (Челябинская ОУНБ) и там же мультимедийная БД «Экология Уральского региона: история и современность», электронная база данных в РНБ «Литература о Санкт-Петербурге».

При этом различные типы коллекций в библиотеках могут быть взаимосвязанными. Например, параллельно существует «традиционный» тип коллекции и созданный дополнительно ее виртуальный вариант. Оцифрованные полнотекстовые коллекции, кроме всего прочего, обеспечивают функцию страхования основного собрания документов или замещают его (например, собрание газет).

Очевидно, чтобы изучить функциональные особенности воздействия библиотечных коллекций на пользователей, явления преемственности традиций, заложенных в этих целостных собраниях и их отдельных документах, необходимо применять комплексные методы исследования библиотечных коллекций, сохраняющих память о лучших традициях и явлениях российской и зарубежной культуры.

Именно таким комплексным подходом к изучению сохранившихся сокровищ отечественной культуры обладал Д. С. Лихачев, видевший в книгах и их собраниях воплощение памяти духовной и материальной культуры, необходимой нашим современникам и потомкам.

Литература

1. Лихачев Д. С. Декларация прав культуры: Проект. М.: Логос, 2000. С. 2–3.
2. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XII вв. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 5.
3. Библиотечное дело: Терминологический словарь / РГБ. М., 1997. С.37.
4. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. СПбГУ, 2002. С. 221.
5. Марков А. П. Отечественная культура как предмет культурологии: Учеб. пособие. СПб.: СПбГУИ, 1996. С. 4–5.

6. Ильина О. Н. Личные библиотеки как памятники культуры // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева: Международные Лихачевские научные чтения 24–25 мая 2001 г. СПб.: СПбГУП, 2001. С. 85–87.

7. Обзор ценнейших коллекций РНБ дан в юбилейном издании, подготовленном творческим кол-

лективом Библиотеки к 200-летию со времени ее создания. См.: Российская национальная библиотека. 1795–1995: Альбом. СПб.: Лики России, 1995.

8. Николаев Н. И. О формировании фонда редких книг университетской библиотеки // Совершенствование деятельности вузовских библиотек Северо-Запада РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 34.

И. А. МАНКЕВИЧ,

доцент кафедры русской и зарубежной литературы Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина,
кандидат педагогических наук

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

По оценкам ученых-аналитиков, XXI век — это век социальных, гуманитарных и коммуникативных наук. При этом центральное место в мире наук займет именно гуманитарное знание, ибо «в нем скрещиваются потоки информации от всех других отраслей знания» (М. С. Каган). Новые реалии постсоветского культурного пространства существенным образом изменили методологию гуманитарного знания, утвердив взятый еще в 70-е годы XX века курс на исследование комплексного междисциплинарного характера (системный подход) и актуализацию антропоцентрической ориентации познавательной деятельности (человек как «мера всех вещей», носитель и творец ценностных смыслов культуры). Последнее обстоятельство влечет за собой два важнейших следствия:

— потребность в разработке методологии междисциплинарных исследований человека, адекватной его системной структуре;

— потребность в отказе от принципа подготовки функционально ориентированного специалиста с традиционно-аналитическим характером мышления, усвоившего определенный объем знаний узкоутилитарного характера («человек специализированный»), и переходе к формированию мышления будущих ученых как субъектов культуры («аристократ Духа») на принципах «междисциплинарно-системно-синергетического понимания научной деятельности в XXI веке» (М. С. Каган).

В связи с этим одним из перспективных направлений в развитии методологии гуманитарного знания является социально-коммуникационный подход (СКП), в основе которого лежит идея всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности духовных явлений мировой культуры. Применительно к сфере литературной культуры СКП находит свое выражение в концепциях литературной коммуникации. Разумеется, исследование коммуникационных аспектов функционирования ли-

тературы не является абсолютной новацией, однако ввиду многозначности термина «коммуникация» и наличия разночтений в его трактовке в научной литературе (связь, средство связи, общение, взаимодействие, обмен информацией), а также отсутствия общепризнанной теории социальной коммуникации (СК), проблема «литература и коммуникация» не может считаться исчерпанной.

История русской литературы неотделима от истории культуры, религии, науки — интеллектуальной истории. Классические художественные тексты причудливо отражаются друг в друге, и в конце концов их игра влияет на поведение реальных людей. Археология текста, отражая смыслы культуры, скрытые в глубинных пластах ментальности личности, общества, эпохи, как бы выводит их за пределы литературного произведения, дальше в историю и, таким образом, «многообразно и многообразно» (Д. С. Лихачев) отражает взаимоотношение литературы с социальными пространством и временем, породившими и «усыновившими» его. «Нет четких границ между литературой и реальностью! <...> но зыбкая пограничная полоса реально существует <...>. Именно здесь часто рождается новое содержание, разрушающее старую форму, и появляются «атмосферные» явления, ведущее к климатическим изменениям в литературе» (Д. С. Лихачев).

Факты «биографии» явлений литературной культуры побуждают искать не «узковедомственные» основания дефиниций и классификаций, а системообразующий фактор общекультурного значения — смысловую нить, связывающую многочисленные линии жизни «героев» культуротворческой «одиссеи» в сюжетные узоры единого мозаичного полотна культуры. Последнее, в свою очередь, требует обращения к «коллективному разуму» интегральных наук, оперирующих в познании явлений культуры потенциально вечными

универсалиями, главное место в ряду которых занимает категория «смысл». Новые возможности осмысления феномена литературной культуры предоставляет СКП, основанный на метатеории СК, обобщающей достижения различных наук социально-гуманитарного цикла (от антропологии до социальной информатики). Данная версия СКП синтезирует теоретический потенциал системного, деятельностного, информационно-семиотического подходов, что в свою очередь позволяет квалифицировать его как системный подход нового типа. Благодаря «информоемкости» исходной дефиниции СК как движения смыслов (знания, эмоции, умения, стимулы и их производные — убеждения, идеалы, верования, ценностные ориентации) в социальном времени и пространстве (А. В. Соколов) и гибкой структуре категорийного аппарата СКП, любой феномен культуры может быть представлен как социально-коммуникационная система (СКС) и «прочитан» как коммуникационное сообщение. Основу категорийной структуры СКС составляют концепты «смысл», «социальная память» и «социально-коммуникационная деятельность».

Здесь уместно напомнить, что с позиции системного подхода литературная культура традиционно рассматривается как подсистема культуры, функционально ориентированная на задачи литературной деятельности. Последнее определяет ее бытие, как минимум, в семи измерениях:

1. субъектно-объектном (творцы и потребители литературной культуры, носители литературных смыслов);
2. духовно-содержательном (общественная и индивидуальные картины мира, литературные смыслы, образы, их отражающие);
3. функционально-деятельностном (литературное творчество, рождение и функционирование литературных текстов);
4. материально-идеальном (литературные тексты, овеществленные литературные смыслы);
5. институциональном (социальные институты литературной культуры — цензура, критика, образование, журналистика, книгоиздание, реклама, книготорговля, архивы, библиотеки, музеи);
6. внеинституциональном (устное народное, непрофессиональное литературное творчество, мода, «самиздат»);
7. морфологическом (литературные направления, жанры, стили, языки).

Но понятие «культура», как известно, не имеет однозначной дефиниции. Исключив бытовые, ведомственные и богословские трактовки культуры, все многообразие научных концепций можно с известной долей упрощения свести к их пяти вариантам: социоатрибутивная, антропоцентрическая, транс-

цендентная, информационно-семиотическая, духовно-смысловая (Л. В. Соколов). Очевидно, что исследование явлений литературной культуры (текстов, жанров, стилей) с позиции какой-либо из этих концепций будет акцентировать внимание специалистов на соответствующем культурном контексте их функционирования. Так, в рамках социоатрибутивной концепции литературный текст — это вещный продукт интеллектуальной деятельности «производителей» и «потребителей» литературной культуры. В рамках антропоцентрической — выражение духовного потенциала и гуманистических устремлений субъектов культуры, способ и мера формирования личности, ее этических и эстетических идеалов, мировоззренческих убеждений. С позиции трансцендентной концепции литература — сверхличностное, сверхсоциальное духовное образование, инобытие культуры, смыслы которой обитают в вечности, а не в социальном пространстве и времени, что и обеспечивает их возрождение после периодов забвения. Информационно-семиотическая концепция трактует литературные тексты как тексты культуры коммуникационной и символической природы. Духовно-смысловая концепция определяет литературу как мир искусственных смыслов, бытующих в овеществленной (книга, рукопись) и неовеществленной (языки, традиции, менталитет) формах.

Однако, независимо от исходной концепции, культура всегда выступает в качестве основополагающей характеристики явлений окружающего мира и в этом смысле является своего рода интегральным показателем их уровня зрелости (состояния). Соответствующий смысловой контекст по отношению к эпохам, регионам, нациям, субъектам культурной деятельности обретает и понятие «литературная культура». Так, семантическое пространство литературной культуры как образа эпохи образуют понятия, характеризующие историческое бытие «литературных смыслов» в религиозных, национальных, региональных, политических, экономических, этических, технологических аспектах. Семантическое пространство литературной культуры как образа субъекта литературной деятельности дополняется понятиями, которые характеризуют соответствующих носителей культурных смыслов и среду (время, пространство) их «обитания» в социально-психологических, этических, эстетических, демографических, профессиональных, ситуативных, событийных и других координатах. Семантические пространства различных явлений литературной культуры как художественных образов (писатель, читатель, литературные традиции, вкусы, мода, полемика, быт) обретают новые контексты, обус-

ловленные «траекторией» движения и взаимодействия внехудожественных и художественных смыслов, а также уровнем социально-психологической совместимости реципиентных «горизонтов» писателя и читателя.

В предметную область «литературная культура» попадают такие вопросы, как взаимодействие субъектов культуры (индивида, социальной группы, массовой общности, исторического общества) в процессах создания, распространения, восприятия, оценивания литературных произведений; взаимовлияние литературной и, шире, социокультурной среды и личности писателя (критика); феномен воздействия личности писателя и конкретных произведений на субъектов культуры различного статуса, взаимодействие и взаимовлияние последних в процессе диахронической и синхронической коммуникационной деятельности; взаимосвязь литературных текстов и их трансформация в тексты иных социокультурных уровней (биографический, научный, повседневный), общее взаимоотражение всех типов общественных отношений в истории мировой литературной культуры; формирование новых значений (контекстов) «старых» литературных текстов и расширение семантического гипертекстового пространства культуры.

Семантическое пространство понятия «литературная коммуникация» (движение литературных смыслов-образов в социальном пространстве и времени) образуется при пересечении и взаимодействии смысловых полей понятий «литературная культура» и СК. В свою очередь, семантическое пространство литературной культуры (или ее отдельных явлений) как СКС или компонента (подсистемы) другой СКС может быть представлено на основе категорий СК. Если использовать последние в качестве системы координат, становится возможным, изменяя статус явления в зависимости от контекста исследования, смоделировать различные коммуникационные ситуации из его «жизни». Так, например, в отношении литературного текста возможны следующие модификации: литературный текст — социальное время; литературный текст — социальное пространство, литературный текст — социальная память; литературный текст — мировоззрение; литературный текст — социально-коммуникационная деятельность (диалог, управление, подражание); литературный текст — коммуникационная культура и язык СК; литературный текст — коммуникационная потребность; литературный текст — коммуникационное средство и/или коммуникационный барьер; литературный текст — коммуникационные отношения; литературный текст — СКС; литературный текст — эффект

СК и т. д. Траектория движения и взаимодействия литературно-культурных смыслов (тем, сюжетов, мотивов, образов, жанров, стилей) как раз проходит через упомянутую выше пограничную зону, традиционно именуемую «реальность — литература» или «литература — реальность». У этой реальной или воображаемой линии связи нет исходных и конечных «пунктов», подобно тому как «нет у эволюции начала и нет у эволюции конца». В этом и состоит специфика бытия литературной коммуникации как феномена культуры.

Эффект СК любой разновидности обеспечивается посредством языка СК, входящего в систему языков культуры. В общем случае язык СК — это язык коммуникационной культуры личности, социальной группы, массовой общности, исторического общества, посредством которого ими осуществляется созидание, фиксирование, хранение, распространение и освоение культурных смыслов. Функционирование коммуникационной триады «автор—текст—читатель» обуславливает как минимум трехуровневую структуру языка литературной коммуникации, включающей в себя:

— язык коммуникационной культуры «Автора» сообщения (в т. ч. соавторов, социальных заказчиков и посредников), обусловленного спецификой его реципиентного горизонта (социально-психологический опыт, влияния среды);

— язык коммуникационного сообщения («текст — письмо» — носитель повседневных, биографических, художественных, научных и других смыслов), порожденного языком коммуникационной культуры «Автора»;

— язык коммуникационной культуры «Читателя» сообщения и одновременно соавтора «текста — чтения», содержание которого обусловлено не только тезаурусом последнего, но и коммуникационной ситуацией «прочтения» (социальное пространство, время, прагматические и эмоциональные аспекты восприятия).

Благодаря «эффекту» СК многие явления литературной культуры имеют богатую и зачастую запутанную «родословную». Будучи коммуникативными по своей природе, «сюжеты» литературной культуры логично вписываются в структуру СКС («фабулу»). «Коммуникационное» прочтение литературного текста (интертекста) как «потока» движущихся и взаимодействующих смыслов (сообщений), порожденных литературным сознанием «производителей» и «потребителей» литературной культуры (субъектов литературной коммуникации) и координируемого какой-либо (доминирующей) из форм социально-коммуникационной деятельности (диалог, управление,

подражание) позволяет увидеть в новом ракурсе хорошо знакомые тексты ушедших культур. Новое звучание в контексте СКП получают и такие традиционные для филологического знания проблемы, как порождение, функционирование, восприятие и интерпретация литературного текста, идентификация его интертекстуального «статуса» (протекст, интекст, метатекст, гипертекст) на разных стадиях культурной эволюции. В процессе функционирования («чтения») текст («письмо») приобретает многозначность, становясь одновременно фрагментом гипертекста культуры и отражением многих ее контекстов.

С позиций СКП категория «смысл» в прямом и переносном значениях функционирует как духовное начало, как скрытая сущность явлений культуры, в различных культурологических измерениях: онтологическом, гносеологическом, праксеологическом, историческом. В методологии СК в наиболее кон-

центрированном и завершенном виде актуализируются антропоцентрическая, информационно-семиотическая и духовно-смысловая концепции культуры. СКП позволяет вскрывать различные пласты бытования литературы в культуре и культуры в литературе, акцентируя исследование на проблеме взаимодействия и взаимоотражения общекультурных и литературно-культурных процессов.

Благодаря универсальности, «вечности» ключевых концептов метатеории СК, последние органично встраиваются в методiku преподавания историко-культурных и филологических дисциплин, что находит отражение в логике композиционного построения лекционного «повествования». В конечном итоге СКП способствует изменению стереотипов восприятия литературных текстов, что в свою очередь содействует полноценному освоению учащимися мира литературной культуры и мира науки о литературной культуре.

А. С. АСВАТУРОВ,

заведующий Отделом национальных литератур
Российской национальной библиотеки

БИБЛИОТЕКА КАК ПОЗИТИВНОЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО (на примере деятельности Отдела национальных литератур Российской национальной библиотеки)

Петербург всегда был и остается многонациональным городом. Но является ли он городом поликультурным? У всех на слуху имена выдающихся деятелей петербургской культурной элиты разных национальностей. Но как обеспечить усвоение и сохранение культурных образцов своей, а не американской, скажем, традиции, для тысяч не столь знаменитых петербуржцев, считающих себя грузинами, татарами, коми? В обстоятельствах, когда государство не может обеспечить всем желающим получение бесплатного высшего образования даже на русском языке, при отсутствии в городе спектаклей и радиопередач на родных для многих горожан языках, специальных торговых точек, где можно было бы купить татарскую, эстонскую книгу или журнал, библиотека остается тем местом, где человек может выбрать свой вариант приобретения к культуре. К сожалению, библиотеки при национально-культурных обществах обладают очень скромными фондами, а государственной массовой библиотеки с литературой на национальных языках в городе нет. Сохраняя значение документной базы для научной работы, Отдел национальных литератур (ОНЛ) уже с конца 1980-х гг. начинает перерастать рамки пункта выдачи литературы на 93 не-

славянских языках. Наличие специализированного читального зала, сохранение устраивающей как пользователей, так и отдел традиции единого фонда литературы на языках неславянских народов России и сопредельных стран ставит наших читателей даже в привилегированное положение, позволяя получать нужные книги и журналы в течение 5–10 минут, при этом не ограничивая себя в количестве заказанной литературы.

При всей важности обеспечения доступности информации на родном языке одним из направлений деятельности ОНЛ является создание позитивного поликультурного пространства для посетителей. На наш взгляд, это вполне согласуется с общими целями библиотечного обслуживания, определяемыми в специальной литературе: «Конечная цель библиотечно-библиографической деятельности, являющейся по своей сути культурной, состоит в содействии духовной самореализации личности»¹.

При настороженном отношении части горожан к новым (а часто с рождения здесь живущим) соседям и понятных трудностях в усвоении петербургских культурных образцов вновь приехавшими, ОНЛ являет собой

¹ Справочник библиотекаря. СПб., 2001. С. 142.

положительный полюс национальной жизни. Позитивное поликультурное пространство библиотеки дает возможность петербуржцам разных национальностей не только укореняться в родной по языку и вере родителей культурной традиции, но и открывает свободный доступ к великой русской культуре. Здесь принципиально важна связь ОНЛ с национальными общинами города. Отдел успешно сотрудничает с Домом национальных культур, с входящими в это объединение национально-культурными обществами, с представителями республик России и сопредельных стран в Петербурге. Только при наличии таких связей можно определить культурные потребности национальных общин города и понять, как лучше их удовлетворить. Одной из форм взаимодействия с национальными общинами являются культурные мероприятия, проводимые как в самом отделе, так и за его пределами. Основным условием их жизнеспособности является их планирование и проведение только совместными усилиями сотрудников отдела с активистами национальных общин. Содержание мероприятий должно отвечать реальным потребностям людей, на идеологические собрания никто просто не придет. Потребности зависят от состава активной части общины, осознающей свою этническую идентичность (возрастные характеристики, временный или постоянный статус проживания и т. д.).

Так, для временно проживающих в Петербурге студентов встреча с известными ингушскими художниками в Российской национальной библиотеке дала возможность не только приобщиться к национальному искусству, но и пообщаться на родном языке со сверстниками. Коренные петербуржцы-татары среднего и старшего возраста испытывают потребность в знакомстве с литературными традициями татарского народа. Для них в сезоне 2001–2002 гг. организован цикл по ис-

тории татарской литературы. Совместным мероприятием Отдела и общества «Нур» стал в 2001 г. полуторамесячный обучающий семинар по арабской графике — исторической письменности татарского народа. Для многих родителей приобщение их детей не только к разговорному, но и литературному родному языку является неоспоримой ценностью. В 2002 г. ОНЛ проводит целую серию встреч с детьми. Встречи имеют цели ознакомить детей с национальной детской литературой. Во встречах принимают участие учащиеся грузинских школ, армянские и татарские дети.

Выставочная деятельность ОНЛ дает исключительную возможность не только приобщаться к национальной культурной традиции, но и формировать положительный культурный имидж общины в городе. Например, о книжной выставке, посвященной 1700-летию принятия Арменией христианства, было восемь публикаций в петербургской прессе.

Личность библиотекаря, его профессиональные умения, человеческие свойства не менее важны. Создание эмоционально теплого, дружеского пространства предполагает определенные требования к сотрудникам отдела. Наряду с элементарными знаниями о других культурных традициях очень желательно знание национальных языков. Наличие в отделе сотрудников, свободно владеющих азербайджанским, армянским, грузинским, татарским языками, снимает психологические барьеры между библиотекой и читателем.

После переезда ОНЛ на Московский проспект, 165, благодаря удобному расположению библиотеки и активной работе с национальными общинами, число наших читателей выросло втрое. Все большее число людей начинают воспринимать нас не как еще одну инстанцию по проверке паспортного режима, но как центр разноликой национально-культурной жизни.

С. В. БУКОВСКИЙ,
коммерческий директор издательства «Лань»

КНИЖНАЯ СЕРИЯ «МИР КУЛЬТУРЫ, ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ» В КОНТЕКСТЕ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Издательство «Лань», отмечающее через год свой десятилетний юбилей, сегодня представляет собой крупный современный издательский дом Санкт-Петербурга, специализирующийся на выпуске учебной и учебно-методической литературы для высших учебных заведений.

Такая специализация появилась не сразу. В годы становления издательства преоблада-

ла массовая научно-популярная и художественная литература, издание которой определялось коммерческим приоритетом, который и сегодня играет не последнюю роль.

Успешно пройдя этот важный этап, который помог издательству встать на ноги и получить свободу выбора издаваемых книг, мы в дальнейшем сделали приоритетным выпуск специальной учебной литературы для высшей

школы. Подготовка к изданию такой литературы требует очень серьёзной допечатной подготовки, включая как непосредственную работу с авторами, так и корректорскую, оформительскую работу и верстку.

Самым главным здесь является серьёзная, кропотливая редакторская работа по правильному выбору необходимых сегодня книг. Одно дело — переиздание и выпуск дополнительных тиражей давно известных всем фундаментальных классических учебников по таким дисциплинам, как математика, физика и другие технические дисциплины, которые достаточно статичны; и совсем другое — появившиеся новые дисциплины и ряд гуманитарных дисциплин, выбор литературы по которым раньше был достаточно ограничен.

Помимо этого, издание нового учебника требует как подтверждения его качества рецензентами, так и присвоения ему грифа Министерства образования РФ, что является своеобразным «сертификатом качества», на который ориентируются отделы комплектования учебной литературы вузов.

Прямые контакты с Министерством образования РФ позволили издательству получить заказ на пакет вузовских книг «Победитель конкурса учебников РФ», выпуск которых продолжается уже три года. На выпущенные учебники приходят положительные отзывы из различных регионов страны.

При выборе изданий для опубликования сотрудники издательства всегда старались исходить из принципа разумного сочетания достижений фундаментальной науки и современных технологий подготовки молодых специалистов. Наши учебные издания охватывают широкий круг специальностей: математика, физика, юриспруденция, лингвистика, филология, медицина, психология, экономика.

Например, наша серия «Классики истории и философии права». Совсем недавно и подумать было нельзя, что можно сделать экономически обоснованную публикацию трудов историков-юристов, таких как: Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев, В. М. Сергеевич, М. М. Сперанский, С. А. Котляревский. На сегодняшний день в этой серии вышло уже 12 книг: М. К. Любавский «Лекции по древней русской истории до конца XVI века», «Русская история XVII–XVIII веков», «История царствования Екатерины II», «Историческая география России в связи с колонизацией»; Л. И. Петражицкий «Теория права и государства в связи с теорией нравственности»; П. И. Новгородцев «Введение в философию права», «Историческая школа юристов», С. Ф. Платонов «Смутное время»; Г. В. Вернадский «Начертание русской истории», «История права»; М. И. Артамонов «История хазар».

Работа осложнена тем, что многие крупные российские ученые оказались рассеянными по всем странам. Они добились огромных успехов и оставили книги или неопубликованные рукописи по истории России, литературе, юриспруденции, которые являются памятниками как их творчеству, так и эпохе. А мы часто знаем о них только понаслышке. Нашим главным успехом мы считаем то, что нам удалось вернуть в учебный процесс работы таких историков, как С. Б. Пушкарев, Г. В. Вернадский, М. И. Артамонов, М. К. Любавский. Закончена работа над переизданием книг С. В. Юшкова, А. Ф. Керенского, и вскоре они тоже будут представлены российской общественности, ученым, студентам и преподавателям.

За последние годы среди книг гуманитарного направления появились и бесспорные лидеры или, как сегодня говорят, «бестселлеры — лидеры продаж». Это в первую очередь наш учебник «Русская история с древнейших времён до наших дней» под редакцией ученых-историков СПбГУ Андрея Юрьевича Дворниченко и Юрия Владимировича Кривошеева, ежегодный десяти тысячный тираж которой помогает абитуриентам успешно сдавать вступительные экзамены по истории, учебник «Конфликтология», в котором широко применен зарубежный опыт и исследования в этой ранее мало изучавшейся у нас области.

Издательство сегодня вообще активно работает в области изучения зарубежного опыта. По нашим, да и не только нашим прогнозам, в сфере развития учебной литературы начинается процесс глобализации, то есть на рынке будет появляться все больше переводной литературы. В связи с этим есть большая опасность «засорить» наше высшее образование третьесортными западными учебниками. Необходимо выбирать лучшие из них. Для этих целей на базе Академии гуманитарных наук создан и работает ученый совет (во главе с В. Т. Пуляевым). Серия книг, выбранных учёным советом, называется «Лучшие американские учебники российским студентам».

Целенаправленный систематизированный отбор лучшего материала (в первую волну проникновения западных учебников на отечественный рынок зачастую издавалось не лучшее, а то, что было легче издать), мы надеемся, позволит успешно осуществить как этот проект, так и ряд других проектов, работа по которым сегодня зачастую приостанавливается из-за того, что издательство стремится работать по завышенной планке. К большому сожалению, до сих пор издательство не нашло источник финансирования проекта, связанного с 300-летием Петер-

бурга: пятитомное издание «История города Санкт-Петербурга» (от возникновения и до наших дней) лучших историков-краеведов под руководством доктора исторических наук Юрия Владимировича Кривошеева, получившее самые высокие отзывы независимой экспертизы.

В ближайших планах издательства выпуск более 80 учебников для студентов университетов, технических, медицинских, биологичес-

ких, педагогических, юридических факультетов с рекомендацией Министерства образования РФ и Министерства культуры РФ. Начат выпуск музыкальной литературы, в том числе учебных изданий, партитур классической и современной музыки. Мы всегда рады новым контактам как в области книгоиздания, так и среди наших потенциальных партнеров в области комплектования среди вузовских библиотек России.

И. А. САВКИН,

генеральный директор издательства «Алетейя»

ТРАДИЦИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ СЕРИИ «СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Я расскажу о тех встречах с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, которые для меня как для начинающего ученого и начинающего издателя были крайне важны. Мы выпустили две книги Лихачева, которые не нуждаются в представлении, они широко известны: «Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение» и «Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков». Эти книги принесли ему государственные премии, составили имя и репутацию. Но так получилось, что мы вынуждены были выпустить их еще раз. Таким образом, судьба подарила мне возможность общения с Дмитрием Сергеевичем на протяжении почти 10 лет. Наши встречи начались еще в 1986 г., когда я, только окончив философский факультет, занимался своей исследовательской темой в аспирантуре и обратился к нему за советом и консультациями в связи с деятельностью Кружка мира и в связи со своими архивными изысканиями пропавших сочинений Льва Платоновича Карсавина, знаменитого русского медиевиста и первого ректора Петроградского Государственного университета. И когда выяснилось, что мы еще и живем по соседству, наши встречи стали регулярными. Со временем мы организовали в Вильнюсе Первые международные Карсавинские чтения, и Дмитрий Сергеевич собирался приехать, но не смог из-за нездоровья. Тем не менее, он прислал приветствие гостям и участникам этих чтений и участвовал во всех остальных мероприятиях, связанных с творчеством Льва Платоновича Карсавина.

Впоследствии я открыл для себя новую, интересную, азартную профессию издателя и стал издавать научные книги по гуманитарным дисциплинам, год от года все больше. Сейчас мы издаем ежегодно 150 названий в год, это источники и монографии по прак-

тически всем основным разделам гуманитарного знания. Это древняя и новая история, классическая и новая филология и литературоведение, философия, религиоведение, психология — перечислять можно много.

А тогда наша издательская деятельность началась с «Античной библиотеки» и «Византийской библиотеки». Дмитрий Сергеевич Лихачев был членом редколлегии «Византийской библиотеки». И он натолкнул нас на мысль, во-первых, возобновить издание совместно с Гиляном Михайловичем Прохоровым нашей серии, где мы публикуем жития древних святых, научно комментированные издания источников. А вслед за ней мы приступили к изданию «Славянской библиотеки».

А непосредственным поводом к обращению к Лихачеву уже как к автору явилось мое знакомство с другим издателем, который живет в Лозанне, это этнический серб Владимир Дмитриевич, создатель и владелец крайне значительного и известного издательства «Н-дом», который подарил мне книжку, изданную в его издательстве, и я обратил внимание, что название книги сильно отличается от названия русского оригинала «Историческая поэтика русской литературы». Я спросил: «Чем было продиктовано изменение названия?», он ответил, что изменилась концепция книги, потому что сам Дмитрий Сергеевич был недоволен тем, что государственное издательство «Наука» регулярно стереотипно тиражирует то самое издание, которое вышло много лет назад, а он, будучи академиком, не имеет возможности внести изменения в текст — это добавило бы работы издательству. Даже согласия автора не требовалось, он просто получал из издательства экземпляр книги, когда ее выпускали. Поэтому он был вынужден издавать свою книгу во Франции, на французском языке.

Это меня, конечно, обескуражило, и я сразу же предложил Лихачеву выпустить в нашем издательстве его книгу. Пришлось снова обратиться к книге, выпущенной Дмитриевичем, поскольку там были опубликованы исследования французской славистки Франсуазы Лесур. Она в то время защитила в Сорбонне диссертацию на тему «Поэтика древнерусской литературы. Версия Лихачева». Но она в своей работе ссылается на французское издание книги Дмитрия Сергеевича. Кроме того, все сколько-нибудь известные и значительные его труды были тоже опубликованы на французском языке, и приходилось переводить с французского на русский то, что до этого было переведено, как вы понимаете, с русского на французский, а в результате этого двойного перевода приходилось идентифицировать цитаты.

Потребовался год для того, чтобы отредактировать перевод этого текста 120-страничного исследования Франсуазы Лесур, посвященного Лихачеву, но дело того стоило, поскольку она действительно взяла на себя очень ответственную миссию — вписать то, что он сделал, в общеевропейский контекст развития всей филологии XX века.

К счастью, книга вышла, и один из первых экземпляров Дмитрий Сергеевич подарил мне с очень трогательной надписью. Но столь ус-

пешное завершение наших мучений, связанных с изданием этой книги, одним из следствий имело возобновление нашего сотрудничества. Мы таким же образом, новаторски, отнеслись и к другой его книге «Текстология», которая тоже давно ждала переиздания с большими дополнениями. Мы включили во вторую часть «Текстологии» все изменения, накопившиеся за последние 40 лет в текстологической науке. Смерть Дмитрия Сергеевича надолго затормозила работу над этим проектом. Кроме того, его ученики и соавторы были связаны различными обязательствами.

Но сейчас мне приятно, вспоминая, сколько было совершено, видеть, что эти книги сейчас вызывают законное уважение и к труду авторов, которые не пожалели своего времени, и к издательству, которое, поставив для себя достаточно трудную задачу, все-таки с ней справилось. И я рассчитываю, что эти издания в каком-то смысле могут считаться эталонными. Хотелось бы надеяться, что эти книги уже находятся в фондах ваших библиотек, по крайней мере, в рамках проекта «Пушкинская библиотека» я убедился, что они были востребованы и многие библиотеки получили их через этот проект на тех льготных условиях, которые обеспечивает для библиотек эта программа. Думаю, что лучшая память об ученом — это его книги.

Т. А. ДЯГИЛЕВА,
главный библиограф научной библиотеки СПбГУП

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Вопросы теории культуры занимают большое место в творческом наследии крупнейшего специалиста в области древнерусской литературы, искусствоведа, культуролога и общественного деятеля России Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Основные труды Д. С. Лихачева посвящены истории русской литературы X–XVII вв., творчеству русских писателей XIX–XX вв., проблемам текстологии, истории культуры Древней Руси.

В 1980-е гг. он создал культурологическую концепцию, в основе которой были проблемы гуманизации жизни людей, а также переориентация воспитательных идеалов и всей системы образования как определяющих общественное развитие на современном этапе. Лихачев рассматривал культуру как историческую память, как творческую подготовку культуры будущего на основе прошлого и настоящего¹.

Как культуролог Д. С. Лихачев выступал последовательным противником всякого рода культурной исключительности и культурного изоляционизма, продолжал линию «примирения» традиций славянофильства и западничества, восходящую к Ф. М. Достоевскому и Н. А. Бердяеву, поборникам культурного единства человечества при безусловном сохранении национального своеобразия. В статье «Русский исторический опыт и европейская культура» Д. С. Лихачев, рассматривая особенности европейской и русской культуры, писал о том, что «русская культура всегда была по своему типу европейской культурой и несла в себе все отличительные особенности, связанные с христианством: личностное начало, восприимчивость к другим культурам (универсализм) и стремление к свободе»². Дмитрий Сергеевич активно выступал против массовой культуры, обедняющей общество и особенно молодежь.

Ученый внес большой вклад в разработку категории духовности как культурологического понятия. Духовность — явление, предполагающее некую внутреннюю энергетику, активное начало, которое направлено как внутрь человека, так и вовне. Человек дол-

жен постоянно работать над своим внутренним миром, а также над преобразованием социума, внешней среды³. Дмитрий Сергеевич также сформулировал «Десять заповедей человечности».

Важное место в культурологической концепции Дмитрия Сергеевича Лихачева занимает идея взаимосвязи культуры и природы. Он писал, что «сад — это прежде всего своеобразная форма синтеза различных искусств, синтеза, теснейшим образом связанного с существующими великими стилями и развивающегося параллельно с развитием философии, литературы (особенно поэзии), эстетическими формами быта (по преимуществу привилегированных слоев общества, но не только их, поскольку и сами поэты и садоводы не всегда принадлежали к господствующему классу), с живописью, архитектурой, музыкой. Эстетическое восприятие сада все время корректируется тем, что в ту или иную эпоху считается красивым, экзотичным (многие растения и цветы, считавшиеся дорогими и экзотическими, давно перестали быть таковыми). Восприятие сада в современных условиях требует таких же, как и раньше, если не больших, познаний в области истории искусств и истории быта, истории поэтической, знаний и т. д., и т. п.»⁴.

С культурой Лихачев тесно связывал понятие интеллигентности и нравственности. К интеллигенции, по мнению Дмитрия Сергеевича, принадлежат люди, свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений — экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам. Основной принцип интеллигентности — интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный

¹ Хоруженко К. М. Культурология: Энцикл. сл. Ростов н/Д, 1997. С. 275.

² Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 2001. С. 32.

³ Лихачев Д. С. Единомыслие — искусственно/ Беседу вел В. Костюковский // Известия. 1996. 27 ноября. С. 5.

⁴ Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 2-е изд. СПб., 1991. С. 363.

человек только от своей совести и своей мысли... Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести — это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной¹.

Оригинальным вкладом ученого в общую теорию культурологии стала предложенная им под влиянием В. И. Вернадского идея гомосферы (т. е. человеческой сферы) Земли, введение понятия «Экология культуры» и разработка основ новой научной дисциплины — экологии культуры. Если нарушенную природную среду можно восстановить, то разрушение памятников культуры необратимо. Впервые это понятие появилось в статье Д. С. Лихачева «Экология культуры», опубликованной в журнале «Москва» в 1979 г., эта тема была продолжена и в других его работах. Так, в «Письмах о добром» ученый говорил о необходимости «заботливо воспитывать любовь к родным местам, воспитывать духовную оседлость, а для этого необходимо развивать науку культурной экологии. Не только природная среда, но и культурная среда и ее воздействие на человека должны подвергаться тщательному научному изучению»².

Большим вкладом в развитие теории культуры является разработанный Дмитрием Сергеевичем в 1995 г. проект «Декларации прав культуры». Документ состоит из введения и 3-х глав: I. Права культуры и государства; II. Право культуры на сохранность; III. Права культуры на доступность. Во введении Д. С. Лихачев раскрыл понятие культурных ценностей, под которыми подразумевал не только отдельные объекты — памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора, которые могут быть отмечены в списках, каталогах и т. п., но и другие явления, такие как «традиции и навыки в области искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных особенностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д.»³ В первой главе рассматривался вопрос об ответственности за сохранность культурных ценностей и культуры как таковой — с точки зрения Д. С. Лихачева, она лежит на государстве. Особое значение ученый придавал отдельным языкам малых и крупных этносов.

¹ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 2001. С. 617–618.

² Лихачев Д. С. Еще о памятниках прошлого // Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1999. С. 166.

³ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры: Проект / РАН. Пушкинский Дом, СПбГУП. СПб., 1995. С. 2.

Никто не имеет права ущемлять права пользования любым языком. В этой же главе поднимался вопрос о самокупаемой культуре. С точки зрения Д. С. Лихачева, «самокупаемая культура является такой культурой, которая оказывается материально и духовно полезной в целом, воздействует положительно на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей»⁴.

Во второй главе Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил о необходимости сохранения подлинной культуры всех стран, соблюдения «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14 мая 1954 г. Большое внимание ученый уделил вопросам реставрации памятников культуры. Дмитрий Сергеевич Лихачев считал, что ансамбли памятников культуры, созданные как единое целое, не должны разъединяться при продажах и различных перемещениях. К ансамблям памятников культуры ученый относил алтари, деисусы, диптихи, триптихи, гарнитуры мебели, библиотеки и коллекции, представляющие собой эстетическое или историческое целое и имеющие общечеловеческое значение. Сохранять необходимо не только исторические центры городов, но и окраины, представляющие историческую ценность. Дмитрий Сергеевич дал определение понятию «ценный ландшафт». Ученый считал, что ценный ландшафт определяется не только историческими событиями, произошедшими на этих местах (В России — битвы: Куликовская, Бородинская, Сталининградская, Курская оборона), но и памятью художественной (Плес на Волге, связанный с именем Левитана)⁵.

В третьей главе Д. С. Лихачев писал о том, что необходима доступность произведений искусства, даже если они находятся в частном собрании. На наиболее ценные коллекции должны составляться полные каталоги, отражающие научные описания произведений, находящиеся как в экспозиции, так и в запасниках. Сведения о малых коллекциях, а также о произведениях, находящихся в частных руках, могли бы печататься в прессе. Коллекциям следует иметь постоянное место хранения. Особое внимание ученый уделил жертвователям произведений культуры, строгому соблюдению их воли как при жизни, так и посмертно. Большую роль в деле сохранения культурных ценностей ученый отводил ЮНЕСКО.

В дальнейшем на основе данного проекта был разработан итоговый проект «Деклара-

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры: (Проект)/РАН. Пушкинский Дом, СПбГУП. СПб., 1995. С. 8–10.

ции прав культуры»¹. Идеи, заложенные в проекте, и сегодня актуальны не только в нашей стране, но и во всем мире.

Вопросы теории культуры, затронутые Д. С. Лихачевым в его трудах, будут еще дол-

гие десятилетия изучаться и давать духовную пищу для всех исследователей в области культуры — как вопросы вечные, органично связанные с существованием и развитием человечества.

В. В. ШИЛОВ,

заведующий НИО библиотечных фондов
Российской национальной библиотеки

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФОНДОВ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА

Общая картина динамики показателей за десятилетие с 1991 по 2000 гг. показывает значительное ухудшение состояния библиотечного обслуживания населения фондами общедоступных библиотек всех ведомств.

Сократился общий объем фондов библиотек указанного типа: за десять лет более чем на 13,18%, а это около 142,6 млн. экз. изданий. Соответственно, с 7,27 до 6,45 единиц уменьшилась обеспеченность населения фондами. Снизилось общее число пользователей общедоступных библиотек: в течение десяти лет «ушли» из библиотек более шести с половиной миллионов «разочарованных» читателей. Нельзя объяснить это только общим уменьшением численности населения Российской Федерации. В течение девяти лет (1991–1999 гг.) неуклонно снижался охват населения библиотечным обслуживанием: с 43,96% в 1991 г. до 40,18% в 1999 г. Здесь можно рассматривать два негативных фактора: в течение всего периода, особенно в первые годы прошедшего десятилетия, сократилась сеть общедоступных библиотек (в 1991 г. функционировали 62232 библиотеки, в 2000 г. их насчитывалось уже только 51215); отношение массового пользователя к библиотекам, неоднократно подвергавшееся социологическим исследованиям, ухудшилось (однако, каково бы ни было это отношение, подавляющая часть тех россиян, которым нужно как-то удовлетворить свои информационные потребности, вынуждена обращаться именно в общедоступные библиотеки по месту жительства).

Лишь в последние годы (1999–2001) наметилась слабая тенденция к некоторому улучшению общей ситуации. Хотя падение численности населения продолжилось и в 2000 г., количество пользователей неожиданно возросло: в 2000 г. по отношению к 1999 г. оно составило 100,63%. Соответственно, уровень охвата населения библиотечным обслужива-

нием в 2000 г. увеличился и составил по отношению к 1999 г. 101,14%. Почти аналогичная динамика у показателя книговыдачи. Обращение читателей к документам из фондов общедоступных библиотек сократилось с 1,374 млрд. выд. в 1991 г. до примерно 1,310 млрд. выд., то есть ежегодно размеры книговыдачи сокращались в среднем на 0,6%. Но в 2000 г. книговыдача неожиданно выросла: в отношении к 1999 г. на 0,1%.

Предположение о том, что улучшился состав фондов общедоступных библиотек и они стали более привлекательными для населения, не оправдывается, что подтверждают показатели работы общедоступных библиотек муниципального подчинения. Мы выделяем библиотеки именно этого типа, поскольку, по сравнению с другими категориями библиотек, они наиболее приближены к населению и играют самую существенную роль в удовлетворении его информационных потребностей.

Основные показатели муниципальных библиотек России	Годы		Коэффициент роста, %
	1991	1999	
Фонд, тыс. экз. уд. вес в общем фонде общедоступных библиотек, %	766006.99 76.05	716337.44 74.04	93,5 97,4
Читателей, тыс. чел. уд. вес в общем числе читателей общедоступных библиотек, %	47713.2 89.12	50498.5 90.26	105,8 88,85
Книговыдача, тыс. выд. уд. вес в книговыдаче во всех общедоступных библиотеках, %	1051140.17 88.85	1108494.53 87.33	105,5 98,3

Статистические данные показывают, что население России на протяжении всего десятилетия имело возможность оперативно пользоваться тремя четвертями фондов общедоступных библиотек сети Министерства культуры РФ. Из каждых десяти читателей общедоступных библиотек всех категорий девять пользовались фондами именно муниципальных библиотек. Из каждых ста книг,

¹ Декларация прав культуры: Проект. 3-е изд., испр. СПб.: СПбГУП, 2001.

выданных всеми общедоступными библиотеками, 88 выдавались в муниципальных библиотеках.

Сравнительный анализ показателей этих библиотек в 1991 и 1999 гг. свидетельствует о значительном уменьшении возможностей муниципальных библиотек в удовлетворении потребностей своих пользователей. По причине уменьшения размера фондов существенно уменьшилась книгообеспеченность фондами муниципальных библиотек: в расчете на жителя — до 97,6%, в расчете на читателя — до 90,8%.

Подтверждают тезис об ухудшении возможностей использования библиотечных ресурсов показатели «читаемости». «Средний» читатель стал брать книг меньше по той простой причине, что уменьшилась его книгообеспеченность.

Повысилась нагрузка на фонды. Наблюдается существенный рост средней обращаемости библиотечной книги: в целом по России — 109,93%. Рост обращаемости обеспечен прежде всего значительным ростом книговыдачи (этот показатель в числителе) и существенным уменьшением объемов фондов муниципальных библиотек (этот показатель в знаменателе). Но было бы ошибкой расценивать подобную динамику обращаемости в данный исторический период как положительный момент. Уменьшение фондов свидетельствует не о качестве отбора, а о слабом их пополнении, быстром износе, отсутствии амортизационного комплектования.

В ходе специального обследования мы собрали данные о полноте укомплектованности фондов этих библиотек литературой за последние 3-4 года (обычная длительность периода текущего комплектования). По этим данным укомплектованность фондов актуальной новейшей литературой составляет примерно 17–18%. Это заставляет считать, что подавляющее большинство российского населения не имеет возможностей полноценного знакомства с новейшей литературой и вынуждено использовать фонды, накопленные в течение предыдущего исторического периода.

Причина состоит в отсутствии должного комплектования библиотек и возможностей для их полноценного обновления. Общий уровень состояния фондов, на наш взгляд, целесообразно оценить с помощью так называемого показателя «недокомплектования».

По нашим расчетам, общая недоукомплектованность документных фондов общедоступных библиотек муниципального подчинения за весь период 1991–1999 гг. достигла по России громадных размеров: 250 млн. экз., если исходить из нормативов ИФЛА, или 290 млн. экз., если руководствоваться нормативами РНБ.

Фонды библиотек этого вида устарели не менее чем на треть. А по нормативам РНБ фонды устарели примерно наполовину.

Наши расчеты показывают, что если объемы текущего комплектования будут постепенно увеличиваться в том же темпе, в каком они увеличивались в последние годы, то соответствие нормативам ИФЛА будет достигнуто... через 150 лет!

Поставим вопрос. При таком состоянии фондов растет число пользователей фондов массовых библиотек, увеличивается книговыдача, улучшаются показатели обращаемости. Как объяснить этот парадокс? Обратим внимание на следующие важные обстоятельства.

Само по себе уменьшение объема фондов (в 2000 г. 87% по сравнению с 1991 г.) не является недостатком. В течение многих десятилетий существования массовых библиотек их фонды были переполнены балластной, малоиспользуемой или совсем не используемой литературой. Данные прежних лет (для примера достаточно только 1985–1989 гг.) показывали несоответствие в темпах и направленности «роста» двух важнейших показателей работы с фондами: объемов фондов и размеров их использования (книговыдачи). По всем видам общедоступных библиотек Министерства культуры РФ (кроме федеральных) среднегодовой темп роста объема фондов в те годы составлял 1,03%, а размеры книговыдачи падали со среднегодовой скоростью 3%.

Важно, что в тот период продолжалось систематическое обновление фондов на основе стабильно текущего комплектования. Это обеспечило такое качество фондов, как определенный уровень надежности. Этот уровень не задается однократным комплектованием в течение года или даже двух-трех лет (это период текущего комплектования). Это результат длительного, целенаправленного формирования фондов, результат работы нескольких поколений библиотекарей. Это и результат издательской деятельности, когда систематически переиздавалось классическое наследие, соблюдался принцип обязательности его наличия во всех массовых библиотеках с расчетом на долговременное его использование. Многие из этого запаса оказались востребованным в прошедшие 10 лет. Кем востребовано?

И здесь отметим второе обстоятельство. В 1980-е гг. размеры книговыдачи в детских и юношеских библиотеках, в отличие от других общедоступных библиотек, не уменьшались, а постоянно росли. Это значит, что новое поколение, формировавшееся во второй половине восьмидесятых годов, обладало стабильно высокой и устойчиво растущей потребностью в получении информации. Имен-

но это поколение пришло в общедоступные библиотеки для взрослых в 1990-е годы и обеспечило всплеск размеров книговыдачи в библиотеках муниципального подчинения.

Можно утверждать, что именно муниципальные библиотеки пока ещё сохраняют свою привлекательность для населения, в значительной мере вынужденно — за неимением возможности пользоваться на местах ресурсами других информационных центров. Информационные потребности населения в библиотечных фондах за прошедшее десятилетие значительно возросли.

Однако в прошедшее десятилетие, в отличие от прежних лет, выбытие устаревшей литературы из фондов не сопровождалось их обновлением. Текущее комплектование фактически было свернуто из-за прекращения финансирования. Вопрос состоит в том, как долго ещё будет использоваться созданный ранее запас прочности. Попробуем найти ответ.

Дело в том, что устаревание информации и, соответственно, фонда как информационного ресурса — процесс, протяженный во времени. Циклы устаревания отдельных частей фонда в массовой библиотеке колеблются от одного года до 25–30 лет. В тех случаях, когда документы устаревают в течение короткого периода времени, естественно указывать на то, что такие документы нет смысла приобретать. А когда период обновления достаточно велик, отсутствие документов, не приобретенных в отдельные моменты этого периода, приводит лишь к более или менее отдаленным отрицательным последствиям. Отказы потребителям в момент выхода изда-

ний в свет расцениваются как случайные сбои в обслуживании, не снижающие качества системы в целом.

При определении допустимого периода «необновления» можно исходить из средней продолжительности жизни одного поколения, равной примерно 25–30 годам (известно, что наибольшей склонностью к репродукции мужчины обладают в 24 года); к этому же возрасту относится пик наивысших спортивных достижений в тех видах спорта, которые требуют наибольшей отдачи физической энергии, в частности, футбол и другие игровые виды спорта). Однако допустимый период «необновляемости» значительно ниже. Речь идет о том периоде жизни человека, для которого свойствен наибольший объем усвоения образовательной информации, обучение основной специальности, избрание профессии — это, вероятно, период от 14 до 24 лет. Следовательно, 10 лет — та критическая величина периода «необновляемости», в течение которого современное данному периоду поколение не получает достаточных знаний, необходимых для прогрессивного развития общества.

Таким образом, мы подошли к критическому пределу, когда накопленный запас надежности растаял.

Для перелома положения дел в пополнении фондов массовых библиотек с целью их систематического обновления требуется многократное увеличение финансирования ежегодного комплектования: в 5–10 раз и более. Кроме того, надо учесть необходимость докомплектования пробелов, образовавшихся в фондах за прошедшее десятилетие.

Я. А. МИХНЕВИЧ,

научный сотрудник НИО библиотечных фондов
Российской национальной библиотеки;

Н. О. ТИХОНОВА,

старший научный сотрудник НИО библиотечных фондов
Российской национальной библиотеки

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ И ЕГО УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ФОНДАМИ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК РФ

Последние десятилетия в нашей стране характеризуются большими изменениями в сфере культуры, которые, несомненно, коснулись и библиотек. Они нашли отражение в изменении содержания чтения, потребностей в нем, отчасти изменился и сам читатель библиотеки.

В рамках масштабного исследования «Состояние фондов общедоступных библиотек Российской Федерации в 1991–2001 гг.», которое проводилось научно-исследовательским

отделом библиотечных фондов РНБ, была поставлена задача создания совокупного портрета аудитории библиотек, включая одну из наиболее важных характеристик — читательский спрос. Внимание акцентировалось на потенциальных потребностях населения в использовании фондов общедоступных библиотек.

В ходе анкетирования было опрошено 2559 читателей из 110 библиотек РФ. В анкете наряду с вопросами, направленными на создание социального портрета, был задан

ряд вопросов, ответы на которые помогли установить уровень удовлетворенности читателей библиотекой (интенсивность пользования библиотекой, уровень тематического соответствия литературы профессии и интересам респондента, степень удовлетворенности фондами и т. д.).

Заметно изменилась аудитория общедоступных библиотек. Если пять лет назад, по данным исследования РНБ «Чтение в библиотеках России» (1997 г.), основной читательский контингент публичных библиотек составляли учащиеся (50%), то на сегодняшний день, по данным нашего исследования, их доля уменьшилась и практически сравнялась с числом работающих (соответственно 41% и 42%). Другой большой и важной группой всегда были пенсионеры. Однако результаты нашего анкетирования этого не подтвердили: группа пенсионеров составляет только около 9% от общего числа респондентов.

Самая многочисленная группа по уровню образования — читатели со средним специальным образованием (38%). Группа читателей с высшим образованием занимает третье место, но лидирует по интенсивности пользования библиотекой.

По профессиональному признаку первое место занимают работники сферы образования (26,9%), второе — представители рабочих специальностей (15,6%). Далее с большим отрывом идут экономисты, управленцы, инженерно-технические работники и др. Не входят в число основных потребителей библиотек представители бизнеса (1,3%) и научные работники (0,35%).

Самой распространенной целью посещения библиотеки является развлечение и отдых, затем — удовлетворение любознательности и самообразование, далее — помощь в обучении по общеобразовательной программе, на последнем месте — повышение квалификации. В случае выбора нескольких ответов одновременно, ответ «развлечение и отдых» уступает самообразованию и любознательности. Если учесть тот факт, что учащаяся молодежь по-прежнему составляет существенную часть читательской аудитории, превалирование таких ответов вполне объяснимо.

Популярность той или иной библиотеки в первую очередь зависит от соответствия фонда читательским потребностям. На вопрос о тематическом соответствии литературы, имеющейся в библиотеке, интересам читателя, около 40% респондентов отметили ее прямое соответствие нынешней профессии, а 24,5% ответили, что та литература, которая их интересует, и приобретенная профессия никак не пересекаются, причем большая часть уточнила, что они в этом и не нуждаются.

Примерно 5,5% респондентов воспользовались предложенным вариантом ответа «иной взгляд», чтобы высказать свои претензии к качеству обслуживания, составу фонда, указать на существующие проблемы. При этом наиболее часто повторялись реплики: устаревшая литература, малое количество книг по узкой специализации, отсутствие или недостаток новинок, малый объем фонда, также упоминалась нехватка периодики и литературы на иностранных языках. Привлекательность определенной библиотеки оценивалась респондентами в основном возможностью получить конкретный ответ на конкретный запрос (нужная книга или наличие литературы по своей тематике).

В целом по стране, по данным ВЦИОМ, чтение занимает второе место после телевидения. У пользователей библиотек оно превалирует, хотя само понятие чтения трактуется весьма разнообразно. Если значительная часть интересуется литературой как средством развлечения, то другая часть подменяет понятие чтения получением информации, по статусу почти равной информации справочной. Это наблюдение подтверждает и высокий процент положительных ответов о просмотре новых книг.

Особенность изучения потребностей читателей в ходе нашего исследования состоит в том, что мы предложили респондентам ответить на вопросы, касающиеся конкретных книг, журналов и других изданий, в которых им отказали, либо читатели не стали их спрашивать, будучи заранее уверены, что им их не выдадут. Можно говорить о том, что информация о скрытых отказах является более показательной и напрямую отражает читательские потребности. Во многих случаях читатель вынужден брать те или иные книги только потому, что у него нет выбора.

Читатели со средним образованием ограничивают свои запросы конкретной книгой (чаще всего это детективы, женские романы, классика, исторические романы, фантастика, энциклопедии, журналы). При этом уровень удовлетворенности библиотекой самый высокий как по всей выборке (44%), так и среди тех, кто дал положительный ответ на вопросы о незапрошенных книгах и отказах (26,4%).

Читатели со средним специальным образованием — самая многочисленная группа. Их запросы носят уже специальный характер. Уровень удовлетворенности ниже, чем в предыдущей группе (35%). Читатели с незаконченным высшим образованием представляют собой группу с наиболее высокими требованиями и самым низким уровнем удовлетворенности (26%). Среди читателей с высшим образованием наиболее неудовлетворенной

группой являются учителя (56%). Отказы в основном получены на литературу по специальности (51,5%).

В целом неудовлетворенность библиотекой возрастает в связи с потребностью в отраслевой литературе справочного характера и журналах.

Ориентируясь на полученный совокупный портрет аудитории общедоступной библиотеки, следует обратить внимание на профиль

комплектования, что, безусловно, невозможно без улучшения финансирования. Сведения о читательских предпочтениях и о неудовлетворенных запросах надо учитывать при подготовке Федеральной программы книгоиздания, ориентируясь на реального читателя, а также необходимо улучшить качественный состав фондов для привлечения в общедоступные библиотеки социально активных групп населения.

И. А. ГОЛУБЦОВА,

научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, кандидат педагогических наук

ФОНДЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЯЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время часто употребляется термин «распределенный библиотечный фонд». Однако насколько он правомерен? *Нераспределенных* библиотечных фондов как таковых не существует. Распределенность — неотъемлемое свойство любого библиотечного фонда (равно как и ряд других свойств).

Распределенность документов по фондам достигается в процессе текущего комплектования, поддерживается или корректируется в процессах организации фондов, а на этапе вторичного отбора начинается перераспределение документов. В обобщенном виде можно говорить о перераспределении фондов и, соответственно, о фондах перераспределенных и фондах нераспределенных. В результате складывается специальная система перераспределения.

Основным элементом системы перераспределения являются специальные фонды перераспределенной литературы. Традиционно их называют обменными, резервными, обменно-резервными (при том, что между так называемыми «обменными» и резервными фондами или между соответствующими частями обменно-резервных фондов имеются существенные различия как в функциях, так и в способах их формирования).

Конечным звеном системы перераспределения, как правило, выступают депозитарные фонды, то есть фонды перераспределенной литературы.

ГОСТ 7.76-96 «Комплектование фонда документов. Библиографирование. Каталогизация. Термины и определения» дает нам следующее определение депозитарного фонда: «...фонд, предназначенный для постоянного хранения и использования в специально выделенных библиотеках и информационных центрах».

Тем не менее, под депозитарными фондами в отечественном библиотековедении понимаются:

— фонды обязательных экземпляров документов, подлежащих постоянному (вечному) хранению;

— фонды малоиспользуемых документов, не потерявших свою научную, информационную и историко-культурную ценность и подлежащих перераспределению между библиотеками, нуждающимися в данных документах.

Главное и очевидное уже всем условие дальнейшего развития системы депозитарного хранения фондов в России — необходимость ее модернизации. Это обусловлено:

— социально-экономическими и политическими изменениями, произошедшими в стране в 90-е годы XX века;

— созданием новой правовой базы развития библиотечного дела;

— коренными изменениями в информационных технологиях;

— созданием новых телекоммуникационных средств связи, альтернативных носителей информации, компьютерных средств обработки информации;

— радикальными изменениями в полиграфических технологиях;

— необходимостью нового правового обеспечения депозитарного хранения библиотечных фондов России;

— полным несоответствием имеющихся в распоряжении библиотек финансовых, материально-технических и кадровых ресурсов возможностям современной информационной технологии, предоставляемым для функционирования и развития депозитарной системы хранения библиотечных фондов.

Депозитарная система существует уже около 30 лет, работа с малоиспользуемой

литературой идет постоянно, но, как правило, обмен информацией идет по устаревшей технологии. В основу модернизации системы необходимо заложить систему интерактивного обмена информацией, которая позволит оперативно и достоверно выявлять документы, подлежащие перераспределению, и восполнять лакуны библиотек.

Интерактивный режим обмена информацией подразумевает:

— разработку и утверждение единого для депозитарной системы формата обмена данными;

— постоянное экспонирование и обновление в телекоммуникационных сетях списка предложений каждой библиотекой-участницей списка лакун.

У нас в стране действует национальный коммуникативный формат RUSMARC, применение которого согласно приказу Министерства культуры РФ № 45 от 25 января 1998 года является обязательным для библиотек Министерства культуры РФ, а также рекомендованным к использованию в заинтересованных организациях других министерств и ведомств.

Из его структуры вычленяются поля, которые используются для библиографического описания при интерактивном обмене малоиспользуемой литературой.

Постоянное экспонирование данных подразумевает два организационных этапа. Сначала (как наименее затратный и трудоемкий) создается «Распределенный виртуальный фонд перераспределяемых документов», где каждая библиотека-участник системы создает на основе сайта своей библиотеки библиографическую базу данных о документах, предлагаемых ею для перераспределения.

На втором и заключительном этапе будет создан «Единый виртуальный фонд перераспределяемых документов», когда библиотеки от локального экспонирования данных на собственных сайтах организуют корпоративный сайт на базе какой-либо одной библиотеки. На этом сайте разместится сводная база данных о документах, предлагаемых всеми библиотеками, входящими в корпорацию.

Обмен данными между библиотеками происходит в автоматическом режиме по графику, составленному и утвержденному всеми участниками проекта.

Таким образом, реформирование системы перераспределения малоиспользуемой литературы позволит, используя современные технологии, не только повысить оперативность обмена информацией, но и расширить возможности библиотек в восполнении лакун своих основных фондов.

Н. И. ХОМЯКОВА,

научный сотрудник НИО библиотечных фондов
Российской национальной библиотеки

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДА В ИНТЕРЕСАХ ЧИТАТЕЛЕЙ (на примере фонда групповой обработки РНБ)

В современной ситуации библиотеки вынуждены пересматривать стратегические аспекты формирования фондов с учетом все возрастающих объемов информации. Анализ опыта зарубежных библиотек показывает, что все национальные библиотеки сужают круг комплектуемых материалов. Основным критерием отбора для отсева и перераспределения документов называется информационная значимость документа: малоинформативные документы, не находящие своих пользователей в библиотеке; документы, информационная значимость которых ограничивается некоторым периодом времени; документы с узкой информационной направленностью; документы с дублирующей информацией (стереотипные переиздания). В связи с вышесказанным представляется важным рассмотрение таких специфических документов, как документы, обрабатываемые групповым способом. К изданиям, о которых идет речь, в немалой степе-

ни применяют критерии отбора документов с ограниченной информационной значимостью.

В библиотеках для хранения такого вида документов созданы специализированные фонды. В частности, в РНБ — Фонд групповой обработки (ФГО).

Внедрение компьютерных технологий в практику работы библиотек позволяет говорить о возможности более оперативного доступа к информационно-рекламным изданиям, собираемым в ФГО. В новом Профиле комплектования РНБ необходимо предусмотреть изменение статуса хранения периодических документов рекламно-информационного характера.

При отражении документов ФГО в Генеральном алфавитном каталоге большая и важная часть информации осталась для читателей за пределами электронного каталога. Изменившаяся технология поступления документов, относящихся к ФГО, из Всероссий-

кой книжной палаты не повлекла за собой новые методы работы с документами, здесь необходимо тщательное изучение и решение данного вопроса.

Исторический срез комплектования — публикации, имеющие большое значение для данной страны на определенных этапах ее истории, сохраняются с наибольшей полно-

той. Пристального рассмотрения требует целый комплекс вопросов, связанных со специализированными фондами РНБ. Необходим поиск компромисса между традиционными и инновационными направлениями библиотечной деятельности, учитывающего потребности пользователей в документах, представленных в специализированных фондах.

В. А. КРАСИКОВА,

научный сотрудник НИО библиотечных фондов
Российской национальной библиотеки;

Г. П. СТАРУЩЕНКО,

старший научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской
национальной библиотеки, кандидат педагогических наук

ОПТИМАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К КОНЕЧНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ (Полнота документов XVIII века в фондах РГБ, РНБ, БАН)

Последнее десятилетие стало новым этапом в развитии универсальных научных библиотек, в том числе национальных. Этому способствовало появление новых, инновационных подходов в решении традиционных задач, применение новых технологий. Главная же задача библиотек — предоставить пользователю документ, независимо от его ценности и места нахождения. Активизация интереса к прошлому отечественной и мировой культуры привела к изменению отношения широких читательских кругов к фондам редких и ценных изданий, к явному повышению спроса на них.

В России большое значение имеет формирование единого распределенного фонда. Сама же проблема распределения ответственности за сбор и сохранение фондов между библиотеками России нуждается в научном обосновании. Это новый, чрезвычайно высокий уровень разделения труда между участниками, а также концентрация ресурсов для решения конкретных задач. Основные цели этих усилий — экономия средств на хранении, минимальное дублирование, перевод на другие формы носителей и открытый доступ для более полного удовлетворения разнообразных потребностей пользователей.

Отдельные библиотеки различаются ресурсами в силу исторических особенностей развития. Это отчасти создает и определенные преимущества, а именно — возможность стать лидером в работе с отдельными видами документов, хронологическими массивами и т. п., наиболее полно представленными в фондах библиотек, установить технико-экономические приоритеты для решения главных задач — гарантии сохранности и доступности документа, определить и вести

целенаправленное финансирование проектов, программ и т. д.

Проблема распределительного фонда, выдвинутая как перспективная, заставляет задуматься о полноте отдельных фондов. Крупнейшие библиотеки страны владеют отечественным документальным потенциалом, раритетами, являющимися культурным наследием России. Однако ни один фонд не отличается абсолютной полнотой отечественных изданий. Более чем за двести лет Российская национальная библиотека — одно из крупнейших хранилищ мира — собрала огромный массив документов. В то же время установление уровней, степеней полноты состава фонда с учетом различных аспектов (хронологического, видового, типового, тематического и прочего разнообразия) не проводилось. Опросы ведущих специалистов региональных научных библиотек, проведенные РНБ в 1999 и 2001 гг., показали, что какая-либо методика измерения полноты фонда не используется, однако необходимость в ней ощущают все.

Сложность самой задачи несомненна, но и важность ее, как нам представляется, в современных условиях бесспорна. Это и послужило основанием для проведения первого опыта подобной работы. При отсутствии каких-либо методик использовалось изучение статистического обеспечения и информационно-библиографического раскрытия отечественных изданий, что позволило провести сопоставительный системный анализ полученных данных. Первоначальным источником послужил «Сводный каталог русской книги XVIII века: 1725–1800» (В 5 т. М., 1962–1967). Он включает в себя такие виды документов, как книги, периодические и продолжающиеся

издания, напечатанные гражданским шрифтом. Каталог составлялся на основе фондов крупнейших библиотек России: РГБ, РНБ, БАН, научной библиотеки МГУ, ГПИБ, а также фондов Института русской литературы (Пушкинский дом), Института истории РАН. Сопоставительный анализ проводился на основе фондов РГБ, РНБ, БАН, которые отличаются наибольшей полнотой благодаря целенаправленному комплектованию.

Русская периодическая печать — детище XVIII в. — возникла в самом его начале в виде правительственной газеты «Ведомости» (1702). «Ведомости» (1725–1727), издаваемые Коллегией иностранных дел, стали продолжением петровской газеты. Они выпускались нерегулярно, по мере накопления материала. Продолжением этой газеты были «Санкт-петербургские ведомости» (1728–1800), издававшиеся РАН. «Московские ведомости» публиковались в период 1756–1800 гг. Московским университетом.

В 1725–1800 гг. в России издавались три газеты, общее количество экземпляров которых составило 12494. Проведенный анализ показал, что в РГБ газеты XVIII в. представлены с наибольшей полнотой — 93,9% (11727 экз.), в РНБ — 81,2% (10141 экз.), в БАН — 80,5% (10055 экз.). Газета «Московские ведомости» в фондах РГБ представлена почти в полном объеме: 90,4% (4238 экз.). В фондах РНБ данное собрание укомплектовано лишь на 66,2% (3095 экз.), в БАН — 52,8% (2475 экз.). Однако наиболее полно представлена газета «Санкт-петербургские ведомости»: в БАН — 98,1% (7574 экз.), в РГБ — 96,9% (7482 экз.), в РНБ — 90,2% (6966 экз.) Первая газета «Ведомости», представляющая наибольший исторический интерес, имеется в РНБ почти в полном объеме (за исключением двух номеров): 97,6% (80 экз.), в РГБ всего 8,5% (7 экз.), а в БАН — 7% (6 экз.).

Первый журнал на русском языке издавался АН в качестве бесплатного приложения к газете «Санктпетербургские ведомости» под названием «Примечание к Ведомостям» (1728–1742). В переводческой работе участвовали В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов. Отдельные номера за 1740–1741 гг. были конфискованы и уничтожены в связи с тем, что после воцарения 25 ноября 1741 года Елизаветы Петровны в печати было запрещено упоминание имен Иоанна Антоновича и Анны Леопольдовны.

Анализ названий журналов, альманахов, трудов, вышедших в XVIII в., показывает, что наиболее полно их разнообразие отражено в фондах РНБ — 93% (156 назв.), где имеются издания, которые отсутствуют в других библиотеках: «Зритель света» (1775) и

др., в РГБ — 92,4% (158 назв.), а в БАН — 91,8% (157 назв.). Журналы «Обитатель предместия: 1–10» (1790) и «Парнасский Меркурий» (б/г) отсутствуют в трех крупнейших библиотеках, но есть в ГПИБ. Абсолютная полнота названий, представленных всеми выпусками, составляет в РНБ 76% (130 назв.), в БАН — 81,9% (140 назв.), в РГБ — 80,7% (138 назв.).

Наибольшее количество изданий хранится в БАН — 97,5% (4508 экз.) и РГБ — 92,8% (4288 экз.). В РНБ объем документов составляет только 82,8% (3827 экз.).

Календари и месяцесловы сыграли в свое время важную роль как одно из средств широкой популяризации естественнонаучных и исторических знаний. Первый календарь вышел на 1709 г. и ежегодно печатался в Московской синодальной типографии. В 1726 г. московские календари были приведены к единообразию с петербургскими. Выпуски выходили по мере накопления материала. Всего вышло 26 названий (переименования внутри одного названия не учитывались). Наибольшее количество представлено в РНБ — 84,6% (22 назв.), в РГБ и БАН по 73,1% (по 19 назв.). Однако оба выпуска «Карманного календаря ... Павла Петровича на 1760 год» (тираж 510 экз.) представлены только в РГБ. Общее количество ежегодников составило 260 экз. В РНБ полнота данного вида изданий составляет лишь 66,2% (172 экз.), в РГБ — 73,6% (192 экз.), в БАН календари представлены более полно — 82,7% (215 экз.).

Проведенный анализ документов, опубликованных в период 1725–1800 гг., позволяет с достаточным основанием констатировать преимущественную их полноту в фонде РГБ, довольно полно эти издания представлены в фондах БАН. По количественному составу данных видов документов фонды РНБ только в совокупности, совместно с фондами БАН, могут представлять относительно полный и разнообразный объем изданий.

Определение документальной полноты элементов библиотечной системы предполагает концентрацию усилий по решению задач в отдельных центрах, обладающих исторически сложившимися особенностями. Решение разноплановых проблем, связанных с документами XVIII в., возможно в Санкт-Петербурге при концентрации усилий двух ведущих библиотек — РНБ и БАН. Многие поколения сотрудников РНБ пытались в течение XIX и XX вв. разрыть и восполнить пробелы в собрании изданий XVIII в. Оценить и обобщить труд многих поколений, работавших в библиотеках, — также одна из насущных целей определения полноты ретроспективных фондов.

И. В. ЭДЕМИЛЛЕР,
заведующая сектором НИО библиотечных фондов
Российской национальной библиотеки

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК

Финансирование текущего комплектования библиотек неизбежно зависит от той среды, в которой оно происходит, то есть от процессов на документном рынке и от тех тенденций, которые непосредственно отражаются в процессах текущего комплектования. Прежде всего стоит сказать о формировании книжного рынка в России. Он у нас существует с 1992 года, и это один из первых российских рынков, который стал развиваться наиболее активно. Формирование книжного рынка в России, естественно, не закончено, он продолжает развиваться. Введение рыночных отношений в книжном деле имело как положительное, так и отрицательное воздействие на текущее комплектование библиотек. Среди положительных можно назвать расширение предложения. В 2001 году было выпущено 70000 новых наименований книг (самый высокий показатель за последнее десятилетие), и это позволило директору Российской книжной палаты Борису Ленскому сделать вывод, что меняется парадигма российского книгоиздания: оно переходит от количественной модели выпуска литературы к качественной, когда идет постоянное расширение представляемой информации. Этот пик, видимо, пиком и останется, потому что с начала 2002 г. отменены льготы и введен НДС на производство книг, включая полиграфическую промышленность, издательскую деятельность и книжную торговлю. Это, естественно, ведет к повышению цен на книжную продукцию, а значит, к снижению тиражей (так как платежеспособный спрос населения ограничен) и падению количества наименований.

Но наряду с положительными последствиями введения рыночных отношений в книжном деле есть и отрицательные. Это, в частности, падение культуры и общее снижение качества книгоиздания, а также разрушение самой системы документоснабжения библиотек.

В старой, централизованной системе книгоснабжения были некоторые положительные стороны, которых мы лишились. Это, например, система логистики, когда очень четко было продумано распространение книгоиздательской продукции на территории всей страны. Это система единой книготорговой скидки, когда книготорговый опт получал единую стандартную скидку 25%, а затем для покрытия издержек по транспортировке литературы в разные точки страны эта скидка диффе-

ренцировалась в зависимости от отдаленности территории. То есть, например, в Москве эта скидка составляла 13%, а на Дальнем Востоке и в Магадане — 70%. Таким образом, любой житель страны мог получать литературу по единой цене.

Кроме того, разрушилась единая государственная система информационного обеспечения текущего комплектования. Немаловажным фактором также является снижение платежеспособного спроса населения. Плюс ко всему перечисленному книгоиздание сосредоточено в двух городах — Москве и Санкт-Петербурге: 75% по названиям и 93% по тиражам издаваемой литературы. Часто искусственно занижаются тиражи — это связано с тем, что тираж распространяется на Москву и Санкт-Петербург, а до регионов литература доходит очень плохо.

Почему именно сейчас мы говорим о проблеме финансирования текущего комплектования? Потому что сейчас стало очевидно, что при росте количества предлагаемой литературы значительно снизилось ее качество: то, что сейчас издается в массовом порядке, не всегда удовлетворяет потребности библиотек и читателей. Тем не менее, требования к литературе, которую библиотеки доставляют фирмам, очень высоки. Обычно это широкий ассортимент и немного экземпляров, поэтому работать с таким заказом книготорговым фирмам сложно. Чтобы позволить себе такие условия, когда надо полгода ждать оплаты заказа, фирма должна иметь очень большой оборот. Поэтому для того, чтобы библиотеки могли диктовать свои условия, влиять на издательскую политику и, соответственно, повышать качество своих фондов, прежде всего нужно решить проблему с текущим финансированием комплектования.

Еще одной проблемой, о которой мне хотелось сказать, является потеря профессиональной квалификации комплектатора. Дело в том, что многие комплектаторы, особенно массовых библиотек, в связи с тем, что финансирование недостаточное, просто перестают отслеживать текущий книжный рынок, потому что они испытывают очень сильные психологические трудности, приходя в книготорговую фирму и не имея возможности заказать то, что они считают нужным. Таким образом, библиотеки начинают комплектоваться только тогда, когда у них появляются деньги, поэтому комплектование носит случайный

характер, возникает много пробелов, что, естественно, сказывается на качестве фонда.

Кризис бюджетного финансирования текущего комплектования государственных библиотек разразился в 1995–96 гг., когда библиотеки были вынуждены заняться различными, как мы говорили, гибкими формами дополнительного комплектования, то есть открыть платные абонементы и за счет этого получать дополнительные средства на комплектование. Кто-то открыл книжные магазины на своей базе, кто-то занялся книгоизданием, была распространена система взаимозачетов и так далее. Открылись специальные центры на базе областных библиотек, то есть библиотеки пытались решить свои проблемы самостоятельно. Таким образом в масштабах государства проблему не решить.

Сейчас одним из наших основных направлений является введение нормативного подхода к вычислению необходимых объемов финансирования для библиотек. Наш отдел настаивает на том, что в законодательстве субъектов Федерации необходимо выделять финансирование отдельной строкой. В некоторых территориях это сделать удалось — в республике Коми, в Вологодской области, в Хакасии, в Брянской области и так далее. Однако сейчас проблемой становится не только объем финансирования, а еще и процедура государственной закупки для государственных библиотек. Я имею в виду проблему введения тендера на закупки книг для государственных библиотек. Вы, наверное, знаете, что Борис Николаевич Ельцин оставил в наследство о себе известный Указ о первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд. Согласно этому Указу 1997 г.

№ 305 вся продукция для государственных нужд должна закупаться через тендер, или конкурс. Причем существует постановление правительства России о продукции, закупаемой без тендера, где установлен перечень таких документов, но в этот перечень входят только редкие, раритетные книги, рукописные архивные документы.

Насколько нам известно, практика проведения тендера на закупку книг для государственных библиотек не получила распространения. Однако в Санкт-Петербурге такие тендеры проводятся. Комитет по экономике и промышленному развитию в Санкт-Петербурге потребовал от Комитета по культуре разработать эту процедуру и стал требовать для ЦБС города ввести тендер на закупку книг для комплектования. 6 марта 2002 г. в Комитете по культуре состоялось заседание специалистов и комплектаторов библиотек, в котором участвовали представители издательств и книготорговых фирм. Стало понятно, что составить техническое задание для проведения такого тендера практически невозможно. Кроме того, если мы введем процедуру тендера, значит, деньги получим в мае месяце, не раньше, потому что и так финансирование библиотек открывается во втором квартале, а только оформление всех бумаг для тендера занимает полтора месяца. Все это может привести к полной остановке комплектования библиотек. Поэтому решением проблем финансирования текущего комплектования библиотек на сегодняшний момент может стать, во-первых, внедрение нормативной методики расчета необходимого объема финансирования, во-вторых, правовое обеспечение гарантированного выделения финансирования на текущее комплектование.

А. П. РОМАНКОВ,

председатель Комиссии по образованию, культуре и науке
Законодательного собрания Санкт-Петербурга

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ПАТРИОТИЗМА

Истоки того явления, которое мы называем «патриотизмом», лежат во врожденных программах поведения биологических особей, побуждающих и заставляющих защищать свою территорию, свою семью, свой род. Механизм «импринтинга» задает изначальную привычку, любовь к той природе, пейзажам и лицам, которые окружали человека при рождении. Воспитание, образование и приобщение к культуре через язык создают вторую компоненту общности — принадлежность к одной культуре и языку.

Отдельные микротерритории и отдельные микрогруппы, сливаясь в более крупные образования, образуют на более крупных территориях общности, связанные определенным единством и сходством. Появляется «отечество». Это чувство общности, биологического и культурного родства вызывает желание помогать другим и рассчитывать на их ответную помощь, прославлять друг друга.

«Патриотизм есть любовь ко благу и славе своего отечества и желание способствовать им во всех отношениях», — пишет Карамзин в трактате «О любви к отечеству и национальной гордости». Однако он отмечает также, что патриотизм «требует рассуждения».

Истинный патриотизм — это интерес и внимание, в том числе критические, к истории своей страны, к ее культуре, готовность отстаивать свободу страны и ее жителей от внутреннего тоталитаризма и внешних нападений. Критицизм и рассуждение представляют собой важнейшие составляющие патриотизма. Нет ничего опаснее слов: «Эта твоя Родина — люби ее или выезжай из страны!»

Итак, первая опасность патриотизма — это нежелание видеть пороки собственного отечества, нерассуждающая и всепринимая страстная защита любого режима и жизненного уклада. Истинные патриоты будут прежде всего добиваться улучшения условий жизни в своей стране, экономического и культурного процветания, свободы и защиты прав граждан. Так, литератор Ефимов предлагает

измерять уровень патриотизма числом эмигрантов, отказавшихся от гражданства своей страны (естественно, при наличии свободы выезда). Чем больше число, тем меньше патриотизма.¹

Вторая опасность патриотизма заключается в том, что он легко перерастает в чувство превосходства над другими народами, другими странами, в чувство национального чванства. «Мы русские, с нами Бог», — любил говорить Суворов. «Gott mit uns», — было написано на пряжках фашистских солдат. Само название большинства племен на своем языке означало «люди», причем подразумевалось, что другие племена — нелюди, и по отношению к ним можно было не соблюдать правила взаимоотношений, принятые в племени. «Что русскому хорошо, то немцу — смерть», — сколько подобных поговорок подчеркивают преимущество титульной нации, и они есть в каждой стране!

Проповедь патриотизма легко перерастает для не слишком образованных или недостаточно самостоятельно мыслящих людей в пропаганду национального превосходства (национал-шовинизм). Вот почему демагогам легко натравливать невежественных людей на «инородцев», от которых «происходят все беды». Так называемую «патриотическую карту» разыгрывает большинство политических партий, не слишком заботясь о том, какого страшного пса они спускают с цепи. Ведь искать «вредителей» проще, чем работать высокопрофессионально, квалифицированно и эффективно, улучшая условия жизни в своей стране. В экономически развитых странах патриотизм естественен (малая доля эмигрантов), а национализм — удел маргинальных слоев.

Третье тысячелетие требует от нас иного подхода к патриотизму. Все мы жители одной планеты Земля, которая является нашим общим отечеством, и которой угрожают войны, эпидемии, экологические катастрофы. Где

¹ Литературная газета. 2002. № 7.

бы ни жил и ни работал человек, его основной долг — внести свой вклад в «копилку» человечества, увеличить общую сумму знаний, добра и красоты. Это означает, что для настоящего интеллигента любовь к «родному

пепелищу» и «отеческим гробам» должна сочетаться с отчетливым пониманием недостатков в жизни родной страны, уважением к достижениям других этносов и осознанием общности человечества.

А. П. МАРКОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Миссия интеллигента состоит в том, чтобы поддерживать культурную идентичность народа, сохранять его духовный генофонд, отражая сущность культуры как в текстах, так и в собственной биографии.

Русская культура основывается на православии. Д. С. Лихачев отмечал, что «в русской культуре атакам зла подвергались все христианские ценности: соборность, национальная терпимость, общественная свобода». Интеллигент же старается исполнить этический идеал Нагорной проповеди, который концентрируется вокруг трех базовых ценностей — страдания, нестяжательства и любви.

Вечной и блаженной жизни в Царствии Небесном достойны плачущие, кроткие, чистые сердцем, жаждущие правды, гонимые за правду. Страдание — это условие достижения идеала любви и справедливости. Последователи Христа должны быть готовы к трудному миссионерскому служению истине и возможным страданиям на этом пути. Нестяжательство — это отказ от материальных благ согласно духовному выбору, ибо «блаженны нищие духом», взыскующие «хлеб насущный днесть». Любовь — это непротivление злу насилием, всепрощение.

Эти ценности очерчивают крайние, предельные формы поведения. Они были адресованы ближайшим ученикам, чтобы те воплотили их в своей жизни и стали нравственным ориентиром для всех людей. «Парадоксальность» христианской этики заключается в отвержении всего, чем жил и гордился древний мир. Крест стал не позором и проклятием, а великой победой человеческого духа. Смысл жизни — не горделивая самодостаточность индивидуума, а послушание. Сущность творчества — не субъективное самоутверждение, а смирение. Действительно, «прямая перспектива» эгоцентрична, она ставит человека в центр мира, а все остальное обретает для него значение лишь в той степени, в какой оно соотносено с ним самим. «Обратная перспектива» православной этики утверждает: не нечто значимо потому, что включено в мой

мир, но, наоборот, я становлюсь значимым лишь в той мере, в какой я вхожу в нечто превышающее меня самого. Именно на основе такого Идеала возможно строительство Царства Божия на земле.

Наши соотечественники-интеллигенты воплотили эти ценности в своей жизни. Они продемонстрировали незначимость материальных благ, ориентацию на целое и внеличностное, непривязанность к настоящему и направленность в будущее, неотделимость человека от общности «мы», всечеловечность, готовность к самопожертвованию во имя других. Не случайно Ф. М. Достоевский считал психологическими особенностями «русского типа» смирение и страдание, нравственный максимализм, «всемирную отзывчивость и полнейшее перевоплощение». Также он отмечал способность «дружественно, с полной любовью принять в душу гении чужих наций, все вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия».

Как ни парадоксально, но такая ценностная и психологическая «формула» объясняет психологию и идеологию раскольников, народников и революционеров-социалистов. Она объединяет в единое виртуальное сообщество «русских интеллигентов» такие непохожие личности, как Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и О. Э. Мандельштам, Н. Г. Чернышевский и В. И. Ленин и т. д. Биографии всех великих людей в определенном смысле сопоставимы с образами православных подвижников и мучеников за веру. Например, герой романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», как и сам автор, переживает этапы жизненной эволюции, классические для пути православных подвижников: непримечательное начало жизни, озарение, добровольный подвиг аскетических испытаний, возврат в мир для выполнения особой миссии.

Однако другие черты интеллигентности часто становятся причинами исторических драм. Во-первых, это эсхатологизм, прису-

щий интеллигентскому самосознанию. Интеллигент видит будущее не как результат эволюции настоящего, — оно находится как бы «по ту сторону» трагедии и растворяется в вечности. Это обнаруживается в русской идее, в духовных исканиях, в характере социальных экспериментов XX века, в психологии сегодняшних реформ.

Во-вторых, сознанию русского интеллигента присуща черта, которую можно назвать «проектным максимализмом». Русский интеллигент — это искатель «последней» истины, абсолютной справедливости, который неизбежно придает духовно-нравственным и социальным исканиям фанатическую окраску. Ему

присущи радикализм, стремление к абсолюту, идеологический максимализм и готовность идти на любые жертвы во имя его осуществления. Русский интеллигент жаждет вселенского преобразования жизни (вспомним идеологию строительства коммунизма — Нового Царства «на земле, как и на небе»). Он стремится построить Царство Божие, — но не в результате эволюции настоящего, а как космическое чудо. Если же вера в чудо теряется, то рождается энергия тотального нигилизма и космического разрушения основ бытия.

Таким образом, интеллигентность — это крест, который несет и каждый интеллигент, и вся культура.

А. А. БОДАЛЕВ,

академик РАО, доктор философских наук, профессор

ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ ДОСТИЖЕНИЕ АКМЕ ЧЕЛОВЕКОМ

Одним из результатов развития человека как индивида, личности, субъекта деятельности на этапах взросления и во взрослой жизни является его выход на оптимальный уровень развития. Этот оптимум, или акме, в случае каждого человека характеризуется индивидуальным неповторимым своеобразием. Он предполагает в своем роде уникальность жизненного пути, приводящего именно к такому акме, а также врожденных и приобретенных характеристик человека, который данного акме достиг¹.

Однако это не исключает, а наоборот, предполагает, что при сравнении движения разных людей к акме и пребывания их в этом состоянии, надо выявлять и изучать объективные и субъективные факторы, которые благоприятствуют или мешают разворачиванию данного процесса. Поэтому необходимо, продолжая² проследить и анализировать причины, определяющие особенности достигаемых людьми акме в основных для них видах деятельности, расширить и углубить поиск и осмысление названных причин. При этом целесообразно привлекать категории необходимости и случайности, возможности и действительности, сущности и видимости, используя знания о феномене бифуркации. Следует также установить степень влияния

на результаты взаимодействия категорий со стороны самого человека с его потребностями, способностями и характером.

Движение человека к своему акме представляет собой единство необходимости и случайности. Оно обусловлено не только характером той глобальной и отдаленной цели, которую человек решает достигнуть, исходя из оценки своих способностей и более или менее адекватно осознавая общественную потребность в том продукте, который имеет материальную или духовную форму и в котором воплотится эта цель. Само движение с его основными особенностями, конечно, всегда обусловлено уровнем мастерства человека, актуализирующего свои способности в конкретной деятельности, направленной на реализацию субъективно первостепенной цели. Однако оказывается ли избранный путь, в конечном счете, успешным или неуспешным, и приводит ли он к нужному результату, — это всегда зависит от объективных случайных факторов, вторгающихся в жизнь человека, поставившего перед собой большую цель и направляющего свои усилия на ее достижение.

Среди подобных факторов могут оказаться и стихийные бедствия, и техногенные катастрофы, и несчастные случаи, резко ломающие нормальный ход жизни человека, нарушающие или даже прекращающие его основную деятельность. Таким негативным фактором могут стать и социальные катаклизмы, например, войны или революции, и просто вторжение в творческий процесс других людей, которые из зависти или иных низменных побуждений

¹ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.

² Бодалев А. А., Рудкевич Л. А. Как становятся великими или выдающимися? М., 1997; Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М., 1998.

стремятся помешать человеку реализовать свою цель, иногда даже путем его физического уничтожения.

Вспомним последствия автомобильной аварии, в которую попал академик Л. Д. Ландау, или обстоятельства смерти академика В. А. Легасова после катастрофы на Чернобыльской АЭС. Хорошо известны обстоятельства гибели во Владимирской тюрьме великого генетика Н. И. Вавилова, ставшей трагическим финалом травли, инициированной всесильным лжеученым Т. Д. Лысенко при поддержке официальной власти страны. Не менее очевидны невыносимые условия, созданные недоброжелателями для писателя М. А. Булгакова в последние годы его жизни.

Но объективные случайные факторы, которые более или менее неожиданно возникают, когда человек физически и психически мобилизует все свои силы на достижение глобальной цели, могут и благоприятствовать ему в решении этой субъективно значимой задачи. Так, например, общеизвестно вмешательство в судьбу М. В. Ломоносова Феофана Прокоповича, сподвижника Петра Великого. Он настоял, чтобы М. В. Ломоносова не исключили из Славяно-греко-латинской академии, когда выяснилось, что тот выдавал себя за сына священника. Восхищенный любознательностью юноши, его острым умом и глубиной проникновения в суть вещей, Прокопович сказал тогда: «Не бойся ничего. Когда бы со звоном в большой московский соборный колокол стали тебя публиковать самозванцем, я твой защитник»¹.

По прошествии многих лет М. В. Ломоносов был утвержден в звании профессора Академии наук, основанной Петром I. Стоявший во главе ее «бюрократ от науки» И. Д. Шумахер в надежде опорочить имя ученого тайно от Ломоносова послал его труды на отзыв великому Леонарду Эйлеру. Но, вопреки ожиданиям, тот написал в своем отзыве: «Все сии диссертации не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо он пишет о материях физических и химических весьма нужных, которые поныне не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что он учинил с таким успехом, что я совершенно уверен в справедливости его изъяснений. Желать должно, чтобы и другие Академии в состоянии были произвести такие откровения, какие показал Ломоносов»².

В реальной жизни немногим людям, направляющим свою деятельность на достижение глобальной цели, или высокого уровня

акме, удается попадать в ситуации, которые помогают им быстрее и успешнее осуществлять свои намерения. У других людей такой возможности объективно не оказывается вовсе, или они получают от своего непосредственного окружения очень слабую поддержку.

Рассматривая все составляющие движения человека к акме и анализируя и оценивая само акме, мы обнаруживаем, помимо действия фактора случайности и необходимости, проблему возможности и действительности. Имеется в виду различие между тем, что человек при его личностном и субъектном потенциале мог и хотел сделать, и тем, что у него получилось в реальной жизни в основной для него деятельности.

Так, Т. Д. Лысенко сформулировал в области агробиологии ряд сенсационно звучащих положений, которые не подтвердились экспериментально и не нашли производственного приложения. Тем не менее, он стал академиком, президентом ВАСХНИЛ, Героем Социалистического Труда и трижды получал Государственную премию СССР. Противоположный пример: гениальный В. И. Баженов проектировал великолепные архитектурные ансамбли, которые преимущественно так и остались на бумаге или в виде макетов, а реальные заказы на возведение тех же самых зданий и комплексов получали менее даровитые архитекторы.

Отчего так бывает в жизни, что посредственности или проходимцы выглядят в глазах окружающих как значительные персоны, сотворившие неординарные труды, а действительные создатели нового настоящего вклада в ценности жизни и культуры обществом игнорируются? Существует много причин, порождающих этот феномен³. В данном контексте необходимо назвать две из них:

— кто в обществе оценивает человека и его труды, и насколько данная оценка выгодна власти;

— различие в характерах настоящего творца и псевдотворца.

Как известно, одни люди в своем повседневном поведении не скрывают своей истинной сущности, они искренни и открыты в общении и в трудовом процессе. Другие всячески маскируют свою внутреннюю пустоту и преуспевают в создании впечатления о своей личностной и профессиональной значительности. Если в структуре личности настоящих творцов доминирует установка «быть»⁴, то в

¹ Морозов А. А. Михаил Васильевич Ломоносов, 1711–1765. Л., 1952. С. 177.

² Там же. С. 316.

³ Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М., 1998.

⁴ «Быть» для названной категории людей означает, оставаясь на высоком уровне ответственно-

структуре их антиподов постоянно работает установка «казаться».

Это всегда конкретное для каждого человека взаимодействие субъективного и объективного факторов (единство необходимости и случайности, возможности и действительности) создает, в конечном итоге, индивидуальную судьбу человека¹.

Когда мы начинаем всесторонне и на многих уровнях анализировать индивидуальные, личностные и субъектные проявления самого человека, которые предшествуют реализации его основной цели и достижению акме или, наоборот, отдаляют его от них, то за всем этим очень отчетливо проступает феномен бифуркаций. Достигнув очередной критической точки на своем жизненном пути или попав в острую ситуацию, человек обычно оказывается перед выбором, какое решение из нескольких возможных принять и какой поступок будет служить осуществлением этого решения.

Осуществив этот выбор на уровне мышления, чувства, воли и практического действия, человек фактически предопределяет характер своей жизнедеятельности и особенности своего развития вплоть до достижения следующей критической точки или встречи с неординарной ситуацией. Можно даже утверждать, что предыдущий выбор и его осуществление со значительной долей вероятности будет программировать характер следующих критических точек и ситуаций и набор возможных вариантов принятия решений и их последующего осуществления². Указанную тенденцию, очевидно, обуславливает ставший типичным для человека способ связи его потребностей с его способностями, в соответствии со своеобразием его характера³.

Так, возвращаясь к судьбе М. В. Ломоносова, следует отметить его сильно выраженную потребность познавать неведомое науке его времени, а также мощную способность гения поднимать изучение этого неведомого до уровня выявления его проявлений, закономерностей и механизмов, чтобы сделать эти знания общим достоянием. Для этого ему приходилось раз за разом, проявляя бескомпромиссность характера, буквально проламывать

сти перед собой и перед обществом, совершать поступки, отвечающие сути сформировавшегося у них нравственного императива, и осуществлять деяния, объективируя весь потенциал имеющихся у них способностей.

¹ Чудновский В. Э. Смысл жизни и судьба. М., 1998.

² Бранский В. П., Пожарский С. Д. Социальная синергетика и акмеология. СПб., 2001.

³ Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001.

стену невежества, равнодушия, лени мысли и откровенного или скрытого саботажа. Причем на его пути оказывались те, кто по своему положению должен был, но не умел или не хотел сделать учреждение, в котором они работали, Российской академией наук не по названию, а по сути⁴.

С полным правом можно сказать то же самое и о маршале Г. К. Жукове. Он обладал сильнейшей потребностью отдавать всего себя без остатка оптимальному решению задач, которые вставали перед ним как военачальником и в мирное, и в военное время. Неизменно по максимуму мобилизуя все свои силы, Г. К. Жуков не изменял этой особенности своей природы тогда, когда его поддерживало руководство, включая И. В. Сталина, и когда его совершенно неоправданно и во вред делу снимали с занимаемых им постов, понижали в должности⁵. К. М. Симонов, отмечая качества великого полководца, писал: «Характер этого человека всегда оставался неподатливым перед внешними обстоятельствами. Обстоятельства менялись, а человек оставался самим собой. И эта неизменяемость характера была не только свидетельством нравственной силы, но и ее источником. Сознание своей способности не поддаваться обстоятельствам в свою очередь увеличивало эту неподатливость»⁶.

Приведенные примеры связей между потребностями, способностями и сформировавшимся у человека характером достаточно редки и относятся, как правило, к неординарным личностям. В других случаях эти связи оказываются иными. Однако примеры двух выдающихся граждан России убеждают в том, что необходимым условием достижения акме человеком является преобладание в его мотивационной структуре такой потребности, содержанием которой выступает общечеловеческая ценность, ставшая для него значимой ценностью на уровне знания и переживания. Наличие такой ценности в системе побуждений человека придает высокий смысл его основной деятельности, задает единство цели и определяет стратегию всей жизни.

Примеры развития и структурирования личностных и субъектных характеристик выдающихся людей (В. М. Бехтерев, С. П. Королев, Д. И. Менделеев и др.) свидетельствуют следующее. Потребность, возведенная в мотивационной сфере человека до высокого

⁴ Морозов А. А. Михаил Васильевич Ломоносов, 1711–1765. Л., 1952.

⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1971.

⁶ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1998.

уровня, в которой находят отражение общечеловеческие ценности, — это только одно из обязательных условий достижения человеком неординарного акме. Кроме того, оно прямо сказывается на характере и интенсивности мотивации повседневных дел человека, инициирует его значительную самоотдачу и высокую ответственность во время решения задач, составляющих суть его основной деятельности¹.

Другим необходимым условием достижения человеком акме в основной для него деятельности выступает идущее по восходящей непрерывное развитие способностей и постоянное использование их на максимально возможном уровне при решении встающих перед ним задач. Приведенные выше примеры жизни и деятельности двух великих россиян — М. В. Ломоносова и Г. К. Жукова, сумевших подняться в своем развитии до уровня высочайшего акме, — убедительно свидетельствуют, что формировавшиеся в их личности потребности и способности исключительно продуктивно сопрягались друг с другом на всех этапах жизненного пути как в обычных, так и в экстремальных ситуациях. Именно

на такую связь эффективно работал их характер — цельный, непротиворечивый, независимый, исключительно волевой.

Итак, в одних случаях существующие условия помогают людям достигать выдающихся результатов в их основной деятельности, а в других случаях они не позволяют подняться на уровень акме, хотя для этого есть все основания. Когда мы ищем причины подобных жизненных итогов, мы обязаны рассматривать во взаимосвязи друг с другом все объективные и субъективные факторы, которые определяют развитие человека как личности и как субъекта деятельности и конкретно воздействуют на главные особенности его деяний на каждом этапе его жизненного пути. Остается нерешенной проблема, как следует рассматривать процесс достижения человеком акме, привлекая для лучшего понимания его особенностей категории необходимости и случайности, возможности и действительности, феномен бифуркации. При этом необходимо учитывать, что на результаты их действия может влиять сам человек с его потребностями, способностями и характером.

И. Ф. ГОНЧАРОВ,

директор Учебно-методического Центра национального образования РГПУ им. А. И. Герцена,
доктор педагогических наук, профессор

УЧИТЕЛЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ КАК НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

Учитель — дитя своего народа, поэтому он воплощает в себе национальные качества. Но вместе с тем пасторское призвание учителя побуждает его возвышаться над средним уровнем народа.

Обратим внимание на высшие качества русского человека. Это прежде всего неустанная работоспособность (безмерная выносливость, способность сосредоточения физической и духовной энергии, стоическое преодоление невероятных испытаний, спокойная деловитость, хозяйственность), всетерпение, соборное единение (обостренное осознание себя частью своего народа и кровной связи друг с другом, умение собираться в «один кулак», братская солидарность, привычка к коллективной жизни, чувство спайки), жертвенный патриотизм, любовь к Родине (единение с селом, рекой, лугом, лесом, степью, потребность расширяться и проникать в сердце ро-

димой земли, вращая в нее своим титаническим трудом и ценой невероятных страданий и пролитой крови). Можно назвать и такие черты, как абсолютная доброта (хлебосольство, щедрость, радушие, гостеприимство, душевность, деятельная доброта, милосердие, жалостливость, мягкосердечность, способность переживать величие и боль мира как свои родные), благоволение ко всем людям, независимо от их национальной принадлежности (всепонимание, отзывчивость, отсутствие национального эгоизма, всепримирение, жертвенное братство, национальная широта, наднациональная устремленность), духовность (подъем над житейской суетой, презрение к богатству, удовлетворение скромным достатком, бескорыстие, нестяжание, свобода от духа мещанской цивилизации и пристрастия к земным благам, размышления о смысле жизни, теплая любовь к Богу и Божьему храму, беззаветная и свободная вера) и другие.

Но в русском человеке наряду с положительными уживаются и отрицательные качества: расхлябанная трудовая дисциплина

¹ Держач А. А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Развитие ценностной сферы профессионала. М., 2001.

(обилие праздношатающихся и обленившихся, работающих беспорядочно и халтурно, непривычность к методичному, кропотливому труду, непрерывная потребность в «празднике жизни»), неделовитость (отсутствие хватки, вопиющий разлад между словами и делами — мало кого можно назвать «докой в деле»), неуважение к научным знаниям (предельно слабое знание России, деятельность преимущественно на основе опыта), бытовая бездарность (скудость оформления жилища, неухоженное место жительства, загрязненность, несовершенство бытовой техники, беспечность), низкопоклонство перед Западом (презрение к родному и превознесение чужого, механическое заимствование, отсутствие веры в Родину, скудоумное принятие европейской цивилизации за образец), разобщенность, национальное одиночество (в будничные периоды — раскольническое мышление и поведение, распри, раздор, размежевание даже между близкими родственниками, недостаточное владение соборным «диалогом согласия», малая способность к самоорганизации и объединению сил). Поверхностное православное мирозерцание и страсть к разрушениям выражаются в ненависти к умным созидателям, трудолюбивым и предприимчивым людям (вспомним размах и жестокость раскулачивания лучших крестьян), уничтожении деревни, памятников культуры, религии, истории, природы.

В чем основная причина поляризованности русского характера? У нас были национальные школы — духовные, народные и земские. Но у нас никогда не было массовой национальной школы, основанной на синтезе христианских и научных идей. Со времен Петра I русская школа утратила национально-православные черты и важные аспекты «родиноведения». Она испытывала сильное влияние Запада: гимназии, лицеи и университеты, удаленные от косвенной культуры, были перенасыщены чужой культурой. Национальное воспитание не включалось в ряд государственных задач. Правительство заботилось об основании и поддержании специальных и общеобразовательных школ с общечеловеческой окраской. Школа России была подражанием европейскому, особенно протестантскому, стандарту. И вся школьная российская история — это призывы и попытки придать чужой методологии национальные черты.

К. Д. Ушинский в 1867 году написал специальную статью «О необходимости сделать русские школы русскими». Д. И. Менделеев в «Заветных мыслях» утверждал: «Конечно, первое всего надобно скорее приняться за установление твердых начал нашей образо-

ванности, которая доньше, сказать правду, бралась лишь напрокат с Запада, а не делалась нашею благоприобретенною собственностью». В. В. Розанов также отмечал: «Наши уставы, как гимназический, так и университетский, суть компиляции из иностранного, и даже проще — перевод с немецкого. Но дело лежит гораздо глубже, потому что и самый материал образования, с которым непосредственно соприкасается отеческий и юношеский возраст всей страны, есть также не русский на 7/10 своего состава. То есть мы незаметно и неуклонно переделываем саму структуру русской души: на «манер иностранного». Подобные мысли высказывают Н. О. Лосский, Н. С. Шмелев и др.

Сегодня мы наблюдаем упадок русского человека: могучая Империя пала, и русский человек исказился до неузнаваемости. Нужно осознать случившуюся катастрофу, и тогда можно будет искать пути выхода из нее. Крепость русской души подкашивалась столетиями. И до начала «перестройки» она была поколеблена, национально и психологически ранена, покалечена. Теперь же усилиями Америки и наших «внутренних эмигрантов» русская душа совращается и полностью переделывается.

Раздвоенность души русского человека — одна из важнейших отличительных черт. Эта раздвоенность в меньшей степени присуща учителю, который сознает, что в целях воспитания у детей идеальных качеств он призван соответствовать их понятиям о лучшем человеке, обязан жить по-особому и отличаться высшими качествами своего народа. Это возможно лишь при условии, что учитель строго следит за собой: занимается самопознанием, самокритично относится к себе, преодолевает собственные слабости и недостатки.

Русский учитель являет собою этноправославный тип. Он решает великую национальную задачу — воспитывает русских детей. В программу воспитания входят религиозное православное чувство, ум, патриотизм, духовность, совесть, честь, достоинство, братская сверхклассовая национальная солидарность, чувство ответственности, правосознание, уважение к своей и чужой частной собственности и другие качества. Русский учитель ведет борьбу за национально-духовный характер, за пробуждение, укрепление и развитие духовности в детях. Он преклоняется перед идеальными ценностями, равнодушен к заземленным практическим, а тем более, меркантильным целям, пренебрегает житейским комфортом и благополучием, свободен от бремени богатства, обрекает себя на материально невыгодный труд, на нищенскую зарплату, на самопожертвование. Главное для

него — интересный труд по призванию, а не стремление к богатству.

Высшее качество русского учителя — любовь к детям, доброе отношение к ним. Это первооснова прекрасных отношений между поколениями. Русским людям свойственно не отделяться от детей и после создания ими своей семьи, а русские бабушки находят высшее счастье в воспитании внуков. Также и русский учитель сохраняет связь со своими питомцами и после окончания ими школы: помогает поступать в профессиональные учебные заведения, поддерживает их духовно в течение долгого времени, встречается с ними, переписывается. После экзаменов говорит каждому добрые слова.

Русская школа — это соборное бытие, то есть единство учителя с учеником и ученика с соучениками. Они склонны к коллективному, артельному труду — вместе выполнять домашние задания и отдыхать, ходить в походы и заботиться о бытовых делах. Русская школа — это в первую очередь школа духовного, душевного, нравственного воспитания. Воспитание первично, политика и экономика вторичны. Учитель — первый человек в обществе. Кто преуспевает в экономике, тот более теряет, чем приобретает. Приобретает лишь тот, кто становится нравственным. Духовное, душевное и нравственное воспитание роднится с воспитанием умственным: у питомцев формируется продуктивное самобытное мышление, они учатся диалектически мыслить.

России нужны люди идеи, поскольку она находится на поворотном пункте своего интеллектуального развития. В нашей стране наряду с гениями и талантами всегда было много невежественных «образованцев», которых А. С. Пушкин назвал «полупросвещенными» и которые состоят в духовном родстве с чеховским «злоумышленником». На смену им должен прийти широко образованный, национально просвещенный и национально мыслящий профессионал. Невежество не может быть спутником стабильного политического и экономического успеха.

Задача России — предоставить науке и национальному образованию быть наивысшей силой государства. Идея создания процветающей России зависит от трех главных моментов, а именно правителя, элиты и просвещенного умного народа. Все остальное является производным от этих начал, и отсюда происходит потребность в серьезном и всестороннем образовании всего народа.

Подчеркнем некоторые важнейшие методологические принципы русского образования, просвещения и воспитания. Истинная школа неотрывна от национальной почвы, но не замыкается только на ней, а обогащает

национальное общечеловеческим и общенациональным — национальным. Русский учитель ценит знания как таковые, в его сознании они самодостаточны, поэтому он мало внимания уделяет применению знаний в реальной жизни. В этом есть как положительная, так и отрицательная сторона.

Позиция учителя русской школы: гордыня — это грех, смирение — это великое достоинство. Он даже склонен считать себя хуже учеников, воплощая в себе принцип соразвития путем сотворчества учителя и ученика. Так из смирения возникает импульс к самообразованию. Русский учитель не ограничивается воспитанием детей. Он занят участием в подъеме культурного уровня народа, углублением народного духа, улучшением его нравов. Русскому учителю присуща искренняя религиозность, выражающаяся в соблюдении обрядов и традиций православной церкви. Для него христианские ценности — основа воспитания русских детей. Современному учителю, прошедшему школу воинственного атеизма, предстоит проделать путь от Саула к Павлу (согласно церковному преданию, ярый гонитель христианства Саул перерождается в защитника христианства Павла).

Русский учитель занимается самоусовершенствованием. Ему присущи жажда познания, равнодушие к поверхностным развлечениям, духовная полнота жизни, стремление «глаголом жечь сердца людей». К сожалению, сегодня талантливых учителей до обидного мало.

Мы изучали наших учителей на протяжении нескольких десятилетий и обнаружили следующие типы: имитатор, рутинер, ремесленник (владелец начал профессионализма), профессионал, творец (создатель собственного стиля), новатор (создатель новых идей).

Реально в школах преобладают рутинеры и ремесленники. Кризис учительства выявляет следующие аспекты человеческой неподготовленности: отсутствие не только любви, но и уважения и внимания к ученику, и, как следствие, непонимание; отсутствие профессионализма; духовное ослабление («сухощавость духом», по совам Ф. М. Достоевского); рутинность деятельности; авторитарность; национальная индифферентность; заимствование европейского и американского опыта без критического подхода; общекультурное убожество.

Казалось бы, каждый учитель может запечатлеться в благодарной памяти питомцев школы, но ничего подобного не происходит, ведь для этого нужно быть оригинальной, гуманной, цельной, духовной личностью. Современная школа испытывает дефицит учительской личности — это тревожный симптом, с которым нельзя мириться. Незаурядная

личность ученика раскрывается усилиями незаурядной личности учителя. Именно по такому учителю тоскует школа, но личность пока — явление редкое.

Главные роли в любой цивилизации исполняют земледелец, ремесленник, врач, ученый, изобретатель и правитель. Но первый среди них — учитель.

М. А. АРИАРСКИЙ,

заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКИ,
доктор культурологии

НРАВСТВЕННЫЕ ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В затянувшемся споре о сущности и судьбах российской интеллигенции проявилась весьма широкая, в некоторых аспектах поляризованная и достаточно противоречивая система взглядов и суждений. Они расходятся в диапазоне от позиции Д. С. Лихачева, видевшего в характере интеллигенции свободу убеждений, интеллектуальную независимость и свободу как нравственную категорию, до утверждения Д. А. Гранина о том, что у нас «нет ни власти, ни интеллигенции». Если с оговорками согласиться, что интеллигенция все-таки есть, то она непреложно оппозиционна к власти, и в этом критическом противостоянии писателю видится функциональная природа интеллигенции.

Можно сетовать на недостатки российской интеллигенции, на противоречивость позиций ряда ее представителей, на преобладание эмоций в мотивационной сфере. Но жизнь убеждает в правильности и дальновидности оценок Д. С. Лихачева. Российская интеллигенция существует, и ее наиболее характерными качествами выступают:

— гуманитарная образованность, интегрирующая ценности отечественной и мировой культуры, исключая местничество, национализм и любые проявления человеконенавистничества;

— моральная чистота, высокое чувство социальной ответственности, способность активно защищать свои нравственные позиции;

— восприятие культуры как критерия качества жизни, пронизывающего все сферы бытия от творчества до повседневности и проявляющегося в труде, познании, общественных отношениях, быту и досуге;

— духовно-нравственная направленность, демонстрирующая активность личности в реализации своих гражданских, профессиональных, семейных и иных социально-значимых функций.

Воспроизводство интеллигенции, равно как сохранение и дальнейшее развитие ее традиций — задача здорового общества, призванного воплотить в жизнь научно-обоснованные механизмы создания благоприятной культурной среды, технологии раскрытия

непреходящих ценностей, выработанных интеллигенцией многих поколений, а также методики овладения совокупностью нравственно-эстетических качеств. Все это позволяет человеку причислить себя к высокому обществу, которое характеризуется термином «интеллигенция».

Каждая культура и каждая эпоха вырабатывают свои идеалы, свои эталоны, свои нормативные образцы. В истории человечества закрепились образы эллинских героев, скандинавских викингов, славянских дружинников, английских джентльменов, японских самураев, американских деловых людей. Наиболее полное выражение нравственные эталоны общества находили в литературе. Миллионы людей стремились подражать героям Гомера, М. Сервантеса, В. Гюго, Д. Лондона, Д. Голсуорси, Л. Фейхтвангера, А. Сент-Экзюпери. Глубокий след в жизни ряда поколений оставили образы Андрея Волконского и Пьера Безухова, созданные Л. Н. Толстым. Их характеры существенно разнятся между собой, однако, подобно большинству представителей российской интеллигенции, оба они наделены такими чертами, как трудолюбие, благородство, честь, деятельная доброта, деловитость, предприимчивость, скромность и т. д.

Попытки создать нормативный образец интеллигента как творения культуры и ее творца мы находим в Библии, Коране и других энциклопедиях человеческого гения. Они позволяют увидеть конкретные ориентиры развития личности, формирования в ней наиболее ценных для культуры нравственно-эстетических качеств. При этом на каждом этапе исторического развития сохраняется значимость общечеловеческих черт, которые веками передаются из поколения в поколение, и появляются новые культурные аспекты, отражающие требования времени. Например, в начале XXI века в нормативный образец интеллигента, усвоившего принципы современной культуры и культурной деятельности, входят понятия «экологическая безопасность», «компьютерная грамотность» и другие, обеспечивающие переход к информационному обществу.

Совокупность приемов и способов вовлечения человека в мир культуры в последние годы обогатилась оригинальной методикой опоры на духовно-нравственные образцы, аккумулярованные в персонифицированных символах культуры. Так, в исследовании А. С. Запесоцкого и А. П. Маркова убедительно показано, что в случае принятия идеала стремление человека к совершенству становится не только внешней целью воспитания, но и внутренним свойством личности, основой духовно мотивированных действий¹. При этом действует идентификационный механизм: человек равняется на избранный идеал, стремится ему подражать в поведении, деятельности и отношениях с окружающими. Референтный образ выступает эталоном саморазвития, и чем он духовно богаче, тем эффективнее его культуросозидающее воздействие.

У современной российской интеллигенции есть идеалы, на которые она могла бы равняться. В первую очередь она может опереться на сложившиеся веками национально-культурные традиции; на высокую духовность, ставшую субстанцией русского менталитета; на возвращенную православием соборность, переросшую в коллективизм; на патриотизм и

безграничную любовь к Отечеству, которые позволяют сохранять нравственные ориентиры служения Родине и в дни великих потерь, и после глубоких потрясений.

Судьба исторических деятелей России опровергает тезис о непреложной конфронтации интеллигенции и власти. Г. Р. Державин, А. С. Грибоедов и М. Е. Салтыков-Щедрин служили эталонами интеллигентности, что не мешало им оставаться представителями власти и по мере своих сил совершенствовать и облагораживать государственные структуры. А. Д. Сахаров и А. И. Солженицын активно боролись с диктатурой, лишившей человека важнейшего права на свободу личности, но они никогда не пропагандировали анархизм.

Российская история дает немало примеров беззаветного служения социальному прогрессу. Нравственные истоки питали многие поколения интеллигенции, которую отличает высокая духовность, коллективизм, патриотизм, общекультурная эрудиция. Поэтому русский интеллигент сохраняет способность совмещать в себе нравственную чистоту, социальную активность и открытость для всего нового, прогрессивного, перспективного.

В. Г. ИВАНОВ

профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук

МОРАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТА — ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ИЛИ ГРУППОВОЕ?

*Необходимы в делах духа честность
и неподкупность и необходимость
закалиться в них.*

Фридрих Ницше

Что главное в личности интеллигента? Духовное богатство и душевная щедрость. Постоянное стремление ввысь и вглубь в сочетании с желанием поделиться тем, что обнаружено и осмыслено. В интеллигенте обособление и общение не противостоят друг другу в той трагической неразрешимости, которую увидели, но не смогли преодолеть экзистенциалисты шестидесятых годов: либо «уход в себя», в свою «самость», либо «бытие-в-Человеке», то есть растворение в других, отождествление с другими и утрата себя. На примере литературных героев Лермонто-

ва — либо Демон, либо тамбовская казначейша. Отсюда открытость и вместе с тем избирательность в общении; умение быть хозяином, а не рабом вещей, идей, деятельности или обстоятельств; органическое неприятие пустословия, суесловия, «ярмарки тщеславия». Все эти качества опосредованы индивидуальным моральным сознанием.

Интеллигент свободен от фундаментального принципа группового морального сознания: «мы хорошие, они плохие». Его моральное сознание индивидуально и глубоко самокритично. Нравственный человек мыслит и поступает прямо противоположно той кумушке, о которой А. С. Пушкин писал: «В чужом глазу соломинку ты видишь, а у себя не видишь и бревна». Он прежде всего видит собственные недостатки, отсюда его скромность и стремление к самовоспитанию — не как к

¹ *Запесоцкий А. С.* Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. СПб.: ГУП, 1996.; *Марков А. П.* Отечественная культура как предмет культурологии. СПб.: ГУП, 1996.

подвигу духа, но как к постоянному нравственному самосовершенствованию.

Интеллигент не вписывается в дилемму «конформист — неконформист» именно потому, что он свободен и самостоятелен в суждениях, оценках и поступках. Конфликт его индивидуального сознания с любым групповым моральным сознанием всегда неизбежен. Приведем всего два примера.

В XVI веке во Франции между католиками и гугенотами шла долгая и кровавая гражданская война на религиозной почве. Мишель Монтень в «Опытах» писал: «Гражданская война — самоубийство нации». Может быть, Монтень оказался единственным французом того столетия, который не приписывал все беды либо католикам, либо гугенотам. Официально он принадлежал к католикам и сражался в их лагере, но полагал, что виновны обе стороны. Кроме того, он возмущался тем, что католики оправдывают свои действия, во всем обвиняя гугенотов. Когда Монтень говорил о жестокости католиков и утверждал, что гугеноты совершали и достойные поступки, его осуждали за «очернение» своих и «оправдание» противника. Но точно так же его осуждали и гугеноты, поскольку он не прощал их жестокости и фанатизма. В целом Монтень можно назвать французским интеллигентом XVI века.

В конце XX века в России наступили сложные годы перестройки и складывания

иной государственности и системы общественных отношений. В своей ценностной ориентации многие утратили критерии, беспорядочно бросаясь от атеизма к религии, от интернационализма к шовинизму. В этот период к Д. С. Лихачеву обратились деятели печально известной «Памяти», надеясь в исследователе древнерусской литературы найти поддержку их позиции как «истинных патриотов». Однако он ответил резким отказом и публично осудил национал-шовинистические выступления «Памяти» — именно потому, что был подлинным патриотом. Принципиальность позиции Д. С. Лихачева проявилась и по отношению к предложениям ввести в школах преподавание Закона Божия. Будучи глубоко верующим человеком, Д. С. Лихачев публично заявил, что это недопустимо, поскольку вопрос о вере базируется на законе о свободе совести и личном выборе человека. Наша страна многоконфессиональна, и государственное предпочтение одной религии неизбежно оборачивается дискриминацией других.

В обоих случаях Д. С. Лихачев не поддался групповому давлению и «не оправдал надежд» определенных кругов, что вызвало их отрицательную реакцию. Таким образом, жизненную позицию настоящего интеллигента определяет его индивидуальное моральное сознание, не поддающееся тем или другим поветриям, моде или мнению сегодняшнего большинства.

Б. Д. ПАРЫГИН,

заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП,
доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ЛИЧНОСТНАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ КАК ДУХОВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

Наряду с противоречивостью как свойством характера русской интеллигенции и русского народа вообще, к его неоспоримым достоинствам следует причислить несомненную творческую одаренность. На пути реализации духовно-психического потенциала одаренности долгое время были достаточно очевидны следующие барьеры. С одной стороны, это давление не всегда оправданной, а нередко и чрезмерной социокультурной и идеологической идентификации; с другой стороны, это ограниченность концептуальных, преимущественно бихевиористских, подходов к пониманию феномена личности.

В науке доминировала концепция внешней, биологической и социальной обусловленности человека не только как индивида, но и как личности. Влиянию внутренней духовно-психической детерминации на разви-

тие уникальности и неповторимости личности не уделялось должного внимания. Она как бы выходила за рамки традиций объективного научного исследования, которое было нацелено на поиск и постижение природы отклонений от стандарта, а наоборот, неких общих закономерностей и тенденций психической жизнедеятельности людей. Объяснять уникальность духовно-психического потенциала человека и неповторимых зигзагов его индивидуальной судьбы должны были средства художественного освоения мира — литература и искусство.

Недостатки подобного разделения в рамках гуманитарно-ориентированного мировосприятия человека достаточно очевидны. Становится все более ощутимой ограниченность до сих пор преобладающего в социальной психологии бихевиористского подхода к

трактовке социальной психики человека. Данный подход сфокусирован на внешних условиях поведения индивида и недооценивает внутренние. В результате доминирования бихевиористской концепции вне поля зрения исследователей остается внутренне мотивированная, эмоциональная и духовно-нравственная составляющая социальной психики личности, которая в первую очередь характеризует личность в качестве уникальной и неповторимой индивидуальности.

Субъективное эмоционально-окрашенное самосознание личности, ее глубоко скрытый внутренний жизненный опыт, являющийся главным объектом переживаний, оказывается вынесенным далеко за рамки собственно психологии как науки и становится предметом монопольного осмысления с позиций экзистенциалистского подхода, развивающегося в лоне философско-этических исследований. Здесь в эпицентре внимания оказывается нравственно-этическая парадигма с присущими ей проблемами различения подлинного и поддельного, понимания самого смысла существования человека в качестве личности и неповторимой индивидуальности.

Разлад между инструментальным и смысловым аспектами в подходе к феномену личности является знаком серьезного кризиса, который возник во взаимоотношениях между различными отраслями гуманитарного знания. Вследствие чего недооценивается многосторонность феномена индивидуальной неповторимости личности как одной из главнейших детерминант ее становления, формирования, самоопределения, самореализации и самоутверждения. В психологии обнаруживается недооценка смысловой духовно-нравственной составляющей рассматриваемой проблемы, а в рамках философско-этического подхода — социально-психологических возможностей ее практического решения.

Осознание необходимости смены научных парадигм стимулирует все большее внимание

исследователей к феномену духовно-психического потенциала личности, к его социально-психологическим аспектам. Это доминирующая тенденция современного развития уникальной духовной и творческой индивидуальности человека, которая сопровождается актуализацией внимания к психологии переживания личностью своего жизненного пути (К. А. Абульханова-Славская) и к психологии экзистенциального человеческого бытия в целом (Л. И. Анциферова). Заслуживает внимания и предложенная итальянским психологом А. Менегетти «онтопсихологическая концепция», в которой предпринята попытка объяснить распространившееся на Западе увлечение различными эзотерическими концепциями личности кризисом всех современных форм культуры и классических эталонов прошлых эпох.

Глобальная тенденция упрощения, снижения планки многих духовно-нравственных и эстетических ценностей и идеалов нашла отражение в философии постмодернизма и в повседневной социальной практике поведенческого беспредела. Рассмотренные выше тенденции и проблемы, связанные с попытками разработки современных подходов к феномену уникальности личности, позволяют по-новому подойти к вопросу о месте и роли этих явлений в духовно-психической жизнедеятельности российской интеллигенции. Актуализация обозначенных проблем позволяет увидеть перспективу развития новых решений на путях реализации скрытых ресурсов духовно-психического потенциала российской интеллигенции. В свою очередь, развертывание и обогащение данного потенциала является существенной предпосылкой становления гражданского общества, что требует достаточно мощного социально-психологического обеспечения по всем обозначенным выше направлениям применительно как к личности, так и психическому состоянию всего социума.

А. В. СОКОЛОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор педагогических наук

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Интеллигенция как предмет научного исследования существует в трех ипостасях, а термин «интеллигенция» имеет три различных значения, смешение которых является причиной бесплодных и бесконечных споров. Под интеллигенцией понимается:

- 1) исключительно русский феномен в лице субкультурной группы, образовавшейся в пореформенной России второй половины XIX века;
- 2) международный социально-экономический и культурный феномен в виде професси-

ональных и непрофессиональных групп, занятых высококвалифицированным умственным трудом и образующих в совокупности просвещенную (образованную, эрудированную) часть гражданского общества;

3) общечеловеческий феномен, состоящий в одухотворении и интеллектуализации человечества в процессе культурно-исторической эволюции. Здесь интеллигенция предстает в виде надличностного социального интеллекта как олицетворения человеческой духовности.

Интеллигенция в первом смысле есть предмет истории России Нового времени, отечественной социологии и культурологии. Понимание интеллигенции как интеллектуально развитого социального слоя (внеклассового и внесловного), возникшего в ходе экономического и культурного прогресса, делает ее предметом общей истории отдельных стран, общей социологии, культурологии и макроэкономики. Одухотворение человечества — вечный предмет идеалистической философии, где под интеллигенцией понимается «сила мысли», «разумный дух». В наше время интеллектуализация личности и общества стала предметом антропологии, исторической психологии и психологии интеллекта, в некоторой степени — философии культуры и историософии.

Между названными тремя феноменами существует определенная общность и преемственность, что может послужить основой для формирования комплексной междисциплинарной науки. Предметом подобной науки должно стать изучение интеллигенции во всех ее ипостасях. На эту роль претендует *интеллигентоведение*, концепция которого активно

разрабатывается в последние годы в Ивановском государственном университете. К сожалению, интеллигентоведы сплошь и рядом смешивают три значения слова «интеллигенция»: одни говорят о национальных интеллектуальных ресурсах, о коллективном или всемирном Разуме, другие — о культурно-просветительной деятельности земств, третьи — о подпольщиках-революционерах.

В рамках интеллигентоведения необходимо выделить три относительно самостоятельных раздела: микроинтеллигентоведение, мезоинтеллигентоведение, макроинтеллигентоведение. Разумеется, необходим еще общетеоретический и методологический раздел, выполняющий научно-интеграционную функцию. Количественные меры характеризуют области научной компетенции:

— *микроинтеллигентоведение* не выходит за рамки субкультурных интеллигентских групп, бытовавших в России (от народовольцев до советских диссидентов-правозащитников);

— *мезоинтеллигентоведение* оперирует масштабами социально-культурной истории отдельных стран, например, России, Франции, Китая и т. д.;

— *макроинтеллигентоведение* отличается глобальным кругозором: от зарождения человеческого интеллекта до искусственного интеллекта информационной цивилизации.

Во временном измерении микрохронологический масштаб составляют десятилетия, мезомасштаб — столетия, макромасштаб — тысячелетия. Именно подобный многоуровневый и многомерный подход представляется подходящим для разгадки тайны русской интеллигенции.

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

О ДУХОВНОЙ И ПСИХИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ЛИЧНОСТИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

В постановке проблемы интеллигентности нельзя не отметить некоторой абстрактности. Что такое интеллигент? Что такое интеллигентность? К ответам на эти вопросы можно подходить с самых разных точек зрения: социологической, психологической, исторической, социокультурной. Можно доказывать, что интеллигентность есть всеобщее свойство человека, связанное с нравственностью, духовностью, возвышенностью личности. Можно, наоборот, изображать интеллигенцию как российское социально-историческое явление, имеющее свои конкрет-

ные черты и особенности, достоинства и недостатки.

Перспективным представляется анализ самого феномена интеллигентности и, в частности, тех характеристик личности, которые часто сочетаются с интеллигентностью, составляют ее основу. Если оставить в стороне общеизвестные факторы, возникают достаточно необычные дополнения, которые вовсе не обязательно носят «положительный» характер. Попытаемся увидеть «обратную сторону» интеллигентской психики, не настаивая на ее незаменимости.

Интеллигентская природа человека не ограничивается внешними проявлениями, набором неких формальных определений. Интеллигентность — внутреннее качество. Либо оно есть, либо его нет. Интеллигентская психика бывает связана с повышенной чувствительностью, восприимчивостью, тонкостью. Например, Антон Чехов, убежденный в несомненной одаренности своего четырехлетнего племянника (гениального русского актера Михаила Чехова), отмечал его «нервность и интеллигентность».

Чуткость к нравственности поступков, острое чувство вины (черты, как правило, присущие интеллигенту) не может не граничить с тонкостью, трепетностью, даже болезненностью. Психика такого рода склонна не столько к прагматичности и деловитости, сколько к пониманию жизни как переживания. Сочувствие, соболезнование, «печалование о других» (Н. Бердяев) связаны с чрезвычайной восприимчивостью, ранимостью, «болящей душой», открытостью миру. Все эти свойства амбивалентны, но без них невозможно искреннее равнодушие к окружающему. Трудно представить себе жизнь Марины Цветаевой, непонятно, как можно существовать с такой душой, когда внутри все болит, а снаружи все задевает и ранит.

Конечно, глубина и яркость переживания напрямую связаны с типом индивидуальности. Болезненными страхами, депрессивными состояниями была наполнена душевная жизнь великого русского актера Михаила Чехова. Невозможно отрицать, что степень его перевоплощения, мощь художественного выражения напрямую зависела от этих свойств его личности. Ибо само перевоплощение предполагает гибкость, подвижность, способность к разноликости, а значит, и способность к сопричастности, к реальному пониманию другого человека и вживанию в него.

Психика — это своеобразная «прокладка» между человеком и миром, способ «встраивания» себя в окружающую реальность. Такое встраивание оказывается тем динамичнее и гибче, чем тоньше очерчивает контуры самой жизни. Иными словами, чем богаче, тоньше и разнообразнее психическая жизнь, чем больше наполнена она оттенками и полутонами, тем больше она склонна к болезненности.

Конечно, степень патологичности имеет границы, за которыми наступает разрушение индивидуальности. Показательный пример — немецкий философ Фридрих Ницше, сначала достигший величайших духовных прозрений, а потом погрузившийся в пучину безумия.

С такой тонкой, ранимой, склонной к тяжелым переживаниям психикой трудно, порой невыносимо жить. Но весь вопрос в том,

что мы понимаем под жизнью — череду поступков, дел, событий или душевно-духовное существование. Художнику ближе последний вариант. В этом плане характерно такое культурно-историческое явление, как романтизм, который культивирует переживание, эстетическое созерцание. Для романтической психики жить означает переживать, т. е. постигать, вбирать, впитывать все оттенки, запахи и краски бытия, во всех состояниях «быть у себя дома».

Великий датский мыслитель Серен Кьеркегор пребывал «в страхе и трепете». Только особенности его личности позволили ему воочию увидеть экзистенциальные аспекты реальности, лицом к лицу встретиться с Ничто. Только тот, кто по-настоящему владеет опытом переживания Страха, способен передать его понимание другим. Кьеркегору удалось показать сложность и противоречивость человека. Изображение интеллигента идиллическими красками не затрагивает реальной проблематичности человеческого существования. Первостепенную роль для поэтического самочувствия Блока также играли особенности его индивидуальности, унаследованные от родителей депрессии, мистические состояния, черные провалы настроений. Сила блоковской поэзии, мощь его художественных прозрений, ощущение жизни как бездонной и бесконечной тайны, постижение загадки женщины — разве все это не оттуда?

Интеллигентскому сознанию присущи именно те черты, которыми В. И. Ленин характеризовал «либеральную», «мелкобуржуазную» интеллигенцию: противоречивость и неустойчивость сознания, скептицизм и колебания, чередование гуманистических, прогрессистских и примиренчески консервативных настроений, переплетение демократичности и элитарности и т. д.

В самом деле, сомнения и колебания проистекают от сложности и противоречивости жизни. Далеко не всегда ясно, какую позицию следует занять, решение неизменно принимается при заведомо неполной информации, и зачастую совсем не очевидно, надо ли действовать вообще. Перефразируя известную поговорку «семь раз отмерь, один раз отрежь», можно сказать, что интеллигент склонен семьдесят семь раз отмерить, но так ни разу и не отрезать. Ибо жизнь включает в себя две основные формы существования — действие и созерцание. Гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» может и вовсе не иметь ответа.

Проблема творчества, безусловно, связана с психологией интеллигентности. Следует всерьез задуматься над общеизвестным фактом, что многие выдающиеся и даже гениальные деятели культуры (прежде всего

художники) были душевнобольными или полубольными людьми. Среди них можно назвать В. Ван Гога, М. Врубеля, Э. Мунка, Н. Гоголя, Ш. Бодлера, М. Пруста, А. Белого. Выходящая за пределы нормы болезненная психика нередко становится основой для творчества или сопутствующим условием для него. Именно творец лучше всего знаком со сложностью, противоречивостью и катастрофичностью внутренней жизни.

Как бы ни страдало односторонностью и «перекосами» учение З. Фрейда, он прав в одном: творчество совершается в глубинных слоях человеческой личности, оно вступает в

сложные отношения с особенностями психики, с механизмами влечений и торможений, оно реально взаимодействует с патологическими склонностями. Творчество помогает «уходить» от болезненности, от невроза. Но болезненность также «помогает» творчеству, что прекрасно показал Р. Б. Хайкин¹. Психическое расстройство способно в определенной мере снимать блокировки и зажимы. Но ведь и творческий процесс только тогда продуктивен, когда он свободно протекает по собственным неизведанным законам, когда он совершается в пространстве внутренне укрепленного сознания.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ,

заведующий кафедрой философии СПбГУП, профессор

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГУМАНИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

Словосочетание «гражданское общество» у всех на слуху, но едва ли многие вкладывают в него какой-то отчетливый смысл. Понятие это имеет долгую историю, уже в середине XIX века оно стало научным термином, но лишь в конце XX века начало активно входить в обиход теории и публицистики. Есть индивидуальные и коллективные монографии, написаны десятки статей, уточняются формулы и дефиниции, которыми пестрят существующие работы («дирижистские социальные системы», «патерналистское общество», «субсидиарное государство» и пр.), тем не менее, отсутствует простое и ясное (пусть и оставляющее за скобками какие-то тонкости) понимание объективной необходимости гражданского общества в нашей стране.

Теоретики спорят: возможно или невозможно гражданское общество в России, соотносится ли оно с традициями русской культуры, или оно типично только для западного образа жизни? В Москве и Петербурге состоялись три грандиозных гражданских форума, дня не проходит, чтобы где-то не появилась статья на эту тему. Уже эта активная деятельность подтверждает наличие в России гражданского общества. Его просто не может не быть, но оно не может быть и никаким другим, кроме такого, какое возможно сейчас в нашей стране. Статистика говорит о многообразии институтов гражданского общества: у нас функционируют десятки партий, тысячи общественных объединений, десятки тысяч церковных приходов, мечетей, монастырей, сотни тысяч клубов и др.

С институтами все в порядке. Сложнее с гражданским сознанием. Конечно, зрелое гражданское общество нельзя создать по жела-

нию. Это объективный процесс, ход которого невозможно изменить законодательным актом. Ведь само право и политическая регуляция вторичны по отношению к культуре, морали, устойчивым традициям общества. Однако следует выявить и акцентировать аспект проблемы, оставшийся на периферии обсуждения. Гражданское общество не только формирует граждан, но и само **порождается ими**. Мы с трудом преодолеваем жесткую детерминистскую схему зависимости духовной жизни от материальных процессов.

Гражданское общество — это прежде всего его граждане, их духовный мир, система ценностей, идей, смыслов, которыми они руководствуются в своих отношениях друг к другу и к обществу в целом.

Если одним из важнейших признаков гражданского общества является способность людей к самоорганизации в позитивных целях, то гражданина характеризует не только совокупность объективных связей и отношений, но и его самосознание, внутренний мир, включая самые сокровенные смыслы. Соотнесенность этих начал — достойный и необходимый предмет комплексного исследования в общественности и организационный принцип в практической жизни.

Ограничусь одним аспектом проблемы, по моему глубокому убеждению, важнейшим: формирование гражданского общества и система образования. Образование всегда понималось как двунаправленный процесс — на человека и на профессию. Соотношение этих сторон весьма подвижно: в разных

¹ Хайкин Р. Б. Художественное творчество глазами врача. СПб., 1992.

социокультурных ситуациях доминирует та или другая направленность. Но с середины XX века активно развивающаяся философия образования, пожалуй, впервые с такой отчетливостью и убедительностью подходит к толкованию педагогической деятельности в контексте **смыслов человеческого бытия**. Образование понимается как базовый процесс в культуре: человек складывается под воздействием семьи, людей, окружающего мира, культуры, но только система образования позволяет целенаправленно **формировать человека как субъекта истории** в самом широком и точном смысле слова. И в подготовке специалистов для той или иной конкретной деятельности формирование профессиональных навыков должно быть неотделимо от смыслового толкования самой профессии. Ведь как бы ни была специфична та или иная деятельность, она обладает смыслом лишь в контексте человеческого существования в мире. В любой деятельности, в конечном счете, реализуется не только профессиональное задание, но и определенная жизненная стратегия, в основе которой любовь, долг, достоинство, мужество, совесть.

Стране угрожают нарастающие тенденции дезинтеграции и узкой специализации в разных сферах деятельности, мало ориентированных на реалии человеческой жизни. Утрата чувства целого, несоотнесенность личной жизни человека с жизнью других людей — малопривлекательная атмосфера для формирования гражданина.

Образование, направленное на потребности профессии, а не на человека, все более склоняется к прагматическому обучению профессионалов-функционеров, а не граждан (в этом смысле культуроцентристская концепция Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, декларирующая конечной целью образования формирование российского интеллигента, по-своему уникальна).

Выпускник экономического факультета МГУ в радиointerview формулирует отличие нового поколения экономистов от предшествующих исчерпывающе просто. «Оно в отчетливом понимании того, что совесть — не экономическое понятие». В самом деле не экономическое. Известный политик либерального толка Борис Немцов летом 2002 г. на радио «Эхо Москвы» провозглашает: «Экономика не бывает справедливой и несправедливой. Она бывает эффективной и неэффективной». Тоже верно. Но верно только в контексте понимания частной жизни, где экономика не только часть, но и функция целого. Для современного Запада понятие «моральный капитал» столь же органично, как «капитал финансовый». Там целая сеть организаций занята проблемами

экономической этики, отнюдь не сводимой к тому, что один предприниматель не должен обманывать другого. Мораль воспитывается, сознательно формируется. В конце концов, сама этика не только наука о нравственной жизни, но и своеобразное воплощение духа нации и каждого отдельного гражданина.

Министр труда и социального развития проф. А. Починков в интервью не только полагает главной задачи времени необходимость «воспитывать рыночную породу людей», но и иронизирует по поводу иной породы: «...У нас романтиков пруд пруди. Они очень симпатичные, я их всей душой жалею, но к рыночной жизни они не готовы» («Московские новости», № 5, 5–11 февраля 2002 г., с. 19).

Недавно я беседовал с молодой женщиной, у которой несколько лет назад был оппонентом на прекрасной защите философской диссертации. Сейчас она учится на экономическом факультете по специальности «Аудит и бухгалтерский учет». Знаю талантливого историка-византолога, кандидата наук, работающего на компьютерном наборе в типографии, социолога, после обсуждения докторской диссертации ушедшего в бизнес. Рыночное поведение — не романтическое. Говорю об этом без всякого упрека. Но страшно думать, что это и есть модель жизни человека в рыночном обществе, которое хочет быть гражданским. Это катастрофическая модель, «социальный рак».

Вот строки, написанные незадолго до смерти прекрасным поэтом, благородным совестливым человеком Владимиром Соколовым:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

В таком состоянии интеллигенция России выполняет свой долг: учит, лечит, исследует... Нет сегодня более мужественного и граждански ориентированного (без всяких рассуждений о гражданской ответственности и гражданском обществе) социального слоя, нежели интеллигенция. Тоже, наверное, романтики. Ведь учитель или врач, севшие в киоск торговать газетами и журналами, заработают минимум на порядок больше, чем в школе и больнице. Именно эти люди — надежда на духовное возрождение страны.

Духовная опустошенность жизни («атмосфера ноющей бессмыслицы» — кн. Е. Трубецкой) стала нашей главной болью, переживаемой гораздо тяжелее, чем экономические трудности. Мы не знаем, какое общество строим, какое место занимает в нем человек. Рынок как цель — абсурд. Бездуховность возникает от утраты чувства ценностей, но бездуховность — не просто отсутствие духа, а его извращение.

Бесчеловечный экономикоцентристский подход к реформам со всей очевидностью обнаруживает свою несостоятельность. До поры до времени казалось, что наши беды — это трудности переходного периода, следствие естественных реформенных ошибок. Но все отчетливее начинаешь видеть осуществление определенной идеологии, направляющей общество по соответствующему пути развития.

Чем дольше мы будем жить с наивной идеей, что рынок сам сформирует гражданское общество и обеспечит благополучие граждан, тем страшнее будут последствия этой посылки для судьбы нашей страны. Кажется, американские, английские, немецкие философы и политологи не только поняли это раньше наших, но ссылаются на социальные процессы в современной России, как пример губительности и разрушительности подобной идеи для гражданского демократического развития общества.

Наше общество нуждается в духовном обновлении, в утверждении права каждого человека на достойную жизнь. Гуманитарное образование (а в строгом смысле слова любое образование есть гуманитарная проблема) — едва ли не единственный путь постепенного оздоровления нравственного сознания страны. Гуманитаризация человека в культуре (и культурой) — насущная проблема современности. И это именно проблема, ибо сама гуманитарная сфера нуждается в гуманитаризации: искусство, философия, религия, образование часто не только не служат гуманистическим целям, но и декларируют поистине разрушительные идеи. Вот суть обсуждения вопросов гуманитарного образования в журнале «Неприкосновенный запас»: это образование служило прежде приобщению человека к группе интеллигенции, функции которой (оцените иронию!) сводились к тому, «чтобы быть русской интеллигенцией, а, следовательно, сеять разумное, доброе, вечное». Ныне ценность этой группы поставлена под сомнение. Обществу нужны не интеллигенты, а интеллектуалы, имеющие дело не с придуманным виртуальным «ин-

теллигентоцентричным миром» (метатекстом), а с внешней реальностью, по отношению к которой они выступают экспертами — специалистами, с помощью полезных знаний и умений вписывающими человека в Социум» (Десять гуманитариев в поисках университета: «Круглый стол» по проблемам гуманитарного образования, состоявшийся 29 июля 1998 года // Неприкосновенный запас. 1998. № 2. С. 21–27).

Думаю, что виртуальным миром скорее является Социум, регулируемый полезными знаниями и умениями и отказавшийся от ценностей Добра. Это мир «черной» фантастики, в котором функционируют киборги. Человек в таком мире жить не может.

Дискуссии об образовании все более обнаруживают характер нравственного и гражданского противостояния. Очень трудно разговаривать на эту тему в стиле строгих логических построений и научных дефиниций. Образование должно формировать не эксперта, а самоценную личность, реализующую себя в той или иной профессии, полнокровно живущую в мире, переживающую свою ответственность за близких, страну, планету. Может быть, тогда придет и новое поколение политиков — не только с учеными степенями и хорошим знанием иностранных языков, но с иным духовным и душевным миром, мыслящих не служебно-инструментально, а в контексте ценностей и смыслов человеческой жизни и культуры. В условиях рынка только романтик может исследовать метрику в поэзии Горация или писать монографию о квартетах Гайдна. Министр, обеспечивающий социальное развитие страны, либо должен быть уверен, что подобные занятия совершенно бесполезны, либо работать на такой тип развития России, когда эти люди, не владеющие нефтяными компаниями и не производящие пиво, не будут чувствовать себя маргиналами и попрошайками.

Тогда «гражданское общество» не будет восприниматься как политическая рекламная акция, а станет неременным условием достойной жизни граждан России.

С. С. КОМИССАРЕНКО,

декан заочного факультета СПбГУП, кандидат педагогических наук

ДУХОВНАЯ ЭЛИТА: ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ

Термин «элита» прочно вошел как в научный оборот исследователей, занимающихся проблемами социологии, истории, педагогики, культурологии, так и в повседневный оби-

ход. Сегодня в нашем обществе действуют разнообразные макроэлиты — политическая, экономическая, научная, техническая, культурная. Все они, в свою очередь, делятся на

микроэлиты — инженерную, информационную, компьютерную, духовную и т. д.

Интерес к элитам связан с острой социальной потребностью поиска в обществе референтных групп, во-первых, имеющих качественные отличия от остальных членов социума, а во-вторых, способных выступать субъектом самоидентификации. Такие группы наделяются в общественном сознании чертами избранности и исключительности, обособленности и недостижимости.

Действуя в социальном пространстве, элиты выполняют определенное предназначение, суть которого заключается «в силе влияния на других и на ход общественных событий»¹. В теории элит П. А. Сорокина критерием отнесения человека к их составу выступает степень или ранг влияния данного лица на поведение других людей, а благодаря этому и на ход социальных процессов. Оценочная функция содержания человеческой деятельности не имеет решающего значения: «безнравственна или нравственна, полезна или вредна, красива или безобразна, справедлива или несправедлива, плоха или хороша эта деятельность с точки зрения различных людей»². П. А. Сорокин пишет об элитах вообще, не касаясь их различий, однако элиты имеют широкий спектр классификаций и сильно различаются между собой. Так, отличием духовных элит от элиты политической, экономической или профессиональной является первичность нравственных начал. Духовная элита определяется в первую очередь тем, что она «ищет новые нравственные идеалы, пути воспроизводства большого общества, новые более совершенные, достойные средства единения людей, более высокие цели»³.

Состав духовной элиты как культурно-статусной группы любого общества, определяется содержанием духовных интересов людей не по вертикальной стратификационной шкале, а по горизонтальной линии социальных позиций. Неизменно представляя собой меньшинство, духовная элита менее всего одержима внешними успехами и стремлением выделиться, привлекая к себе общественное внимание. Ее удел заключается в непрерывной, почти невидимой для общества, но всегда продуктивной интеллектуальной деятельности. Работая изо дня в день, ее представители, как правило, не получают признания у современников. Лучшие люди

России уходили из жизни непонятыми, а иногда и преднамеренно не замеченными. Но в дни всенародных бедствий, социальных конфликтов и кризисов духовная элита оставалась единственным ориентиром в обществе и его последней надеждой. Она всегда выступала критерием нравственности и правды, по которому общество сверяло температуру своего душевного здоровья. Слово, произнесенное человеком элиты, всегда оказывалось значимым, а мнение востребованным. Таковым было слово Д. С. Лихачева; таковым является слово А. И. Солженицына.

Уникальной способностью влиять на других людей обладали личности яркие, энергетически сильные, наделенные качествами настоящих подвижников русской мысли. Их отличие от остальных состояло в духовном авторитете, одинаково признававшемся всеми членами общества. Духовный авторитет заключался не только в сумме определенных личностных свойств, но и в способности видеть и находить достоинства у других, ценить интересы и мнения тех, кто находится рядом. Это уважение к личности другого, умение сострадать и остро воспринимать чужую беду всегда было характерно для отечественной духовной элиты.

В России ядро духовной элиты традиционно составляли писатели. Заслуга русской литературы заключалась в том, что она содействовала выведению личности писателя за пределы профессиональной принадлежности. Русские писатели выдвинули новые критерии понимания ценности человека, которые включали в себя оценку нравственных установок и моральных принципов, умения оригинально и независимо мыслить, а также формулировать вопросы и находить неординарные ответы на проблемы современной действительности. В литературной среде талант, нравственное здоровье и оригинальность мышления ценились выше, чем имущественный ценз и происхождение. Литературная среда, аккумулируя вокруг себя талантливых и самобытных людей своего времени, во многом способствовала формированию духовной элиты. Писатели, критики, публицисты составляли ее основной костяк и воздействовали на данный процесс выдвигаемыми критериями, которые становились во главу угла при оценке человеческой личности. В русском обществе XIX века представления о дельном литераторе связывались с понятием «высоконравственное лицо», а занятие литературой требовало от человека «чистых рук» и «возвышенного характера»⁴.

¹ Сорокин П. А. Система социологии. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Т. 2. М.: Наука, 1997. С. 447.

² Там же.

³ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России. От прошлого к будущему). Т. 1. Новосибирск, 1991. С. 190.

⁴ Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 // Литературные воспоминания. М., 1989. С. 317.

Начиная со второй половины XVIII столетия отечественная литература была неразрывно связана с процессом формирования русской мысли. И хотя литературу этого времени еще нельзя назвать «свободным выражением идей», в ее недрах уже пробивались новые ростки, способствующие зарождению того самостоятельного значения, которое впоследствии выполняло «роль первостепенного агента культуры»¹. Русские писатели «не могли оставаться в пределах литературы, они переходили эти пределы, они искали преобразования жизни. И у них являлось сомнение в оправданности культуры, в оправданности собственного творчества»².

Духовная элита не может появиться сама по себе, но всегда является искусственным образованием. «Взращивание» элиты — процесс сложный, кропотливый и многолетний. Исторически сложилось так, что в России центрами по формированию элиты становились учебные заведения, где создавались условия для самосовершенствования и самовыражения личности. Среди учебных заведений именно университеты являлись теми заповедными «питомниками», из которых выходили лучшие представители российской духовной элиты.

Московский университет по праву может быть назван одним из первых учебных заведений, где в 30–40-е годы XIX века сформировалась целая плеяда замечательных людей. В это время московский университет становится не только центром образования, но и средоточием интеллектуальной жизни России. В русском обществе это было явлением новым и необычным как по масштабу деятельности, так и по ее влиянию на состояние умов. В России учебные заведения никогда не обладали таким социальным воздействием, тем более не проявляли его столь энергично и решительно, как это делал университет в Москве.

После разгрома декабрьского восстания Петербург замер в своем духовном движении. В нем уже не зарождались новые общественные идеи, не проявлялось «брожение» умственной жизни. В сущности, петербургское существование стало отголоском напряженной духовной московской жизни, которая сосредоточилась в стенах московского университета. Причины, обусловившие возвышение университета, Герцен видел в следующем. Впервые, после 1812 года значение университета выросло вместе с Москвой, которая стала «столицей русского народа». Во-вторых, его

географическое положение позволило стекаться в него молодежи со всех губерний и уездов России. В-третьих, в Москве не было царя. Что касается существа преподавания и низкого уровня научной и профессиональной подготовки преподавателей, то Герцен писал: «Профессура составляла два стана, или два слоя, мирно ненавидевших друг друга: один состоял исключительно из немцев, другой — из не немцев. Немцы отличались незнанием и нежеланием знать русский язык, хладнокровием к студентам, духом западного клиентизма, ремесленничества... Не немцы, со своей стороны, не знали не одного (живого) языка, кроме русского, были отечественно раболепны, семинарски неуклюжи, держались, за исключением Мерзлякова, в черном теле и вместо неумеренного употребления сигар употребляли неумеренно настойку. Немцы были больше из Геттингена, не немцы — из поповских детей»³.

В 1833 году с назначением С. С. Уварова министром просвещения изменилась концепция подхода к высшему образованию в России. Суть перемены заключалась в замене профессуры из «немцев» на новую, русскую профессуру. С этой целью министерство значительно увеличило число выпускников, посылаемых за границу «усовершенствоваться в науках». В своих воспоминаниях о московском университете Б. Н. Чичерин особо выделил в реформе обновления московского университета роль его попечителя графа С. Г. Строганова. В частности он писал: «При нем университет весь обновился свежими силами. Все старое, запоздалое, рутинное устранялось. Главное внимание просвещенного попечителя было устремлено на то, чтобы кафедры были замещены людьми с знанием и талантом. Он отыскивал их всюду, и в Москве, и в Петербурге, куда он ездил с целью приобрести для университета подававших надежды молодых людей. Он послал Тимофея Грановского за границу, а Евгения Корша перевел библиотекарем в Москву. При нем вернулись из Германии посланные уже прежде П. Редкин, Н. Крылов, Д. Крюков, А. Чивилев, Ф. Иноземцев, а затем постепенно вступили на кафедры К. Кавелин, П. Кудрявцев, Ф. Буслаев, М. Катков. Из-за границы молодые люди возвращались в Россию, воодушевленные любовью к науке, полные сил и надежд»⁴. Проходя стажировку, молодые ученые знакомились с течениями немецкой философской мысли, формировали мировоззренческие

¹ Анненков П. В. Указ. соч.

² Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М., 1997. С. 70.

³ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1987. С. 101.

⁴ Чичерин Б. Н. Воспоминания. // Русские мемуары. Избранные страницы (1826–1856). М., 1990. С. 189.

позиции, вырабатывали систему глубоких знаний. В результате в московском университете сформировалась целая когорта молодых, талантливых профессоров, способных удовлетворить духовные потребности нового поколения российского студенчества.

Одним из ярких представителей московского студенчества 30-х годов был Н. В. Станкевич. В нем воплотились качества и черты истинного представителя духовно-интеллектуальной элиты. Натура чистая и светлая, глубокая и искренняя, талантливая и обаятельная, он воплощал в себе все лучшие качества, присущие его поколению. Станкевич был лишен какого бы то ни было фрондерства и позы, избегал красивых слов и пустых фраз. Ему была присуща глубина мысли, изящность вкуса, чуткость и доброта.

Поступив в 1830 году на словесное отделение, Николай Станкевич объединил вокруг себя пытливых и одаренных университетских юношей. Среди них были Я. М. Неверов, О. М. Бодянский, С. М. Строев, Б. П. Боткин, В. Г. Белинский, М. А. Бакунин и многие другие. Станкевич стал центром притяжения, энергетической силой, своевременно объединившей их в общину мыслителей. Для студентов круга Станкевича было характерно единое понимание бытия, одинаковое стремление к самопознанию. Они увлекались эстетикой Шеллинга, философией духа Гегеля, поэзией Гете, драматургией Шекспира, творчеством Бетховена и Шиллера. Его духовный авторитет, одинаково признаваемый всеми студентами московского университета, не довлел над ними, не затмевал индивидуального проявления каждого. Он создавал в студенческой среде атмосферу взаимного уважения и понимания.

Велико было влияние Н. В. Станкевича на Т. Н. Грановского, с которым он познакомился в 1834 году. После их первой встречи Грановский стал его ревностным почитателем. Станкевич также высоко ценил ум историка, его всестороннюю образованность и ду-

шевность во взаимоотношениях. Грановский и Станкевич были близки друг другу не только благодаря научным интересам, стремлению к познанию и самосовершенствованию, но и личными качествами. Они относились к одному типу человеческой личности, для которой характерна «живучая совестливость». Разница между ними состояла лишь в том, что Станкевич не успел реализовать в жизни свой огромный духовный потенциал, тогда как Грановский проявил свои недюжинные способности в неутомимой деятельности в стенах московского университета. Благодаря ему университет стал центром общественной жизни Москвы в 40-е годы. Цикл публичных лекций по средневековой истории Англии и Франции, который он начал читать с 23 ноября 1843 года, стал настоящим культурным и социальным событием московского общества. Заслуга Грановского состояла в том, что он вывел университетскую жизнь за стены аудиторий. На его лекции съезжалась вся «образованная» Москва того времени.

Жизнь московского университета не сводилась лишь к образовательной деятельности, а имела истинно просветительскую миссию. Опыт московского университета, в котором формировалась российская духовная элита, составляет замечательное наследие для новых поколений университетов. Предназначением университета по существу должно быть создание условий, позволяющих не столько осваивать и копировать знания, заполнять свою память информацией и потреблять готовые истины, сколько формировать духовные начала в молодых людях. Воспитание души требует больших затрат как со стороны студента, так и со стороны университета. И сегодня только университеты остались теми единственными заповедными местами в нашем обществе, где слова «духовность» и «нравственность» не звучат фальшиво и наигранно. Это оставляет надежду на то, что новое поколение духовной элиты возродится и сохранится.

Е. С. ПРОТАНСКАЯ,

заведующая кафедрой педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ — КАТЕГОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Как отметил М. Л. Гаспаров, «понятие «интеллигентность» любопытным образом старше понятия «интеллигенция». В XVIII веке его синонимом была «светскость», в средние века — «вежество», в древности *humanitas*, причем определялась эта *humanitas* на первый взгляд наивно, а по сути очень глубоко:

во-первых, это разум, а во-вторых, умение держать себя в обществе»¹.

¹ Гаспаров М. Л. Русская интеллигенция как отводок европейской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология: Материалы международной конференции. Неаполь. Май 1997. Москва-Венеция, 1999. С. 25.

В настоящее время частичным синонимом этого понятия становится профессионализм, поскольку уважительное отношение к специалистам в глазах общества ассоциируется с образованностью в своем деле, а также с приемлемым для общества поведением. Сочетание свидетельства о полученных знаниях (квалификации, лицензии, сертификата) и соблюдения моральных норм ассоциируются и с профессионализмом, и с интеллигентностью. Поэтому интеллигентность может и должна рассматриваться в контексте становления профессиональной этики.

Исторически понятие профессионализма тяготеет к обеим составляющим представления об интеллигентности. Само слово «профессия» латинского происхождения и образовано от *profiteor* — «объявляю своим делом», что близко по смыслу к «долгу перед богами». Длительный период это слово употреблялось исключительно по отношению к жрецам и священникам. Русский язык сохраняет слово «дело» как синоним справедливости или правильности в значении «говорить дело». Только Реформация (протестантизм) впервые объединила всякий труд в понимании, что и «верующие миряне должны относиться к делу с теми же этическими нормами и энергией, ... что и к служению Богу»¹. «Мирская аскеза» рассматривалась как долг каждого гражданина, как признак воспитанности. В России православная религия не претерпела реформирования, подобно католицизму, поэтому значение высших форм нравственной жизни традиционно придавалось не мирской, а религиозной аскезе — молитвенному созерцанию и бескорыстию. Образцом воспитанности признавался сначала высокообразованный, но непрактичный дворянин, а впоследствии интеллигент (человек «мыслящий»), происходивший из разных чинов, выучившийся и даже получивший дворянское звание. В постпетровский период «служилому люду» было отказано в праве собственности на недвижимость. Это обусловило недоступность многих профессий, предпринимательства, торговли для образованных людей. Практичность и деловитость не вписывались в идеал интеллигентности. Интеллигенция вынуждена была ограничиться сугубо умственными, духовными занятиями — быть учителями, врачами, священниками, писателями, художниками, музыкантами.

Начиная с Петра I, служение Отечеству приобретает новый смысл². «Государственное»

у Петра перестает быть антитезой религиозному, поскольку на него переносятся нравственные ценности, взращенные в лоне христианской религии. Жертвенное служение Отечеству провозглашается религиозно-нравственным призванием человека и, по существу, представляет собой вариант мирской аскезы протестантизма.

Именно с реформами Петра I в Россию приходит понимание ценности образованности и умения держать себя в обществе. Царь был озабочен развитием образования, учреждением Академии наук, устройством Ассамблей. Для воплощения замысла создать новую, ориентированную на европейские ценности столицу России, были приглашены тысячи европейцев — французов, немцев, голландцев, итальянцев. В значительной степени реформы Петра I способствовали появлению российской интеллигенции. Но нельзя не признать, что происходило это параллельно со становлением ценностей профессионализма.

Интеллигенцию часто отождествляют с оппозицией власти, особенно в России. Идеалы российских интеллигентов, их устремления и ценности обуславливались идеями и опытом Великой французской революции, теориями французских просветителей, народничеством с его «теорией малых дел». Они соперничали тяжелому положению народа, участвовали в борьбе с произволом, терпели лишения, ссылки и тюрьмы во имя улучшения исторических судеб Отчизны. Интеллигенты унаследовали от рыцарей, дворян-декабристов бесстрашие перед произволом властей, питавшее как отвращение к террористам, революционеров-подпольщиков, так и мужество диссидентов в советские времена. М. С. Каган полагает, что интеллигентность как особое качество «сформировалась в Петербурге и получила здесь свое идеальное выражение», поскольку «определялась не эгоистическим интересом, а обретавшимся в душевной борьбе представлением о соответствии пути служения народным интересам идеалу добра и справедливости»³. Согласно мнению Д. С. Лихачева, интеллигенты — это «люди мягкие и ответственные за свои поступки, что иногда принимается за нерешительность». Отмечается отсутствие в истинных интеллигентах агрессивности и подозрительности, повышенная восприимчивость в самовоспитании внешней и внутренней культуры, интерес к искусству, деликатность, принципиальность, отсутствие национализма, потребность к постоянному осмыслению жизни.

¹ Психология и этика делового общения. М.: ЮНИТИ, 2000. С. 233.

² Акиндинова Т. А. Проблема традиции в современном русском искусстве // Художественная культура на рубеже веков: состояние, противоречия, перспективы. СПб., 2000. С. 14.

³ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996. С. 299, 301, 302.

Интеллигентность выражалась в заботе о культурном развитии народа и страны, отождествлялась с самостоятельностью позиций и чувством собственного достоинства и патриотизмом, но не с предприимчивостью. К концу XVIII века «любая инициатива, в том числе предпринимательская, зачастую признавалась властью чужеродной на русской почве»¹. Интеллигентность как широкая осведомленность и глубина внутреннего мира, как утонченность вкусов и манер, как высота духовных запросов часто противопоставлялась торгашеству и меркантилизму купечества, заботе о жизненных удобствах и телесных удовольствиях, культивируемых в мещанском сословии. Поэтому интеллигентность подчас отождествлялась с обличительством, бескомпромиссностью. Если джентльмен в случае несогласия с собеседником предпочитает промолчать или уклониться от спора, то интеллигент видит в говорении правды едва ли не свою миссию и готов выдержать и гнев, и разрыв отношений с оппонентом ради истины. Однако подобными чертами обладала, как правило, революционная интеллигенция, которую составляли недоучившиеся студенты, члены террористических кружков, богемная молодежь. В среде инженеров, врачей, ученых, напротив, ценились внешний лоск, светскость, чистоплотность в прямом и переносном смысле.

На рубеже XIX–XX веков в складывающихся деловых отношениях осознается умение находить компромиссы, сохранять уважение к партнерам по бизнесу и коллегам, быть сдержанным, четким, корректным. То есть предполагается овладение теми чертами светскости, которые легко давались дворянам домашним воспитанием. Отличительные черты истинного интеллигента — прямота, честность, бескорыстный подвижнический труд. Бескорытность выражается не в отказе от вознаграждения, а в энтузиазме и высоком качестве работы, которое трудно оценить в денежном соотношении. Подобно английским джентльменам, интеллигенты одержимы стремлением к творческому обновлению в своей профессиональной деятельности.

Традиции предпринимательства в России связываются с именами людей, тяготевших к ценностям интеллигентности. Подобное отношение к делу и подчиненным было присуще С. Ю. Витте, по образованию инженеру, а впоследствии министру путей сообщения и финансов, Председателю кабинета министров царской России, инициатору винной монополии и строительства Сибирской железной

дороги, составителю основных положений столыпинской аграрной реформы, автору Манифеста 17 октября 1905 года. Человек творческий по натуре, он был чрезвычайно трудолюбив, подвижен, энергичен, немало времени проводил в разъездах, контактах на местах. В одной из поездок Витте, будучи уже министром, не погнушался за руку поздороваться со знакомым мастером, чьи руки были в мазуте, подтвердив перед чиновным окружением верность прежнему товариществу.

Историки предпринимательства в России отмечали, что оно имело свои особенности именно в этическом плане. Это, во-первых, отсутствие культа богатых людей, к которым скорее было «не то что неприязненное, а малодоброжелательное отношение». Кроме того, люди «всегда интересовались происхождением богатства, недаром Найденов говорил, что Москва ни ростовщиков, ни откупщиков не любит». Культивировались добросовестность и честность. Один из известнейших московских промышленников С. И. Четвериков имел репутацию «кристально честного промышленного и общественного деятеля в старой Москве». Он «разыскивал путем публикаций в газете кредиторов своего отца, который более тридцати лет назад (!) вынужден был заключить с ними сделку, не имея возможности полностью с ними рассчитаться, и всем, кого смог найти, заплатил»². В купеческих кругах ценились солидарность, верность «купеческому слову». Следствием приверженности православной соборности было широкое распространение артельных форм работы. В деятельности, требующей надежности и связанной с риском, артели (касси́ров, биржевых маклеров, исполнителей денежных поручений, хранителей товарных складов) гарантировали помощь в сложных ситуациях, поддерживали своих членов, ручались за них перед клиентами.

Интеллигентность в современной профессиональной этике понимается как продуманность, интеллектуальная оснащенность для всякой работы, демократичность и доброжелательность в общении, отсутствие гордыни и недопустимость пренебрежения интересами потребителей, партнеров, клиентов.

Интеллигентность — скорее образ жизни, чем профессия. Однако в профессиях гуманитарных, наукоемких этот образ жизни адекватен профессионализму и объединяет людей, принадлежащих к разным культурам, народам, конфессиям, но объединенных общим этосом. Греческое «ethos» означает нрав, ха-

¹ Полтаев Ю. А. История и философия отечественного предпринимательства. С. 172.

² Кузьмичев А. Д., Шапкин И. Н. Отечественное предпринимательство. Очерки истории. М., 1995. С. 152, 154.

ракти, обычай, образ жизни, закон. Сегодня все явственнее складывается этос профессиональных групп, их мораль.

В Новое время профессионализм стал совершенно неотделим от интеллигентности. Он получил статус морального принципа и сформировался как основной принцип деловой этики. Под профессионализмом понимается следующее:

— высокое качество производимого продукта, услуг, профессиональных достижений;

— уважение и доверие другим профессионалам (профессионал во всем стремится иметь дело с профессионалами, а не дилетантами);

— стремление во всем (даже за пределами профессии) к почти профессиональной основательности;

— энергичность, творчество, стремление к новому, постоянное повышение квалификации, осведомленность о всех новейших достижениях в своем деле;

— понимание работы как долга, призвания, «служения» (делу, людям, Родине);

— уважение коллег, сотрудничество и взаимопомощь в рамках профессионального цеха;

— трудолюбие в сочетании со «здоровым» образом жизни, умением отдыхать, восстанавливаться (так, в деловом мире многих западных стран не только не принято работать в выходные дни, но считается почти неприличным проводить их не на природе);

— честная конкуренция с другими профессионалами («Хочешь больше зарабатывать — лучше работай!»).

Профессионализм как нравственное достоинство человека, умеющего хорошо делать свое дело, означает также и нежелание вести разговоры на профессиональные темы на досуге или с незнакомыми людьми. Нарушение этого неписаного правила воспринимается как невоспитанность, бестактность, ведь и пословица гласит: «Делу — время». Названное правило является условием сохранения профессиональной тайны, в той или иной мере присутствующей в каждой специальности. Для настоящих профессионалов болтать о работе в гостях или за чаем не интеллигентно.

Профессионализм в особенности востребован сегодня в предпринимательстве, где, по мнению некоторых, людям бывает не до этики. Ведь предпринимательство предполагает конкуренцию. Но именно умение состязаться отличает истинных интеллигентов. Мировой опыт деловых отношений держится на убеждениях людей, сумевших понять и сформулировать нравственные основы конкурентной борьбы. Так, председатель правления автомобильных заводов «Фольксваген» Д. Гедевер,

автор книги «Будущее зовет», полагает, что экономическое развитие должно соответствовать нормам демократии (достижение интеллигенции!) и отвечать нравственным требованиям:

— «наивысшая производительность и прибыль не должны достигаться за счет разрушения окружающей среды;

— конкуренция должна осуществляться по честным правилам;

— разумные формы участия служащих в делах предприятия не только увеличивают желание трудиться лучше, но и развивают чувство ответственности;

— экономика в отличие от религии ориентирована не на нравственное регулирование, а на распределение материальных благ, однако она везде, где это диктуется общественными интересами, должна подчиняться действующим моральным нормам¹.

Уважение партнеров требует специальных умений в деловом общении. Это пунктуальность и бережное отношение к чужому достоинству, навык кратко и ясно излагать свои идеи, владение этикетом письменного общения, забота о собственном имидже (внешнем виде, производимом впечатлении), имидже своей фирмы. Словечко «профи» — это знак высшего класса. В индустриальном и постиндустриальном обществе развитие техники, СМИ, углубление процесса разделения труда и утверждение профессионализма в качестве требования ко всякому работнику наряду с расширением информационного пространства приводит к усложнению многих традиционных профессий, появлению новых, но ни одна из них не отменяет ценностей интеллигентности.

Традиции оказались востребованы и в недавно принятом кодексе, в основу которого положено сочетание ценностей демократического (гражданского) общества. Это личная ответственность, профессиональная компетентность, гражданская позиция, экологическое мышление, толерантность к другим народам и культурам. Соблюдение кодекса требует смелости и твердости в отстаивании приоритета «честного бизнеса» перед всеми другими позициями. В нем отчетливо видно стремление к интеллигентности в рассмотренном ракурсе — это понимание предпринимательства как компетентной деятельности, учитывающей интересы всего общества, т. е. «умения вести себя в нем». Кодекс содержит простые и ясные формулировки, понятные любому деловому человеку. Пропаганда заложенных в нем нравственных истин сама по себе могла бы способствовать возрождению

¹ Известия. 1991. 20 июня.

предпринимательства и отечественной культуры в целом.

**РОССИЙСКИЙ КОДЕКС
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЭТИКИ**
(Двенадцать принципов ведения дел
в России, 1998 г.)

Введение и общие положения

Предпринимательство, основанное на частной собственности и личном интересе, — неотъемлемая и важнейшая часть современной экономики. Предприниматели — фермент общества. Благодаря их предприимчивости, энергии, творчеству и изобретательности, одержимости, увлеченности своим делом, и, как следствие этого, росту благосостояния, растет и благосостояние общества. Далеко не каждый может стать настоящим предпринимателем, поскольку для этого требуется редкое сочетание многих качеств и способностей. Значение предпринимательства определяет его права и ответственность в обществе. Никакое законодательство, никакие контракты не в силах предусмотреть возможные повороты жизни. Очень часто предприниматель должен принимать решение, исходя из того, что подсказывает здравый смысл и совесть. Без опоры на совесть, моральные принципы и ценности он обрекает себя на личный крах, экономику — на гибель, а общество — на разруху. В современном, взаимосвязанном и взаимозависимом мире, где все более прозрачными становятся границы между государствами, эти принципы становятся мерилем репутации в международном сообществе, по ним «и встречают, и провожают».

Стремясь возродить и приумножить былую славу российского предпринимательства в России и мире, желая оставить в памяти будущих поколений благородный образ российского предпринимательства эпохи его постсоветского возрождения, мы призываем российских предпринимателей к утверждению следующих принципов ведения дел.

Принципы личности

1. Прибыль важнее всего, но честь дороже прибыли.
2. Уважение к другим участникам дела — основа отношений с ними и самоуважения. Оно дается выполнением принятых деловых обязательств.
3. Воздерживайся от насилия или угрозы применения насилия как способов достижения деловых целей.

Принципы профессионала

1. Всегда веди дело сообразно средствам.
2. Оправдывай доверие, в нем — основа предпринимательства и ключ к успеху.
3. Стремись завоевать репутацию честного, компетентного и порядочного партнера.
4. Будь таким, каким ты хочешь видеть своего лучшего партнера.
5. Конкурируй достойно. Не доводи деловые разногласия до суда. Самый надежный партнер — тот, который тоже выигрывает от сделки.

Принципы гражданина России

1. Соблюдай действующие законы и подчиняйся законной власти.
2. Для законного влияния на власть и законотворчество объединяйся с единомышленниками на основе этих принципов.
3. Твори добро для людей, а не ради корысти и тщеславия. Не труби о своих добрых делах.

Принципы гражданина Земли

1. При создании и ведении дела как минимум не наноси ущерба природе.
2. Найди в себе силы противостоять преступности и коррупции. Способствуй тому, чтобы они стали невыгодными кому бы то ни было в стране и во всем мире.
3. Проявляй терпимость к представителям других культур, верований и стран. Они — не хуже и не лучше нас, они — просто другие.

(«Торгово-промышленные ведомости»,
15 мая 1999)

А. М. ШЕГЛОВ,

проректор Института психологии и сексологии, доктор медицинских наук

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНОТИП РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

С момента появления слова «интеллигенция» в 60-х годах XIX века (с легкой руки писателя П. Д. Боборыкина) не утихают споры по поводу того, кого считать интеллигентом. В словаре Брокгауза и Эфрона такого понятия просто не существует. В «Современном словаре иностранных слов» термин «интеллигенция» объясняется как «общественный

слой людей, профессионально занимающихся умственным (преимущественно сложным творческим) трудом, развитием и распространением культуры»¹. В обыденном сознании интеллигент — это человек, безусловно, об-

¹ Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 240.

разованный и воспитанный, поддерживающий приоритет моральных ценностей и нравственных идеалов. Однако общественное сознание включает в представление об интеллигенции и ряд мифологем.

Миф первый. Интеллигентов много, приблизительно столько, сколько людей с дипломом о высшем образовании. Здесь уместно вспомнить термин «образованщина», изобретенный А. И. Солженицыным. Начиналось создание российской интеллигенции с горстки людей, не вписывающихся ни в одно из сословий. И сегодня тоже неуместно говорить о массовости.

Миф второй. Интеллигентность — это высшая степень развития, набор безусловных достоинств. К сожалению, интеллигенции присущи и отрицательные качества: излишняя рефлексивность и «рассуждательство» при неумении действовать и т. п.

Миф третий. В годы Советской власти интеллигенция существовала подневольно и оппозиционно. Однако немалая часть советской интеллигенции не только оправдывала большевистскую идеологию, но и обслужи-

вала структуры власти, будучи привилегированным слоем общества, получающим гонорары, дачи, фонды, санатории и т. п.

Именно сегодня, когда остались в прошлом и Россия XIX века и Советская Россия, кристаллизуется (безусловно, в далеко не лучших условиях) определенный психосоциальный тип российского интеллигента. Прежде всего, это умение осознать себя как личность, вечная попытка выделить «Я» из «Мы», следуя формуле Протагора «Человек есть мера всех вещей». Во-вторых, интеллигентность предусматривает наличие определенных этических принципов и строгое следование им, независимо от внешних обстоятельств. В-третьих, необходима истинная демократичность как свойство личности. Тоталитаризм, агрессивность, радикализм несовместимы с интеллигентностью. И наконец, интеллигент склонен к самоиронии и иронии как реакции на официоз (Кьеркегор). Ему имманентно присущи самоотчуждение от бытовой рутины и обыденного эгоизма, способность к критическому мышлению.

А. В. КВАКИН,

профессор кафедры истории Российского государства МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТА

За последние два десятилетия в общественном и индивидуальном сознании произошли существенные изменения. Радикально изменились официальная идеология, профессиональные исторические знания и индивидуальное взгляды большинства отечественных историков. Все это позволило многим ученым и в нашей стране, и за рубежом говорить о том, что в сфере исторических знаний произошла трансформация тоталитарного общества в гражданское. Мне кажется, что подобные утверждения преждевременны.

Прежде всего, надо отметить лишь внешнюю мимикрию в официальной идеологии. По-прежнему существует серьезное огосударствление общественных отношений, что непременно ведет к свертыванию нарождавшейся демократии, установлению нового тоталитаризма. Практически те же идеологические функционеры или их достойная смена упорно и последовательно проводят сменяющие друг друга официальные идеологические постулаты: «развитый социализм», «совершенствование социализма», «ускорение социально-экономического развития», «демократизация и гласность», «новая демократическая Россия», «национальная идея России», «укрепление

вертикали власти». Эта череда официальных идеологических кампаний обращается к исторической традиции, требует от историков «новых подходов». Поиски «прекрасного мира» редуцируются в рационально-прагматическое устремление к «миру лучшему» (по сравнению с нашим) или в апокалиптическое ожидание «мира, который выживет» (в отличие от нашего). Подобные изыскания активно ведутся и в истории зарубежных стран, и в прошлом нашего Отечества.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в официальных идеологических кампаниях упор делался на «возвращение России в ряды цивилизованных стран» за счет утверждения в нашей стране «общечеловеческих ценностей». В массовом сознании насаждалась мысль о том, что много десятилетий (а порой говорилось и о нескольких столетиях) Россия шла «не туда», а теперь пришла пора «вернуться», наконец, в лоно мировой цивилизации и приобщиться к общечеловеческим ценностям, под которыми, как правило, понимаются ценности западного образа жизни.

Если поиски «идеальной России» ведутся в ее историческом прошлом, то они отличаются крайней политизированностью сегодняшнего

дня и непоследовательностью с научной точки зрения. Хронотоп России, то есть представление об историческом пути страны, ее прошлом и будущем, постоянно трансформируется. Воображение «поставляет» в сознание россиян манихейские «черно-белые» картины мира, по формуле «что было — что есть — что будет». При этом ретроспективная и актуальная «картины» обычно в зависимости от «точки отсчета» окрашены в черные цвета, а прогностическая — освещена солнцем счастливого будущего. Надо только найти врага и уничтожить. Чаще всего в список врагов попадают инородцы, иноверцы (в выступлениях Президента России В. В. Путина в связи с 60-летней годовщиной начала Великой Отечественной войны 22 июня 2001 года эти термины, не употреблявшиеся с 1917 года, восстановлены в своей официальной значимости), демократы, коммунисты, американцы, евреи, масоны, западники, славянофилы и т. д.

Сегодня в России совершается деформация сознания, деформация образа мира и деформация смыслового универсума личности. Происходит разрушение социальной реальности, реальности повседневной жизни, и возникает явление «реификации» — когда реальность, созданная личностью, отвергает эту личность. Все это вершится на фоне массивированного идеологического диктата над «демократическими» средствами массовой информации, по-прежнему остающимися проводниками официальной идеологии.

Если в конце 1980-х годов историки были популярны в обществе как заполнители «белых пятен» истории, то уже с середины 1990-х годов они воспринимались как «идеологические хамелеоны», готовые служить любому режиму. В конце 1980-х годов были отменены государственные экзамены в школах у дезориентированных выпускников. Этот акт трактовался как один из моментов гражданского общества: нет единого учебника по истории, нет единой программы для школ, нет единых выпускных экзаменов. В действительности это привело к резкому падению интереса школьников к историческим знаниям, что особенно заметно в высших учебных заведениях, где вступительные экзамены по-прежнему проходят по немного подправленным программам, но произошло резкое сокращение учебных часов на историю.

Известный современный отечественный философ М. К. Мамардашвили с тревогой свидетельствовал уже в конце 1980-х годов: «Молодые люди лишены чувства исторической традиции и ответственности еще и потому, что у них нет даже возможности выбора, решения. Поскольку выбор-то (в смысле: «жизнь моя, а вместе с ней и весь мир здесь решается») делается всегда в лоне предшествующих образцов-поступков, — а никто вокруг

или до тебя никак не поступал». По мнению М. К. Мамардашвили, способность совершить конкретный поступок как нечто «невозможное» (прежде никто так не поступал) формируется только на основании диалога с другими людьми, которые уже совершили свое «невозможное». Речь идет о «диалогах» с людьми разных исторических эпох, а сегодня такой диалог для старшеклассников практически невозможен, ибо прежние герои советского и досоветского периодов, в том числе герои борьбы с фашизмом, сняты с пьедесталов, а новые еще не определены.

Особую опасность представляют заблуждения массового сознания по поводу роли государства в истории. Так, из сообщений средств массовой информации студенты узнали о том, что германская разведка привезла Ленина и большевиков в Россию в «запломбированном вагоне», а те совершили революцию, погубившую Российскую империю. При таком отношении к истории не остается места ни «большевизации Советов», ни «триумфальному шествию Советской власти», даже элементарному объяснению того, почему многомиллионная страна отвергла парламентский либерализм Временного правительства и восприняла большевистский вариант «диктатуры пролетариата».

Приведем другой часто встречающийся образчик массового исторического сознания: «Сталин погубил десятки миллионов наших граждан, но только благодаря ему страна победила в войне с гитлеризмом». Получается, что массы уподобляются отаре овец, которых «надо резать или стричь», ибо руководитель страны всегда знает необходимый процент выбраковки, как и тайные тропы, ведущие к альпийским лугам с сочными жителельными травами. Это снимает ответственность за принятие любого решения с каждого конкретного человека.

Не случайно в последнее десятилетие в отечественном обществоведческом лексиконе появился термин «манкуртизация», заимствованный из романа Чингиза Айтматова. Данный термин употребляется при освещении определяющей роли Коммунистической партии в формировании мировоззрения интеллигенции. Сама постановка вопроса о «манкуртизации» подразумевает пассивную роль интеллигенции, которая готова безропотно подчиниться любому решению. Наверное, для многих обществоведов, в том числе и относящих себя к «истинной интеллигенции», подобная интерпретация исторических событий кажется единственно верной. В данной схеме важна не только негативная роль враждебной интеллигенции коммунистической власти, но и навязанная интеллигенции безвыходная позиция. В такой трактовке у интеллигенции не

было выбора, чем и воспользовались «узурпаторы-большевики».

Применение термина «манкуртизация» в обществоведческой литературе сегодня во многом служит цели оправдать собственное современное поведение через историческую аналогию. Данный термин должен снять ответственность с конкретного человека за совершенные поступки и возложить вину на некую чуждую интеллигенции силу — государство. Это особенно важно в условиях «демократических» изменений в стране, где каждый пятый гражданин был членом КПСС, а каждый десятый сотрудничал со всесильным КГБ. Сегодня они смело могут стать воинствующими «демократами» и призывать к физическому истреблению коммунистов, ибо вчера их «манкуртизировали». Скорее всего, за красивым термином скрывается личный интерес, который надеются внедрить через историческое знание. Подобная деформация исторической памяти опасна для будущего страны.

К сожалению, сегодня средства массовой информации внедряют очень странное представление о нашем недавнем прошлом. Если верить теле- и радиопередачам, газетным и журнальным статьям, то получается, что в 1960—1980-е годы горстка коммунистов-бюрократов подавляла 250 миллионов советских граждан, которые оставались либералами и демократами или, как теперь принято говорить, «внутренними эмигрантами». Так, мои одноклассники и однокурсники уже говорят, что они все поголовно были антисоветчиками и антикоммунистами. Наверное, в отличие от них я просто жил в другой стране.

Сегодня некоторые известные обществоведы-публицисты говорят о соглашении правящей и духовной элит в конце 1980-х годов, в результате чего распался СССР, и стало возможно «демократическое развитие» нашего государства. Я против подобной трактовки, ибо мы имеем дело с очередным заблуждением массового сознания. Основное заблуждение массового сознания исходит из того, что государство — это всемогущая сила, которая лепит общество в соответствии с прихотями аморальных и алчных правителей. Оно может все, если, разумеется, захочет, а при-

сущая ему негативная сторона не делает власть полностью бессильной. Этой древней сказке трудно найти подтверждение хотя бы на каком-нибудь ограниченном этапе истории. Лишь по прошествии определенного времени следовала морально-нравственная «подгонка» собственной позиции к тому или иному этапу истории государства.

Достаточно вспомнить, например, как представители духовной элиты создавали шедевры вроде «Есть два солнца на нашей Земле: одно — на небе, другое — в Кремле». Когда же одно из солнц закатилось, они написали искренние строки: «Мы так Вам верили, товарищ Сталин», приближающиеся по своей патетической силе к пушкинским «Я Вас любил так искренно, так нежно, как дай Вам Бог любимой быть другим». Речь идет не об отдаленном прошлом и не об ушедших исторических персонажах, что было бы не так страшно. Настораживает наблюдающийся в реальности заметный дрейф вчерашних адептов демократических и либеральных идей в сторону державности и «укрепления вертикали власти».

С. С. Аверинцев на одной из международных конференций рассказал, как его недавно напугала демонстрация юнцов в Вене, шедших с криками «Ein, zwei, drei — Palestina frei!» Не знаю, почему в благополучной и умиротворенной Вене молодежь озабочена судьбой далёкой Палестины, но меня больше пугают отечественные «идущие вместе». И дело здесь не в бесплатных раздачах пейзажей и футболок с портретом любимого Президента. Заблуждение массового сознания по поводу роли государства в истории, поддержанное СМИ и некоторыми публицистами-обществоведами, не оставляет шанса «убить в себе Дракона». Порой даже у седовласых интеллектуалов заметно и желание утнаться за проходящей колонной, и учащенное сердцебиение в страхе опоздать к раздаче далеко не простых футболок.

Где же российская интеллигенция, и с кем она? Какие уроки она извлекла из истории XX века? Или происходит очередной период ее «манкуртизации»? Эти полемические и политические вопросы требуют честного ответа от каждого.

З. Я. КОРОГОДСКИЙ,

заведующий кафедрой режиссуры и актерского мастерства СПбГУП,
профессор, Народный артист России

ВОСПИТАНИЕ ПРОФЕССИЕЙ

Выбор профессии многое определяет во всей жизни человека. Работа, труд вбирает в себя суть и смысл жизни, оценку прожитого, наполненного чувствами радости, горя, поражения и тревогами поиска.

Выбор профессии — ответственнейший шаг в жизни каждого из нас. Но сложность в решении этой жизненно важной задачи в том, что сама задача — со многими неизвестными. Первое неизвестное: каждая профессия

предъявляет свои требования: шофер, например, должен различать цвета (нельзя быть дальтоником), иметь быструю реакцию и т. д.; педагогу необходимы такие качества, как чуткость, наблюдательность, выдержка и многое другое.

Профессия потребует определенных навыков, а овладеть ими без соответствующих качеств характера бывает подчас сложно либо вовсе невозможно.

Нельзя полагаться только на желание быть кем-то, надо еще осознать, можешь ли ты овладеть той профессией, которую хочешь избрать. Утверждения «все могут все», «не боги горшки обжигают» уязвимы.

Второе неизвестное: сама трудовая деятельность. Юноши и девушки, оканчивающие школу, имеют весьма расплывчатые представления собственно о работе. Часто приходится слышать даже от молодых специалистов: «я не думал, что надо будет делать это», «я к этому не готов», «это делать я не должен» и т. д. Даже получив специальное образование, человек не готов к труду, к работе по выбранной им профессии.

Третье неизвестное: незнание самого себя, своих способностей и возможностей, склонностей и стремлений.

Выбор профессии без учета того, что человек хочет, может и того, что сегодня требуется, приводит к серьезным конфликтам из-за несоответствия между возможностями и притязаниями.

Возможности человека велики и даже неограниченны, если им руководит «одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть». Велико счастье человека, который способен так жить. И как безжалостна бывает жизнь к людям, не познавшим этого воодушевления. Вот тогда необоснованность их претензий и требований глубоко ранит их самих и доставляет много неприятностей окружающим.

Известно, что третья часть сознательной жизни проходит в труде. Как же важно не ошибиться, выбирая профессию, ведь проверить «ответ» в решении этой задачи можно только через годы. А позднее осознание ошибки подчас делает жизнь неудавшейся.

При наборе в театральный класс было подано более 700 заявлений, а принято 25 человек. Почти две трети абитуриентов отсеивались на консультациях и после первого тура. Многие на вопрос «Почему вы идете в театр?» отвечают не напрямую, но скрытый смысл ясен — «хочу быть знаменитым». Эти «любители славы» ничего не знают о профессии артиста, о труде столь тяжком и не

всегда благодарном, о непрерывной, изнуряющей работе, поиске, ошибках, неудачах. «Сначала шипы, а потом розы» — это не фраза, а правда о труде вообще, и артиста в частности.

Несомненно, интерес к работе возникает в процессе самой работы, но моральная, физическая и психологическая готовность к трудностям, стремление их преодолеть, не бояться ошибки, связана с сознательностью выбора профессии, т. е. со знанием самого себя, своих наклонностей и требований самой профессии. Уверен, что нет легкой работы, а есть легкомысленное отношение к ней.

Воспитание через профессию опирается на осознанность выбора, и чем выше нравственные мотивы выбора, тем результативнее и плодотворнее овладение профессией.

Мне кажется, что на примере актерского труда, как бы специфичен он ни был, можно увидеть общие тенденции в воспитании через профессию в любом направлении деятельности.

Конечно, все люди разные — энергичные, общительные или замкнутые, волевые или инертные и т. д., но отношение к труду, отношения людей между собой в трудовом процессе являются всеобщими. Эти отношения — начало и фундамент в формировании этических норм. Убежден, что нельзя по-настоящему научить делу, не воспитав нравственного отношения к нему.

К. С. Станиславский говорил, что только тот человек может быть в искусстве, который не требует от него, а отдает себя ему целиком — «любите искусство в себе, а не себя в искусстве».

Нередко мы становимся очевидцами того, как хорошие природные задатки, способности не развиваются, гложут из-за сомнительных целей выбора профессии — престижа, моды, выгоды: подняться по служебной лестнице, заработать больше или попробовать на авось — «чем черт не шутит». Возможно, что каждый из этих или подобных мотивов и не выглядел бы безнравственно (дело житейское), если бы они не были главными, основными. Без высоты задач в труде утрачивается смысл жизни, смысл серьезного овладения профессией, будь ты инженер, учитель, токарь. Уровень профессионального сознания человека важнее и выше профессионального умения. Именно сознание создает и творит мастера.

Трудно поверить, что человек, живущий по принципу «своя рубашка ближе к телу» или «и без меня обойдутся», может овладеть настоящим мастерством.

В профессии нами руководят чувства ответственности и понимания значения порученного дела, будь то выполнение уникального заказа или изготовление обойных гвоздей. Небрежное отношение к незначительной по масштабам работе снижает класс профессионального умения и, главное, формирует обывательское отношение к труду, отчего снижается уровень самосознания и личной ответственности в профессии.

В искусстве это выражается с наибольшей полнотой, потому что только нравственная ответственность, причастность ко всему, что происходит в мире, дают творцу моральное право на высказывание. Сегодня актер интересен зрителю не только тем, как действует на сцене, а прежде всего тем, как он мыслит, что воодушевляет его на творчество, чем он живет.

Как говорил великий мыслитель-гуманист Альберт Швейцер, «Необходимо сделать свою жизнь своим аргументом», и далее: «Я должен защищать то, во что я верю, в терминах жизни, которой я живу, и работы, которую я выполняю. Я должен попытаться, чтобы моя жизнь и работа говорили о том, во что я верю».

Эти слова могут быть девизом любой профессии, а в актерском деле они выражают самую ее суть.

Уже в годы учебы закладываются основы не только профессионального умения, но прежде всего профессионального сознания — духовное содержание профессии. И очень важно, чтобы умение было пропитано живым, современным, опережающим сознанием.

Жизнь, наполненная и переполненная воодушевляющим трудом, по-настоящему полноценна. В напряженных, критических ситуациях самоотверженность выражается ярче и острее — наступает звездный час. Но как в буднях сохранить ту меру требовательности к себе, которая защитит нас от цинизма — «знаем, видели, бывало», от равнодушия — «что, мне больше всех надо?», от лени — «работа не волк...»

В труде человек производит не только материальные ценности, но и творит самого себя. Поэтому в поисках репертуара, на котором воспитываются студенты и уже профессиональные актеры, мы останавливаемся на таком материале, который давал бы духовную пищу не только зрителю, но и актеру, обогащал его гражданский опыт. Труд освещает и просвечивает человека. Как бы ни был одарен артист, но если он нравственно незрел или циничен, он не может стать истинным сотворцом спектакля, соучастником коллективного театрального действия.

Как научные открытия — плод коллективного труда, так и произведение театрального искусства, как правило, — результат коллективного творчества. Найти себя в коллективе, не потерять индивидуальности, а выразить ее с максимальной полнотой — одна из важнейших задач воспитания в профессии.

Артист должен получить профессию вместе с моральным правом обращаться к тысячному залу зрителей. Оно завоевывается в работе и только работой, как бы трудна или неблагоприятна она ни была.

Любое время, а то, в котором мы живем — особенно, диктует и требует определенных качеств личности. На мой взгляд, сегодня, как никогда прежде, важно воспитание творческой самостоятельности, инициативы, профессиональной активности, т. е. выживаемости.

При современном социальном и моральном климате, рыночных страстях, напряжении новых отношений, ритме жизни и темпах развития, нельзя позволить себе завтра работать так же, как вчера. Надо развивать в себе способность искать и рисковать. Осознанные ошибки закаляют и учат. Создание условий для выявления и выражения инициативы является одним из путей воспитания профессией.

Из всех проблем воспитания профессией наименее трудная — умение жить в профессии. Как-то выпускница одного из институтов в разговоре сказала: «Делу меня научили, а как жить — не научили». Я подумал об актерской профессии: «Можно ли сочетать умение делать искусство с умением жить в искусстве?» Считаю, что, не научившись жить в искусстве, беззаветно любить профессию, уважать тех, с кем ею связан, нельзя научиться его делать.

Если врач, инженер, портной, сапожник, токарь не будут самозабвенно любить дело — они останутся на уровне ремесленников. Недаром говорят про любого мастера: «Он артист своего дела», т. е. человек, способный привнести в труд искру творчества, одухотворить его. Профессия тем и отличается от увлечения, хобби, что она требует от человека затраты всех сил, безраздельного служения ей. Возможности творческого роста в профессии прямо пропорциональны духовному росту личности, требуют широты интересов, социальной активности.

Воспитание в профессии — это непрерывный процесс, так как нет и не может быть предела в развитии личности и овладении секретами мастерства.

Н. Ю. БАЛОШИНА,

директор департамента НИР СПбГУП, кандидат исторических наук

**СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ *)**

Размышления о появлении и становлении научного сословия в России на рубеже XVII и XVIII веков, а также в первой половине XVIII века, в период перехода в новый век и в новое тысячелетие звучат очень актуально, тем более, что совсем недавно научная общественность России отмечала 275-летний юбилей Академии наук, а еще ранее была свидетелем бурной и противоречивой дискуссии о дате основания Петербургского университета. Все это наводит на мысль о том, что, как и в других научных спорных проблемах, многое, если не все начинается с определений. В данном случае речь идет об определениях «наука» и «научные работники» применительно к России конца XVII — первой половины XVIII вв. [1].

Строго говоря, понятия «наука» как такового в России начала XVIII в. еще не было, а точнее — оно было очень размытым. Достаточно посмотреть переписку государственных деятелей петровской эпохи относительно вопроса создания Академии наук, чтобы понять, что слова «наука», «образование», «просвещение» считались синонимами [2]. Так писал и сам Петр I, также употребляют эти слова, и самые образованные российские люди той эпохи — Феофан Прокопович, Стефан Яворский и другие [3]. Отсюда понятно, что для них, строго говоря, наука — это прежде всего способы и методы получения знаний и информации по той или иной дисциплине, с последующим применением этих самых знаний и информации. Естественно, что под этими терминами понимался также и сам процесс накопления и получения этих знаний и информации, но то, ради чего это делалось, ставилось однозначно на первое место. Это и не удивительно — петровская эпоха характеризуется прежде всего преобладанием практического отношения ко всему, что тогда делалось и появлялось. Но отсюда сложилось противоречивое отношение (в смысле терминологии) к тем, кто наукой в то время занимался. Исходя из размытости определений в начале XVIII в. получалось, что к ученым того времени можно было причислить и приглашенного в Россию для работы в создававшуюся Академию наук будущего ученого с мировым именем, и преподавателя школы

при Аптекарском приказе в Москве, и просто много и разнообразно интересующегося различными областями знаний человека, каким был, например, Я. В. Брюс и другие сподвижники Петра I. И если попытаться встать на позицию начала XVIII в., то так оно и выглядит.

Исходя из приведенных выше рассуждений получается, что логично говорить о складывании в России после официального открытия Академии наук в 1726 г. определенной профессиональной прослойки, которая бы занималась наукой в различных ее проявлениях, а также об адекватном ее восприятию в обществе не представляется возможным. Гораздо правильнее, на наш взгляд, в данном вопросе употреблять термин «научное сословие», ибо в начале и в первой половине XVIII в. в России наукой, образованием и просвещением занималось действительно своеобразное сословие, состоящее из весьма разнообразных групп людей. Иное дело, что и внутри себя данное «сословие» было весьма неоднородным. С одной стороны, в него входили академики и другие сотрудники появившейся Академии наук, а также ее подразделений. Но их вхождение в данное «сословие» было довольно оригинальным явлением, ибо практически все они (до середины XVIII в. — появления в российской науке М. В. Ломоносова и его научной школы) были выходцами из Европы и практически не ассимилировались в российское образованное общество. В этом не было необходимости — Академия наук была государственным учреждением под покровительством самой императрицы, на государственном жаловании, со структурой, практически полностью заимствованной в основном из Германии и других европейских стран, с традиционным для того времени научным языком — латинским (с дополнениями в виде французского, голландского и немецкого языков) [4]. Иначе говоря — Академия наук была «государством в государстве» со всеми вытекающими отсюда последствиями — вхождением в «научное сословие» России по касательной.

С другой стороны, весьма весомый вклад в появление и становление «научного сословия» России первой половины XVIII в. внесли русские просветители из «Ученой дружины» и деятели Православной церкви, такие как Василий Никитич Татищев, Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Феофилакт Лопатинский.

*) Данная работа выполнена при поддержке гранта № КИ 711-1-01, полученном по программе МИОН-Фонд Форда.

тинский, Димитрий Ростовский и другие. Они были наследниками и продолжателями традиций российского образования, блестяще образованными по тому времени людьми, в совершенстве владевшими не только традиционными для российского просвещения гуманитарными научными дисциплинами, но и естественнонаучными, современной им философией, богословием и многими языками. Кроме того, все они без исключения были крупными для своего времени библиофилами и переводчиками, что позволило некоторым образом приблизить к образованному российскому читателю непонятные ему доселе научные труды, прежде всего на латинском языке [5]. Но данная прослойка общества была слишком малочисленна, чтобы на что-то влиять сама по себе, и поэтому хотя и по касательной, но ее деятельность необходимо сопрягать с деятельностью Академии наук и существовавших тогда учебных заведений?

В это же самое время в России уже с середины XVII в. (а в некоторых моментах — и еще ранее) существовала не совсем малочисленная (по тогдашним понятиям) прослойка людей весьма образованных и имеющих самое непосредственное отношение к образованию, просвещению, и наконец — к науке. Нет ничего удивительного в том, что подавляющее большинство из этой прослойки составляли люди духовного звания или имеющие отношение к Церкви — это вполне естественно для становления системы образования и просвещения вообще, где бы это ни происходило. Но были среди этой прослойки и иные люди — из обрусевших иностранцев, уже не первое поколение работавших в России (как Я. В. Брюс), или из светского сословия, официально занимавшие должности на государственной службе (как А. Кантемир или В. Н. Татищев). Всех их в данной ситуации объединяло одно — создание (пусть не всегда осознанное и планомерное) национальной системы образования, просвещения и в конечном счете — научной мысли. Официально все эти люди не принадлежали Академии наук или какой-либо еще научной структуре петровского и постпетровского времени, хотя иногда они преподавали в различных учебных заведениях (как Ф. Лопатинский, Ф. Прокопович или В. Н. Татищев), или готовили учебные пособия по различным предметам (как Я. В. Брюс или все тот же Ф. Прокопович). Но основным родом деятельности для данной прослойки была государственная служба — светская или церковная. Тем не менее, роль данных государственных и церковных деятелей в станов-

лении российского образования и науки была столь велика, что их с полным правом можно причислить к особому сословию — «научному сословию», которое имело свою отличительную особенность — определенную профессиональную подготовку, направленную на единую цель — утверждение в России системы формирования профессиональных специалистов в различных областях. Наличие подобного разнородного, но объединенного одной общей целью явления в российской культуре и просвещении XVIII в. позволило в дальнейшем заложить те основы, которые привели к появлению в конце XVIII в. российской научной и преподавательской школы [6]. Тем более, что предпосылки к такому течению истории в середине XVIII в. у России имелись — достаточно вспомнить Киево-Могилянскую и Славяно-Греко-Латинскую академии и те научные и преподавательские силы, которые группировались вокруг данных образовательных учреждений. Основное же отличие ситуации, создавшейся вокруг складывания системы российского образования и науки в середине XVII и XVIII веков состояло не только в том, что первый временной отрезок приходился на эпоху до, а второй — после эпохи петровских преобразований (что само собой). Основное отличие, на наш взгляд, в том, что в середине XVII в. в так называемое «ученое сословие» входили только деятели Церкви и ее учреждений, в то время как в середине XVIII в. так называемое «научное сословие» составляли уже не только деятели Церкви, но и светские просветители, а работали они фактически воедино и на одну общую цель [7].

Таким образом, мы наметили три основных направления, по которым происходило создание «научного сословия» в России в первой половине XVIII в., с тем, чтобы проследить развитие этих направлений и попытаться ответить на один из самых актуальных вопросов истории науки и образования в наше время — что ждет науку и образование в России начала XXI в. и не превратится ли данная профессиональная среда снова в «сословие», как уже было в истории российской науки и образования — и при Анне Иоанновне, и на рубеже XX века?

Литература

1. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. СПб., 1862. Т. I. С. 12–35; Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1992.
2. Памятники философской мысли Белоруссии XVII — первой половины XVIII вв. Минск, 1991. С. 3–15, 23–34.

3. *Прокопович Ф.* Философские сочинения: В 3 т. Киев, 1979–1981 (на укр. яз.); *Беляев О.* Кабинет Петра Великого: В 2 ч. СПб., 1783. Ч. 2 и др.

4. *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977; *Копелевич Ю. Х.* Создание Петербургской Академии наук // Петербургская Академия наук в истории академий мира. Материалы международной конференции к 275-летию Академии наук. В 4 т. СПб., 1999. Т. IV. С. 249–254.

5. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 267–378; *Балошина Н. Ю.* Традиции гуманитарного образования старой России // «Клио» N 1(7). 1999. С. 169–176.

6. *Феофилакт Лопатинский.* Избранные философские произведения. М., ИФ РАН, 1997.

7. *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990.

А. И. ФИЛАТОВА,
профессор кафедры литературы СПбГУП, доктор филологических наук

СЕМЬ ВЕКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ

Древнерусской литературе многим обязана литература Нового времени — эта мысль присутствовала в трудах многих ее исследователей. О значении великих традиций средневековой словесности размышляли и писатели. В разгар работы над «Пирамидой», итоговым романом русского XX века, Л. М. Леонов писал С. М. Жулкину о том, как он представляет свое место в литературной традиции. Леонову представляется, что в развитии отечественной литературы есть две линии: одна в сознании писателя представлена именами Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, другая характеризуется именами протопопа Аввакума, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Себя Леонов причислял к традиции, идущей от древнерусской литературы и Аввакума. Леонов говорит о роли творчества неистового протопопа для его собственно становления: «По своему языку, по своему эпическому темпераменту, для меня имеет большое значение «Житие протопопа Аввакума» — замечательный памятник XVII века» (В. И. Малышев. Заметки о рукописных списках «Жития протопопа Аввакума» // ТО ДРЛ. Вып. 8. М.; Л., 1951).

Изучение первых семи веков нашей отечественной литературы было делом жизни академика Д. С. Лихачева. На протяжении шестидесяти одного года он работал в Пушкинском Доме, где усилиями многих ученых воссоздавалась история начальных этапов нашего литературного развития. Поэтому, думается, бесполезно обратиться к прошлому.

В 1933 году академик А. С. Орлов, заместитель директора Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома), создал Отдел древнерусской литературы. Круг научных интересов А. С. Орлова был широким, но литературное средневековье заняло в нем, пожалуй, самое главное место. В поле пристального внимания исследователя оказались «Слово о полку Игореве», памятники XVI–XVII веков, агиографическая литература, русские воинские повести, переводная повесть в литературе Древней Руси и многое другое. Одной из последних работ

А. С. Орлова стала книга «Владимир Мономах» (изд. АН СССР. М.; Л., 1946).

В 1934–1935 гг. А. С. Орлов читал курс лекций по древней русской литературе в Ленинградском Институте истории, философии, лингвистики. Стенограммы этих лекций легли в основу его книги «Древняя русская литература XI–XII веков» (изд. АН СССР. М.; Л., 1937) — это, по сути, был один из первых учебников по древнерусской литературе.

Поэтому вполне закономерно, что председателем Отдела древнерусской литературы стал А. С. Орлов (он занимал эту должность до своей кончины в 1947 году). В Ленинграде появился крупный научный центр, объединивший исследователей древнерусской литературы, успешно формировалась ленинградская школа филологов — русистов, «древников».

В 1934 году было положено начало научному изданию «Трудов Отдела Древнерусской литературы» (ТОДРЛ); при жизни Орлова вышло четыре сборника ТОДРЛ, была завершена работа над двухтомником «Истории русской литературы», где подведены итоги изучения русской литературы XI–XVII веков. Уже в первые годы существования Отдела в нем работали крупные ученые. Среди них — член-корр. АН В. П. Адрианова-Перетц, профессор П. П. Еремин, собиратель древнерусских литературных памятников В. И. Малышев и многие другие.

В. П. Адрианова-Перетц возглавила после кончины А. С. Орлова Сектор древнерусской литературы. Первая ее работа (1917) называлась «Житие Алексея, человека божия» в древнерусской литературе и народной словесности». Проблема фольклоризма древнерусской литературы остается в поле напряженного внимания исследователя. В 1937 году выходят «Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века». Следует заметить, что В. П. Адрианова-Перетц впервые открыла и исследовала этот литературный пласт. Интересны исследования автора о «Задонщине». В. П. Адрианова-Перетц — один из основных авторов уже упоминавшейся двухтомной академической «Истории русской ли-

тературы». Кроме того, ею разработан план этого двухтомника.

Видный ученый-древник И. П. Еремин с 1937 по 1963 год, год кончины, читал в Ленинградском Университете курс древнерусской литературы. Особенностью его лекций было то, что ученый во многом опирался на результаты собственных исследований. Диапазон его научных интересов был широк (киевская летопись, Слово о Полку Игореве, Кирилл Туровский, Симеон Полоцкий). В архиве Еремина сохранилась рукопись, содержащая тексты лекций; она вышла в 1968 году в издательстве Ленинградского Университета.

Владимир Иванович Малышев вошел в историю Сектора древнерусской литературы как крупнейший собиратель рукописного и печатного наследия Древней Руси. В ТОДРЛ регулярно печатались его отчеты о командировках и экспедициях, публиковались списки найденных им и привезенных в Пушкинский Дом рукописей. Начиная с 11 выпуска (1955) в ТОДРЛ вводится специальный раздел, курируемый В. И. Малышевым, «По рукописным собраниям Советского Союза». Малышев был крупнейшим знатоком и исследователем творчества протопопа Аввакума.

В предвоенное и первое послевоенное десятилетие было сделано немало в изучении многих памятников, созданы лекционные курсы А. С. Орлова и П. П. Еремина, в которых древнерусская литература была представлена в движении, в развитии, шла активная собирательская работа.

Академик Орлов в 1945 году, оценивая состояние изучения наследия начального этапа отечественной словесности, говорил о том, что, с его точки зрения, должно стать главным на новом этапе исследовательской деятельности ученых-древников. Он писал: «Изучение древнерусской литературы не дошло еще до той стадии, когда может быть изображен во всей его полноте исторический процесс развития с разных его сторон: в свете общекультурного его значения, роли в общегосударственной жизни, наконец, с точки зрения литературы как искусства, т. е. в плане определения эстетических принципов литературного Средневековья» (ТОДРЛ, вып. 5. М.; Л., 1947, с. 3).

Эти слова А. С. Орлова стали программными для более поздних исследователей и, надо сказать, были осуществлены.

В 1954 году главой пушкинодомских древников стал Д. С. Лихачев, на этом посту он проработал 45 лет. Четыре с половиной десятилетия в жизни Отдела отмечены многими публикациями, открытиями, находками. Выросли новые поколения ярких исследователей. Велики заслуги перед отечественной

наукой академика Александра Михайловича Панченко, ученика Д. С. Лихачева и В. И. Малышева.

Важно подчеркнуть, что усилиями слаженного коллектива исследователей под руководством члена-корреспондента АН СССР, а позднее — академика Д. С. Лихачева были созданы обобщающие труды, в которых воплощена продуманная и подтвержденная тонким анализом многих и многих литературных фактов концепция становления и развития литературы XI–XVII веков.

В чем же суть того нового, что появилось в трудах Д. С. Лихачева? В чем поучительность и ценность его исследований, его открытий?

На мой взгляд, самое главное, объединяющее в единое целое его исследования, — стремление рассмотреть древнерусскую литературу как меняющуюся, развивающуюся, самобытную художественную систему. Эти представления о древнерусской литературе складывались постепенно. В 1947 году в академическом издательстве была опубликована книга Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение». Само заглавие означало, что исследователь выходит за границы традиционных исследований памятников древнерусской литературы. В предисловии к книге Лихачев писал: «Цель книги — дополнить генеалогию летописания общей историей самой работы, дать историю способов ведения летописания — всегда различных в зависимости от условий, в которых велось летописание, дать историю летописания, как историю русской исторической и политической мысли». Для исследователя русская летопись — жанр, изменяющийся и развивающийся под воздействием реальной жизни. Летопись — сложное явление, природа которого требует многоаспектного исследования. В русской летописи Лихачев увидел национально-самобытное явление широкого культурно-исторического значения.

«Слово о полку Игореве» было предметом устойчивого интереса исследователя. В 1950 году в академической серии «Литературные памятники» выходит книга «Слово о полку Игореве» под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. В ней Д. С. Лихачеву принадлежит главная часть: ученым подготовлен к печати текст «Слова», сделаны ритмический и объяснительный переводы памятника, написан историко-литературный очерк о «Слове», выполнен археографический комментарий.

Тщательно изучив два памятника, свидетельствующих о высокой литературной культуре Древней Руси, Д. С. Лихачев обращается к исследованию эстетических проблем, материалом же становится вся литература

XI–XVII веков. На этот раз предметом исследования стала проблема изображения человека. Книга названа Лихачевым «Человек в литературе Древней Руси» (первое издание — 1958 г., второе — 1970 г.). По словам самого Лихачева, его книга «не стремится раскрыть историю изображения человека, хотя и должна давать материалы для этой истории...» Принципиальным открытием Лихачева стало выделение и характеристика различных стилей, которые определяли древнюю литературу на разных стадиях ее развития.

Принципиальное значение в творческом развитии Лихачева-исследователя имеет его работа «Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков». Эта книга обобщает опыт текстологической работы, накопившийся у специалистов по древней русской литературе, главным образом сотрудников Пушкинского Дома. Эта книга имеет и теоретическое, и практическое значение.

В ранее названных исследованиях Лихачева уже были намечены подходы к его книге «Поэтика древнерусской литературы» (первое издание 1967 г.). В 1969 году за эту книгу Лихачеву была присуждена Государственная премия СССР. В новой книге Лихачева литература XI–XVII веков представлена как це-

лостная художественная система. Вся книга посвящена выявлению особенностей, своеобразия поэтики древнерусской литературы. В поле зрения автора — поэтика художественного обобщения, литературных средств, художественного времени, пространства. Эта книга значительна и интересна не только для тех, кто изучает нашу древнюю литературу, но и для очень широкого круга читателей, ибо, как утверждает исследователь, «мы понемногу начинаем осознавать, что решение многих проблем истории русской литературы ее классического периода невозможно без привлечения древней русской литературы».

Многие коллективные работы коллег Лихачева, выполненные под его руководством, расширяют представления о богатстве и высоких художественных достоинствах древнерусской литературы (энциклопедия «Слово о полку Игореве», 1995, многотомный «Словарь книжников Древней Руси» и др.).

Нельзя не согласиться со словами О. В. Творогова: «Не нужно мифов — Дмитрий Сергеевич раскрыл черты своей личности в своих работах, интервью, выступлениях» (Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева. Международные Лихачевские чтения 24–25 мая 2001 г. СПб., 2001, с. 46).

Г. А. САЩЕНКО,

директор Государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина (Александринского), Заслуженный работник культуры РФ

РУССКИЙ ЯЗЫК — НЕЗАМЕНИМОЕ ДОСТОЯНИЕ НАРОДА (Д. С. Лихачев о сохранении русского языка)

Размышляю: наша конференция интеллигенции, посвященная памяти Дмитрия Сергеевича, как и десятки, сотни других подобных собраний, где встречаются и рассуждают люди думающие, не принимает никаких решений, не выносит постановлений, обязывающих резолюций, да и вообще не имеет какого-либо административно-властного статуса. Но... каковы мы, такова и страна!

Вспоминаю: году в девяносто шестом в Александринском — Пушкинском театре решили сделать традиционным среди пушкинских дат праздник 19 октября — Лицейский день. В числе почетных гостей был и Д. С. Лихачев. Тогда, кажется, он деятельно участвовал во французской кампании по увековечению памяти Мольера. «Франция много делает по защите родного языка, имеет даже специальный институт... Хорошо, что у нас есть театры Пушкинский в Ленинграде и Малый в Москве, где русский язык остается важнейшей составляющей культуры», —

говорил Дмитрий Сергеевич. Все соглашались, что язык — это и безопасность государства, и незаменимое достояние народа, его будущее.

Память постоянно возвращает к тому вечеру. В научно-литературную часть театра время от времени попадают некоторые современные пьесы, «смело» внедряющие ненормативную лексику; не столь редки спектакли или кинофильмы, в которых звучат не просто неприличные слова, но и просто мат. Неужели создатели таких фильмов, пьес и спектаклей верят, что их опусы становятся более значимы художественно?

Убежден: театр — своеобразный духовный храм в России. Да, конечно, он не всеми будет услышан. Например, статистика недавних лет утверждала, что среди рабочих лишь два с небольшим процента ходят в театры. Но есть еще литература, образование — то хорошее, ценное, что осталось нам от советской жизни.

Кстати, о литературе. Недавно увидел по телевизору «диспут питерских писателей»,

из которого стало ясно, что некоторые литераторы ничего зазорного не видят в появлении на страницах их произведений ненормативной лексики. Есть опасность, что такое «искусство» как бы узаконивает грязный язык и стиль общественного поведения. Однажды в Одессе я услышал выражение «У него черный рот». Это было сказано о человеке, без конца перемежавшем свою речь матерщиной. Таких «черных ртов» немало на улице, на стадионах, в разных общественных местах и даже в искусстве. «Черты первобытного примитивизма воровской речи», — написал об этом явлении еще в начале тридцатых годов прошлого века Д. С. Лихачев.

Бравирование ненормативной лексикой в театре, в литературе, в быту пытаются оправдать якобы «развитием языка в нашу эпоху». В эпоху русского «Плейбоя»? Развитие от Константина Паустовского к, извините, Эдуарду Лимонову? Вот уж поистине булгаковская «разруха в умах» некоторой части граждан и некоторых «творцов»! Поддержка подобных «новаций» встречается и в работах некоторых критиков, жонглирующих зачастую разными туманными терминами. Наш видный критик Андрей Якубовский, разбирая подобные статьи о «новом» или «современном» прочтении классики, заметил: «Что такое стиль «гранж» и «культурный бэкграунд», к своему стыду, я не знаю». (Здесь можно говорить еще об одной угрозе бездумного зазорения родного языка: появились, например, фандрейзинг, блэндинг и т. п. взамен ясных понятий. Но сейчас о другом.)

Может быть, мода? Она проходит. Но, вероятно, оценка по Станиславскому ближе к сути: театр с его режиссерами, авторами, артистами «... отрекается от вечных основ подлинного творчества потому, что оно ему не дается, а взамен измышляет то, что ему по силам». Думаю, что к литературе эта мысль тоже применима.

Наверно, и отмена запретов православия, которые когда-то впитывались с первых шагов жизни, играет не последнюю роль. Это не вопрос веры, это вопрос лишь истории нашего Отечества, где православие было частью культуры в широком смысле. Десятилетия преследования православия не могли не отразиться на распространении сквернословия в нашем народе. Примитив, обеднение словарного банка, переставшее быть аморальным оскорбление матери, косноязычие и т. д. и т. п.

Сегодня смешно отрицать неблагоприятную роль части русской интеллигенции в исторических событиях Отечества за более чем сто лет. Последствия являются уроком! Одна из самых серьезных надежд на действенную и результативную защиту родного языка —

образование и просветительство. В новом веке Россия стоит перед многими вызовами. Среди них приоритетным для интеллигенции остается народное образование.

В Думе постоянно возникают вопросы, как и чему учить. Тревожны слухи, что проблема перегрузки школьников будет решаться за счет сокращения гуманитарных предметов, что на литературу, например, останется всего три часа в неделю, что «Евгений Онегин», «Ревизор» и т. д. будут изучаться факультативно. В своей работе «Без доказательств» Дмитрий Сергеевич писал: «Культура движется вперед не путем перемещения в пространстве, а путем накопления ценности». На конкретной площади культуры формируется, взращивается Личность, которая и станет потом кем-то: рабочим, ученым, фермером, инженером, летчиком и т. д. Такой интеллектуальной и обширной площадью являются образование и просветительство.

Приходится часто слышать, что рынке снижает внимание к этим проблемам, и такое положение естественно. Неверно: не отлажен пока механизм, интегрирующий в рыночных условиях имеющиеся ценности культуры, и отсюда, например, изъяны финансирования, государственной политики... Мысль Д. С. Лихачева о том, что защищая культуру, каждый защищает не только себя, но и свою страну, будет становиться, я верю, надежным жизненным фундаментом все большего числа людей. Не стоит наступать на грабли коммунистического прошлого. Удивительный и тонкий знаток языка, изучавший и его древнее прошлое, Дмитрий Сергеевич в одном из опубликованных писем написал: «Надо, чтобы Россия осталась хотя бы в памяти». Тревога ученого сегодня еще более очевидна. Борьба за культ чистоты языка, образности, глубины и красоты его, наконец, его развитие в координатах пространства культуры — задача и миссия прежде всего интеллигенции. Отрицание ненормативной лексики в языке и произведениях искусства, превращения ее в этакую обычность и даже эталон в речи никогда не станет старомодным, как никогда русская культура с ее менталитетом не станет частью западной культуры, скорее наоборот.

...Да, наша конференция не выносит никаких обязывающих резолюций и постановлений. Но такое замечательное, интеллигентное общество, в которое входят люди науки, деятели культуры и искусства, практики властных и административных структур, педагоги, журналисты дает возможность широкого обмена мнениями, возможность скорректировать личную деятельность и в своей работе наметить нужные шаги.

Р. ПРИТТС,профессор Денверского университета (штат Колорадо, США),
президент Международной организации звукоинженеров (AES);**Н. И. ДВОРКО,**заведующая кафедрой звукоорежиссуры и музыкального искусства,
кандидат технических наук, профессор

РОЛЬ ЗВУКОЗАПИСИ В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

В 1877 году в лаборатории американского изобретателя Томаса Алва Эдисона впервые прозвучала напетая в фонограф песенка «У Мэри был маленький ягненок». Это событие положило начало эре звукозаписи и звуковоспроизведения, предоставившей человечеству новый инструмент познания и творчества, новую форму отображения действительности и передачи культурных традиций.

По достоинству оценил новое изобретение и Н. А. Римский-Корсаков: «Я слышал фонограф и дивился гениальному изобретению. Будучи музыкантом, я предвижу возможность обширного применения этого прибора в области музыкального искусства. Точное воспроизведение талантливого исполнения сочинений, замечательных тембров голосов, записывание народных песен и музыки, импровизаций и т. д. посредством фонографа могут иметь громадное значение для музыки».

Сохраняя сочетания звуков точно таким, каким оно возникает под рукой прославленного мастера, звукозапись доносит до нас лучшие произведения человеческого творчества, запечатлевая выступление артиста в период расцвета его творческих сил.

Литературная звукодокументалистика предоставила возможность соприкоснуться с уникальным авторским чтением, которое несет в себе наиболее «интимную» интонационную трактовку литературного произведения, передает черты человеческой индивидуальности писателя. Сохранившиеся бесценные записи голосов Л. Толстого, А. Блока, В. Маяковского, А. Ахматовой, С. Есенина, Б. Пастернака, М. Горького и многих других позволяют нам пережить удивительное чувство непосредственного общения с этими великими людьми.

Звукозапись существенно обогатила аудиовизуальные искусства, стимулировав появление и развитие столь важных областей духовно-творческой деятельности, как звуковой кинематограф, телевидение, радиопублицистика и радиотеатр, расширила выразительные возможности театра.

Неисчислимы сокровища хранят мировые архивы звукозаписей: запись крупных пластов музыкальной культуры — народной музыки и самодеятельной песни, классической или современной «серьезной» музыки, звукозаписи бессмертных творений гениев лите-

ратуры, спектакли, оперы, концерты... Все это стало живой хроникой культурной жизни эпохи.

За 125 лет существования звукозаписи был совершен гигантский скачок от несовершенного способа механической фиксации слабых вибраций резца на оловянной фольге в говорящей машине Эдисона до цифровых технологий записи, редакции, обработки и реставрации фонограмм, обеспечивающих высокое качество звучания и возможность более полной передачи всего комплекса ощущений, свойственных естественному слушанию. Современный технический арсенал звукозаписи позволяет решать не только традиционные задачи, но и внедряться в материи существенно более тонкие: теперь стало возможно, например, достоверно передавать или создавать заново акустический интерьер, трансформировать, в соответствии с исполняемым стилем, тембр инструмента, создавать многопространственные сверхпрозрачные композиции, осуществлять реставрацию фонограмм.

При создании фонограммы в студийных условиях необходимость борьбы с помехами возникает достаточно часто: от восстановления исторически ценных фонограмм для их переиздания до устранения технологического брака в современных записях. Поэтому не случайно в мировой звуковой индустрии уделяется серьезное внимание развитию и совершенствованию техники и технологии реставрации фонограмм. Современные цифровые станции реставрации фонограмм, распознающие и подавляющие помехи с помощью специальных математических алгоритмов, успешно применяются в восстановлении фондовых или иных записей, имеющих недостаточное качество с точки зрения присутствующих помех, в реставрации звука кино и видеофильмов, в радиовещании.

Сегодня, когда «живая» передача — редкое явление в эфире, когда разнообразие фиксированных звучаний достигло громадных масштабов, наиболее ясно осознается значение выразительных приемов звукозаписи и звукомонтажа, ощущается потребность в смелом звукоорежиссерском поиске, поскольку акустическая драматургия — органический, если не основной элемент поэтики звукового произведения.

М. Г. БЯЛИК,

профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова и Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, секретарь Санкт-Петербургского союза композиторов, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ

Д. С. ЛИХАЧЕВ И Д. Д. ШОСТАКОВИЧ О БАЛЕТЕ Б. И. ТИШЕНКО «ЯРОСЛАВНА»

В начале 70-х молодой, но уже многоопытный и известный хореограф Олег Виноградов обратился к своему сверстнику, тоже уже знаменитому, композитору Борису Тищенко с предложением о сотрудничестве. В качестве литературной основы будущего балета он назвал «Слово о полку Игореве» и вскоре представил вариант либретто. Действие предполагалось развернуть, как вспоминает Борис Иванович, в плане эпико-героическом, и материалом для него, казалось, послужил не столько древний литературный памятник, сколько сюжет оперы Бородина. Перечитав «Слово» и заново осознав его трагедийную суть, Тищенко набросал свой сценарный план, который Виноградов без возражений принял. Музыка была сочинена в короткий срок — за три месяца, столько же понадобилось для работы над оркестровой партитурой. Виноградов, возглавлявший тогда хореографическую труппу Малого театра оперы и балета в Ленинграде, без промедления осуществил с ней постановку спектакля, получившего название «Ярославна». Обычно балетмейстер объединяет в себе хореографа и режиссера. На сей раз их функции были разделены между двумя мастерами. Олег Михайлович взял на себя танцевальную сторону спектакля, а также его сценографию. В качестве же режиссера был приглашен из Москвы Юрий Петрович Любимов. Музыкальное руководство спектаклем осуществил Александр Сергеевич Дмитриев, тогдашний главный дирижер театра. Премьера состоялась в июне 1974 года.

С тех пор минуло около тридцати лет, и я, следя за развитием отечественного балетного театра, убежденно утверждаю, что ничего лучше «Ярославны» у нас за этот срок не появилось. Собственную постановку этого балета в 1977 году осуществил Новосибирский театр оперы и балета под руководством дирижера Исидора Зака и хореографа Александра Дементьева, и это тоже был спектакль самобытный и яркий. Однако тамашние партийные органы с самого начала (что выявилось уже на так называемой приемке работы, в которой и я участвовал — естественно, на стороне создателей спектакля) отнеслись к нему недоброжелательно, и вскоре он был снят. О том, как принят был спектакль Мале-

гота, скажу несколько позже. Сейчас же замечу, что и тут, в Театре имени Мусоргского, как он теперь называется, «Ярославна» уже давно не идет, и это еще один пример нашего пагубного безразличия к ценнейшему национальному достоянию.

В начале 1970-х, когда создавался балет, еще сохранялись атрибуты той «оттепели», которая наступила в стране после смерти Сталина и выражалась в желании уйти от питавших государственную и идеологическую систему догм и лжи. Стремление осознать истинный смысл происходящего слилось с намерением постичь правду истории, уразуметь соотношение национального опыта с мировым, общечеловеческим. «Ярославна» запечатлела в себе эту тенденцию. Примечательно, что незадолго до ее появления другой талантливый ленинградский композитор Люциан Пригожин обнародовал свое прочтение «Слова о полку Игореве» в жанре оратории, и это также стало художественным событием. В обоих музыкальных произведениях высокий строй старинного эпоса воссоздан сугубо современными, новыми музыкально-языковыми средствами.

Оба автора были в ту пору связаны с течением, которое получило наименование «Новая фольклорная волна». В прежние годы обращение композиторов к народному творчеству официально приветствовалось. И хотя принято было считать, что классики XIX века исчерпали возможности русской народной песни, им, тем не менее, следовало подражать, и особенно полезным представлялось тиражировать их опыт в применении к фольклору других народов (что же касается композиторов XX века, прежде всего Стравинского, то они, согласно принятой точке зрения, лишь искажали народно-песенные образцы). Когда в 1960-е годы молодые тогда русские композиторы отправились в фольклорные экспедиции и услышали песню в ее естественном бытовании, они были поражены тем, сколь велики еще не открытые художественные запасы, и тем, как много тут можно почерпнуть для решения творческих задач, которые они перед собой ставили. Они стремились уйти от квадратных структур, от predetermined гармонической функциональности и «тоницентризма», от ритмической симметрии

и находили искомое в фольклорных образцах, рожденных в далекие времена, когда упомянутые закономерности европейской музыки еще не сложились. «Ярославна» — пример глубоко творческого преломления одним из самых оригинальных наших композиторов открывшихся ему в фольклоре возможностей.

Здесь все неожиданно и в то же время глубоко почвенно. Из тишины рождается одинокий тихий голос, немного похожий на паскушью свирель. Он еще во власти тьмы и звучит призрачно, отрешенно. Это голос флейты-пикколо. Тембр флейты, ведущей происхождение от тростника, вызывает ощущение архаичности, но для данной ее разновидности амплуа протяженного пения отнюдь не характерно. Интонации мелодии по-речевому выразительны, в них печаль, надежда, терпеливое ожидание. Но они и изобразительны: слышатся порывы ветерка, шорох колеблющегося моря ковыля, пение птицы. И то, и другое — в духе поэтической образности «Слова», где, как известно, голоса природы переданы с изумляющей точностью. Укорененные в глубинных слоях русской протяжной песни, мелодические интонации по-современному прихотливы и сложны.

Вступает второй голос, потом третий. Их свободное течение рождает гармонию красивую и необычную, далекую от норм соединения традиционных для европейской музыки терцовых созвучий. Трехголосие — при всякого рода удвоениях, фоновых «добавках», кластерах — сохраняется и в дальнейшем как преобладающий тип изложения. Колорит целого из-за такого «малоголосия» — строгий, жесткий, терпкий, усиливающий общее ощущение архаичности.

В партитуру балета введены хоры — низкий мужской и женский. Они поют неизменный текст «Слова», придерживаясь манеры по-старинному сдержанной и величавой. Если и не обязательно персонифицировать хоровую партию, воспринимая ее как голос автора «Слова», то несомненно все же, что в ней слышится голос совести, голос истории. Разнохарактерные хоровые эпизоды сведены к общему стилизованному знаменателю и заключают в себе нечто весьма современное — тот оттенок подлинности, документальной подтвержденности происходящего, который нынче так ценится в прозе, театре, кино.

В инструментальных темах балета сильно речевое начало: стоны и причитания слышны в плачах по убитым, нежность лирического признания и любовной тоски — в мелодиях Ярославны, горделивая удаль и прямолинейная, без тени сомнения, напористость — в темах Игоря, грубость, упрямая злоба — в

музыке враждующих меж собой князей. Несомненно «говорная» природа и одной из самых ярких, пронзительных тем — провозглашаемого валторнами обращения киевского князя Святослава к князьям о единении: то возглас горя и гнева и, одновременно, мольба и призыв.

Поразительная находка Тищенко — звуковая характеристика половцев, оказавшаяся не только продуктом счастливого наития, но и результатом изучения им таких различных объектов, как музыка народов России, японская гагаку, индонезийский гамелан. В равномерно ритмизованное гнусавое гудение басов врезаются на фантастическом скольжении низкие медные инструменты, падают и словно рассыпаются тихие громы ударных. На этом фоне усиленная микрофоном скрипка пронзительно и тоже в сдавленно-гнусавом тембре выводит интригующий узор. Возникает атмосфера пьянящей, ядовитой истома, где таится гибельная опасность.

Балет представляет собой грандиозную хорео-симфонию. Главные образы, подвергаясь интенсивному развитию, обретают обобщенный смысл: так призывная тема Святослава становится образом Русской земли, музыка Ярославны — символом Надежды. Эпически неторопливое и оттого по-особому интенсивное развитие в каждой из трех частей-актов ведет к мощной кульминации. В первом действии это сцена затмения, решенная композитором с блистательной изобретательностью: многократно, на неуклонном *crescendo* повторяется «мотив оцепенения», и при каждом повторении к нему в интервале секунды добавляется новый оркестровый голос, так что звуковая лента непрерывно утолщается — до нескольких октав, создавая почти зримый эффект постепенного исчезновения света (символически затмение — это Игорево заблуждение). Две следующих кульминации — огромные батальные сцены, одна победоносная, другая трагедийная.

Из гениальной партитуры выросло изумительное театральное представление. Его живописный фон образовали страницы старинной рукописи (которые к концу оказывались обожженными). В целом оно являло собой пример на редкость органичного соединения архаики и современности. Сразу же после премьеры спектакль был показан на гастролях театра в Москве. И вот в «Правде» появилась статья некоего А. Дьяконова, в которой о музыке балета не было сказано ни слова, о спектакле же — что русский народ в нем показан приниженным, потому что персонажи его (чистая ложь! — М. Б.) постоянно согнуты или на коленях. Над постановкой

нависла смертельная угроза. На ее защиту встал Д. Д. Шостакович. Вот фрагмент его статьи в «Известиях»: «Балет «Ярославна» ленинградского композитора Б. Тищенко мне довелось посмотреть трижды. И всякий раз я был захвачен силой и выразительностью этой русской по духу музыки. Спектакль, сочиненный и поставленный балетмейстером О. Виноградовым, интересен, в чем-то полемичен, и я допускаю, что части зрителей может показаться спорным по своей концепции. Но я лично причисляю себя к тем, кого авторы убедили в избранном ими решении». И далее — лаконичный и глубокий анализ постановочной концепции, очень дипломатично отражающий обвинения, выдвинутые «Правдой»: «Спектакль суров и трагичен. Он не повторяет привычные представления о походе князя Игоря, величавость, характерную для эпической оперы Бородина. В балете главенствуют свои тона и краски. И это оправданно, ибо речь идет о событии истинно трагическом в русской истории: вскоре после поражения Игоря на Русь пало трехвековое татарское иго.

Музыка балета исполнена контрастов и динамики, остра и драматична в сценах боя, нежна в моменты лирических откровений героев. Композитор интересно использовал в балете хор: в ключевых моментах действия поются подлинные тексты из «Слова о полку Игореве». Великолепно написана сцена затмения — слушателям невольно передается ужас людей того давнего времени, людей храбрых и умных, столкнувшихся с непонятным и грозным явлением природы. Выразителен музыкальный портрет Ярославны, ее образ в спектакле вырастает до символа Родины» [«Известия» от 22 июля 1974].

Вспоминаю, в пору, когда решалась послепремьерная судьба балета Тищенко в Малейте, я ездил по какому-то делу в Москву. Мы встретились с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем, и он попросил меня подробным образом информировать его о перипетиях борьбы за спектакль. Исход этой борьбы сильно тревожил его, и он сделал все, что мог, дабы результат был положительным.

Другим защитником балета «Ярославна» стал Д. С. Лихачев. Свое мнение он сообщил мне в телефонном разговоре, и, участвуя в обкомовских баталиях, я постоянно ссылался на авторитет великого ученого и человека. Дмитрий Сергеевич поддержал трагедийную концепцию спектакля («Мы, занимающиеся изучением «Слова», — и он сослался на авторитет академика А. С. Орлова, — относимся не очень сочувственно к опере Бородина. Со «Словом» она смыкается по касательной»). В связи с хореографическим решением он особо одобрил режиссерко-балетмейстерскую находку: половцев изображали танцовщицы в масках, с лысым черепом, они танцевали, соединившись по двое, по трое, и напоминали злых насекомых. «Не знаю, в результате изучения материалов или по наитию у них так получилось, — сказал академик, — но ведь в рисунках на полях древних рукописей зло изображается похожим на членистоногих, очень сердитым, но всегда меньшего размера, нежели те, кто олицетворяют добро». Благодаря поддержке великих спектакль удалось тогда спасти.

А недавно «Ярославной» заинтересовался Валерий Гергиев. Я дал ему подаренный мне автором экземпляр партитуры и альбом пластинок, и с доброй надеждой жду его решения. На этой оптимистической ноте я закончу.

Д. Н. КАТЫШЕВА,

профессор кафедры хореографического искусства СПбГУП,
доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ

МОТИВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ В БАЛЕТЕ «ПЕТРУШКА» И. СТРАВИНСКОГО В ПОСТАНОВКЕ М. ФОКИНА

Балет И. Стравинского «Петрушка», поставленный М. Фокиным (художник А. Бенуа, исполнитель главной роли В. Нижинский), по праву считается эмблемой «русских сезонов» в Париже и высшей точкой их достижений, повлиявших на развитие не только балета, но и мирового театра XX века. Для каждого из участников этого балета он стал высочайшим достижением. Для И. Стравинского это было вершиной в мировой современной авангардной музыке, для А. Бенуа — крупней-

шим достижением как художника-декоратора, для М. Фокина — вершиной его таланта балетмейстера. И, наконец, Петрушка — В. Нижинский — высшее достижение хореографического и актерского творчества XX века. Именно в «Петрушке» пересеклись важные тенденции искусства XX века. Это и опыты Айседоры Дункан с ее раскрепощенной пластикой, танцем под музыку, не предназначенную для него. Это и реформы самого М. Фокина, испытавшего влияние дунканизма (свободной пластики) с

его идеей «против течения», то есть против жесткой нормированности языка классики, раскрытием пластических и танцевальных ресурсов, связанных как с корневыми началами культуры (античность, русское народное творчество), так и с использованием танцевального языка Египта, Востока, экзотических элементов различных национальных культур. Открытия в области пластики, хореографического языка служили адекватному выражению правды чувств, жизни человеческого духа, без чего невозможно воссоздать на сцене полноценный художественный образ. Танец отказывался быть лишь предлогом «для демонстрации пластических и живописных явлений, прекрасных, эфемерных и лишенных какого бы то ни было серьезного содержания»¹. Большая роль отводилась эмоциональному началу, так как природа искусства понималась как в высшей степени лирическая. Позже своим «Дневникам» В. Нижинский даст название «Чувство», а С. Лифарь в своем хореографическом кредо заявит: «Чтобы вновь стать творческим, сильным, проникновенным и здоровым, искусство танца должно обрести могучее дыхание, даже не человеческое, а сверхчеловеческое, имеющее отношение к страсти»². В «Петрушке» восторжествовала школа переживания, основанная К. С. Станиславским. М. Фокин, обратившись к Петрушке, персонажу народного творчества, имевшему немалое и человеческих, и кукольных воплощений, привлек внимание многих деятелей искусства (А. Блок, Вс. Мейерхольд). Хореографа интересовал Петрушка не как олицетворение народного жизнелюбия, смекалки, комедийной мистификации, но как фигура трагическая и символическая. И балет, при всей карнавално-игровой стихии масленичных гуляний на Руси, приобретает трагическую окраску (в балете воспроизводится последний день Масленицы, за которым последует Великий пост в преддверии страстей Господних и Пасхи).

В сюжет заложен многослойный смысл — предчувствие трагических испытаний национальной, человеческой сущности и судьбы России. Да и сам Петрушка подобен непутевому российскому человечку — доброму, наивному и чистому в помыслах, со страстной несчастной любовью и трагическими последствиями собственных благородных деяний. Он погибнет от рук Арапа, тупого, но богатого и счастливого соперника. Погибнет его тело, но не душа. Невольно вспоминается пророчество А. Белого, обращенное к отечественной культуре — «Осторожно, негр!» Он как

будто предчувствовал будущее наступление инокультуры, беспощадной к отечественным ценностям. В балете М. Фокин переосмысливает тему бессилия личности перед властью силы, роковым стечением обстоятельств. Петрушка в исполнении В. Нижинского, ведомый своим хозяином-фокусником, бросает вызов рабской зависимости, обнаруживает двойственность персонажа — кукла, но с живой душой (манипулировать и управлять могут телом, но не душой, которая неподвластна насилию и смерти). Это перекликается с двойственностью, которая заключена в самой природе российской праздничной культуры, являющейся антитезой будням.

Слово «праздник» имеет общий корень со словом «праздный», что в понимании древних славян означало «пустой». И само время «праздника» таило в себе не только радость, веселье, но и опасность пустоты времяпрепровождения, хаоса. Чтобы оградить себя от угрозы дисгармонии, древние славяне творили свои языческие обряды — действия с участием ряженных (маска-оберег от нечистой силы), с ритуальными плясками. Их отличное от обычного поведение — антиповедение — носит сакральный, ритуальный характер, предполагающий возможность общаться с нечистой силой на ее языке. Цель — восстановить нарушенный порядок и гармонию, обеспечить плодородие земли, будущий урожай и т. д. В кукольном персонаже, участвующем в масленичных балаганах на Руси, М. Фокин находит пластику нормального человека. Кукольное представление, являвшееся стержнем балета, заключало в себе сакральный смысл. Трансляторами злой энергии являлись Фокусник (провоцировавший столкновение Петрушки и Арапа) и Арам. Противостояние им обоим шло со стороны Петрушки, его действия несли созидательный, гармонизирующий смысл. И. Стравинский, создавая замечательное произведение русского символизма, определял основную мысль своего замысла, посвященного «образу игрушечного плясуна («Петрушка»! Вечный и несчастный герой всех ярмарок, стран»), внезапно сорвавшегося с цепи, который своими каскадами дьявольских арпеджио выводит из терпения оркестр, в свою очередь отвечающий ему угрожающими фанфарами. Завязывается схватка, которая в конце концов завершается протяжной жалобой изнемогающего от усталости плясуна»³. Как верно определяет В. М. Красовская, смысловое и действенное ядро балета М. Фокина — «Вызов под маской фиглярства, выраженный в безоглядной схватке...» Тема

¹ Лифарь С. Мемуары Икара. М., 1999. С. 239.

² Там же. С. 240.

³ Стравинский И. Хроника моей жизни. Л., 1963. С. 72.

бессилия личности перед роком оборачивалась — кое в чем неожиданно для самих авторов — темой насилия над личностью и получала гуманистический протестующий смысл¹. Такое смысловое звучание балета было во многом определено заглавной ролью в исполнении В. Нижинского, для которого протест, бунт против любого проявления несправедливости, насилия над личностью были темой глубоко личной. Во внешнем облике Петрушки доминировала хрупкость, незащищенность, наивность, простодушие маленького человек-

ка. Б. Нижинская комментирует: «В балете «Петрушка» тело Нижинского теряло упругость. Петрушка — мягкая, не имеющая позвоночника кукла. Она набита опилками, одета в свободную рубаху и широкие штаны... Петрушка вызывает жалость своим уродством, худобой, сутулостью... Умирая, он всем существом тянется к толпе. С отчаянной болью и тоской в глазах протягивает он к ней дрожащую руку, понимая, что только эти люди, эта «серая масса», эта русская толпа понимает Петрушку»².

Н. С. КУТЕЙНИКОВА,

профессор кафедры русского искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Российской академии художеств, кандидат искусствоведения, член Союза художников России

СОЗДАНИЕ ИКОНОГРАФИИ НОВОКАНОНИЗИРОВАННЫХ СВЯТЫХ. СВЯТАЯ БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

Интенсивность развития современного иконописания в России не перестает удивлять. История культуры в России, роль Православия в ее развитии обязывают нас пристальнее взглянуть в происходящее. Стремительность процесса, свидетелями которого мы являемся, высвечивает множество проблем и вопросов. Наиболее важные — поиски новых иконографических решений и вопросы стилистики.

Среди многообразия созданного в последние десятилетия особый интерес представляют иконы новопрославленных святых. Только на последнем юбилейном Соборе 2000 года было принято решение о прославлении 1000 святых. Подобная ситуация требует от иконописцев России напряжения духовных, творческих и физических сил. Прославление Ксении Петербургской было приурочено к великому празднику — 1000-летию Крещения Руси и состоялось в 1988 году.

Выбор метода изучения и анализа этих процессов тесно связан с опытом осмысления религиозного искусства. Для нас важны исследования как ученых середины XIX — начала XX в. (Ф. И. Буслаева, Н. П. Кондакова, Н. В. Покровского), так и советского периода. Соображения, высказанные Д. С. Лихачевым и его дочерью в их совместной книге «Художественное наследие Древней Руси и современность», ряде других исследований, полезны для разговора о современной иконописи.

Разговор о поисках и решениях иконописных образов Ксении Блаженной требует оп-

ределения особенностей юродства. Для юродства характерно «постоянное добровольное мученичество, непрерывная борьба против естества, мира и дьявола, требующая крайнего напряжения всех духовных сил и возможная лишь при высокой непрестанной молитве». Как бы ни были сходны жития юродивых, истоки их юродства различны, и они могут влиять на его характер, особенности личностей и, соответственно, их образов. Важны и свидетельства о реальном внешнем облике юродивых.

Прижизненных изображений Ксении, т. е. изображений второй половины XVIII — начала XIX в., не сохранилось. Известно три рисунка более позднего времени. По характеру исполнения работы напоминают народные картинки, и утверждать на их основании правдоподобие черт Ксении сложно. Они позволяют сделать предположения о собирательном образе лица пожилой женщины, какой Ксения, видимо, стала довольно рано в силу образа ее жизни: бесконечных странствий, хотя и в пределах одного города — Санкт-Петербурга, нередко непосильного труда, голода, отсутствия крыши над головой и т. п. В этих изображениях уже просматриваются типические черты юродивой, но сам ее образ не наполнен духовностью, которая должна его отличать. «Стремление к миру духовному и божественному, непрестанное желание и жажда сердца живейшего общения с горним миром», — так часто опре-

¹ Красовская В. Русский балетный театр начала XX века. Хореография. Л., 1971. С. 308.

² Нижинская Б. Ранние воспоминания. Ч. 2. М., 1999. С. 141.

деляют сущность подвигов юродства. Создание именно такого образа Ксении Блаженной и стало задачей иконописцев.

Специальный акт Синода Русской Православной Церкви определил необходимость наличия в храмах святых икон Ксении Блаженной. Среди икон, известных к началу XXI столетия, можно выделить целый ряд изображений, композиции которых, иногда с незначительными изменениями, сегодня используются иконописцами.

Не приходится отрицать, что «всякий иконографический образ имеет содержание, независимо от способов его воплощения, от художественной формы». Содержательность же образов, естественно, в первую очередь зависит от индивидуальных черт и жизненных обстоятельств. В решении образа Ксении немаловажную роль играет сам характер ее юродства и особенно повод прихода к нему. В истории юродства нелегко найти пример, когда причиной ухода из обыкновенной, мирской жизни послужила любовь, точнее, несчастье, «замешенное» на любви. Житие Ксении сообщает, что неожиданная смерть горячо любимого мужа заставила ее отказаться от благо земного мира, отречься от звания, богатства и, более того, от самой себя. «Андрей Федорович не умер, — говорила она, — но воплотился в меня, Ксению, которая давно умерла». И если образ жизни юродивой, ее чудесные видения, исцеления, молитвенная помощь укладываются в тип легенд о юродивых, то все ее поведение окрашено особым светом любви. Многие художники обратили внимание на это, сделав ведущей темой икон тему святости, определив этим и ее содержание.

Заметна повторяемость фигурных, поясных и погрудных изображений. В фигурных композициях можно выделить мотив предстояния, как традиционный для иконописных изображений вообще, и мотив «дороги», странствия, как свидетельство реальной жизни Ксении. Но и тогда, когда использован мотив предстояния, движение обычно ощутимо и реализуется или наличием деталей (посох в руке), или за счет особенностей композиционного решения (расположения фигуры в пейзаже, его деталей и т. п.). Большинство икон, изображающих Ксению Блаженную в полный рост, роднит один и тот же пейзаж Смоленского кладбища с церквями и часто с могилами. Этот мотив выбирается оправданно. Пытаясь разнообразить характер композиций, художники варьируют его, приближая или удаляя строения церквей, увеличивая или уменьшая количество могил, приближая или удаляя фигуру святой, более детально или обобщенно разрабатывая саму форму изображения.

Поясные иконы Ксении сходны по композиции. Их всегда характеризует нейтральный фон, а сама фигура обычно изображается анфас. Разнообразие в характеристику образа вносит особенность трактовки настроения образа: от сурового взгляда до доброго, тепло-го, проникновенного. В изображении рук также можно усмотреть разнообразие мотивов: от странничества (с посохом) до подчеркнутой святости (скрещенные). Единичны изображения Ксении крестящейся или глаголющей.

Следуя жизнеописанию Ксении Блаженной, мы не находим в иконах изображения ее наготы. Ее одежда практически всегда одинакова и проста: юбка и кофта, варьируются лишь красный и зеленый цвет той или другой. Она никогда не несет в себе черт ветхости. Вероятно, для художников костюм лишь знак, напоминание о действительно бывшем, но не столь важном. Исключение составляет одна из икон «с явлением». Интенсивный синий цвет одежды, видимо, выбран, чтобы подчеркнуть мистический характер подвига юродивой. В связи с костюмом обращает на себя внимание икона, выполненная в начале 1980-х годов для скита в Северной Калифорнии. На ней Ксения изображена в военном мундире. Это напоминает, что она после смерти мужа «стала Андреем Федоровичем». Однако светский характер костюма плохо соотносится с традиционно написанным ликом и жестом рук, не добавляет образу ни духовности, ни святости.

Дар пророчества, прозрения и видений Ксении Блаженной все чаще привлекает внимание художников. Среди фигурных композиций выделяется первое изображение сцены видения Христа. Выполненное в начале 1990-х годов, оно позднее неоднократно варьировалось: неизменными оставались сама сцена явления, композиция фигуры, но менялся характер пейзажа, цвет костюма, особенности колористического решения фона и ряд мелких деталей (расположение посоха и т. п.). Следуя в оценке рекомендации Стоглава о том, что икона должна быть написана «по образу и по подобию, и по существу», можно заметить различие между этими иконами при кажущейся на первый взгляд общности композиций. Эти различия в деталях, в конечном счете, изменяют высокий уровень обобщения, свойственный первой иконе, где мотив святости, странничества и города, в котором Ксения прожила всю жизнь, выражен с предельной ясностью. Композиция этой иконы и ее художественное решение достаточно традиционны и напоминают искусство XV–XVI вв. Последнее касается и возможных параллелей самой сцены видения, и художественной трактовки формы. Однако интонационный строй иконы отличается особой динамикой

выразительности и гармонией, заключенной в самой динамике. Ее композиция построена на столкновении, пересечении горизонтальных и вертикальных линий, сообщающих всей сцене особую взволнованность, столь подобающую такому событию. Эту же интонацию умело «развивает» абрис склоненной фигуры, в основе своей достаточно динамичной. Так же как и в других иконах, связанных с изображением юродивых, здесь использован «этикет жеста» (выражение А. Панченко) — пророческого и страннического. Особую роль играет пейзаж, умело трансформированный и соотношенный с практикой пейзажного жанра древних икон. Элементы городского пейзажа — стена Петропавловской крепости, волнение воды и листьев, неровность почвы и развевающиеся на ветру одежды Ксении Блаженной заставляют нас безошибочно ощутить атмосферу северного града. И хотя все элементы иконы нам знакомы, талант художника создает новый образ, не похожий ни на какие другие образы юродивых. Трехчетвертной разворот чуть согнутой фигуры Ксении, условное изображение пейзажа, ясно читаемая пространственно-временная связь с фигурой благословляющего Христа, особая плавность линейного ритма рисунка и гармония цветового строя позволили автору наиболее глубоко раскрыть суть образа Ксении Блаженной, которая не одно столетие почитается как святая заступница, «скорая помощница», благая утешительница для всех. Кажется, в этой иконе образ обрел ту цельность духовного содержания, которым наполнена русская икона далекого прошлого.

Кроме одиночных изображений Ксении, есть ряд парных. На них она обычно изображается со святым праведником Иоанном Кронштадтским (оба в полный рост). Появление подобных композиций объяснимо и оправданно, т. к. они являются святыми Санкт-Петербурга, его небесными покровителями. Их «связь» на иконах не сюжетная (это противоречило бы исторической правде), но духовная. Обычно в иконах их объединяет общее состояние размышления, сосредоточенности, доброго взгляда на мир.

Конечно, характер иконы, ее содержание определяется не только избранным сюжетом и особенностями композиционного решения. Важны стилистические приемы, избираемые иконописцами. Известные изображения Ксении свидетельствуют, что их амплитуда достаточно широка: от реализма изображений второй половины XIX — начала XX в. до суровых иконописных ликов, напоминающих о византийских истоках русской иконы. Ряд икон выполнен в духе народных картинок или в стилистике миниатюрного письма (Палех и т. п.).

Иными словами, можно говорить о широкой корневой системе, которая питает поиски современного иконописания в России. Сам характер обращения к тем или иным стилистическим традициям, часто прямое следование им вызывает сомнение как специалистов по культуре Древней Руси, так и тех, кто занимается проблемами современного искусства. И те и другие предпочли бы увидеть нечто более самостоятельное, новое и индивидуальное. Эти претензии сегодня не кажутся убедительными по нескольким причинам.

Во-первых, в религиозном искусстве принципиально новое появляется лишь тогда, когда, наконец, сформированы новые религиозно-эстетические взгляды в самом церковном строительстве. Сегодня мы этого не наблюдаем.

Во-вторых, забывается, что все известные школы иконописи Древней Руси складывались не одно десятилетие.

В-третьих, бесспорна необходимость предметности достижений. Здесь уместно вспомнить Д. С. Лихачева. Характеризуя процесс развития средневековой литературы, он отметил не только ее «поразительно высокую рождаемость», но и то, что «новые произведения легко создавались на основе старых», и эти новые были «как бы не отделены полностью от старых». В таком сходстве он не видел ничего предосудительного, а рассматривал его как вполне закономерный путь развития литературы.

В-четвертых, известно (и это отмечает В. Д. Лихачева), что «связь иконографического канона и стиля в каждый период истории искусств осуществляется различно», а «активность каждой из сторон взаимосвязи имеют строго обозначенную форму в ту или иную эпоху». Сегодня отечественное иконописание находится в уникальной ситуации, и в первую очередь это касается создания икон новопрославленных святых. Уникальность состоит в том, что происходит одновременное, параллельное формирование и иконографии, и стиля.

В-пятых, на фоне уникальности этого процесса уже можно говорить о роли личного начала в иконописании. Конечно, это не касается кардинального изменения уже известных стилистик. Сейчас оно преимущественно проявляется на уровне сюжетном и индивидуальной манеры. Д. С. Лихачев предвидел подобную ситуацию, когда писал: «Не будет ничего удивительного, если на смену великим стилям и направлениям придут индивидуальные стили (манеры)». Кроме того, сторонникам сугубо современного, индивидуального языка в иконе можно напомнить, что искусство постмодернизма нередко цитатно, и подобное никого не смущает. Механизм

влияния такого приема основан на ассоциативности. Но он давно уже апробирован в Древней Руси, и именно в рамках иконографического канона.

Характеризуя в целом процесс развития современного иконописания на примере образов Ксении Петербургской, мы можем назвать его учебным и поисковым. Учебным — в рамках осмысления Православного богословия и ремесленного освоения языка древних

иконописцев. Сам язык современной иконописи в целом в рамках эпохи и отдельно по школам еще только вырабатывается. Однако это не означает, что мы должны пренебрежительно относиться к его ранним памятникам. Следует с удовлетворением отметить, используя определение Д. С. Лихачева, что уже есть примеры, когда «внешний консерватизм сменяется более сложной традицией внутренних организующих форм».

Т. Е. ШЕХТЕР,

заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП,
доктор философских наук, профессор

ДРЕВНЕРУССКАЯ ТРАДИЦИЯ В НАШЕЙ КУЛЬТУРЕ

В огромном наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева можно найти чрезвычайно важный сегодня критерий — критерий отношения к прошлому, к традиции, какой бы эпохе она ни принадлежала. Может быть, его интерес к этому вопросу был вызван не только кругом научных проблем Лихачева-ученого, но и общей ситуацией XX века с его свободным, чтоб не сказать произвольным, отношением к художественному достоянию. В работах, посвященных древнерусской культуре, Лихачев продемонстрировал глубокий научный, творческий и строгий подход к национальному наследию. В его трудах культура Древней Руси действительно предстает как живая, совершенно очевидной становится ее актуальность для России и русского искусства всегда и во все времена.

«Широкие и разнообразные традиции расширяют «сектор свободы», сектор творчества... Выбор должен быть большим и общим. Он должен совершаться с полным осознанием смысла и значений традиционных элементов. Собственное наследие в этом круговороте особенно важно. Чем больше культура в себя вбирает, тем больше она отдает человечеству», — писал Лихачев.

Национальная традиция для потомков — не только богатство, но и «задание на будущее», критерий подлинности развивающейся культуры. Природу этого явления впервые отметил Карл Ясперс, обративший внимание на единый исторический импульс и логику развития культур. Он говорит о том, что и Запад, и Восток фактически одновременно переживают эффект «осевого времени», когда в середине первого тысячелетия до новой эры заявляют о себе основные учения и идеи, определившие существо и специфику европейского и восточного отношения к миру, человеку и окружающей

природе, что и стало причиной столь существенных различий во всех областях деятельности. Говоря о Европе, Ясперс отмечал особую роль греческой традиции. Известна его мысль о том, что когда та или иная европейская культура переживает расцвет, она неизбежно приближается к греческим образцам прямо или косвенно (для Европы это аналитическая, наглядно-осязательная линия). Действительно, европейский склад ума и образного переживания мира чрезвычайно созвучен с греческой традицией.

А что же Россия? Россия, в течение двух с лишним столетий почитавшая Запад, развившая тонкий вкус к западной культуре и даже создавшая внутри своей культуры некий «западный» слой, не могла найти собственного пути, не погрузившись в искусство Древней Руси — предмет исследований Дмитрия Сергеевича. Ранние славянофилы стремились вернуться к Древней Руси, понимая ее ограниченно, в духе их собственных, важных для самих авторов идей и стремлений. Лихачев отмечает, что Русь искали в «живых остатках» — предметах, элементах быта, жизненного уклада, то есть в самом косном. Многие сохранилось от XVII века, и художники рядили персонажей любой эпохи в одежды XVII столетия. Что же в национальной традиции, по мнению самого Д. С. Лихачева, актуально для нашей культуры? Об этом прямо говорится в совместном труде Д. С. Лихачева и В. Д. Лихачевой «Художественное наследие Древней Руси и современность» (Л., 1971). Это стремление к монументальности содержания и формы; чувство величия мира, чувство возвышенного; ощущение связи всех и всего с судьбами мира; способность подниматься над узкими национальными интересами до осознания своего единства со всем человечеством.

Значение традиции древнерусской живописи осознавалось уже в первой половине XVIII века, когда был взят государственный курс на западный стиль. Так, Иван Никитин — участник старорусской оппозиции — сознательно возвращался к старым традициям, например, в работе «Древо родословное великих государей» 1731 года. Андрей Матвеев руководил живописными работами в церкви Симеона и Анны, построенной в 1729–1734 гг. Михаилом Земцовым. Еще в 1925 году росписи, выполненные под его руководством, были целы. Необычной особенностью было то, что в пейзажных «Праздниках», написанных в манере голландских пейзажей (низкий горизонт, маленькие фигурки людей в пространстве, темно-коричневый колорит), света были проложены золотом. Так древнерусская традиция уживалась с новым, «обмирщенным» искусством (И. Грабарь. История русского искусства. Т 5. С. 337).

В XIX столетии проявляются три основных линии национальной традиции: фольклорная (сказки, лубок, игрушки, костюм), иконописная и архитектурно-декоративная. Первую представляет творчество Венецианова, который вполне в духе романтической эпохи идеально-лирически переживает национальное своеобразие и эстетический «тембр» Руси. Даже Александр Иванов с его интересом к «до-классическому» наследию — к итальянскому треченто и кватроченто, проявлял глубокий интерес к нравственному смыслу древнерусской традиции (Д. Сарабьянов. К проблеме сравнительного изучения русской и западно-европейской живописи. Искусство. 1975. № 7. С. 63). М. Алпатов, исследовавший творчество А. Иванова, заметил, что в его библейских эскизах просматривалось использование принципов, лежащих в основе фресковых циклов Возрождения и древнерусских икон.

В 1830-е годы русская традиция впервые получила государственное признание: в архитектуре церковей при правительственной поддержке стал распространяться русско-византийский стиль, призванный воплотить идею официального православия о преемственности между Византией и Россией («образцовые проекты» церковей архитектора К. А. Тона, 1840-е годы). А рядом развивался романтический вариант псевдорусского стиля типа «Погодинской избы», созданной в Москве архитектором Н. Никитиным (1850-е). Не проходит и двадцати лет, как грядет новая волна увлечения собственным наследием. Теперь увлекаются узорами русских народных вышивок и резьбы по дереву, которые в изобилии воспроизводятся в декорировании домов и зданий. Мода на ложнорусский стиль с его наци-

ональной экзотикой продолжалась до начала XX века. Эти процессы касались не только архитектуры и декоративно-прикладного искусства. Уже девяностые годы XIX века наглядно продемонстрировали проникновение в современное искусство поэтики и стилистики русского сказочного мира, которая обрела новое романтическое толкование, удовлетворившее тоску по поэтическому, национальному, древнему на рубеже веков. Традиция древнерусского искусства, пройдя «декоративный» период «ропетовщины» и «археологический» абрамцевских построек В. М. Васнецова и В. Д. Поленова, оказала сильное влияние на формирование художественных представлений и живописного языка эпохи. Оказалось, что эта традиция включает в себя все, что было так привлекательно для нового времени — оригинальную метафизическую картину мира, символическую отвлеченность образного языка, монументальность художественного решения, гармоничное единство четкой, порой жесткой структуры и декоративной фантазии. Простое воспроизведение системы древнерусской живописи, сохранение основных закономерностей системы в их прежних образных и структурных отношениях (опыты М. А. Врубеля, например) результатов не дали. Вместо этого чрезвычайную активность, особенно в 1910–1920-е годы, приобрели принципы решения пространства и монументального образа, созданные в Древней Руси, что отвечало общим поискам «большого стиля» в начале XX столетия. Всплеск интереса к древнерусскому искусству был связан и с тем, что в 1913 году в Москве состоялась первая выставка древнерусской живописи (Г. Стернин. Художественная жизнь России на рубеже XIX — XX веков. М.: Искусство, 1970. С. 140–141).

Судьба древнерусской традиции в начале XX века внимательно исследовалась Д. С. Лихачевым. Он, как и его дочь Вера Дмитриевна, уделял особое внимание творчеству К. Петрова-Водкина, создававшего композицию особым образом: зритель чувствует, что предшествовало событию и что произойдет в дальнейшем. Как и древний живописец, он отдавал цвет только локальную роль, а одной из ведущих тем его живописи была тема материнства. Однако нельзя не заметить, что после А. Иванова древнерусская линия часто смыкалась с традицией кватроченто, что в полной мере относится к К. Петрову-Водкину. Известно, что Н. Гончарова серьезно изучала роль цвета и ритма в иконах. Благодаря ей пережил глубокое воздействие иконописи В. Татлин. Среди европейских художников особое внимание русской иконе уделял А. Матисс.

Следующий период оживления интереса к этому искусству — вторая половина 1960-х — начало 1970-х годов, когда отечественное искусство вновь подходит к критическому периоду развития.

Отношение к древнерусскому искусству в эти и последующие годы развивается либо в духе постмодернистического поиска (Г. Богомолов, В. Вик, А. Герасимов), либо в популистской манере И. Глазунова.

Сегодня в отношении к традициям древнерусского искусства можно отметить развитие нового этапа: идет возрождение древнерусской традиции иконописания, создаются иконы новопрославленных святых. Нас ожидает новое осмысление национального достояния. Ведь чтобы понять традицию, надо пропустить ее сквозь собственную душу и собственное благородство. Другого отношения к истории не может быть.

Л. И. ГИТЕЛЬМАН,

заведующий кафедрой зарубежного искусства Санкт-Петербургской академии театрального искусства, профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, академик РАГН

РАЗВИТИЕ ВЫСОКИХ ТРАДИЦИЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕАТРА В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ. ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «РАДУГА»

В последние годы в Петербурге появилось несколько Международных театральных фестивалей. Каждый из них занимает особую нишу в современной театральной жизни. Фестиваль «Балтийский дом» показывает, главным образом, лучшие спектакли Европы, в основном стран Балтии — Швеции, Финляндии, Эстонии, Литвы, Латвии и др. Фестиваль «Рождественский парад» объединяет вокруг себя новые театры, театры-студии.

Третий год в нашем городе разворачивает свою работу фестиваль «Радуга». Этот фестиваль, действующий на площадках петербургского ТЮЗа, обращен прежде всего к молодежи, а точнее, к подросткам. На этот фестиваль приезжают ТЮЗы, молодежные театры из разных городов России, из ряда европейских стран. На нем показывает свои спектакли и петербургский ТЮЗ.

В рамках этого фестиваля проходят всевозможные семинары, встречи. Ведущие критики Москвы, Петербурга, других городов России, представители европейской театральной общественности обсуждают его спектакли. На фестивале работает жюри, второй год возглавляемое автором этого сообщения.

Достаточно взглянуть на афишу фестиваля, чтобы обратить внимание на разнообразие его репертуара. Тут представлена русская и зарубежная классика. Болгарский театр с успехом показал философскую сказку К. Гоцци «Король-Олень». Новосибирский столь же удачно выступил со спектаклем «Кроткая» по известному произведению Ф. М. Достоевского. Екатеринбургский ТЮЗ был удостоен восторженных аплодисментов за постановку чеховской «Каштанки». Зрители с огромным инте-

ресом отнеслись к сценическому произведению петербургского ТЮЗа «Соната счастливого города» по сказкам О. Уайльда. Спектакли, естественно, решительно отличались один от другого. Но их объединяло стремление зрителей говорить с молодым зрителем на материале подлинно литературном, значительном. А ведь есть у нас театральные критики, утверждающие, что театры якобы отказались ныне от серьезной драматургии, от добротного текста и перешли к созданию неких визуальных представлений, в которых преобладают музыка, пластика, танец и т. д. А слово возникает только по необходимости, как скромный придаток сценического действия. В реальности, к счастью, выясняется, что это не так. Театры продолжают обращаться к высокой драматургии, к классической прозе, что чрезвычайно важно и для театральной культуры, и для культуры слова, и для содержания самой постановки.

Разумеется, на афише фестиваля были представлены и современные пьесы. Это тем более отрадно, что пьесы для подростков сейчас пишут не часто. Об этом с тревогой говорили на семинаре драматургов «Пьесы для подростков», проведенном в рамках фестиваля и возглавляемом известным детским писателем М. Бартевым. Шотландцы, например, привезли пьесу-диспут «Дитя порока» С. Аррента, вызвавшую спор и у зрителей спектакля. Спор вызвала и пьеса М. Бартева «Куба — любовь моя», показанная немецкими актерами. Неоднозначно были восприняты зрителями и критикой пьесы А. Слаповского «Блин-2» (Пермский ТЮЗ), Г. Боэтиуса «Девушка, которая вышла замуж за индюка» (Вологодский театр для детей и молодежи) и

другие. О спектаклях я сейчас не говорю. Я говорю только о пьесах. Многие из них вызвали сложное к себе отношение. В какой мере они отражают реальную жизнь подростков, те вопросы, которые ставит перед ними современная действительность? Здесь есть над чем подумать! Фестиваль показал, что драматургия для подростков — одна из самых острых проблем современного тюзовского движения.

Спектакли фестиваля вызвали интерес своим сценическим решением. Болгарский режиссер М. Куркински рассказывает сказку К. Гоцци «Король-Олень» в сдержанной манере интеллектуального театра. Главное для него — это столкновение героев в сфере мысли, в сфере идей. Он достигает этого с помощью острой, тщательно продуманной пластики актеров, точно выстроенных мизансцен, великолепно звучащего слова, тонко проработанного в музыкальном и смысловом отношении. Иначе строит свой спектакль «Соната счастливого города» Г. Козлов. Он разворачивает многокрасочную панораму жизни на огромном пространстве тюзовской сцены. В связи с этим особым содержанием наполняются диалоги Ласточки и Принца, вынесенные на авансцену и звучащие трагическим контрапунктом ко всему тому, что происходит в глубине. Другой спектакль Г. Козлова «Дневник провинциала в Петербурге», созданный режиссером совместно с актером А. Девогченко, являющимся тут единственным исполнителем (и все же это не моноспектакль, а сложное театральное действо!), оформлен скромно, персонаж передвигается между бесконечными бутылками разной формы и величины, расставленными по всей сцене. Спектакль этот поражает высокой содержательностью и удивительной художественной целостностью, когда все его компоненты (музыка, световые эффекты, тщательно выверенные темпо-ритмы, виртуозное искусство актера) служат одной задаче — выявлению «трагической повседневности» в реальной действительности, когда сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина оборачивается рассказом о несправедливо погубленной жизни, о жестокости бытия. Светлой поэзией наполнен спектакль режиссера В. Кокорина «Каштанка» (Екатеринбург). Арена цирка здесь превращается в арену самой жизни, когда добро, сочувствие, высокое сопереживание постепенно вылечивают душу, но одновременно и ставят проблему: а как быть с тем, кто однажды приютил живое существо, но был лишен всех этих качеств? В спектакле открытый финал, словно каждый молодой зритель должен сам решить для себя вопрос, останется ли Каштанка с новыми друзьями

или вернется к старому своему хозяину. Эта недосказанность и вызывает смятение чувств, желание подумать, порассуждать... Прекрасный спектакль показали литовцы, исполнявшие стихи Есенина и старинные русские романсы. Режиссером и чтецом здесь выступил А. Латенос. Это было воистину замечательное поэтически-музыкальное действо, наполненное каким-то трогательным ностальгическим настроением, напомнимшем о былых русско-литовских культурных и просто человеческих связях, которые сейчас, увы, почти оборвались. Можно назвать и некоторые другие спектакли, вызвавшие глубокий интерес у зрителей и критиков. Но были, к сожалению, и спектакли откровенно слабые. Например, с недоумением отнеслась публика фестиваля к спектаклю «Овраг», созданному по пьесе К. Сергиенко («Заречный»). Как оказался этот полупролюбительский театральный коллектив на фестивале столь высокого художественного уровня, никто толком объяснить не мог. Слабыми оказались спектакли и таких многоопытных театров, как Вологодский театр для детей и юношества, Пермский ТЮЗ и некоторые другие. Но и зрители, и критики восприняли этот факт с пониманием: театральный процесс — явление сложное. А любой фестиваль чаще всего служит его зеркальным отражением. Фестивали, собственно, и организывают для того, чтобы осмыслить и понять, что происходит в современной театральной жизни. А в ней встречаются как высокие художественные достижения, так и очевидные провалы, то есть то, что вызывает огорчение, обиду, боль. Это и надо обсудить, понять причину, постараться достижения закрепить, а провалов в дальнейшем, по возможности, избежать. В какой-то степени именно в этом и была задача жюри, аккредитованного на фестивале. Оно собиралось несколько раз, бурно обсуждало увиденные спектакли и, наконец, вынесло свой вердикт: лучшими спектаклями фестиваля были признаны: «Король-Олень» (Болгария), «Кроткая» (Новосибирск), «Каштанка» (Екатеринбург), лучшим сценографом — А. Орлов, лучшим художником по свету — Г. Фильштинский, лучшей актрисой — Н. Мольгавка (Омск), лучшим актером — А. Девогченко. И зрители фестиваля, и критики, обсуждавшие все его спектакли, и члены жюри, в составе которого были не только театральные критики России, но и представители зарубежного театрального цеха, одинаково высоко оценили общий художественный уровень фестиваля, его огромное значение для театральной жизни России и тех стран Европы, которые принимали активное участие в его проведении.

О. Ф. ПЕТРОВА,профессор кафедры искусствоведения СПбГУП,
кандидат искусствоведения, Почетный профессор СПбГУП

ТВОРЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ЛИХАЧЕВЫХ

Д. С. Лихачев, крупнейший ученый, исследователь древнерусской литературы и культуры, был замечательным учителем своих дочерей и создал редкий семейный коллектив, в котором он стал отцом, учителем и коллегой. Научной, творческой деятельностью своих дочерей он гордился. Старшая дочь Вера Дмитриевна Лихачева (1937–1981) была доктором искусствоведения и преподавала на факультете теории и истории искусств Института живописи, скульптуры и архитектуры им И. Е. Репина.

Первые публикации Веры Дмитриевны были посвящены художественным особенностям средневековых греческих рукописей из собраний Государственной публичной библиотеки в Ленинграде и Государственного Эрмитажа. Результаты этих исследований позднее нашли свое обобщение в монографии «Искусство книги. Константинополь. XI век» (1976). В 1977 году Вера Дмитриевна защищает докторскую диссертацию по искусству книжной графики Византии и становится одним из ведущих в мире специалистов в этой области и одной из немногих, кто соединил в своей научно-исследовательской работе точность научного анализа с глубоким пониманием художественной природы визуального образа и его теологической символики. Следующим этапом деятельности дочери Д. С. Лихачева была разработка и чтение цикла лекционных курсов по искусству Византии и Древней Руси, западноевропейского средневековья и Ренессанса. В ее интерпретации характеристики обрели новый глубокий смысл в контексте развития всей европейской художественной культуры. Более того, произведения искусства далекого прошлого обрели актуальность, современное звучание. Поэтому этапной стала ее работа с Д. С. Лихачевым и написание их совместного труда «Художественное наследие Древней Руси и современность» (1971), в котором раскрывались особенности древнерусского изобразительного искусства и литературы, созвучные нашей эпохе. Особенно значительный вклад В. Д. Лихачева внесла в методологию и методику изучения и преподавания истории древнерусского искусства. Она учила студентов использовать в своих работах опыт иконологии, семиотики и структурного исследования памятников древнерусского искусства.

Вера Дмитриевна развивала новые взгляды на значение древнерусского искусства XVII века и раскрывала перед студентами

значение художественного наследия в формировании искусства XX века. Итогом ее преподавательской деятельности явился раздел «Древнерусское искусство» в учебнике по истории русского искусства (1982) — он стал основным пособием для всех студентов, изучающих историю искусства и культуру Древней Руси. А последней ее фундаментальной работой стал труд «Искусство Византии IV–XV веков», в котором сконцентрирована тысячелетняя история византийского искусства. У Веры Дмитриевны было немало учеников, среди которых реставратор, доктор искусствоведения, профессор Ю. Г. Бобров. Диссертация Ю. Г. Боброва «Теория реставрации памятников изобразительного искусства: закономерности и противоречия» явилась первым фундаментальным исследованием в отечественной и мировой науке о теории реставрации произведений искусства и стала продолжением его кандидатской диссертации по истории реставрации древнерусской живописи.

Другая дочь Дмитрия Сергеевича — Людмила Дмитриевна (ушла из жизни в прошлом году) 40 лет проработала старшим научным сотрудником древнерусского отдела Государственного Русского музея. Она была хранителем двенадцати с половиной тысяч экспонатов декоративно-прикладного отдела, четырех тысяч изделий из драгоценных металлов и четырехсот единиц шитья (в области шитья она была непревзойденным специалистом и экспертом). Коллекция Л. Д. Лихачевой, блестящим хранителем которой она являлась, представляет собой шедевры древнерусского искусства и составляет нашу национальную гордость.

Л. Д. Лихачева была автором 46 научных работ (статей, альбомов, каталогов) и организатором и создателем 45 художественных выставок внутри страны и за рубежом. Ее выступления на конференциях и симпозиумах (в Финляндии, Англии, Америке, Греции, Германии, Италии, Сан-Марино, Австрии) привлекали к себе внимание блестящим знанием английского и немецкого языков и умением увлечь аудиторию интересом к нашей национальной культуре.

Среди ее работ — альбом «Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея» (1985), пользующийся популярностью и сегодня. В альбоме рассказывается об истории открытия памятников, об определении времени их создания.

Ее перу принадлежат публикации об открытиях в ежегоднике «Памятники культуры» (1977, 1978, 1993, 1994). Среди открытий самой Людмилы Дмитриевны — художественное шитье редчайшей красоты: плащаницы, покровцы, пелена, другие изделия, украшенные жемчугом, шелковыми, золотыми и серебряными нитями, алмазами, изумрудами, плетеным кружевом, золотой бахромой, уральскими камнями, финифтью, рубинами. Это богатство Людмила Дмитриевна не только хранила, изучала, но и широко пропагандировала в многочисленных выставках, каталогах, на отечественных и зарубежных симпозиумах и конференциях.

Сегодня сотрудники древнерусского отдела Государственного Русского музея продолжают бережно хранить и изучать эти сокровища, свидетельством чему явилась прошедшая 20–21 мая 2002 г. научная конференция в ГРМ. Доклады и сообщения научных сотрудников, сделанные в рамках раздела о древнерусском искусстве, показали, что идеи и творчество семейного коллектива Лихачевых про-

должают жить сегодня, востребованы и преемственны.

Итак, блестящий творческий коллектив: Дмитрий Сергеевич Лихачев, Вера Дмитриевна и Людмила Дмитриевна — открыли нам многообразные стороны древнерусской литературы, культуры, изобразительного искусства: иконы, декоративно-прикладное искусство, рукописи, графику, книжную графику, что явилось золотым вкладом в нашу национальную культуру.

Идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева — изучение предшествующего опыта истории и культуры от древнейших времен до наших дней — позволяют сегодня проводить параллели, сопоставления, вести «Диалоги в пространстве мировой культуры», а главное, доказывают, что «жизнь великих произведений в будущем... обогащается новыми значениями, новыми смыслами... Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, ... в большом, будущем времени, причем часто живут более интенсивной и полной жизнью, чем в современности» (М. Бахтин).

А. Н. КРУЧИНИНА,

заведующая кафедрой музыкальной этнографии и древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, кандидат искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ

ГИМНОГРАФИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ПАХОМИЯ СЕРБА В ДРЕВНЕРУССКОМ ПЕВЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ (ПЕСНОПЕНИЯ ПРП. ВАРЛААМУ ХУТЫНСКОМУ)

Во второй половине 30-х годов XV в. по приглашению архиепископа Евфимия II в Новгород прибыл с Афона переводчик, писец, составитель и редактор житий, похвальных слов, служб и канонов иеромонах Пахомий Серб по прозвищу Логофет. В течение 46-ти лет пребывания на Руси он создал 10 житий (некоторые в нескольких редакциях), 6 похвальных слов, 14 служб русским святым. Последний жанр Пахомия издан в служебной минее, а его гимнографические творения (стихиры, каноны, тропари, светильны) входили как обязательные тексты в рукописные нотированные книги XVI–XVII вв., сохраняясь и в старообрядческих рукописях XVIII–XIX вв. Творения Пахомия Серба до настоящего времени звучат в литургической жизни Русской Православной Церкви. Высокий богословский уровень и несомненные художественные достоинства текстов, созданных Пахомием, выдержали проверку временем. Однако в исследованиях по истории древнерусской литературы творчество Пахомия до сих пор не

получило должной оценки, а его гимнографические произведения, входившие в службы, не исследованы вовсе. Последнее обстоятельство связано с тем, что поэтические тексты Пахомия создавались в расчете на певческое исполнение, живя в художественной практике в неразрывной связи с напевом. Именно поэтому поэтические тексты Пахомия прежде всего изучаются исследователями древнерусского певческого искусства. К настоящему времени изучено (полностью или частично) пять гимнографических циклов (Знамению иконы Богородицы в Новгороде — Ф. В. Панченко; прп. Сергию Радонежскому — арх. Леоид, Н. С. Серегина, Т. А. Демьянчук; прп. Кириллу Белозерскому — А. Н. Кручина; прп. Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору — Н. В. Рамазанова, Н. С. Серегина)¹.

¹ Панченко Ф. В. Об одном из принципов организации песнопений знаменного распева (на примере стихир из службы новгородской иконы Богородицы «Знамение») // Источниковедческое изучение па-

Результаты проведенных исследований не подтверждают уничтожительной характеристики, данной творчеству Пахомия учеными XX в. (Л. А. Дмитриевым, Г. М. Прохоровым, Ф. А. Спаским). Влияние Пахомиевых текстов на русскую гимнографию даже при общем взгляде на предмет исследования огромно: принадлежащий его перу цикл песнопений прп. Кириллу Белозерскому явился прототипом для чинопоследований в честь прп. Чудотворцев Мартиниана и Ферапонта¹, Кириллу Новозерского; службы и отдельные тексты Пахомия, посвященные прп. Савве Вишерскому и Сергию Радонежскому, стали образцами для службы прп. Ефрему Перекомскому и т. д.

Поэтические тексты Пахомия вошли в нотированные рукописи уже после смерти создателя: от первых славников, известных в списках начала XVI в., к полным собраниям нотированных служб в списках конца XVI в.²

Гимнографические тексты Пахомия к концу XVI в. составляли более трехсот песнопений, распетых и нотированных, большей частью, знаменной нотацией, отразив всю сложность и разнообразие ствольного для русской певческой культуры знаменного распева. Они в полном составе вошли в Стихирарь типа «Дьячье око», а в виде отдельных песнопений или их микроциклов — в многочисленные рукописи, создававшиеся на протяжении XVII–XIX вв. Каждый из извест-

мятников письменных культур: Поэтика древнерусского певческого искусства: Сб. науч. тр. / Под ред. А. Н. Кручинины, Н. В. Рамазановой. РНБ. СПб., 1992. С. 62–99; Рамазанова Н. В. Музыкальная драматургия древнерусского певческого цикла (на примере цикла Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору). Автореф. дисс. ... канд. иск. Л., 1987; Серегина Н. С. Стихиры Михаилу Черниговскому в свете исторической традиции знаменного пения // Пути развития методики преподавания в музыкальном вузе: Сб. науч. тр. / Под ред. Г. В. Алексеевой. Владивосток, 1989. С. 71–81; Серегина Н. С. Рукописная книга Стихирарь месячный как памятник музыкальной культуры Древней Руси. Автореф. дисс. ... докт. иск. РИИИ. СПб., 1995; Кручинина А. Н. Песнопения в честь преподобного Кирилла в рукописной традиции Кирилло-Белозерского монастыря // Петербургский музыкальный архив: Сб. ст. и материалов / Сост. и отв. ред. Л. Г. Данько, Т. З. Сквирская. СПб., 1997. Вып. 1. С. 60–67; Кручинина А. Н. Музыкально-поэтическая организация песнопения русскому святому: К 75-летию Е. А. Ручьевской: Сб. статей. СПб., 1998. С. 259–274.

¹ Кручинина А. Н. Служба преподобному Мартиниану Белозерскому в рукописях XVI–XVII вв. // Петербургский музыкальный архив: Сб. ст. и материалов / Отв. ред. Т. З. Сквирская. СПб., 1998. Вып. 2. С. 12–24.

² Полные своды песнопений Пахомия Серба см. в рукописях: БАН. Стр. 44 и РНБ. Кир.-Бел. 586/843.

ных к настоящему времени в науке гимнографических циклов, созданных Пахомием, обладает оригинальным композиционным решением целого, интересными поэтическими приемами в каждом из текстов, сочетая опору на сложившиеся к XV веку образцы и новации авторского стиля. Являясь творцом, сознательно ориентирующимся на традицию, канон, Пахомий Серб включал в свои службы тексты, обладавшие устойчивыми стереотипами распевания на Руси. Создавая свои тексты, Пахомий использовал уже принятые в гимнографическом творчестве способы сохранения прямых и косвенных цитат Священного Писания, хорошо узнаваемые аллюзии и парафразы, вошедшие в книжный обиход и составлявшие «фоновое знание» эпохи текстов. Это способствовало интенсивному вхождению его произведений в нотированные книги. Стремление сохранить тексты Пахомия неизменными при многократном переписывании отразилось в отношении не только к вербальному ряду, но и к музыкальному: многораспевность (существование одного поэтического текста во множестве музыкальных интерпретаций) для Пахомиевых служб — скорее исключение, чем правило. Однако музыкальный текст «живет» в веках: вариантно изменяясь, он сохраняет устойчивую ориентацию на сложившийся в XVI в. тип распева (в его соотношении с поэтическим текстом (силлабика, невматика, силлабо-мелизматика, мелизматика). В связи с этим сохраняется и музыкальная драматургия службы, отраженная в неизменном, раз и навсегда установившемся приеме контрастирования типов распевов.

Первым агиологическим творением Пахомия стала служба преподобному Варлааму Хутыньскому, игумену монастыря, основанного им в Новгороде на берегу Волхова, на холме, называемом Худынь (место нечистой силы). Будучи трудником, милостивцем, строгим, нестяжательным старцем, опытным в распознавании душевных болезней, прп. Варлаам при жизни прославился как человек святой жизни.

В 40-х гг. XV в. состоялся осмотр его мощей, которые с 1192 года пребывали нетленными. Именно это событие и побудило архиепископа Новгородского заказать составление службы афонскому мудрецу Пахомию. Первый список службы известен в рукописи, современной Пахомию⁴. Служба сопровождается житием и похвальным словом Варлааму, помещенными под числом 6 ноября — днем памяти святого, и представляет полный свод

⁴ ОР РНБ. Соф. Собр. 191. Служебная Минея на ноябрь 1438 г.

гимнографии Пахомия. Только в конце XVI в. он был нотирован и составил 64 песнопения Малой и Великой вечерни и утрени. Этот полный состав известен по списку БАН, строг. 44, включающему в себя помимо стихир канон с полностью нотированными тропарями — крупную музыкально-поэтическую форму, составляющую центр утрени. Второй по степени полноты отраженного в нем материала список конца XVI в. — РНБ, Кир.-Бел. 586/843 — включает в себя стихиры, тропарь, светильны (23 песнопения), изложенные в последовательности службы. Особенностью дошедшего до нас нотированного корпуса песнопений является отсутствие указаний на образцы используемых для пения текстов Пахомия (подобнов), что согласуется с замыслом гимнографа — все музыкально-поэтические тексты снабжены ремаркой «самогласны». Это единственный из известных агиологических циклов Пахомия, построенный как самостоятельное, без опоры на образцы, произведение. В нем отсутствует и апелляция к службе общей преподобному, зафиксированной в Общей Минее.

В своем первом созданном на Руси творении Пахомий был предельно самостоятельным автором, что отразилось не только в гимнографических текстах, но и в заданной Пахомием музыкальной организации службы: в указаниях на интонационный словарь, которым должно распеваться каждое из созданных песнопений. Эти указания обозначают гласовую — собственно музыкальную — драматургию службы. Задуманное Пахомием последование

ориентировано на приоритетное звучание интонационного словаря 8-го гласа (завершающего систему осмогласия). Песнопения (их 13), прослаивающие все разделы службы, связаны с темой прославления мощей преподобного, преклонения перед его ракой (от упоминания в славнике Малой вечерни до гимна радования и торжества в заключающих службу стихирах на Хвалитех). В разделе Малой вечерни песнопения 8-го гласа служат образованию так называемой «парной рифмы» в гласовых последованиях (6–8-й гласы в первом микроцикле и 5–8-й гласы во втором микроцикле, каждый из которых состоит из трех стихир и славника). В разделе Великой вечерни песнопения 8-го гласа создают «перекрестную рифму» в гласовых последованиях (8–6-й гласы в литии и 2–8-й гласы в стихирах на стиховне).

Центром этой композиции оказывается микроцикл 8-го гласа, начинающий Великую вечерню. Восьмой глас используется на утрени в обрамляющей службу (стихиры на Хвалитех) одногласовом микроцикле. Он подытоживает сложную гласовую драматургию этого раздела, где помимо уже звучавших ранее 6-го и 2-го гласов Пахомий указывает 3-й и 4-й, а 2-й глас, в котором он мыслит пение канона, делает центром гласовой драматургии утрени.

По заданной Пахомием «канве» — гласовому обозначению гимнографических текстов — неизвестными распевщиками в конце XVI в. был создан прекрасный звучащий орнамент, элементы которого, сплетаясь и расплетаясь, знаменуют, прославляя в пении, подвиг преподобного Варлаама Хутынского.

И. Г. МАМОНОВА,

искусствовед-эксперт галереи «Gala Gallery»
(Северный Ванкувер — Санкт-Петербург), член Международной
ассоциации искусствоведов, член Союза художников России

ТРАДИЦИИ РУССКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАДНЫЙ АРТ-РЫНОК

Пока российский арт-рынок продолжает пребывать в стадии формирования, взгляды художников и галеристов по-прежнему с надеждой обращены к Европе и США.

Интерес этот взаимный: подтверждение тому многочисленные арт-дилеры из Америки и Европы, неустанно налаживающие бесперебойную поставку российских артефактов на развитый западный арт-рынок.

Предложений много, а что является объектом спроса? К чему «лежит душа» зарубежного покупателя? Как оценивают себя сами художники по отношению к западному художественному рынку?

Возникший было в конце 1980-х — начале 1990-х годов интерес к российскому «левому» искусству быстро угас, оставив многих художников в недоумении: почему десять, даже пять лет назад их работы покупали по приличным (для российских граждан) ценам, а сегодня они вновь никому не нужны? Эпизодические продажи, выставки и аукционы за границей (нередко без участия авторов) убедили их в определенном уровне цен и мнимой стабильности интереса к их живописи. Они так и живут, ссылаясь на ставшие почти мифическими истории о том, что когда-то у них покупали немцы (итальянцы, французы,

американцы и т. д.). Конечно, это относится далеко не ко всем художникам. Некоторым все-таки удалось извлечь пользу из этого интереса, получив какую-то клиентуру за рубежом, возможность продавать свои работы не за бесценок и даже войти в классику современного российского искусства.

На самом же деле ситуация давно изменилась, она жестоко меняется каждый день, сегодня возвращаются завтрашние вкусы и в выигрыше оказывается тот, кто умеет приспособиться к моде и капризам западной публики. Мы не касаемся здесь вопроса о том, что художник не должен ни к чему приспосабливаться и идти на поводу у заказчика. Ни для кого не секрет, что есть художник — творец, артист, для которого творчество — образ жизни и судьба, нередко трагическая. И есть художник — профессионал (что, кстати, не так уж мало), прекрасный грамотный исполнитель того или иного заказа. Так было во все времена, и всегда вторых было больше. Несчастье многих современных российских художников в том, что перепутаны критерии первого и второго. Несколько поколений были воспитаны на миссионерском понимании личности художника, и, являясь просто хорошим ремесленником в живописи, трудно бывает осознать себя таковым. Современным молодым художникам проще — они более трезво оценивают ситуацию и спокойно относятся к своей живописи как к заработку. Старикам и среднему поколению сложнее — и в этом одна из граней конфликта «отцов и детей» в сегодняшнем искусстве: обвинения в коммерциализации и конъюнктурности, пренебрежение к живописи молодых мастеров и тайные обиды на их успешность.

Мы говорим «западный покупатель», подразумевая «нероссийский», объединяя в этом понятие и Европу, и Канаду, и США. На самом же деле «западный покупатель» «западному покупателю» рознь, и интересы представителей разных стран имеют свою национальную специфику. (Немцы, например, до сих пор с интересом относятся к авангардной живописи, любят абстрактное искусство.) А вот американцы, судя по всему, выражают основную тенденцию среднестатистического «западного» покупателя — интерес к «импрессионистской» живописи.

Естественно, термин этот взят в данном случае в кавычки, поскольку к импрессионизму как известному направлению в истории искусства он имеет мало отношения. Кроме, пожалуй, внешних формальных признаков: письма отдельным мазком, пристрастия к жанрам пейзажа, натюрморта, композиции на пленэре. Для большинства покупателей этот «псевдоимпрессионизм», «неоимпресси-

онизм» является эквивалентом реалистической живописи вообще.

В наихудшем варианте подобную живопись (некий низкопробный «пуантилизм») за рубежом поставляют покупателю усердные китайские ремесленники. В лучшем варианте... Лучшие варианты сегодня можно найти, пожалуй, лишь в России или у художников, прошедших российскую школу живописи и живущих за границей. (Причем, по наблюдениям, в Россию едут именно за русским «импрессионизмом», копии с французских классиков импрессионизма пользуются спросом, но гораздо меньшим.)

Обязательная работа с натуры, на пленэре, свежесть и артистичная этюдность, характерные для живописи русского импрессионизма начала века, возродились «в новой редакции» в искусстве 1950–1960-х годов. Интерес к этому периоду русской живописи, уже ставшему историей, усиливается с годами. Причем если еще несколько лет назад покупатели выделяли в работах этого периода их «соцреалистическую» направленность, то теперь обычно преобладает интерес к просто хорошей, честной, натурной живописи, вне ее идеологической тенденциозности. Приобретают и пейзажи (в первую очередь), и натюрморты, работы жанрового характера и даже учебные постановки (!). К работам современных художников нередко предъявляют конкретное требование: чтоб было написано в духе 1950-х! А это значит, что картина должна быть беспроblemной, вызывать оптимистические ощущения, иметь некий гедонистический пафос; она должна быть наполнена светом, светом и еще раз светом (никаких пасмурных, дождливых состояний!).

В этих современных «импрессионистических» работах есть своеобразная ретроспективность, известная доля ностальгии, если речь идет о фигуративных композициях. Импрессионисты честно писали своих современников, поэтому так живы, привлекательны для нас сценки в парижских кафе, образы девушек, освещенных солнцем, и других, близких до ощущения реального знакомства с ними, героев импрессионистической живописи. Сегодняшних современников писать «импрессионистически», видимо, не столь интересно — поэтому публика предпочитает девушек в канотье с лентами и цветами, детей в «серовских» матросских костюмчиках и пейзажи без признаков времени 1900–2000-х... А если речь идет об излюбленных импрессионистских мотивах — морских пейзажах, яхтах, каруселях, — даже если художник пишет их с натуры, он словно смотрит на них сквозь своеобразную культурологическую призму Моне, Сислея, Коровина и т. д.

Идеальный вариант для художника, когда работы приобретают не арт-дилеры, посредники, а сами коллекционеры и галеристы. Тогда интерес вызывают не только картины, но и натурные этюды. Покупатель готов приобретать не исключительно «холст, масло» (критерий «настоящести» произведения, его «музейности»), но и «бумагу, гуашь», «картон, масло», «картон, темперу» исключительно ради качества живописи этих эскизных, незаконченных работ! Это неожиданный подарок для многих художников старшего поколения или их наследников. Жаль, что подобные «гурманы», настоящие ценители, все-таки редкие гости в мастерских.

Счастливы художники, для которых импрессионизм — их творческое кредо, живописное выражение их отношения к жизни; а таковые есть, и их немало. В этом случае необходимо лишь грамотно представить себя потенциальному покупателю и не потерять его в дальнейшем.

Тем же, кто творчески работает в иной манере, порой приходится обращаться к «импрессионизму» как к кормильцу. Иногда копируя своих же современников, иногда создавая свои варианты по мотивам классиков. Арт-дилеры, приезжающие в Россию и, в частности, в Петербург, имеют с собой списки имен необходимых им художников, популярных у покупателей за границей. По этим спискам можно было бы составить своеобразный рейтинг художников, подобный тому, что издается сейчас в Москве: с баллами по категориям «коммерческого» и «творческого» успеха. Надо думать, что в Петербурге приоритеты были бы несколько иные. Кто-то имеет прямой выход на эту «горячую десятку» («двадцатку», «тридцатку?»), кто-то знает лишь их работы и неустанно ищет новых художников с подобным почерком, требует новой информации, ждет новых открытий. Кто они, эти корифеи?

Это художники, зачастую не имеющие шумного успеха на Западе. Продаются потихоньку среднему покупателю по доступным ценам, насыщают рынок. Чтобы работа была продана достойно, художник должен быть

известен, его имя должно быть на слуху. Все продажи на аукционах и выставках необходимо документально фиксировать — это влияет на цену и, соответственно, на известность и успех. Большинство же российских художников, зарабатывающих «импрессионизмом», не всегда знают, в какие галереи уходят их вещи, за какие суммы продаются. Некоторые — те, кто работает «на поток», для кого это просто заработок, — даже стесняются отмечать работы своим именем. Плачевная, в сущности, ситуация: и «славы мало», и «денег мало». К творческой же работе после «потока» возвращаться не легче, чем в те времена, когда художники зарабатывали на жизнь портретами вождей и писанием лозунгов, а настоящей творческой работой занимались как хобби, по ночам.

Беда в том, что импрессионизм как стиль, как творческий метод, как этап формирования художественной индивидуальности профанируется по сути. Необходимые условия — наблюдение, изучение природы, работа с природы, воспитание глаза и острота восприятия исчезают. Импрессионизм выхолащивается в набор приемов, в пустой кокон от вылупившейся бабочки, в некий «импрессионистический академизм» — внешнюю форму, лишенную содержания и возможности развития.

На рубеже минувшего века импрессионизмом была «заражена» вся европейская и русская живопись. Эта «прививка» оказалась благотворной: почти для всех русских художников авангарда импрессионистический период стал стадией «взросления», предшествующей поискам своего стиля в искусстве, для художников-реалистов — закономерным итогом работы и «переливанием крови».

Сегодня мы вновь больны «импрессионизмом», ситуация зеркально повторяется. Да только зеркало кривое — «импрессионизм» следующего рубежа веков «сделанный», искусственный, вымученный, «впечатление по заказу». Он вряд ли способен породить новые формы искусства и новый характер художественного мышления.

Что последует за ним?

С. М. ГРАЧЕВА,

доцент кафедры искусствоведения СПбГУП,
кандидат искусствоведения, член Союза художников РФ

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА В ПЕЙЗАЖНОЙ ЖИВОПИСИ ОСТА

В своей известной работе «Поэзия садов» Д. С. Лихачев размышляет об удивительном внимании к природе, к ландшафту в Древней Руси, где ценили пейзаж и стремились гармо-

нично сочетать его со строительством соборов, монастырей, городов. Выбор «красного», или красивого, места для постройки отражал почтительное, благоговейное отношение к

природе. Для русского и западного средневековья природа — это прежде всего мир, организованный Богом, мир святости, который выше человека. В Новое же время природа как некий беспорядок противопоставляется человеку — представителю порядка и культуры¹, то есть возникает рациональное отношение к природе, стремление всячески улучшить, преобразовать ее.

Живопись XX века, особенно пейзажная, вполне точно отражает это противопоставление, иногда используя некоторые приемы древнерусского искусства. Исследователи неоднократно отмечали определенную близость авангардного искусства первой половины XX века древнерусской иконописи. Однако уместно сослаться на глубокую мысль В. Бычкова, что в русском авангарде существует больше отличий от иконы, чем точек соприкосновения, что в нем есть направления, принципиально противоположные иконе, не имеющие с ней подчас ни в теории, ни в практике ничего общего². При этом, как отмечает автор, в живописи многих отечественных мастеров прошлого века обнаруживаются глубочайшие связи с древнерусскими традициями на разных уровнях. Это прежде всего поиск духовных идеалов, идеи космизма, символическая трактовка образов.

Так, одной из главных проблем, разрабатываемых в пейзажной живописи 1920–30-х годов, становится проблема передачи многомерного пространства, которое, как и в пространстве иконы, возникает из единства многоуровневых пространственно-временных совмещений (разновременных событий, разных точек зрения и т. п.).

Жанр пейзажа тесно связан с проблемой соотношения реального и образного пространства и времени. Приемы построения пространства и времени в пейзажах XX века весьма многообразны, от них зависят многие особенности как пейзажной живописи отдельных мастеров, так и изобразительного искусства в целом.

Для обозначения пространственно-временных координат художественного произведения, в частности — станковой пейзажной картины, можно использовать понятие «хронотоп», введенное М. М. Бахтиным³. Применительно к пространству и времени, создаваемым различными авторами в живописи, вероятно,

больше подойдет определение «художественный хронотоп», под которым нами понимается соотношение идеального, условного пространства и времени в художественном произведении, система пространственно-временных образов картины.

Совершенно особое место в живописи XX века занимали представители Общества станковистов (ОСТА), которые создали свой художественный хронотоп эпохи. Остовская концепция пейзажа с ее «урбанизацией», воплощенной новейшими художественными средствами, стала одним из самых заметных и своеобразных явлений в истории отечественного изобразительного искусства. Не преувеличивая роли пейзажа в картинах мастеров ОСТА, отметим, что, возможно, именно благодаря его новой трактовке многие их композиции воспринимаются более остро и ярко.

Практически все исследователи, да и сами художники справедливо отмечали близость творчества остовцев к новейшим западным художественным течениям, в первую очередь к экспрессионизму, но зачастую их новаторские поиски были связаны и с переосмыслением традиций средневекового искусства. Это проявляется в использовании пространственных построений древнерусской живописи. Возможно, в этом одно из отличий живописи ОСТА, в частности, от немецкого экспрессионизма.

Произведения остовцев демонстрируют необычное отношение к окружающему миру, которое проявляется в создании некоего идеального, почти «мифологизированного» образа современного города. Это относится и к пейзажу, в котором акцентируется не столько собственно ландшафтный вид, сколько «вторая природа». Элементы «второй природы» находятся в совершенно особых пространственно-временных соотношениях. Время в остовских полотнах развивается стремительно и направлено только в будущее, а пространство одновременно и как будто «спрессовано», и бесконечно. На смену ландшафтным пейзажам начала XX века приходят пейзажи, в которых собственно природные элементы сменяются творениями рук человеческих: своеобразные образы городов будущего, с аэропланами, поездами, домами из стекла и бетона, населенными спортивными крепьшами...

Почти ни одна значительная картина ОСТА не обходится без хотя бы намек на ландшафтный мотив, в котором осязательно специфическое понимание идеи пространства и времени, которое можно определить как монтажный хронотоп. Даже в знаменитой «Обороне Петрограда» А. Дейнеки немаловажную роль играют едва намеченные на линии горизонта очертания архитектурных построек и такое пространственное соотношение частей

¹ Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, 1998. С. 50–61.

² Бычков В. Икона и русский авангард начала XX века // Книга неклассической эстетики. М.: ИФ РАН, 1998. С. 58–75.

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

картины, которое сразу же заставляет зрителя узнать именно образ Петрограда 1920-х годов, а не какого-либо другого города.

Так, например, в одном из программных произведений С. Лучишкина «Шар улетел» представлены все этапы человеческой жизни. Отметим, что именно пейзаж «ведет главную партию» в этой картине, создавая основное настроение унылого хронотопа. Достигается же этот эффект, как ни парадоксально, во многом благодаря использованию пространственных принципов иконописи. Здесь определенно наметилась тема непримиримого противоречия между человеком и природой, подавленной его присутствием. Городская среда, некогда вызывавшая восхищение как творение рук человека, в XX столетии постепенно приобретает враждебный облик, становясь все более агрессивной. «Город вздыбливается, растет по вертикали, становится тесным, давит своими масштабами»¹, и это отражается в пространственном построении пейзажа.

Несколько по-иному представлена «картина мира» в другом полотне С. Лучишкина «Я очень люблю жизнь». Картина, словно житийная икона, полна повествования. Пейзаж в ней соединяет разнообразные события, являясь мощным организующим началом. Как и в иконе, действие в этой картине развивается не в глубь пространства, а снизу вверх, от земного к «горнему» миру. Человеческие группы, элементы пейзажа представлены почти как в иконных клеймах. Это воплощение новой религии в новой форме, современной советской «иконе».

Таким образом, в произведениях С. Лучишкина пейзажный фон является одним из главных нарративных средств, с одной стороны, воссоздавая душную урбанистическую атмосферу, с другой — выстраивая новую пространственную и временную иерархию нового советского времени.

Один из известных пейзажей А. Лабаса — «Городская площадь» — представляет не локально пейзажный сюжет, а жизнь города в

целом. «Городская площадь» — это полностью сочиненный, сконструированный пейзаж, олицетворяющий современный город. Благодаря эллипсо-пирамидальному построению пространства его композиция производит монументальное впечатление. Лабас использует иерархический принцип построения пространства «ниже—выше», он словно перечисляет строго отобранные, выверенные детали, как в иконописи. Отметим еще один важный момент — организацию движения в картине. Оно разворачивается не только по вертикали, но и по своеобразной спирали, представляющей синтез пространства и времени, каждый виток которой имеет свою направленность как бы за пределы картины, создавая впечатление слияния художественного пространства и времени.

Это своеобразное «коллагирование», или «полифокусность», варьируемое в рамках естественно-природного видения, приводит к ощущению «планетарности», или даже «мультиматериальности»².

Художники ОСТА создали совершенно особые принципы построения художественного пространства и времени в отечественном искусстве. Не пренебрегая реалистическими методами, они использовали всевозможные способы пространственно-временной трансформации своих картин. Если перефразировать одно из высказываний, то их живопись можно рассматривать как синтез пространственного и временного. Художественные хронотопы ОСТА выражают некие идеальные, романтические представления художников о современной картине мира, одновременно отражая реалии современности.

Как и большинство авангардистов начала XX столетия, остоуцы творили свою собственную реальность. Их своеобразный миф советской эпохи создан на стыке традиционного и нового понимания социального и художественного пространства и времени. Они сакрализуют саму жизнь, и их миф убедителен, так как соотнесен с исторической реальностью.

А. И. ЧЕРНЯК,

доцент кафедры истории и культурологии Санкт-Петербургской государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова, кандидат искусствоведения, член Международной ассоциации искусствоведов

ЭТОС ДРЕВНЕРУССКОЙ СКУЛЬПТУРЫ XVII–XVIII ВВ.

Культура — тот феномен, который дает возможность преодолеть зыбкость времени, приобрести целостность, свое духовное

¹ Данилова И. Е. Мир внутри и вне стен: Интерьер и пейзаж в европейской живописи XV–XX веков. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. С. 59.

«Я», выразить сущностное начало человеческого бытия. В настоящее время наблюдается

² См.: Хофман В. Сколько картин в одной картине? // Искусство XX века. Итоги столетия: Тезисы докладов международной конференции. СПб.: Изд-во ГЭ, 1999. С. 5–6.

значительный рост интереса к культурному наследию. Процесс этот в целом положительный, обусловленный стремлением осмыслить через призму художественной культуры прошлого коллизии современности. Как писал Д. С. Лихачев, «Культура никогда не устаревает и всегда современна в широком смысле этого слова, как современна красота. Современна и та культура, которая жила и живет в религиях. И это независимо от того, верующий или неверующий человек, причисляющий себя к числу культурных»¹. Проникновение в художественную сущность искусства иной эпохи, разгадка тайны, чувство уникального своеобразия, обогащение себя приобщением к ней составляет ценность личностного понимания как художественного наследия в целом, так и искусства Древней Руси в частности.

Так, храм, икона, культовая деревянная скульптура, являясь средством выражения религиозной идеологии и христианской догматики, не могли существовать без художественной структуры, эмоционально воздействующей на человека, что было тщательно разработано в трудах византийских эстетиков. В таком двуединстве культовое искусство стало носителем как религиозного идеала, так и общих категорий добра, истины, нравственной красоты, присущих соответствующему этапу истории человеческого общества. Например, древнерусский храм — это не только некий дом Премудрости Божией, но и образ Мира, где каждый человек как личность мог стать членом соборного всеединства, приобщаясь через красоту образа к идее Абсолюта. Так же как икона А. Рублева «Троица», воплощая ветхозаветное, евангельское и догматическое, утверждает художественными средствами в образах прекрасного идеи благожелательности и справедливости, человеколюбия и национального единства.

В древнерусской скульптуре, где религиозный символ воплощается не абстрактно, а изображается реальная человеческая фигура, легендарный Христос представлен в народном, ярко выраженном типаже. Эволюция этого образа, запечатленная, например, в произведениях культовой деревянной пластики, позволяет нам судить об исторической изменчивости мира, его общественно значимом идеале. Культовый характер скульптуры и ее место — на виду у всех в храме — способствовали тому, что индивидуальные черты героя должны были подчиниться канону и идеалу, выработанному условиями жизни средневекового общества.

На раннем этапе содержанием пластики становится идеальный образ представителя церкви, для характеристики которого мастер отбирает все самое значительное, призванное передать героические черты индивидуальной личности, — монументальную форму, наиболее значимое деяние, парадную одежду. Аналогичный подход встречаем и в древнерусской литературе, где к посмертной характеристике волынского князя Владимира Васильковича — «Ты правдою бе оболчен, крепостью препоясан и милостынею яко гривною утварью златою украсуся, истиною обит, смыслом венчан»² — можно добавить только нимб святости, который должен был украшать скульптурное изображение. Защитник городов, победитель нехристианских полчищ, покровитель сирых, кормилец нищих — так называют героя, приписывая ему множество добродетелей. Быть величавым, достойным своего сана, уметь подчинить личное интересам «земли русской, веры христианской» — значит быть «от главы и до ногу его» без порока. Бесспорно, через такие этические нормы в «Николае Можайском» выражается не абстрактный, а народный идеал, в котором воплощены представления о доблести, героизме, патриотизме.

Открытие XVII в. психологических переживаний и побуждений в жизни человека относится к следующему периоду развития деревянной скульптуры. Духовная и художественная культура этого времени — уже многомерное явление, не сводимое к единому знаменателю религиозного искусства. Сложность человеческих чувств, сильных, экспрессивно выявленных, появилась в теме страдания («Распятие»), строгого раздумья, усталого разочарования («Сидящий Христос»). Надо иметь в виду, что понятие психической жизни несколько абстрагировано и ограничено в понимании мастера того времени. Однако несомненно, что те психические состояния, которые интересуют скульптора, являются откликом на те или иные события современного ему внешнего мира. Они еще не объединены в характеры, не складываются в психологию, именно поэтому так эмоционально преувеличено состояние изображенных. Следует учитывать, что перед нами не простой человек, а легендарный Христос, жизнь которого отделена от современности и познана из литературного источника, поэтому, несмотря на простонародный облик Христа, в нем все же чувствуется какая-то неизреченность, невысказанность характера. Есть родство этих изображений с богословской литературой Григория Синаита и Григория

¹ Лихачев Д. С. Народ должен иметь свои святыни // Литературная газета. 1990. 11 апреля.

² Ипатьевская летопись. 1289. С. 607.

Паламы, где, как отмечает Д. С. Лихачев, «развивалась сложная система восхождения духа к божеству, учения о самонаблюдении, имеющем целью нравственное улучшение, раскрывалась целая лестница добродетелей»¹. Действительно, в культовой скульптуре наглядно воспроизводится тезис о том, что самоуглубление помогает победить страсти, отрешиться от земного, чтобы достичь безмолвия, общения с божеством. И не индивидуальность героя интересует мастера, а его деяния. Христос-подвижник, претерпевший муки, — этого достаточно, чтобы развернуть новый ассоциативный ряд в современном отсчете времени: прошлое и настоящее сливаются, усиливая впечатление от памятника.

Готовность к подвигу, победа над человеческими слабостями и страстями, готовность страдать за общество присущи главным сюжетам, особенно распространенным в XVIII в. — «Распятию» и «Сидящему Христу». Если в XVII столетии «Распятия» — однофигурные композиции, то в следующий период (XVIII в.) возникает потребность в ансамбле. Как в свое время в творчестве А. Рублева и художников его круга возникала потребность в сюжете «Троицы», как известно, символизирующей мирное сосуществование всех ступеней богословской иерархии, так и в культовой скульптуре появляется потребность в примирении исстрадавшегося мирянина с богословским символом. Торжественно-официальные связи предстоящих — Богоматери и Иоанна Богослова — подобны значительной общности «тихих» ангелов А. Рублева. Богоматерь, несмотря на ее простонародный вид и национальные одежды, выступает мудрой девицей сказочных сюжетов. Внешнее проявление ее большой внутренней силы скупое, лирические интонации преобладают над драматическими. Своими индивидуальными чертами она напоминает героиню «Повести о Петре и Февронии Муромских». Простая крестьянка, с умилением и верой вззирающая на распятого, не бездумна и безвольна, в ней чувствуется сильный и чистый характер. Изображенные в ансамбле героини замкнуты в себе, погружены в просветленную задумчивость. Теперь они требуют от молящихся безмолвной созерцательности, уединенной сопричастности их миру.

Как одна из ведущих эстетических закономерностей русского искусства XVIII в., тенденция к синтезу обуславливает широкое включение скульптуры в систему каменного барочного храма, меняя ее художественно-семантическую роль не только в живописно-

пластическом ансамбле, но и в культовом действе в целом. Свойственные барокко представления о безбрежности Вселенной, множественности миров, безграничности времени и пространства, беспредельности познания приводят к пониманию «неоклассического» образа мира, лишённого канонического идеала. Эта свобода «игры» противоречиями, несоответствиями, антиподами высот духа и низменных материй составляет основу художественного видения стилевого направления, тесным образом связанного с народной традицией.

Барокко как «открытая» система расширяет круг участников действия, придавая ему характер театральности, зрелищности. Это приводит и к усложнению иконографии «Распятия». Предстоящие Христу — это теперь не только Богоматерь и Иоанн Богослов, но и Мария Магдалина, Лонгин Сотник, ангелы с орудиями страданий Христовых, коленопреклоненные, трубящие и пр. Мастер силой своего воображения создает «большое» пространство, свой космос, моделирующий «текучесть» времени от мифологического прошлого через настоящее к будущему. Причем существует как бы «двойное» пространство: одно, продиктованное стилем и пронизывающее всю структуру образа, и другое, «личностное», отражающее отношение автора к происходящему. Это ощущение движения, выходящее за пределы привычного, приводит к смещению планов, порой искажению пропорций. Так, культовое ваение, используя выразительные средства стиля барокко, получает переориентацию пластических возможностей скульптуры и находит новое решение образной структуры, связав ее по традиции с идеей «рода» и «мира».

Рассматривая развитие православной культовой пластики на протяжении двух столетий, можно отметить, что художественное познание мира совершается в недрах различных стилистических систем, которые или сменяют друг друга, или сосуществуют параллельно. Каждая из них, в силу ее внутреннего единства, имеет непреходящие ценности. Эти системы могут наследоваться или исчезать на время, но свои этические и эстетические качества, складывающиеся в общую культуру культового ваения, они сохраняют. Мастера в зависимости от требований времени ставят перед собой художественные задачи в решении общезначимых образов, в создании которых они зачастую переступали за пределы известных им художественных методов. В значительных, монументальных образах, которым был свойственен общенародный и даже общечеловеческий этос, прослеживается динамика народного идеала: от наивной формы утверждения

¹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.

личности в окружающей среде (Николай Можайский, XVII век) к осмыслению сущности страдания за общество как высокого духовного подвига (Распятие, XVIII век).

Таким образом, культовая деревянная скульптура как сложное и в то же время цельное художественно-семантическое образование несло в своей образности не только элементы антропоморфизма, но прежде всего калократийности, как бы фокусируя «пронизанность

сознания и чувствований человека высшим надмирным началом»¹. Это высокое этическое начало и составляло суть древнерусского искусства, в котором предмет и смысл, эстетическое и художественное неразделимы с «величием нравственной культуры», что, в свою очередь, и определило важное место памятников искусства прошлого в наследии не только современной отечественной, но и мировой культуры.

Н. А. КАРЛИК,

доцент кафедры гуманитарных и социальных наук
Института управления и экономики, кандидат филологических наук

СУБКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Образ жизни восточных славян до их крещения регламентировался единым общим стилем: жизнь представителей разных сословий сильно не различалась. С конца X века в недрах единой культуры начинается вызревание сразу нескольких стилей, отличающихся друг от друга. Каждый из них ориентирован на определенную социокультурную группу. После принятия христианства сформировались различные ценностно-нормативные установки у князей и бояр, с одной стороны, и у народа — с другой. Церковь в русском культурном пространстве также заняла особое место и создала свой стиль, в значительной степени повлиявший на два вышеназванных. Культурный стилиевой диалог был характерен далеко не для всех периодов средневековья. Историческое развитие русского общества демонстрирует различные варианты соотношения стилей: от жесткого противостояния до полного слияния в соответствии с идеей всеобщей соборности и всеединства.

Носителем идеи и воплощения стиля всех названных субкультур является человек. «Человек посредством стиля репрезентует мир, сам становясь при этом культурным знаком»². Образ человека, воплощенный в произведениях искусства, созданных представителями различных субкультур, раскрывает специфику их отношения к миру. Идеальный герой и его реальное воплощение в одинаковой степени важны для осознания характерных черт конкретной культуры. Поэтому стилиевую систему отечественного средневековья целесообразно рассматривать через призму культурного медиатора ее «составляющих» —

культурного героя, через которого происходит самоидентификация субъектов различных субкультур.

Идеальный тип, на который ориентировалось каждое из названных образований внутри единой культуры восточных славян, представляет собой особый субкультурный феномен. Специфика его заключается в том, что он в каждый определенный период развития общества представлял наиболее важные для разных групп населения черты, модернизируясь в зависимости от изменений в их духовных и материальных устремлениях. С этим идеальным героем представители каждой из субкультур соотносили и тех, кто находился внутри их культурного слоя, и тех, кто остался снаружи. Особенно хорошо демонстрируют, как это происходило, образы реальных исторических деятелей, созданные в произведениях разных субкультур. Сравнивая их, мы получаем достаточно противоречивое представление о характере деятельности этих лиц. Там, где положение этих героев в обществе совпадает с тем, которое занимают представители субкультуры, изображающие их, реальные черты этих героев идеализируются: недостатки практически не упоминаются, а достоинства гиперболизируются. Если же для автора произведения они являются «чужими», то он, сравнивая их с господствующим в этой субкультуре типом идеального героя, во-первых, подчеркивает их отличие от этого типа; во-вторых, анализирует, насколько соответствуют их реальные черты представлениям об идеальном типе этой «чужой» субкультуры, которые господствуют в их собственной.

После принятия христианства на Руси представители православия стали активно участвовать в создании идеальных образов

¹ Вагнер Г. К. Тысячелетние корни. М., 1991. С. 81.

² Иванов Вяч. Манера, лицо, стиль // Труды и дни. 1912. № 4.

князей и бояр, которые, правда, скорее противоречили реальности, а не вытекали из нее. Для православной субкультуры правящая верхушка Киевской Руси была «чужой», тем не менее о том, какими должны и какими не должны быть люди, в нее входившие, авторы произведений религиозного направления писали достаточно много. Князя в силу своего социального статуса не могли претендовать на роль главных в этой субкультуре, у них на первом месте были другие, светские интересы. Но те из них, кто был наиболее близок ее главным героям — мученикам и подвижникам, приобретали в православных текстах ореол святости, лишаясь при этом своего исторического имени и переходя из исторического измерения в другое, где их государственные деяния не имели особого значения.

Такой ореол получил, например, князь Владимир, крестивший Русь, правда, не столько за личное соответствие христианским идеалам, сколько за то, что он приобщил к «благодати» православной веры восточных славян. Владимир особо идеализировался в литературе, написанной православными авторами, близкими князю и его окружению. В произведениях, о которых идет речь, Владимир также прославляется как историческое лицо — за то, что заменил язычество христианством, что имело большое государственное значение. В летописях Владимир изображен, прежде всего, как мудрый политик и государственный деятель. Когда он пытается вести себя по законам православной субкультуры, его, как показывает летописец, покидает мудрость, обязательный атрибут идеального правителя — медиатора княжеской субкультуры. Он перестает казнить злодеев и врагов отечества, боясь греха, что приводит к беспорядкам в самом Киеве и его окрестностях. Епископам и старцам пришлось объяснить князю, пытающемуся играть не свою роль, что власть ему дана Богом для того, чтобы вершить справедливый суд и тем самым обеспечивать спокойствие в государстве. В дальнейшем в летописях «правильное поведение» князей-христиан получает, прежде всего, внешнюю маркировку. Такие атрибуты, как соблюдение православных ритуалов, посещение церкви, ношение креста, могут быть названы среди наиболее распространенных в художественной литературе внешних знаков нормального поведения правителя. Все, что не отвечало кодифицированным нормам, ратценывалось как «неправильное поведение».

Что же касается Владимира, то тут необходимо отметить, что уже при жизни этого князя в культурный оборот вошло достаточно много текстов, посвященных его деяниям, сохранившихся как декларации симпатии к князю,

так и проявления вражды. В древнерусский период сложились целостные биографические мифы, которые концептуализировались в культуре. В дальнейшем писатели, историки, культурологи имели дело не столько с биографической фигурой Владимира, сколько с фигурой концептуально-мифологической. Преданиям, легендам, разного рода фольклорным источникам нередко отдается решительное предпочтение перед фактами. Виртуальный, потенциальный момент входит в исследования и определяет чувства симпатии и антипатии к Великому князю.

Православным авторам, которых Владимир и его наследники достаточно ощутимо, хотя и не бескорыстно, поддерживали, приходилось, в свою очередь, способствовать обожествлению княжеской власти. Так, например, при Ярославе Мудром будущий митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» доказывает необходимость признать Владимира святым. Как и в первых летописных рассказах, в «Слове» утверждается мысль, что история Руси повторяет историю других великих держав: «божественная благодать» снизошла на нее так же, как некогда на Рим и Византию. Из этого следует особое отношение и к Владимиру — «равноапостольному» князю, крестившему Русь. Чтобы обосновать идею независимости Руси, Иларион готов поставить Владимира на одну ступень с Константином, обьявившим христианство государственной религией Византии. Идея равенства Руси в отношениях с Византией определяет идеализированный образ князя в «Слове...» и сближает церковную проповедь с теми страницами летописи, которые работают на создание представления о Владимире как о князе Великом.

Иной представляется литература, непосредственно связанная с православной церковью, с монашескими идеалами, хотя и в ней также встречаются не только изображения князей, идеализированные в соответствии с православными морально-этическими требованиями, но и образы реальных князей, черты которых далеко не идеальны. В агиографии представлены как произведения, целиком посвященные «теме идеального христианского героя, ушедшего из «мирской жизни», чтобы подвигами заслужить жизнь «вечную» (после смерти)», так и жития, в которых герои «стремятся обосновать своим поведением не только общехристианский, но и феодальный идеал»¹. В последних реальные черты преобладают над идеальными. Образцом жития та-

¹ Адрианова-Перетц В. П. Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970.

кого типа является «Сказание» о Борисе и Глебе, написанное на сюжет мученической кончины первых русских святых. Создание церковного культа Бориса и Глеба преследовало две цели. С одной стороны, их канонизация поднимала церковный авторитет Руси, удостоившейся своих «святых угодников», подтверждала, что Русь «почтена пред богом». С другой стороны, культ Бориса и Глеба утверждал и «освящал» важную государственную идею, согласно которой все русские князья — братья, то есть имел и политический смысл. Подчеркнем, что идеальный образ князя здесь дан не только через утверждение, но и через отрицание. Причем не только Святополк Окаянный оказывается противопоставлен князьям-мученикам, но и их отец Василий (это имя было дано в святом крещении Владимиру). В этом житии хотя и решаются государственные проблемы (утверждаются права старшего в роде князя, осуждаются княжеские междоусобицы), при этом традиционный для князя образ жизни осуждается. Идея суетности жизни князей и бессмысленности их деяний выражена Борисом. Интересно, что речь идет как раз о многом, что в других произведениях древнерусской литературы, меньше связанных с церковью, не только не осуждается, но даже приветствуется. «Если пойду в дом отца моего, — раздумывал Борис, — то как бы не склонили люди меня на то, чтобы прогнать мне брата моего, как делал и отец мой до святого крещения ради славы и княжения, а это все переходяще и хуже паутины... Что приобрели братья отца моего или отец мой? Где их жизнь и слава мира сего, багряница и пиры, серебро и золото, вина и меды, добрая пища и быстрые кони, и дома красивые и большие, и богатство большое, и дани и почести бесчисленные и похвальба среди бояр своих. Уже всего этого как будто и не было никогда, вместе с ними исчезло»¹.

В других произведениях «религиозной» субкультуры изображены князья, которые являлись еще большими грешниками, чем святой Владимир, осуждаемый своим сыном Борисом. Особенно часто от канонических требований в сторону реалистических деталей и живых черт характеров отступают авторы рассказов «Киево-Печерского патерика». Киевские князья и бояре в них не окружены ореолом христианского благочестия: они, в отличие от князей, которые просто любили хорошо поесть и весело провести время, одержимы гордостью и сребролюбием до такой

степени, что даже не останавливаются перед убийством монахов.

В устных народных преданиях и былинах созданы образы князей, отличные от тех, которые рассмотрены выше. Эти отличия особо видны в описаниях слов и поступков князя Владимира, который и в произведениях устного народного творчества часто был героем (хотя и не главным).

Главными героями в народной субкультуре являются богатыри, которым князь проигрывает и в смелости, и в благородстве. Так, например, во всех вариантах былины «Добрыня Никитич и Василий Каземирович» трусливой и нерешительной политике Владимира, посылающего татарскому князю «дани-выходы» (факт исторического смещения здесь несущественен, так как речь идет об обобщенном образе князя), противостоят богатыри, демонстрирующие врагам свое культурное и военное превосходство. Не только в стрельбе из лука и в борьбе оказывается сильнее Добрыня; он побеждает и в интеллектуальном состязании, выигрывая у царя Бутеяна Бутеяновича в шахматы. Пока Добрыня находится в отъезде и совершает свои подвиги, его жена выходит замуж за Алешу Поповича. Подчеркнем, что во многих былинах, посвященных этой свадьбе, сватом является именно Владимир. В некоторых версиях антикняжеская трактовка особо подчеркивается тем фактом, что князь составляет для матери Добрыни письмо о смерти сына, о чем сообщает богатырю его вещей конь:

«Солнышко Владимир князь письмо-то ведь составил, // Представил честной вдовы Офимье Олександровны: // — Добрынюшка во чистом поле лежит, головушка отсечена»².

Коварство князя Владимира в других вариантах былин заменяется открытым произволом власти, не нуждающейся в обходных путях для достижения своих целей. Так, например, в былине «Добрыня и Василий Каземирович» Настасья Микулична идет за Алешу Поповича, боясь князя Владимира, приказавшего «кто Владимира вспомнит, так убить-повесити»³.

Владимир выглядит недостойно даже в сравнении с теми богатырями, которые не славились особой силой и отвагой, например, с Алешей Поповичем. Названный богатырь далеко не во всем соответствует представлениям народа об идеальном герое: он далеко не так смел, как другие богатыри, иногда берет хитростью, не вступая в открытый бой

¹ Сказание о страстях и похвала святым мученикам Борису и Глебу // Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1974.

² Добрыня и Алеша // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974.

³ Добрыня и Василий Каземирович // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974.

с врагами, любит похвалиться своей силой и поглумиться над противником. Но в тех былинах, где он оказывается рядом с Владимиром, начинают проступать не столько его отрицательные, сколько положительные черты. «Высокий моральный облик»¹ этого богатыря проявляется в его оценке поведения князя Владимира и княгини, а также в борьбе с Тугарином, в которой, как отмечал В. Г. Белинский, он выступает против «холодного цинического разврата»². Во многих вариантах былины об Алеше Владимир выступает в роли рогоносца, трусливо потворствующего Тугарину. Алеша, не желая видеть унижение князя, смело указывает ему, как отвратителен его гость и как жалок он сам в попытках не видеть, что происходит у него на глазах: «И говорил втапору Алеша Попович млад: // “Гой еси ты, ласковый сударь Владимир-князь! // Что у тебя за болван пришел, // Что за дурак неотесоной? // Нечестно у князя за столом сидит, // Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет, // Целует во уста сахарные, // Тебя, князю, насмехается!”»³.

Произведения, написанные о князьях представителями народной и религиозной субкультур, демонстрируют «взгляд со стороны», понимание государственных нужд людьми, не обремененными властью, специфическое представление об идеальном князе, способном решить все государственные проблемы, при этом соответствуя требованиям, предъявляемым к нему народом и церковью.

В княжеской субкультуре также сформировались и идеальные «образы себя», и идеальные образы представителей других субкультурных областей. Так, например, благочестие, богобоязненность, чувство греховности (и другие элементы монашеского идеала) князя пытались ввести в повседневный быт крестьян. При этом их собственные идеалы и реальная практика лишь в незначительной степени были определены религией. То малое сообщество, которое они представляли, прежде всего было ориентировано, особенно в домонгольский период, на борьбу с врагами и укрепление собственной власти, что не особо соотносилось с требованиями христианской этики.

И для Владимира, и для других политических деятелей религия была скорее средством, нежели целью. Они прежде всего стремились к укреплению основ своего государства и не являлись примером христианского поведения для своих подданных. Многие из них

любили роскошь, любили развеселые пиры. Идеал аскетизма не был ориентиром в их повседневном быте. Особое положение князей в обществе определило их мораль и поведенческие формы. «Для князей был выработан и официально закреплен особый набор качеств, необходимых для успешного правления. Этот набор включал в себя: достоинство воина (сила, мужество, храбрость, смелость), достоинства государственного деятеля (мудрость, острота ума, дальновидность)⁴. Восточные славяне предпочитали наглядные примеры обожествлению абстракций, поэтому конкретные черты первых правителей внесли существенный вклад в формирование идеального образа князя. Князь как культурный герой воплощал не столько идеал святости, сколько идеал богатырской удали и молодечества. Благочестие в княжеской субкультуре меньше ценилось, чем военный опыт и дипломатический талант.

В молодой древнерусской литературе в первые два столетия с момента ее рождения активно утверждался образ князя-воина. Причем в описываемых событиях князь не играл ту этическую роль, которая станет для него основной с XIII века. Идея наступления, углубления в чужую землю вполне разделяется первыми русскими православными авторами. И в русской Начальной летописи XI века, и в отразившемся в ней историческом фольклоре героизировались, в основном, далекие походы русских князей за пределы Русской земли — походы Олега, Игоря, Святослава, отмечались многочисленные походы причисленного к лику святых Владимира Святославовича. Моральная сторона завоевательных войн в первые века русской литературы не обращает на себя внимания, а потому моральная правота князей, участвовавших в них, не подвергается сомнениям. Как только христианские идеи с внешнего уровня переходят на внутренний, внедряются в сознание русских авторов (или когда писать начинают люди, сознательно исповедовавшие православие), в летописях и воинских повестях описания завоевательных войн сменяются описаниями войн оборонительных. Д. С. Лихачев отмечал, что этот переход от одного типа героического к другому произошел в конце XII — начале XIII века. Именно в это время «все значительнейшие воинские повести посвящены оборонительным сражениям в пределах Русской земли и вырабатывается нравственный кодекс войны»⁵. Отмеченные

⁴ Бабаева А. В. Формы поведения в русской культуре (IX–XIX века). СПб., 2001.

⁵ Лихачев Д. С. Лев Толстой и традиции древней русской литературы // Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература: Статьи. Л., 1984.

¹ Проп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5.

³ Алеша Попович // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974.

инновационные тенденции затрагивали существовавшие образы человека, прежде всего образы князей.

Отметим, что такие изменения имели место и в других субкультурах. В них также под влиянием конкретных исторических условий трансформировались каноны идеальной модели. В княжеской субкультуре XIII–XIV вв. становится главным образ православного князя-защитника. В произведениях народной культуры, посвященных нашествию на Русь

татаро-монгол, также уточняются черты идеального героя. Героизм нового типа определяется не столько наличием физической силы, сколько ее применением против вездесущих эпических врагов русского народа. Даже в религиозной литературе появился новый жанр — княжеское житие, позволяющий показать героический характер. Для периода татаро-монгольского ига характерно большее сходство субкультурных медиаторов, чем для предыдущего.

И. П. МИХАЙЛОВ,
депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И КУЛЬТУРА

Попытаемся найти в творческом наследии Дмитрия Сергеевича Лихачева рассуждения на данную тему. Наиболее подходящими и отражающими всю полноту вопроса мне показались мысли академика о формировании личности и общества: «Культура личности формируется в результате деятельности памяти одного человека, культура семьи — как результат семейной памяти, культура народа — народной памяти. Но мы уже давно вступили в эпоху, когда для общей культуры отдельного человека, общества, народа нужна деятельная, творческая память всего человечества. И подобно тому, как культура семьи не уничтожает, а совершенствует культуру личности, так и культура всего человечества совершенствует, возвышает, обогащает культуру каждого отдельного народа».

Для меня важна в этой цитате ссылка на человеческую память. Если слово «память» заменить на любое другое, то цитата приобретет весьма спорный характер.

Не думаю, что удивлю вас, если, опираясь на приведенную цитату, выскажу простую мысль — существует неразрывная связь любого человека, любой национальности, любой должности со всем человечеством, и наоборот. Эта связь незрима и сильна. Даже признание этой связи, как ежесекундно существующего фактора в жизни личности, уже облегчило бы существование человечества.

Любое общество в идеале должно хранить память о своем прошлом, о своих прежних системах связей, внутренних и внешних, т. к. только там общество может найти первопричины, которые подтолкнули его к созданию государства.

Мне кажется, что любой кризис в обществе связан именно с тем, что общество в какой-то момент теряло одну из систем связей в общей системе — систему связей с государственной надстройкой, созданной этим обществом и состоящей из членов этого же общества. Ведь форм государственно-общественного устройства придумано много, а проблемы у всех одни и те же. Почему? Каждый раз, во имя увековечения своего пребывания у власти государственная надстройка затевала искусственные вкрапления в куль-

турную ткань общества элементов догматизма. Предпринимались отчаянные попытки привить обществу на уровне культурных ценностей систему односторонних связей, при этом не подлежащую изменению со стороны общества. Каждый раз личности, направленные обществом на работу в государственную надстройку, пытались создать локальную культуру внутри государственной надстройки, неся внутри себя одновременно культуру своего общества. Таким образом, возникла система двойных стандартов, имеющаяся у элиты любого общества. Но ведь известно, что дом без фундамента не строят. Он будет падать. Вот и элиты падают, на смену им приходят другие и все совершают одну и ту же ошибку. Вот вам и революция всех типов (от «бархатной» до кровавой), перевороты и так далее. Для описания этих падений подойдет любое слово, которое применимо для эффективной пропаганды.

В истории нашего государства подобные сюжеты постоянны. Наверное, потому, что до сих пор общество российское не имело возможности сформироваться окончательно. А что нужно для полного формирования российского общественного самосознания? Нужно решить, согласны мы на систему двойных стандартов или нет. Если согласны, то можно перестать жаловаться и жить в ней. Если не согласны, то изменить систему связей между обществом и государственной надстройкой.

Изменить систему связей между обществом и государственной надстройкой можно довольно легко. Представьте себе, что вся представительная власть всех уровней утратит право законодательной инициативы. Право законодательной инициативы останется только у исполнительной власти. Причем право вето у исполнительной власти приобретет не однократный, а трехкратный, к примеру, характер. Кроме того, исполнительная власть лишится права принимать самостоятельные подзаконные акты. Что же остается у представительной власти? Попробую перечислить:

— создание реальной процедуры общественных слушаний с реальной системой контроля их проведения;

— обобщение собранной информации и учет общественного мнения в конкретном законе;

— принятие итогового текста закона.

Вы видите — это по сути первое, второе и третье чтение. С той лишь разницей, что основной акцент сделан на подробной проработке процедуры рассмотрения закона. Задача представительной власти — создать процедуру, понятную обществу, позволяющую наиболее активным слоям общества участвовать в реальном процессе с уверенностью, что общественное мнение будет услышано. Есть еще одна важная особенность. Если процедура составлена во имя взаимосвязи между государственной надстройкой и обществом, то она погасит все политические противоре-

чия и оставит на поверхности реальные проблемы и реальные способы и сроки их решения. Иными словами, все узнают правду!

Сегодня, в эпоху двойных стандартов, общество имеет декларативную конституцию. Сразу узнать правду, да еще от того, кто вчера убеждал общество в развитии позитивных процессов, — это такой шок, который трудно даже представить. Сближение должно быть постепенным. Пусть первой проблемой станет интеллектуальная собственность и все, что связано с ней. Заодно узнаем, кто кого как ценит. А затем двинемся к иным горизонтам.

Недаром великий ученый отмечал: «Нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель».

О. В. КОЛОМИЙЧЕНКО,

руководитель Территориального управления по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, кандидат экономических наук

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ РЕГИОНА: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ

Оценивая процесс и результаты развития того или иного региона, исследователи часто ограничиваются выявлением и анализом влияния лишь объективных факторов, таких, например, как количество и эффективность использования сырьевых ресурсов региона, уровень развития производства и торговли, объем межрегиональной и международной торговли, уровень научно-технического развития и потенциала региона, характер трудовых ресурсов (количество, квалификация, возрастные категории) и проч. При этом названные факторы и характеристики в большинстве случаев сами являются результатами действия иного рода причин, имеющих субъективную, личностную основу. Ни для кого не секрет, что наша экономика сильно зависит от действий конкретных лиц, занимающих ключевые государственные посты, не обязательно главные, но позволяющие использовать силу административного ресурса, значение которого у нас чрезвычайно велико. И нам бы хотелось здесь поделить некоторые соображения по поводу действия так называемого субъективного фактора в экономике. Полагаем, что для всестороннего анализа эффективности развития региона оценка действия этого фактора не менее важна, чем исследование экономических, политических, социальных сторон этого процесса.

Под субъективным мы понимаем фактор, имеющий личностную природу, но оказывающий существенное влияние на направления,

интенсивность, пропорциональность развития того или иного региона.

Субъективный фактор связан с деятельностью в первую очередь руководителей регионов и членов их команд, мотивацией их действий (преследование исключительно личных целей или сочетание их с целями развития региона), методами руководства, отношением к бизнесу и т. д.

Оценить влияние субъективного фактора можно, сравнив стартовые условия развития региона в какой-либо прошедший момент времени (например, в начале 1990-х гг.) и его нынешний уровень по ряду основных характеристик:

- предпринимательский климат;
- инвестиционная привлекательность региона;
- уровень приватизации;
- участие региона в федеральных и международных проектах;
- взаимоотношения с субъектами естественных монополий;
- соблюдение принципа преемственности социально-экономической политики, проводимой в регионе, и др.

Наиболее наглядную картину можно получить, сравнив регионы с приблизительно равными стартовыми условиями и первоначальным потенциалом развития, например:

- Москва и Санкт-Петербург;
- Ленинградская, Псковская и Новгородская области.

Первый критерий, по которому можно оценить силу влияния субъективного фактора, — созданные в регионе условия для развития предпринимательства, особенного малого и среднего. Как известно, благоприятность предпринимательского климата обратно пропорциональна величине различного рода барьеров на пути его формирования. И самыми тяжелыми в наших условиях предприниматели чаще всего называют административные барьеры — прямое порождение действия субъективного фактора. Как же обстоят дела в этом вопросе?

Интересны результаты исследования, проведенного московским Бюро экономического анализа. Все регионы России были разделены на шесть групп: от регионов с полным отсутствием условий для развития бизнеса до регионов с максимально благоприятными условиями. Интересно, что в пятую группу (всего 17 регионов) с «благоприятными условиями» из несырьевых регионов попали только Ростовская, Липецкая, Саратовская, Кировская и Нижегородская области. В шестой группе с «наиболее благоприятными условиями» оказалась одна Москва. Всего из 88 оцененных регионов только 18(!) были включены в 5 и 6 группы со сравнительно благоприятным бизнес-климатом. К сожалению, Санкт-Петербург, как, впрочем, и все регионы Северо-Запада, сюда не попал, — он вошел в самую многочисленную (48 субъектов) — четвертую группу с условиями «выше средних»¹.

Но и соседство в одной группе еще не означает, на наш взгляд, одинаковых условий ведения бизнеса в регионах. Здесь следует рассматривать происходящие изменения бизнес-климата и их темпы, участие в этом процессе региональных органов власти и их лидеров, характер и степень административного влияния на предпринимательскую среду.

Вторая важнейшая характеристика, позволяющая выявить действие субъективного фактора, — инвестиционный климат в регионе. Ни для кого не секрет, что инвестиционная привлекательность территории на 50–60 процентов формируется за счет действий местных органов власти и, соответственно, определенных должностных лиц. Причем, к сожалению, в современных российских условиях огромную роль играет принципиальное отношение высших региональных чиновников к инвесторам. Наш опыт работы с предпринимательскими структурами, а также резуль-

таты различных исследований проблем ведения бизнеса показывают², что, как минимум, степень лояльности региональной власти является важнейшим фактором инвестиционной привлекательности.

Возьмем для сравнения три северо-западных региона: Санкт-Петербург, Ленинградскую область и Новгородскую область. Совершенно очевидно, что объективно Санкт-Петербург наиболее привлекателен для инвестирования. Сюда и поступает наибольший на Северо-Западе объем иностранных инвестиций (около 10% ежегодного объема иностранных инвестиций в российскую экономику). Однако по показателям среднестатистического объема прямых инвестиций Санкт-Петербург на протяжении нескольких лет отстает от своих соседей. Более того, в 2000 году на фоне общероссийского роста инвестиций в Санкт-Петербурге было отмечено снижение объема инвестиций в основной капитал, составившего лишь 79% от показателя предыдущего года (для сравнения: инвестиции в основной капитал в Ленинградской области за этот же период составили 110%, Новгородской области — 121%). И это несмотря на то, что в Санкт-Петербурге принято несколько законов, призванных повысить инвестиционную привлекательность региона³. Показательно, например, что процедура согласования инвестиционных проектов в Санкт-Петербурге почти вдвое дольше, чем в соседнем Великом Новгороде.

А причина негативной тенденции — отсутствие последовательной, логичной, прозрачной, равноправной политики по отношению к инвесторам.

Показательный и всем известный пример крайней непоследовательности инвестиционной политики властей Санкт-Петербурга — сокращение и отмена льгот на инвестиции. Так, из-за внезапной отмены пятилетней льготы на вложение более 5 млн долларов предпринятиям, производящим подакцизную продукцию, пострадала солодовня, построенная пивоваренной компанией «Балтика» совместно с «Souffle Group», сразу же ставшая убыточной, поскольку ее окупаемость рассчитывалась с учетом действия льготы.

² Например, исследования FIAS (Foreign Investment Advisory Service) и Санкт-Петербургской ассоциации содействия установлению международных деловых связей. Журнал «Эксперт Северо-Запад», № 6 от 02.04.2001 г., с. 12.

³ Законы СПб «О государственной поддержке инвестиционной деятельности на территории Санкт-Петербурга», «Об инвестициях в недвижимость», «О внесении изменений и дополнений в Закон Санкт-Петербурга «О налоговых льготах», принятые в 1998 году.

¹ Ограничение конкуренции на региональных рынках товаров и услуг местными органами власти и управления (Очерк российской практики 1990-х годов). М.: ТЕИС, 2000. С. 79–81.

Существует мнение: для таких мегаполисов, как Санкт-Петербург, индивидуальный подход и обстоятельное рассмотрение каждого инвестиционного проекта оправдано с той точки зрения, что необходимо проанализировать и учесть все результаты его реализации на столь сложной территории. Ссылаются при этом на опыт Германии, где процедуры согласования инвестиционных проектов еще длиннее¹. Однако мы полагаем, что всему свое время. Германия уже настолько развита и насыщена капиталами, что может себе позволить долго работать с каждым потенциальным инвестором, пристально рассматривая его со всех сторон и делая акцент на экологических, социальных аспектах бизнеса. Нам же пока до этого далеко, инвестиций явно не хватает, а действующие бюрократические «фильтры» слабо связаны с решением социальных проблем.

Интересна связь **интенсивности процессов приватизации и влияния субъективного фактора**.

Последствиями ускоренной приватизации в Санкт-Петербурге стали, во-первых, большее влияние бизнеса на администрацию региона, и, во-вторых, то, что отношения внутри бизнес-сообщества более отвечали законам рынка. Последнее проявлялось в том числе и в многочисленных случаях нарушения антимонопольного законодательства в результате жесткой конкуренции за ограниченные региональные ресурсы, что выразилось в значительном количестве рассматриваемых территориальным органом МАП РФ дел, которые в Санкт-Петербурге появлялись зачастую с опережением на год-полтора по сравнению с другими регионами России.

Подобный характер развития Петербурга стал главной причиной реализации в городе крупных инвестиционных проектов. Именно при А. А. Собчаке в город пришли такие фирмы, как «Кока-Кола», «Жилетт», «Юнилевер», «Р-Дж-Рейнольдс», пришли инвесторы на такие предприятия как «Балтика», «Вена», «Браво-Интернешнл», «АВВ», «Сименс». В дальнейшем приток инвестиций сократился, что во многом связано со сменой высшего должностного лица города и его команды. Инвестиционный климат и глубина приватизации — два взаимосвязанных явления. Общеизвестно, что, с одной стороны, частный инвестор в России пока не стремится вкладывать ресурсы в предприятия с государственным участием. С другой стороны, когда нет понятной и подтвержденной доброжелательной политики администрации региона по от-

ношению к инвесторам, рассчитывать на приток инвестиций не приходится.

В целом, говоря об инвестиционном климате в регионах, следует отметить, что инвестиции приходят туда, где проводится **стабильная налоговая политика** и ведется борьба с административными барьерами на пути предпринимательства. С инвестиционной привлекательностью и бизнес-климатом тесно связано решение проблемы **«единого окна»**, которое инициируется петербургским антимонопольным управлением вот уже много лет, не встречая, к сожалению, отклика со стороны чиновников Администрации Санкт-Петербурга. Смысл его состоит в том, чтобы минимизировать количество согласований (в идеале — до одного) и, соответственно, всевозможных затрат на них, которые необходимо произвести хозяйствующему субъекту, чтобы начать осуществление того или иного вида бизнеса или реализацию инвестиционного проекта. Понятно, что обеспечение действия принципа «единого окна» означает ликвидацию значительного числа административных барьеров, обусловленных во многом все тем же субъективным фактором.

Как положительный, приведем здесь пример Администрации Новгородской области. Совершенствуя процедуру предоставления в пользование земельных участков, Администрация объединила работу земельного Комитета и Комитета по архитектуре по рассмотрению и согласованию поступающих заявок, что естественно ускоряет и облегчает заявителю процесс получения участков для реализации своего проекта. Далее Комиссия по выдаче технических условий на проектирование и строительство, состоящая из представителей Комитета по собственности и экономическому развитию, Комитета архитектуры, земельного Комитета, других технических служб, централизованно рассматривает все заявления на согласование технических условий по проектам строительства и реконструкции, что, безусловно, также облегчает прохождение последних по инстанциям (которые в основном ликвидированы). Деятельность данной Комиссии схожа с работой Межведомственной Комиссии по рассмотрению проектов Ленинградской области, которая тоже может похвастаться своими достижениями в обеспечении действия принципа «единого окна».

Справедливости ради следует сказать, что на недавнем заседании Совета по содействию иностранным инвестициям при губернаторе Санкт-Петербурга ставился на рассмотрение вопрос о разработке концепции «единого информационного окна» для инвесторов и механизма ее реализации. Но содержание, формы

¹ *Эксперт* Северо-Запад. № 6. 02.04.2001. С. 15.

и сроки реализации концепции пока остаются неясными, да и затрагивает она только одну сторону проблемы.

Отражает влияние субъективного фактора и **характер взаимоотношений, складывающихся между региональными властями и субъектами отраслей естественных монополий**. Здесь, на наш взгляд, важна стабильность и предсказуемость работы региона с базовыми отраслями, такими как тепло-, энерго-, водо-, газоснабжение, телефонные сети, региональные отделения железной дороги, порты. Гарантии понятности и стабильности работы монополистов в основных сферах жизнеобеспечения региона — это гарантии бесперебойного функционирования всей его экономики.

Кроме того, важнейшей задачей региональной исполнительной власти и ее конкретных чиновников является выполнение обязательств по бюджетным платежам за товары и услуги, поставляемые естественными монополистами (как, впрочем, и всеми остальными поставщиками по госзаказу). Неплатежи в крупных размерах, а именно таковыми они обычно и бывают, естественным образом влекут за собой будущее невыполнение обязательств монополистов перед корпоративными и частными потребителями их товара, что имеет целый «букет» последствий: дестабилизацию работы самих естественных монополий с поставщиками, дестабилизацию работы остального бизнеса, конфликты с массовым частным потребителем.

Возможность снижения влияния субъективного фактора зависит в немалой степени от наличия в регионе утвержденной **системы приоритетов развития** и, конечно, их реализации. Цели и приоритеты, как правило, отражаются в планово-стратегических документах. Это концепции и планы развития региона на долгосрочную перспективу.

Конечно, чтобы эти цели были реализованы в полной мере, региональное планирование должно проводиться на законодательной основе, а сами плановые документы должны иметь нормативный характер, хотя и ограниченный по сфере регулирования. Нормативный характер процесса обеспечивает и наличие механизма внесения изменений в планы развития, а также заставляет региональные власти отчитываться о решении проблем, обозначенных в плане¹. В завершение этих рассуждений надо сказать, что по состоянию на 2001 год из общего числа субъектов Федерации плановыми документами располагали только 30 регионов. Соответственно, в других

регионах у властных органов и лиц остается возможность «фантазировать на свой лад» относительно направлений развития своих регионов, по своему усмотрению расставляя приоритеты и применяя удобные методы управления.

Со всем сказанным выше тесно связана и следующая мысль: показателем наличия субъективизма в действиях регионального аппарата является следование **принципу преемственности** социально-экономической политики, проводимой в регионе. В противном случае место работающего экономического механизма развития региона и его последовательной корректировки занимают постоянные попытки удовлетворения амбиций отдельных чиновников, оказавшихся «у кормила» на какой-то исторически непродолжительный срок. Соответственно, лица, управляющие регионом, и в первую очередь первое лицо, должны обладать значительной политической волей, принимая на себя груз обязательств предыдущего руководства.

Как видим, проблем, обусловленных действием субъективного фактора, более чем достаточно. Но есть и положительные примеры их решения, которые мы попытались продемонстрировать. Для снижения отрицательного воздействия субъективных факторов, на наш взгляд, с помощью сил аппарата полномочного представителя Президента РФ в округе как организующего и координирующего центра необходимо обеспечивать:

— налаживание сравнительного мониторинга показателей инвестиционной привлекательности, хозяйственного климата, административных барьеров в регионах, входящим в округ;

— анализ правовых документов (решений, распоряжений, постановлений органов управления всех уровней), количества обращений в адрес антимонопольных органов, судов со стороны предпринимателей;

— проведение региональными органами власти открытой политики, под которой понимается не просто выступление в СМИ, а прямой диалог с оппонентами по вопросам социально-экономического развития региона;

— выполнение предвыборных обещаний;

— формы и методы работы с федеральными структурами;

— общение с бизнесом по вопросам «правил игры»;

— кадровую политику, формирование команды, формирование второго, третьего уровня управленцев;

— сочетание личных и комплекса экономических интересов, формирующихся в регионе.

¹ Стратегический план Санкт-Петербурга носит декларативный, но не нормативный характер.

И. И. ЛУКИНОВ,
директор Института экономики НАН Украины,
академик РАН и НАН Украины

ОБЩЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД И РОЛЬ В НЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Познание процессов, происходящих в экономической жизни постсоветских стран, как и оценка складывающихся в них хозяйственных ситуаций или перспектив их экономического развития с позиций объявленных целей политики соответствующих государств и достигнутых результатов, наконец, адекватности последних существующим экономическим доктринам типа Вашингтонского консенсуса, как представляется, будут малопродуктивными, пока проблемы системной роли, исполняемой экономикой в обществе, будут лежать вне поля зрения исследователей.

Понятие системной роли основывается на очевидном факте включенности той или иной сферы человеческой деятельности в жизнь общества как объемлющего социального целого. Несмотря на то, что системный подход в экономической науке является общепризнанным инструментом познания, смысл, который в него вкладывается ее представителями, свидетельствует об их приверженности экономоцентризму. То есть экономика рассматривается как несущая конструкция общественной жизни, на которую навешиваются остальные сферы последней, во всем зависящие от первой. В какой-то мере это объясняется присущей классическому и неоклассическому направлениям экономической мысли традиции рассматривать экономику как самодостаточную подсистему жизни общества, которая сама создает условия своего функционирования и развития и способна воспроизводиться независимо от других подсистем¹. Марксистская концепция базиса и надстройки также способствовала распространению идеи примата экономики в обществе².

Между тем основной принцип системного подхода к общественной жизни явно не согласуется с экономоцентризмом, поскольку предполагает примат целого над частями, к которым относится и экономика с отведенной ей ролью в этой жизни. Поэтому, как представляется, вполне оправданной является оценка как замысла постсоветских преобразований общественной жизни, так и хода их реализации с позиций соображений о том, для чего существует в обществе его экономическая подсистема, как она выполняет свое

предназначение, как дифференцируется, сочленяется и взаимодействует с другими его подсистемами.

Системный подход к общественной жизни неизбежно приводит к необходимости определения критически значимого набора функциональных требований, от уровня реализации которых зависят выживание, интеграция и развитие общества. Столь же необходимым становится поиск структурных образований в последнем, на которых лежит ответственность за выполнение этих требований. Как представляется, разнообразие типов общества может быть объяснено историческими различиями как в формах проявления и осознания этих универсальных функциональных требований, так и в механизме их реализации.

Среди обществоведов существуют значительные различия мнений в вопросе о количестве этих требований, их относительной значимости и характере структурных образований в обществе, предназначенных для их выполнения. Эти различия лежат в основе разных направлений обществоведческой мысли. В силу исторических и методологических особенностей развития знаний об обществе их прогресс проявляется в том, какое функциональное требование выдвигается в качестве доминирующего и, соответственно, какой общественной структуре, ответственной за его выполнение, отводится роль представителя всего общества. Например, для платоновского и аристотелевского обществознания было характерно этическое восприятие общественной жизни, согласно которому все, что происходило в ней, интерпретировалось либо как этически оправданное и поэтому должное, либо как неоправданное и заслуживающее осуждения и изгнания из нее³. При этом лишь такая общественная организация, в том числе и экономической жизни, считалась разумной и оправданной, где реализуется этика доброй воли.

В эпоху Возрождения в качестве доминирующего императива общественной, в том числе и экономической, жизни выдвигались морально-философские и юридические принципы «естественного права», в которых, в частности, было предложено оправдание частной собственности и личной выгоды. Но такие

¹ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 13, С. 6–7.

³ Реуэль А. А. Экономические учения рабовладельческого общества. М., 1959.

предложения базировались не на критерии экономической эффективности, а на требовании общего блага¹. Последнее выступало безусловным функциональным императивом, которым следовало руководствоваться во всех сферах общественной жизни, включая экономику.

Вследствие обнаружения А. Смитом двигателя экономики в ней самой², появления доктрины «экономического человека»³, а также расширительной интерпретации проходной фразы А. Смита о «невидимой руке», направляющей действия хозяйствующих индивидов, экономическая активность перестала нуждаться в апелляции к этике, политике, праву.

Экономика стала автономной и доминирующей сферой общественной жизни и, так сказать, со зловещей регулярностью вследствие действия циклических закономерностей, начала сталкиваться с жесточайшими кризисами перепроизводства, что породило сомнения в ее способности к саморегулированию. Сопровождающие эти кризисы массовые разорения хозяйствующих единиц и безработица вынуждали к принятию антикризисных мер, призванных защитить общество от опустошительных последствий экономического саморегулирования. Одновременно вызревало понимание того, что хозяйственные успехи как таковые не могут компенсировать социальные потери, и экономическим прогрессом нельзя возместить разрушение человеческих жизней и растрату национальных богатств из-за невмешательства в хозяйствование.

Образовавшийся разрыв между экономическими ценностями, отстаиваемыми в рамках радикально либерального направления экономической мысли, и ценностями социальными, требовавшими усиления государственного воздействия на протекание экономических процессов, обусловил необходимость системного рассмотрения общества и места в нем экономики. Во всяком случае, у многих обществоведов укрепилось понимание того, что общество не может быть сведено к экономике, как и не может быть сведено к культуре, политике или какой-то иной сфере социальной жизни. Общество как таковое возникает там, где имеются условия для проявления большинством населения хозяйственных, культурных, политических и прочих социальных качеств, без которых невозможно определить человека как феномен существующего мира. А многообразие человеческо-

го опыта возможно лишь как компромисс всех сторон его существования. При этом экономические ценности благоприятны только в рамках, устанавливаемых требованиями реализации культурных, политических и прочих ценностей, которые для своего воспроизведения нуждаются в поддержке со стороны первых, как и наоборот.

В этой связи весьма поучителен опыт послевоенного восстановления Германии, Японии. Так, при всем желании невозможно свести программы послевоенного восстановления этих стран к объемам использованных хозяйственных ресурсов. Именно сознательное задействование таких культурно-исторических факторов, как национальный характер, осознание причастности к судьбе своей Родины, образованность, культурные традиции и т. п., обеспечило такое использование имеющихся ограниченных хозяйственных ресурсов, которое давало наиболее весомые общественные результаты. Подключение этих факторов к общественно-восстановительным процессам сказалось на том, что данные процессы, в частности в экономической сфере, не приняли форму возврата к временам доминирования мелкотоварного производства, на что ориентировали рекомендации представителей неоклассического направления экономической мысли, а пошли по пути реиндустриализации на новой технико-технологической основе, несмотря на проводимую оккупационной администрацией политику ликвидации крупных индустриальных комплексов.

Осознание взаимозависимости различных сфер социальной жизни ведет к современному пониманию системной природы общества, в том числе его структурно-функциональной дифференциации, и примата целого над его частями. С этой точки зрения выделение части целого в качестве объекта внимания оправдано лишь в форме подсистемы целого, идет ли речь об экономической, культурной, политической либо каких-то иных сферах. Поэтому определение наилучшего или оптимального функционирования, развития с системной точки зрения — это не столько проблема максимизации некоторого функционала, сколько проблема взаимного соблюдения ограничений, налагаемых на одни ценности, например, экономические, другими — культурными, политическими и т. п.

Когда общества сталкиваются с экономическими трудностями, то, как правило, оказывается, что решить эти проблемы нельзя средствами одной лишь экономики. Более того, корни этих проблем часто лежат вне строго экономической сферы. Поэтому и требуется воздействие на субъекты экономики других сфер социальной жизни. А эффективность

¹ История политических учений. 2-е изд. М., 1960.

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1935.

³ Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.

преодоления экономических трудностей будет зависеть от того, насколько хорошо налажены каналы взаимодействий между подсистемами общества, насколько хорошо в последнем развито понимание того, что экономическая жизнь не протекает в отрыве от других сфер социальной жизни. Даже при значительной автономности экономики, что характерно для структурно-функциональных матриц западных обществ, в обществе всегда будут существовать между ней и другими сферами пограничные области, в которых имеет место взаимное наложение подсистем социальной жизни, и через которые происходит их взаимное проникновение. При этом надо иметь в виду, что конфигурация этих пограничных областей не является раз и навсегда заданной даже для одного и того же общества.

Нормальное состояние общества подразумевает сбалансированное взаимодействие всех его структурных подразделений (подсистем). Поэтому для любого общества, достигшего стадии структурно-функциональной дифференциации своих внутренних подсистем, встает проблема определения допустимого и оп-

тимального уровня их автономизации. Ибо когда та или иная автономизирующаяся подсистема обретает возможность вырабатывать критический ресурс в количествах, которые определяются не столько требованиями адекватного исполнения ею системных функций, сколько собственными интересами ее субъектов, она тем самым создает реальные возможности своей дисфункциональности. Последняя может проявляться как своеобразная экспансия и даже агрессия, в ходе которой происходит навязывание руководящих ценностей этой подсистемы всему обществу. При этом общество как бы «экономизируется» или «клерикализуется» соответственно тому, какая подсистема становится доминирующей.

Структурные перекосы в обществе всегда приводили к кризисам, выход из которых зависел от успеха в устранении этих перекосов. Там, где это удавалось, конечным результатом становились реальные улучшения в важнейших сферах жизни общества. А там, где это не удавалось, кризис следовал за кризисом вплоть до полной деградации общества.

Р. А. ИСЛЯЕВ,

директор Института региональной экономики,
доктор экономических наук, профессор

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сохраняющийся социальный раскол общества остается одним из ключевых факторов, препятствующих укреплению российской государственности. Тенденции социально-экономического расслоения общества поляризуют ценностные ориентации, уровень благосостояния, стили жизни, стереотипы поведения. Все это затрудняет формирование демократических институтов государства и гражданского общества, поскольку исчезает сама основа демократии — социальное согласие по поводу базовых ценностей и принципов жизни.

Сегодня в России сложились два неравных социальных слоя: слой обеспеченности и слой бедности. Обеспеченные сохранили или увеличили «дореформенный» уровень благосостояния, они составляют 25–30 млн человек, или пятую часть населения. Из них 8–10 млн человек (5–7% населения) практически достигли западных стандартов потребления продуктов питания, предметов гардероба, товаров бытового и хозяйственного назначения, услуг.

Слой бедности, в котором среднедушевые доходы не покрывают даже прожиточного

минимума, *охватывает почти 60 млн человек (около 40% населения).*

При этом денежные доходы 25–30 млн человек (примерно 20% населения) оказались ниже стоимости минимальной потребительской корзины, т. е. уровня нищеты. В этом социальном слое быстро растет застойная бедность с присущими ей нормами и стереотипами поведения.

Бедность — позорное явление всего нашего общества, она омерзительна во всех сюжетах жизни, но прежде всего она проявляется через низкие доходы населения — это одна из важнейших проблем социально-экономического развития государства.

Вымирание населения страны, или депопуляция, демографическая стагнация — это следствие низкого жизненного уровня основной части населения России и недостаточное внимание к социальной сфере, финансировавшейся на протяжении всего послереволюционного (с 1917г.) периода по остаточному принципу. И без того низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни в стране

за последнее десятилетие ушедшего века ухудшились: так, если в 1989 году этот показатель для всего населения страны составлял 69,6 года (мужчины — 64,2 года; женщины — 74,5 года), то в 2000 г. — 65,3 лет (мужчины — 59,0 года; женщины — 72,2 года). Отметим, что разрыв в 13,2 года между продолжительностью жизни мужчин и женщин — самый высокий в мире.

Социально-экономический кризис в России резко снизил рождаемость. Одновременно происходит неуклонный рост смертности и ее «омоложение». Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за свою жизнь) за десятилетие сократился с 1,9 в 1990 г. до 1,2 в 2000 г. При этом увеличился процент детей, родившихся вне брака: за этот же период соответственно их доля увеличилась с 15% до 30%, то есть почти каждый третий родившийся ребенок в стране — внебрачный. Это предпосылка беспризорности, ранних заболеваний, смертности и усиления тенденций к криминализации и социальной напряженности. И еще: в 1990 г. в России родилось 1988,9 тыс. человек (5449 чел. в сутки), а умерло 1656,0 тыс. человек (4536 чел. в сутки), то есть естественный прирост составлял 332,9 тыс. человек (912 чел. в сутки). А уже в 2000 г. эти показатели соответственно следующие: родившихся 1266,8 тыс. человек (3471 чел. в сутки), умерших 2225,3 тыс. (6097 чел. в сутки), естественная убыль населения — 958,5 тыс. человек, или почти 1 млн человек в год (а за сутки 2626 человек). Вымирание страны очевидно.

По отдельным регионам страны, особенно по восточным, ситуация еще острее.

Социальная незащищенность граждан страны — как философия «реформации» действительности. Ложность реформаторского посыла о снижении социальной защищенности людей в период изменений к «лучшему», а все российские реформы подаются именно под таким девизом — это выражение высшей степени некомпетентности. Ибо суть реформации заключается в создании более совершенных подходов и механизмов улучшения жизни на базе уже достигнутых (а не сознательно или бездумно ликвидированных) результатов.

В итоге Россия все больше приобретает сходство с обществами «третьего мира». Обеспеченные социальные группы оказываются в окружении основной массы населения с низким достатком, но пока еще более высокими стандартами культуры и потребления. В таких условиях консолидация общества и формирование эффективных хозяйственных мотиваций крайне осложняется.

В такой социальной среде государство оказывается объективно чуждым и даже

враждебным по отношению к основным социальным группам. Пути выхода из сложившейся ситуации в стране определяются стратегической целью развития государства — прежде всего ориентацией на человека, поскольку это и социальная, и нравственная, и конституционная цель общественного бытия. Она соответствует статье 7 Конституции РФ, устанавливающей, что политика российской государственности «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В этой связи можно утверждать, что *повышение качества жизни* населения России — это интегральный показатель социально-экономического развития страны.

Это значит, что критерием развития государства должен стать уровень организации, подготовки и использования всех сил и ресурсов, имеющихся в стране для достижения этой цели.

Механизм национальной консолидации вокруг генеральной цели мог бы выглядеть следующим образом:

— по отношению к обществу государство берет на себя реальную ответственность за создание условий для повышения уровня жизни, обеспечение социальных гарантий и безопасности граждан, получая взамен легитимность и общественную поддержку;

— по отношению к бизнесу государство обеспечивает гарантии прав собственности, благоприятный предпринимательский климат, поддержку бизнеса за рубежом, получая взамен поддержку со стороны национального капитала и строгое соблюдение установленных государством норм и правил. При этом баланс между обществом и капиталом строится по следующему принципу: социально ответственное поведение бизнеса в обмен на общественную поддержку его интересов и целей.

Одновременно реформирование социальной сферы, осуществляемое в рамках стратегической цели, должно исходить из следующих **общих принципов**:

— недопустимость снижения уровня жизни большинства населения ни на одном этапе реформ;

— обеспечение всеобщей доступности основных социальных услуг, прежде всего качественного медицинского обслуживания и образования;

— усиление адресности социальных пособий и других денежных выплат населению.

Приоритетные задачи:

— обеспечение повышения реальных доходов населения страны не менее, чем на 75% до 2010 г.;

— резкое снижение масштабов бедности, уменьшение втрое численности населения с

доходами ниже прожиточного минимума в ближайшие 7–8 лет;

— увеличение к 2004 г. среднего размера начисленных пенсий до уровня прожиточного минимума;

— обеспечение поддержки и развития социальных институтов, определяющих качество «человеческого капитала» (образование, здравоохранение, культура, наука).

Ключевое условие решения данных задач — осуществление реформы заработной платы, которую в несколько приемов можно было бы поднять в 2–2,5 раза, что являлось бы объективным основанием для повышения уровня оплаты работающим населением расходов на содержание жилья, медицинские и другие услуги. Реформация заработной платы и налоговой сферы должны быть направлены на сокращение разницы в уровнях доходов между богатыми и бедными. Задача заключается в достижении такого распределения доходов, при котором средний доход 10% богатых будет превышать средний доход 10% бедных не в 14–15 раз, как в настоящее время, а приблизительно в 7–8 раз, как в других странах. Необходимость решения этих социальных задач при обеспечении достаточного уровня национальной безопасности задает предельно жесткие требования к экономическому развитию России.

Стратегия, направленная на преодоление разрыва в уровне экономического развития России и наиболее развитых стран мира, построение социально ориентированного многонационального правового государства, в условиях жесткого геополитического противоборства должна быть ориентирована прежде всего на высокие темпы экономического роста: не менее 5–7% в год.

В этой связи решающим условием обеспечения экономического роста (а значит, и всей стратегии развития России как социального государства) в ближайшие десять лет становится *инвестиционный прорыв*. Он предполагает:

— обеспечение форсированного роста капиталовложений (в предстоящее десятилетие их объем должен удвоиться, то есть инвестиции должны увеличиваться в среднем не меньше чем на 8–10% в год);

— осуществление инвестиционного маневра в пользу секторов, способных обеспечить конкурентоспособность российской экономики в мировом хозяйстве;

— обеспечение инновационного наполнения инвестиций (это позволит резко усилить российские производственно-технологические позиции).

Для обеспечения возрождения экономики страны необходимо выполнить прежде всего несколько условий:

— сохранение внутри России генерируемых в рамках российской экономики финансовых ресурсов и превращение их в главный источник спроса на отечественную продукцию; современный уровень вывоза капитала 15–20 млрд долл. США ежегодно эквивалентен потере 465–620 млрд руб. конечного спроса, или 6–8% потенциального прироста производства в среднем за год; отток финансовых ресурсов за пределы страны и является одной из главных причин многолетнего экономического спада;

— максимально возможное использование сохранившегося производственного потенциала;

— активизация инвестиционной деятельности для модернизации существующих и создания новых мощностей, обеспечивающих процесс расширенного воспроизводства; всемерное развитие технологического и научно-технического потенциала;

— преодоление несовершенства территориальной организации общества, недостатков комплексного развития и нерационального характера сформировавшейся специализации экономик субъектов РФ, противоречащих современным тенденциям становления нового территориального разделения труда в стране.

Все это позволит осуществить перевод страны на стратегическую траекторию устойчивого социально-экономического развития, обеспечивающую:

— сохранение социально-экономической и территориальной целостности России;

— переход от преимущественно экстенсивной экономики к преимущественно интенсивной;

— «снятие» (предотвращение и ликвидацию) наиболее острых социально-политических и этнических конфликтов, ведущих к неустойчивости государственного развития;

— оптимизацию демографических процессов в стране и демографической обстановки в регионах;

— достижение рационального природопользования и формирование не только устойчивой, но и достаточно комфортной среды обитания населения.

В российской экономике есть главные предпосылки экономического подъема, а именно: свободные производственные мощности и ищущие эффективного приложения финансовые ресурсы. Основная задача экономической политики состоит в том, чтобы соединить эти факторы экономического роста. В этом случае удастся реализовать экономичный вариант развития большинства отраслей народного хозяйства, не требующий слишком больших капитальных вложений.

Таким образом, при переходе к устойчивому развитию на преимущественно интенсивной экономической основе России предстоит создать финансовое, материально-техническое, инфраструктурное, в том числе инсти-

туциональное, интеллектуальное и нормативно-правовое обеспечение сбалансированного социально-экономического развития, в целях удовлетворения жизненных потребностей нынешнего и будущих поколений.

Н. Н. ПОГОСТИНСКАЯ,

заведующая кафедрой экономики СПбГУП, доктор экономических наук,
профессор, Заслуженный работник высшей школы

СТРУКТУРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Структура хозяйственной системы представляет собой устойчивое разделение хозяйственных решений и обеспечивающих их реализацию ресурсов, выраженное в обособлении и взаимодействии распорядительных центров. Это определение является основополагающим при рассмотрении вопросов структурообразования в вузе.

Работоспособность структуры — это ее способность обеспечить реализацию функции системы. В соответствии с данным принципом процесс структуризации хозяйственной системы должен начинаться с выявления ее функции. В менеджменте (А. Чандлер, И. Ансофф, М. Мескон, Дж. Гелбрейт и др.) этот принцип сформулирован как требование изменения структуры вслед за изменением стратегии.

Функция вуза может быть определена по-разному:

- удовлетворить потребности населения в высшем образовании;
- удовлетворить потребности народного хозяйства в специалистах с высшим образованием;
- научить учиться;
- пополнить ряды интеллигенции и т. д.

Необходимость разных структур для реализации этих функций очевидна. В частности, первая функция предполагает создание и увеличение числа общеобразовательных кафедр (изменение структуры вуза) и увеличение числа вузов (изменение структуры всей системы образования); вторая функция, наоборот, предполагает увеличение числа специальных кафедр при сведении общеобразовательных к минимуму.

Содержанием процесса формирования хозяйственной структуры является, во-первых, разделение хозяйственной системы на распорядительные центры, каждый из которых имеет свое поле хозяйственной ответственности, и, во-вторых, регламентация их деятельности в процессе функционирования хозяйственной системы.

Традиционно структура вуза строится в виде разделения на факультеты и далее на кафедры на основе принципа линейности. Вертикальным организационным структурам соответствует административное управление, которое хорошо подходит для работы на стабильных рынках высоко стандартизированной продукции. Слишком жесткая организационная структура вуза становится преградой на пути гибкого приспособления к новым экономическим условиям, тормозит процесс инноваций и препятствует творческому подходу к решению новых проблем и задач, стоящих перед высшим образованием.

Разделение учебного процесса по принципу выделения кафедр и жесткое закрепление кафедр за факультетами приводит к сверхспециализации и ослабляет горизонтальные связи между ними; не видна общая цель, возрастает консерватизм кафедр, развивается инстинкт самосохранения, возникают конфликты, снижается общая синергия работы. Кроме того, в линейной структуре возникает «эффект бутылочного горла»: развитие преимущественно вертикальных связей ведет к тому, что проблемы кафедр и других подразделений на различных уровнях иерархии поднимаются до ректора; проблемы подразделений не могут быть решены непосредственными руководителями и «тонут» в оперативной работе, в текучке.

Все более углубляется конфликт между административно-бюрократической иерархией и необходимостью самоорганизации (адаптации), способной более эффективно использовать особенности рыночной экономики. В промышленности давно известен принцип матричной департаментализации. Матричные структуры образуются путем наложения проектной структуры на функциональную. Основные преимущества матричных структур следующие:

- высокий потенциал адаптации к изменениям внешней среды, динамичность;
- тесное и постоянное сочетание вертикальных и горизонтальных связей;

— способствование разрешению конфликтов между стратегическими и текущими проблемами;

— взаимоувязанность целей различных проектов;

— рост эффективности использования преподавателей;

— органичность рабочих групп (их высокая адаптивность) и др.

Несмотря на то, что матричные структуры давно известны, они до сих пор не нашли широкого распространения, поскольку очень трудно найти ответы на следующие вопросы:

— Каковы принципы и критерии разбиения на строки и столбцы?

— Как осуществлять управление в матричной организации (синхронизация работ по времени и по структуре, диспетчеризация работ и т. д.)?

— Как реорганизовать матричную организацию под новые специальности?

— Как обеспечить баланс между ветвями власти (по горизонтали и вертикали)?

Кроме того, наряду с достоинствами матричной организации свойственны и недостатки:

— противоречия и борьба за власть между двумя линиями управления;

— высокие накладные расходы и сложности внедрения;

— возможность конфликтов между руководителями кафедр и руководителями специальностей по поводу приоритетов в использовании вузовских ресурсов;

— необходимость периодического разрушения коллективов (матричных ячеек) из-за новых целей и задач;

— сложность формирования психологического климата и мотивации в коллективах;

— необходимость периодической переквалификации (переподготовки) работников в связи с изменением программ и др.

Тем не менее, матричная организация структуры вуза представляется перспективной. Преподаватели в такой структуре временно подчиняются как руководителю специальности (декану), так и заведующему кафедрой, на которой они постоянно работают. При этом кафедры не имеют жесткого закрепления за деканатами. Текущий учебный процесс (функцию) обеспечивают кафедры. Заведующий планирует исполнение учебного процесса (для своего столбца или вертикали матрицы), следит за его реализацией, решает оперативные вопросы и вопросы персонала. Проектами — новыми специальностями и специализациями — занимаются группы управления — деканаты. Декан отвечает за конкретный продукт — специалиста. Каждому декану подотчетна определенная горизонталь матрицы.

Эффект от комбинации этих двух начал должен обеспечивать оперативность и синергию в работе вуза. Противоречия, которые могут возникнуть в результате пересечения двух властных начал, могут быть разрешены следующим образом:

— введением специального координатора (или координационного отдела), который должен разрешать возникающие противоречия и поддерживать баланс в системе двойного подчинения;

— определением приоритета одного из руководителей, например, приоритет руководителя программы — декана — выше, чем руководителя работ (заведующего кафедрой).

Н. Д. СТРЕКАЛОВА,

декан экономического факультета,
заведующая кафедрой управления СПбГУП, доктор экономических наук

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И СТРАТЕГИЯ ВУЗА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сегодня в условиях усиления конкуренции и значительных изменений на рынке образовательных услуг организационная культура вуза (в дальнейшем — корпоративная культура) требует серьезного, пристального внимания как со стороны ученых, так и со стороны руководителей вузов. Причиной такого интереса стало осознание важности корпоративной культуры при реализации новых стратегий и осуществлении нововведений.

Что показывает практический опыт? Как показывает практический опыт, преподава-

тели вузов часто сталкиваются с таинственным явлением, когда различные аудитории студентов и слушателей ведут себя совершенно по-разному несмотря на то, что предлагаемый материал и стиль обучения остаются неизменными.

Руководители разных уровней управления, пытающиеся изменить поведение своих подчиненных, сталкиваются с их упорным сопротивлением, которое невозможно объяснить разумными причинами. Возникают проблемы коммуникаций между работниками

различных подразделений, а также на межличностном уровне.

Будучи клиентами, мы ощущаем разницу в подходах и поведении сотрудников организаций, едва переступив порог вузов, банков, магазинов, ателье, ресторанов и т. д.

Концепция корпоративной культуры организации помогает объяснить подобные феномены.

Понятие и сущность корпоративной культуры. Главной отличительной особенностью многих преуспевающих компаний независимо от их сферы деятельности, самым важным конкурентным преимуществом и ключевой составляющей успеха является культура их организаций. Она оказывает мощное воздействие на основные показатели результатов их деятельности и долгосрочную эффективность.

Каждая из числа преуспевающих компаний (например, Coca-Cola, Intel, Microsoft, McDonalds и др.) обладает сложившейся, ярко выраженной корпоративной культурой, четко распознаваемой и разделяемой ее сотрудниками. В таких компаниях человеческие ресурсы используются гораздо эффективнее.

Понятие культуры организации за последнее десятилетие стали использовать многие исследователи организаций и менеджеры. *Корпоративная культура* включает в себя три элемента, разделяемые всеми сотрудниками организации:

— *общие ценности, доминирующие убеждения*, определяющие приоритеты организации;

— *нормы поведения* («правила игры»), влияющие на принятие решений и действия всех членов организации;

— *символы и символические действия*, влияющие на культуру организации.

Все эти элементы, вместе взятые, позволяют выделить (идентифицировать) организацию во внешней среде и добиться эффективной внутренней интеграции.

Применительно к корпоративной культуре вуза общие ценности и доминирующие убеждения определяют, что является важным с точки зрения его сотрудников, а что нет. Существуют различные точки приложения общих ценностей. К ним могут относиться, например:

— стратегические активы или навыки, являющиеся основой устойчивых конкурентных преимуществ вуза (мы — высокопрофессиональный коллектив ученых и преподавателей вузов);

— результаты деятельности (мы предоставляем образовательные услуги наивысшего качества, обеспечивая всестороннее и наиболее полное удовлетворение клиентов);

— стиль менеджмента (авторитарно-административный, одобряющий жесткий контроль, исполнительскую дисциплину и использование преимущественно административных методов управления, или демократический, поощряющий неформальное общение, творческий подход и нешаблонное мышление);

— общая цель (стать лучшим университетом в городе или стать «университетом XXI века»).

Нормы поведения — это неформальные правила, влияющие на принятие решений и действия (стиль поведения) сотрудников вуза. Например, неприемлемость любых форм «взятничества» как общей ценности коллектива стимулирует поведение сотрудников, соответствующее этим общим ценностям. Более того, некачественно выполненная работа (прочитанные лекции, проведенные практические занятия, подготовленный учебно-методический материал и др.), отрицательно сказывающаяся на качестве общего итогового результата обучения (образовательных услуг), может быть осуждена и неформально пресечена коллегами, которые не станут дожидаться формального вмешательства со стороны руководства. Однако в отсутствие поддержки со стороны мощной корпоративной культуры такое поведение со стороны преподавателей практически невозможно. Таким образом, развитые нормы корпоративной культуры способны обеспечить гораздо более эффективный контроль над тем, что должны делать и чего не должны делать в организации, чем применение самых решительных оценок и санкций. Люди всегда найдут, как обойти установленные сверху правила. Преимущество норм поведения состоит в том, что люди не пытаются от них уклониться, потому что разделяют общие ценности.

Корпоративная культура вуза зарождается и развивается благодаря наглядным символам и символическим действиям. Их перечень может быть разнообразным. Выделение среди профессорско-преподавательского состава своих героев и образцов для подражания способствуют закреплению ценностей и норм поведения в организации. Так, в СПбГУП эту роль выполняют «почетные профессора» Университета, победители конкурсов «педагог года», «лучший молодой педагог» и др. Даже то, на что руководитель организации тратит свое рабочее время, может служить символическим действием и оказывать влияние на корпоративную культуру. Так, ректор вуза, который каждый семестр выделяет время на изучение фактического качества обучения студентов в вузе, в действительности посылает профессорско-преподавательскому персоналу сильный и понятный сигнал. Ритуалы

праздников и мероприятий повседневной жизни коллектива (например, чествование юбиляров, сотрудников, получивших правительственные награды, ученые степени и звания, или ритуалы собеседования при приеме на работу) также формируют корпоративную культуру.

Корпоративная культура существует в любой организации независимо от того, проявляют ли руководитель и сотрудники осознанный интерес к ее существованию или нет. Часто она возникает и существует без осознанного ее формирования. Однако сознательное формирование организационной культуры осуществляют формальные лидеры (руководители организации) и неформальные. Создание корпоративной культуры и осознанное управление ею относятся сегодня к числу важных задач руководителя. Талант руководителя определяется способностью понять существующую организационную культуру и работать с ней. Это непросто. Многие западные вузы сегодня вынуждены вводить децентрализованное управление и развивать свою корпоративную культуру.

Проблемы взаимодействия стратегии и корпоративной культуры. Значительные перемены в российской экономике, произошедшие за последнее десятилетие, привели к существенным изменениям на рынке труда и на рынке образовательных услуг. В условиях конкуренции и усиления конкурентной борьбы вузы вынуждены постоянно заботиться о поддержании своей конкурентоспособности, а потому должны уметь гибко перестраиваться, быстро реагировать на изменение потребностей клиента, разрабатывать новые образовательные программы, вводить управленческие нововведения в систему управления.

Можно выделить несколько ключевых элементов организации: стратегия, структура, люди, корпоративная культура и системы, включающие внутренние процессы планирования и организационные процедуры, отражающие функционирование вуза в динамике. Выделяют несколько уровней внесения изменений.

Первый уровень изменений — это стратегия вуза и его корпоративная культура. Стратегия задает основные пути и способы достижения стратегических целей. Она опирается на стратегический анализ ситуации, прогноз и анализ альтернативных вариантов развития. Изменения в стратегии могут привести к необходимости внесения изменений в систему управления. Стратегия должна быть адекватна структуре, системам, людям и корпоративной культуре организации. Все эти элементы должны быть согласованы и синхронизированы между собой и со стратегией

вуза. Несогласованность между ними может пагубно отразиться на реализации стратегии.

Зачастую причина неудач в реализации большинства планируемых организационных изменений кроется в пренебрежении культурой организации. Этот процесс необходимо интегрировать с общим подходом к изменению культуры организации. Корпоративная культура способна оказать поддержку стратегии в том случае, если она соответствует (согласуется) с новой структурой, системами и людьми. Если же эти элементы не согласованы между собой, мотивация и нормы культуры способны оказать мощное сопротивление и погубить стратегию.

Соответствие между новой стратегией и корпоративной культурой является гораздо более важным, чем согласованность между любыми другими элементами организации, поскольку изменить культуру очень сложно. Поэтому разрабатывая и предлагая новую стратегию развития вуза, необходимо понять ее взаимосвязь с существующими в организации общими ценностями и нормами поведения. Совместимы ли они? Будут ли существующая система и культура поддерживать новую стратегию? Потребуется ли корректировка культуры и как это скажется на организации? Какие организационные изменения необходимы для успеха новой стратегии? Какие последствия будут иметь изменения и насколько они осуществимы? Если сильная позитивная культура приносится в жертву новой стратегии, результатом может быть полное разрушение и отсутствие какой бы то ни было положительной культуры в принципе.

Существующая корпоративная культура является мощным источником сопротивления реализации новой стратегии в организации. Если одновременно с действиями по реализации новой стратегии культура организации не подтягивается в новом направлении, то в борьбе между стратегией и культурой в большинстве случаев побеждает последняя. Именно поэтому планы внедрения перемен в организации остаются нереализованными. В этой связи культура всегда должна выстраиваться в соответствии с новой стратегией.

Приступая к реализации новой стратегии, руководство должно ответить для себя на следующие вопросы:

- 1) каковы ключевые элементы новой корпоративной культуры, необходимые для достижения успеха;
- 2) каковы элементы старой корпоративной культуры;
- 3) какие новые правила поведения и принципы необходимо создавать в организации, чтобы обеспечить переход от старой стратегии к новой;

4) какие конфликты возможны между новыми организационными ценностями и личными ценностями сотрудников;

5) будет ли поддержка высшего руководства.

Корпоративная культура связана с определенными ценностями, культивируемыми руководством организации. Руководитель (лидер) и его ближайшее окружение создают и изменяют культуру. Менеджеры-администраторы работают в ней.

Другой серьезной проблемой может стать расхождение между заявленными организацией ценностями и ее реальными действиями. Вряд ли следует ожидать серьезного отношения со стороны российских граждан к декларируемым в организации ценностям, принципам и нормам поведения, если вклад организации в удовлетворение потребностей низшего уровня сотрудников недостаточен для того, чтобы сотрудники могли задумываться о высших ценностях. Высокий разрыв в доходах и уровне жизни работников администрации и рядовых сотрудников организации порождает напряжение, непонимание и зависть.

Необходимость и преимущества диагностики и своевременного изменения культуры организации сегодня очевидны и не требуют

доказательств. Культурологический анализ требуется при решении управленческих проблем организации, связанных с развитием и внедрением новшеств, нововведений.

К числу важных проблем руководителей вуза относится разработка и внедрение концепции инновационной культуры, в которой обучение, адаптация, инновации и постоянные изменения являются неперенными элементами, основным приоритетом в стратегии и культуре. Необходимо создать «рынки идей», на которых лучшие идеи будут конкурировать за право получения финансирования.

Решение указанных выше проблем требует проведения исследований корпоративной культуры, в основе которых должно лежать надежное концептуальное основание. Это необходимо для того, чтобы понять значение и причины происходящего и по возможности оказывать на него определенное влияние.

Наука об управлении вузом и высшим образованием сегодня особенно нуждается в фундаменте, методологии, теоретических разработках, без которых любые технологии, не опирающиеся на теоретические обоснования, оказываются кустарными, бескрылыми и малополезными.

А. Г. СТОЛБОВ,

профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук

НОВАЯ ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

В последних публикациях по проблемам менеджмента в социально-культурной сфере¹ обращается внимание на то, что в этой сфере управление обладает рядом особенностей по сравнению со сферой материального производства. В основном они связаны с особенностями производства продукта предприятий социально-культурной сферы.

На наш взгляд, в настоящее время более существенными являются особенности и характеристики менеджмента в социально-культурной сфере, связанные с изменением условий деятельности предприятий и организаций этой сферы. Эти изменения настолько радикальны, что их совокупность можно квалифицировать как новую парадигму управления в социально-культурной сфере. Понятие «парадигма»² позволяет все особенно-

сти и новые характеристики управления в социально-культурной сфере рассматривать во взаимной зависимости, с системных позиций.

Новая парадигма управления в социально-культурной сфере включает следующие 4 характеристики, радикальным образом изменившиеся в рыночной экономике:

— положение предприятия (организации) социально-культурной сферы в рыночной экономике;

— цели деятельности предприятия социально-культурной сферы;

— содержание менеджмента в социально-культурной сфере;

— требования к квалификации менеджеров.

1. Прежде социально-культурная сфера представляла собой централизованную систему учреждений исключительно государственных интересов, организаций партийного влияния и руководства, хотя в нее входили учреждения различной ведомственной подчиненности. В силу этого учреждение социально-культурной сферы в прежней парадигме управления не имело абсолютно никакой самостоятельности, хотя в ее бюджет и поступали доходы

¹ Тульчинский Г. Л. Менеджмент в сфере культуры. СПб.: Изд-во «Лань», 2001; *Управление социальной сферой* / Под ред. В. Э. Гордина: Учебник. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998.

² В переводе с греческого — пример, образец, а в научной интерпретации — совокупность принципов, концептуальных взглядов рассматриваемой методологии.

от предоставления платных услуг, т. е. самостоятельно заработанные доходы.

В современных условиях предприятие социально-культурной сферы, которое действует в рамках «Основ законодательства РФ о культуре» от 09.10.92г., — это совершенно другой, самостоятельный субъект экономических отношений. К сожалению, сами предприятия социально-культурной сферы пока еще не осознают значения своей юридической и хозяйственной самостоятельности, прекращения государственной монополии на содержание их деятельности.

2. Такие же радикальные изменения произошли в целях деятельности предприятий социально-культурной сферы. В советское время государство ставило перед учреждениями социально-культурной сферы политические цели по идеологическому воспитанию народных масс, по проведению политики коммунистической партии. В новой парадигме управления сфера культуры, как отмечает Г. Л. Тульчинский, является «сферой свободного времени — когда люди в буквальном смысле слова что хотят, то и делают» [1, с. 29]. Поэтому целью деятельности предприятий социально-культурной сферы является обеспечение саморазвития культурной жизни, что не всегда понимают руководители предприятий культуры. Только такой подход позволит реализовать высшие цели культурной политики — сохранение культурно-исторического наследия и воспроизводство творческого потенциала общества.

3. Все это радикальным образом меняет содержание менеджмента в социально-культурной сфере. Менеджмент в сфере культуры,

в соответствии с новой парадигмой управления, заключается в создании организационных и экономических условий для саморазвития культурной жизни. К такому выводу, но с несколько других позиций, приходит и Г. Л. Тульчинский [1, с. 29]. С системных позиций главное отличие менеджмента в новой парадигме управления заключается в том, что он должен быть направлен на решение проблем взаимосвязи предприятия с внешней средой — государством, потребителями, спонсорами, другими донорами. Эти проблемы не стояли перед менеджерами советских учреждений культуры.

4. Отсюда вытекают требования к квалификации менеджеров в социально-культурной сфере. Если раньше это были в основном партийные и профсоюзные работники с прочной идеологической закалкой и административным опытом работы, то сейчас это должны быть работники с хорошей экономической и юридической подготовкой. При этом экономистам в социально-культурной сфере требуется более широкая эрудиция, необходимо знание не только методов управления коммерческой деятельностью, как это требуется в сфере материального производства, но и особенно методов привлечения средств бюджетов различных уровней, благотворительных организаций и фондов, спонсоров и других партнеров, которых необходимо заинтересовать рекламной привлекательностью социально-культурных мероприятий, возможностями укрепления имиджа доноров и другими средствами PR. А это требует более высокой квалификации и культуры менеджмента.

Д. Ю. МИРОПОЛЬСКИЙ,

заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов,
доктор экономических наук, профессор

ГЕНЕЗИС СУБЪЕКТИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НАЧАЛЬНЫЕ АКТЫ

Изучая экономическую культуру, необходимо рассматривать экономику как целое. В самом начале экономика как целое — это единственный продукт¹. Чтобы охватить единственный продукт целиком, нельзя упускать его субъективную сторону, которую обычно именуют экономической психологией. Утверждение, что экономическая психология — это субъектив-

ный продукт, звучит немного необычно. Однако давайте задумаемся, рабочая сила — это продукт? Продукт. Но ведь используя свою рабочую силу, человек испытывает определенные чувства и имеет некоторые мысли. Рабочая сила без этих чувств и мыслей — это не рабочая сила. Далее, станок, созданный человеком, разве не несет в себе определенный комплекс субъективных переживаний тех, кто его создавал? А потом в процессе использования тот же станок порождает чувства и мысли у рабочих, использующих его.

¹ Сафронов И. А., Миропольский Д. Ю. Философия. Человек. Экономика. СПб.: СПбГУЭФ, 2001. С. 186–203.

Таким образом, если мы хотим рассмотреть экономику целиком, без субъективной стороны дела не обойтись. Экономисты, психологи и философы, занимающиеся субъективной экономикой, исповедуют два основных подхода. Одни апеллируют к сознательному, рациональному человеку, другие считают, что человек часть своих мотивов осознает, а часть — нет, и поведение его может быть обусловлено бессознательными импульсами.

Мы исходим из второй посылки и опираемся на теорию социального характера Э. Фромма, которая уходит корнями в учение З. Фрейда.

Какие положения теории бессознательно-го нам необходимы для рассмотрения субъективной культуры?

Во-первых, фрустрация. Фрустрацией называется чувство подавленности, связанное с невозможностью удовлетворить жизненно важные потребности.

Во-вторых, нам потребуется понятие психологической защиты. Психологическая защита — это механизм, который уводит неприятные чувства, вызванные фрустрацией, в область бессознательного. Человек, защищаясь от них, как будто перестает переживать эти чувства.

В-третьих, существует ставшее сегодня модным понятие «комплекс». «Комплекс» — это действительно комплекс неприятных чувств, возникший в результате фрустрации и ушедший в бессознательную сферу психики. Став бессознательным, комплекс не исчез. Существовая в психике человека, он оказывает влияние на его поведение, в том числе и экономическое.

Единичный продукт характеризуется тем, что производство и потребление в нем слиты в нечто единое (момент абстрактно всеобщего). Теперь поставьте себя на место древнего человека: вы освободились от власти инстинкта и, освободившись от нее, видите, что ваше производство и ваше потребление находятся под вашим же полным контролем. Кем вы должны были бы себя ощутить? Конечно, властелином мира, абсолютно могущественным существом! Душа ваша полна радости и ликования.

Однако в единичном продукте, увы, имеется и момент абстрактно особенного. Чтобы быть могущественным, надо подчинить своей власти производство и потребление. Но в самом начале пути такое единение возможно только за счет их предельной примитивности. А предельная примитивность означает, что, хотя ваше производство и потребление находятся под полным контролем, это контроль над ничтожной частицей природного вещества. За пределами этой подконтрольной частицы простирается неподвластная вам дикая при-

рода, которая своим хаотическим буйством разрывает производство и потребление. Да, когда первобытный человек произвел, он одновременно потребил факторы производства, но, произведя продукт, не успел донести его до рта. Человека самого съели.

Другие первобытные люди, видя это, испытали чувство полнейшего своего ничтожества перед неподвластной природой. Как хорошо было раньше! Действуй согласно инстинкту и не думай ни о чем. Но теперь инстинкта нет и нужно до всего доходить своим умом, который не развит. А вокруг творится что-то совершенно непонятное и страшное.

Получается, что первый человек оказался раздираемым двумя разными чувствами: чувством своего могущества и одновременно чувством своего же ничтожества.

Проанализируем, что было бы, если бы человек испытывал только чувство могущества. Видимо, однажды возникнув, продукт как некое примитивное единство производства и потребления не стал бы развиваться дальше. Зачем человеку его развивать, ведь он и так ликует и полностью удовлетворен своим производством и потреблением. Получается, что чувство могущества как таковое вредно для развития производства, и с ним надо что-то делать. Однако, к счастью или к несчастью, но чувство могущества сталкивается с чувством ничтожности. Это столкновение имеет двоякий результат. С одной стороны, чувство могущества фрустрируется: вам хотелось быть абсолютным властелином материальных условий своей жизни, а вы жалкое существо, зависящее от любого каприза природы. В результате фрустрации образовался комплекс неприятных чувств. Эти неприятные чувства мешают нормальной экономической деятельности. Тогда против них вырабатывается психологическая защита. В результате комплекс перестает осознаваться. Он уходит в область бессознательного. У вас вроде бы нет больше желания быть абсолютно могущественным. Однако на самом деле комплекс не исчез. Он не осознается и не мешает жить. Но на самом деле в человеке сохраняется бессознательное желание достичь господства над своим производством и потреблением здесь и сейчас. Не случайно современные люди испытывают странный интерес к жизни первобытных людей, которые гораздо ближе к этому изначальному контролю над условиями своего производства и потребления. А некоторые даже уходят жить в примитивные сообщества. Очень многие современные люди мечтают окопаться на своем дачном участке и производить себе все необходимое для жизни, ходят в турпоходы и на охоту. В основе всего этого — бессозна-

тельная тяга к тому первобытному простому единству производства и потребления, тяга к достижению могущества за счет упрощения условий своей жизни. В философии и экономической теории этот комплекс выражается в мечтах о простой гармоничной жизни без технического прогресса. Назовем этот комплекс комплексом могущества могущества.

Второе следствие столкновения желания могущества с чувством ничтожности состоит в том, что человек начинает грезить реальным могуществом. То есть он оказывается психологически запрограммированным не на овладение примитивным мирком, а на действительное подчинение себе всего материального мира. Пережив однажды чувство могущества (единство производства и потребления) и не соглашаясь с ничтожностью своего реального положения, человек хочет теперь пережить это состояние могущества без ничтожности. То есть мир действительно должен лежать у его ног. Это чувство тоже опасно и не дает нормально производить и потреблять. Если вы одержимы этой страстью могущества, то ни один реальный продукт вас не удовлетворит, ибо любой продукт — ничто по сравнению с абсолютным продуктом, тождественным с рукотворной Вселенной. Желая достичь абсолютного могущества, человек истощит себя чрезмерной деятельностью.

Однако индивид, подверженный желанию действительного могущества, тоже испытывает фрустрацию, и возникший комплекс неприятных чувств уводит в сферу бессознательного посредством психологической защиты. Ставший бессознательным комплекс порождает в человеке необъяснимую амбициозность. Таким комплексом страдала старуха из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Назовем этот комплекс комплексом ничтожности могущества.

Мы рассмотрели субъективный продукт с точки зрения чувства могущества. Теперь посмотрим на дело со стороны чувства ничтожности. Человек, выйдя из животного мира, оказался по-своему никчемным, одиозным существом. Сравним породистого кота и породистую гориллу. Кто приятнее выглядит? Первый человек, не умея ловко ловить мышей, как, впрочем, не умея ловко делать и все остальное, видимо, вполне ощущал свою никчемность и беспомощность перед лицом неподвластной ему природы. Он, наверное, так бы и жил запуганным, робким, ни на что не способным существом, если бы чувство собственной ничтожности не столкнулось с чувством могущества. Это столкновение тоже породило двоякий результат.

Во-первых, переживание собственной ничтожности стало мучительным. Одно дело, если

вы полное ничтожество и никакой альтернативы перед глазами нет. Тогда ваше ничтожество и не ничтожество вовсе. Другое дело, когда ваше ничтожество оттенено вами же пережитым могуществом — тогда оно становится реальностью и вызывает чувство фрустрации. Комплекс отрицательных чувств уводится в бессознательное посредством психологической защиты. Назовем этот комплекс комплексом ничтожности ничтожности. Под влиянием этого комплекса человек боится производить и потреблять, и уж тем более развивать свое производство и потребление. Он в ужасе вцепился в тот продукт, который у него есть, и молит бога, чтобы не лишиться хотя бы того, что есть.

Во-вторых, под влиянием чувства могущества человек, пережив свою ничтожность, получает надежду на избавление от этого ужасного состояния: «Раз могущество в принципе существует, значит, я в принципе могу его достичь и преодолеть ничтожность». Результатом этой возникшей надежды является лихорадочное совершенствование своего производства и потребления. Однако в отличие от предыдущего случая (чувства ничтожности могущества) развитие продукта движется не гордыми амбициями, а чувством вины, и человек, развивая экономику, искупает грех своего изначального несовершенства.

Понятно, что такое чувство тоже не способствует нормальному функционированию хозяйства. Ни один хозяйственный результат не будет признан удовлетворительным, ибо он недостаточен для выхода из состояния ничтожности. Но именно в силу того что ни один продукт не может удовлетворить, данное чувство тоже вызывает фрустрацию и уводит в область бессознательного. Образовавшийся комплекс обозначим как комплекс могущества ничтожности. Под влиянием этого комплекса некоторые люди, например, постоянно не удовлетворены своими профессиональными навыками и постоянно занимаются самосовершенствованием. Но более высокий уровень профессионализма приносит лишь разочарование и необходимость новых усилий.

Итак, мы получили четыре неосознаваемых комплекса чувств, мотивирующих экономическое поведение:

- Комплекс могущества могущества
- Комплекс ничтожности могущества
- Комплекс ничтожности ничтожности
- Комплекс могущества ничтожности

Объединим первые два комплекса в комплекс могущества. У людей с этим комплексом доминирует ощущение, что их продукт значим, важен и нужно добиваться еще большей его важности и значимости.

Третий и четвертый комплексы объединим в комплекс ничтожности. Если у человека доминирует этот комплекс, то он негативно оценивает себя и свой продукт. Даже совершенствуя свой продукт, он все равно плохо к нему относится.

Производя и потребляя, человек решает двуединую задачу. Ему надо сохранять имеющийся продукт и одновременно развивать его. Выделенные выше комплексы решают эти две проблемы (схема 1).

Сохранение имеющегося продукта	Развитие имеющегося продукта
Комплекс могущества и могущества	Комплекс ничтожности и могущества
Комплекс ничтожности и ничтожности	Комплекс могущества и ничтожности

Схема 1. Структура бессознательной мотивации и ее влияние на сохранение и развитие продукта.

На схеме 1 мы видим, что комплекс могущества и могущества и комплекс ничтожности и ничтожности, каждый на свой лад, способствуют тому, чтобы человек ценил тот продукт, который у него есть. В свою очередь, комплексы ничтожности и могущества и могущества и ничтожности делают человека неудовлетворенным имеющимся продуктом. Они побуждают человека стремиться все дальше в развитии производства и потребления.

Ни один из комплексов в отдельности не может нормально мотивировать экономическое поведение человека, а значит, не формирует субъективного продукта. Только нормальный баланс всех четырех комплексов обеспечивает продвижение единичного продукта в направлении особенного и всеобщего. Тем не менее, дисбалансы, возникающие между комплексами, являются основой, на которой базируются разнообразные экономические культуры.

А. В. ПЕШЕХОНОВ,

профессор Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор экономических наук

О ПОВЫШЕНИИ КУЛЬТУРЫ В АГРАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Безусловно, устаревшим является положение о том, что отрасли материального производства — производящие, а остальные сферы человеческой деятельности, в частности, культура — потребляющие, живущие за счет национального богатства, создаваемого в материальном производстве. В последние десятилетия произошли существенные перемены не только в реальной жизни, но и в представлениях людей о содержании национального богатства и о его источниках.

Сейчас принято считать, что главной составляющей национального богатства любой страны является человеческий капитал. Не сами по себе природные ресурсы и не овеществленный в средствах производства капитал, а именно люди с их интеллектом, знаниями, целеполаганием в труде обеспечивают прогрессивное развитие всех сфер общественной жизни, в том числе и отраслей материального производства.

Но люди становятся главной созидательной силой общества, наиболее ценным его капиталом не спонтанно, а благодаря совокупности социальных условий, в которых они живут и действуют. И в обеспечении необходимых условий для всестороннего развития человека-созидателя важная роль принадлежит культуре. Поэтому сегодня культуру (в широком смысле) нужно рассматривать не только как потребляющую, но и как созидующую сфе-

ру, без результатов деятельности которой невозможно успешное развитие экономики.

Мы подошли к ответу на вопрос о месте и роли культуры в аграрном секторе современной России.

Наша аграрная сфера, несмотря на некоторые положительные тенденции последних лет, находится в крайне тяжелом положении. Страна, обладающая огромными земельными ресурсами (в том числе примерно половиной мировых черноземов), где около 1/4 занятых работают в сельском хозяйстве, не в состоянии прокормить себя, свидетельством чему является тот факт, что примерно 40% продовольственного фонда формируется за счет импорта, т. е. мы не обеспечиваем своей продовольственной безопасности. Доля импортной продукции после спада в 1998–1999 гг. вновь растет — за 2001 г. его объем увеличился на 21%.

В последнее время называется немало причин упадка сельскохозяйственного производства и предлагается ряд мер, необходимых для того, чтобы оно вышло на восходящую траекторию развития. В числе этих мер обычно называются:

— усиление финансовой поддержки (дотациями и льготными кредитами) сельхозпроизводителей со стороны государства;

— преодоление диспаритета цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности;

— ускорение темпов материально-технического обеспечения сельского хозяйства;

— введение свободного рыночного оборота земли;

— привлечение иностранных инвестиций как непосредственно в сельское хозяйство, так и в другие сферы АПК и т. д.

Однако, на наш взгляд, среди предлагаемых мер по выходу сельского хозяйства из кризисного состояния неоправданно мало внимания уделяется людям — социально-экономическим, культурным и морально-этическим условиям их жизни.

Чего больше всего недостает сегодня российской деревне? Денег? Техники? Минеральных удобрений? И того, и другого, и третьего. И все-таки наиболее верным ответом будет следующий: ей, прежде всего и главным образом, недостает культуры в широком смысле слова:

— в организации и ведении производственных процессов как в земледелии, так и в животноводстве;

— в сохранении, переработке и реализации создаваемой продукции;

— в межхозяйственных и внутрихозяйственных отношениях;

— в быту и хозяйственных отношениях.

В общем, российскому селу очень не хватает культурных хозяев. Не слишком богатые «культурные побеги», которые постепенно все же росли на сельской ниве в годы Советской власти, по сути дела были выкорчеваны в годы реформ в аграрном секторе.

Между тем уверенный рост сельскохозяйственного производства в мире в последние десятилетия в значительной мере обеспечен повышением культуры всех сторон аграрного производства и жизни на селе. Устойчивые урожаи достигаются благодаря высокой культуре обработки земли, использованию высокопроизводительной техники и прогрессивных

технологий. То же можно сказать и о животноводстве: высокая культура содержания животных, научно обоснованные рационы питания, улучшение пород скота обеспечивают его высокую продуктивность. Совершенная в техническом отношении инфраструктура (дороги, транспорт, хранилища, связь, информационные системы) обеспечивает сохранность произведенной продукции и реализацию ее товарной части без больших затрат времени и средств.

Но главная составляющая успехов сельского хозяйства в развитых странах — это люди: их профессионализм, высокий уровень культуры производства и быта.

В государственном субсидировании аграрного сектора в указанной группе стран значительная доля приходится на преумножение «человеческого капитала». Сельские жители в настоящее время по существу имеют равный с горожанами образовательный уровень, одинаковое качество культурно-бытовых услуг и широкий доступ к различным очагам культуры.

Именно этих факторов, определяющих общую культуру аграрной сферы, нам очень не хватает. Поэтому для радикального изменения нынешней ситуации в сельском хозяйстве России одним из первоочередных направлений государственной аграрной политики должна стать широкая культурная «экспансия», создание на селе значительного слоя не только работников собственно культурной сферы, но и «культурных хозяев», способных вести производство на высоком технико-технологическом и организационном уровне. Необходимо остановить профессиональную и духовную деградацию сельских жителей, происходившую в 1990-е годы, поднять на новую, более высокую ступень культурный облик российской деревни. Это является необходимым и важнейшим условием устойчивого экономического роста в аграрной сфере.

Л. М. ЧИСТОВ,

профессор Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета,
доктор экономических наук, Заслуженный деятель науки РФ

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В ТЕОРИИ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Актуальность обозначенной в названии доклада проблемы подтверждается тем, что пока нет обоснованного толкования понятия «качество жизни» и метода исчисления его показателей.

Рост качества жизни не используется как основной экономический закон, присущий всем общественно-экономическим формациям. Из-

за этого отсутствует эффективное управление народно-хозяйственным комплексом (НХК) страны, базирующееся на обоснованном основном экономическом законе (ОЭЗ), что сопровождается огромными потерями.

Качество жизни, увязанное с ОЭЗ, является важнейшим отправным компонентом соответствующей экономической теории (ЭТ).

Экономическая теория должна быть методологической основой конкретных экономических дисциплин, связанных с изложением методов управления производственными образованиями различных иерархических уровней, начиная от предприятия и завершая интернациональным НХК.

Сложившаяся ЭТ находится в глубоком затяжном кризисе, т. к. она представлена главным образом в форме макро- и микроэкономики, которые, во-первых, базируются на субъективном лженаучном подходе с точки зрения полезности, во-вторых, не имеют соответствующих объекта исследования и содержания, в-третьих, игнорируют экономические законы и, в первую очередь, основной экономический закон, и, в-четвертых, не подтверждаются на практике.

Основой ЭТ, по результатам наших исследований, является теория эффективного управления (ТЭУ) социально-экономическими комплексами (СЭК) различных иерархических уровней (РИУ). Объектом исследования в ТЭУ является совокупность применяемых ресурсов (основных фондов, вещественных оборотных средств, контингента работников) СЭК РИУ.

Предметом исследования ТЭУ является совокупность экономических законов, выражаемая в форме методологических основ ЭУ СЭК РИУ.

Теория эффективного управления СЭК РИУ включает следующие основные разделы:

- состав, содержание и классификация экономических законов, учитываемых при ЭУ СЭК РИУ;

- развернутая характеристика производственных образований РИУ как социально-экономических комплексов (систем);

- цели СЭК и их классификация по основным признакам;

- состав, содержание и методы исчисления показателей целей СЭК РИУ;

- целесообразность, возможность и методологические основы унификации СЭУ для СЭК РИУ;

- инвестиционный (в том числе инновационный) потенциал — основа развития СЭК РИУ;

- необходимость оптимизационного подхода при выборе приоритетного варианта функционирования СЭК;

- состав и содержание экономико-математической модели (ЭММ) по выбору приоритетного варианта функционирования СЭК РИУ;

- обобщающий критериальный показатель в ЭММ и его теоретическое обоснование;

- методологические основы выбора лучшего варианта СЭК на стадии его создания и функционирования;

- необходимость и методологические основы программно-целевых прогнозов (планов)

функционирования, в том числе развития СЭК по приоритетному варианту, с использованием показательных функций, отражающих закономерность развития на расширяющейся ресурсной основе устойчивыми темпами;

- необходимость и методологические основы организации производства (распределения в пространстве и времени различных компонентов применяемых ресурсов СЭК) как формы конкретизации и реализации прогноза (плана) функционирования СЭК;

- необходимость и методологические основы комплексного учета функционирования СЭК РИУ по основным его показателям;

- необходимость и методологические основы комплексного анализа развития СЭК РИУ;

- методологические основы выбора соответствующих форм специализации, кооперирования и территориального размещения СЭК, а также его производственной структуры;

- методологические основы формирования организационной структуры управления СЭК;

- методологические основы разработки предложений по формированию внешней среды, способствующей внедрению и применению на постоянной основе СЭУ СЭК РИУ.

Следует различать потенциальное и реальное качество жизни человека.

Под потенциальным качеством жизни человека следует понимать его максимальные возможности в сложившихся условиях удовлетворять свои материальные, духовные и прочие (невредные) потребности во всем их многообразии, вплоть до потребностей экологического характера.

Под реальным качеством жизни человека следует понимать его реальные возможности удовлетворять указанные потребности за счет получаемых, как правило, трудовых доходов, с учетом рациональности (безвредности) их использования. Потенциальное и реальное качество жизни человека изложенного содержания выражается с помощью соответствующих (более десятка) показателей, изложенных в опубликованных нами работах¹.

Качество жизни — понятие, непосредственно связанное с основным экономическим законом (ОЭЗ), действующим при всех общественно-экономических формациях (ОЭФ). Суть этого закона состоит в необходимости повышения качества жизни населения всех слоев, как правило, пропорционально росту используемой производительной силы (мощности)

¹ Чистов Л. М. Проблемы качества жизни народов России. СПб.: Изд-во МФИН, 2002; Чистов Л. М. Экономика строительства: Учебник. СПб.: Питер, 2001.

применяемых ресурсов НХК страны. Поэтому уточнение методических основ исчисления показателей качества жизни и темпов его роста является важным направлением учета действия ОЭЗ при ЭУ НХК страны и производственными образованиями РИУ.

Наряду с показателями качества жизни целесообразно применять следующие характеристики:

- потенциал личности;
- используемый потенциал личности;
- качество личности;
- капиталоемкость (стоимость) личности;
- уровень гармонизации личности.

Рост качества жизни является основным экономическим законом, присущим всем ОЭФ. Но этот закон учитывается наилучшим образом в обществе социальной защищенности (ОСЗ), характеризующемся следующими основными признаками:

— наличием и действием соответствующей конституции страны и конкретизирующих ее (конституции) законов;

— наличием соответствующей структуры форм собственности с преобладанием коллективной трудовой персонифицированной формы;

— применением СЭУ СЭК РИУ;

— обоснованным распределением доходов (разрыв в доходах между десятью процентами наиболее бедных и десятью процентами наиболее богатых не должен превышать 5–6 раз);

— высокой нравственностью членов общества страны;

— сотрудничеством между людьми вместо конкуренции;

— коллективизмом во взаимоотношениях между людьми вместо индивидуализма.

Основными мероприятиями для достижения роста качества жизни всех слоев населения является:

— развитие СЭК РИУ по приоритетному варианту на основе применения СЭУ;

— использование соответствующих форм собственности;

— формирование и функционирование соответствующего (по численности и составу) контингента компетентных социально-ориентированных управленческих работников;

— обоснованное распределение доходов между различными слоями населения;

— формирование соответствующих обществу социальной защищенности: конституции страны и конкретизирующих ее законов, органов власти, СМИ, профсоюзов, партий и общественных организаций, органов безопасности и армии;

— обеспечение бесплатного образования, медицинского обслуживания, содержания в детских учреждениях и т. п.;

— проведение всеобъемлющей и систематической воспитательной работы среди населения в духе общечеловеческих норм нравственности.

В. Я. ЖУКОВСКИЙ,

декан Московского государственного открытого педагогического университета им. М. А. Шолохова, кандидат экономических наук

ЭКОНОМИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Проблема, которая должна обсуждаться на экономической секции, грандиозна по количеству, а главное, по сложности составляющих ее частных и общих тем и вопросов. Думается, что эта проблема была бы по плечу целому отделению РАН (правда, на последнем общем собрании число отделений и направлений сокращено).

Возьмем менее обширную тему — экономика и образование — и попробуем рассмотреть только одно ее направление — финансирование образования в России: источники и резервы.

Позиция авторов состоит в том, что поиск резервов и источников финансирования должен основываться на простой, однако не всем ясной истине: экономика (как народное хозяйство, так и экономическая наука), во-первых,

результат развития человеческой культуры, во-вторых, ее фундамент и принципиально необходимое условие.

В свою очередь, образование есть важнейшая составная часть культуры, ее основа, фундаментальное условие и функция. Экономика как народное хозяйство и экономика как наука о хозяйстве немислимы и невозможны без образования.

В условиях товарно-денежной (рыночной) экономики товар обладает стоимостью и рыночной ценой, зависящей от необходимости и полезности товара.

Простые рассуждения, таким образом, приводят к безусловному выводу: «бесплатное образование» с точки зрения экономической теории — нонсенс. Что касается экономической практики, то образование никогда не

было бесплатным. Скажем больше, по мере развития научно-технического прогресса, прогресса цивилизации в целом затраты на образование растут и, как показывает мировая статистика, темпами, опережающими рост экономики. Более того, рост затрат есть хоть и косвенный, но весьма информативный показатель развития современных передовых стран.

Современный рынок рабочей силы с весьма изменчивым спросом на различные профессии обусловлен, как уже говорилось, бурным развитием НТП, возникновением новых отраслей, появлением новых профессий и специальностей и требует и современной организации системы общего и специального образования, системы подготовки кадров и современной структуры финансирования.

Необходимо признать, что в силу изменчивости современного рынка рабочей силы существует настоятельная потребность в хорошо отлаженной эффективной системе подготовки кадров. Эта система должна позволять работникам любой профессии и квалификации при необходимости сменить занятие, не потеряв, по возможности, в размере заработка и не изменив в худшую сторону свой социальный статус.

В экономической ситуации, сложившейся в настоящее время в большинстве стран мира, было бы наивно рассчитывать на пол-

ное государственное финансирование всей системы образования в целом и второй (параллельной) системы образования, системы подготовки кадров. Таким образом, необходима многоканальная схема финансирования образования. Кроме того, научные, методические, учебные задачи, которые она должна решать, представляют собой огромный перечень: от создания программ, учебных планов, методических материалов и учебников до организации распределения выпускников, т. е. выполнения определенных функций самого рынка рабочей силы. Причем имеют место и задачи чисто хозяйственные, строительные, организационно-управленческие и т. п.

Определенное бремя финансирования системы переподготовки кадров, безусловно, должно взять на себя государство, существенная роль в финансировании должна принадлежать профсоюзам. Следует обязательно создать специальные выплаты гражданам, потерявшим работу, на повышение квалификации или обучение новым специальностям. Среди тех, кто должен оплачивать переподготовку кадров, могут быть предприятия, уволившие работника (если увольнение не связано с дисциплинарным и прочие нарушениями), и предприятия, для которых готовятся кадры. Кроме того, следует создать специальные фонды, которые финансировали бы эту деятельность.

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ ЛИХАЧЕВСКИХ ЧТЕНИЙ	4
ГЕННАДИЙ СЕЛЕЗНЕВ, председатель Государственной думы Федерального собрания РФ	4
ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВ, губернатор Санкт-Петербурга	4
Г. А. ЗЮГАНОВ, депутат Государственной думы Федерального собрания РФ, руководитель фракции КПРФ	4
С. Б. ТАРАСОВ, председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга	4
А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, поэт, академик РАО, лауреат Государственной премии СССР	5
А. Д. НЕКИПЕЛОВ, вице-президент РАН	5
Е. Г. ДРАПЕКО, заместитель председателя Комитета по культуре и туризму Государственной думы Федерального собрания РФ, Заслуженная артистка России	6
И. П. ПОТЕХИНА, председатель Комитета по информации и печати Администрации Санкт-Петербурга	6
В. Г. ПЕТУХОВ, начальник ГУВД Санкт-Петербурга, генерал-лейтенант милиции, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов	7
В. В. КРАЕВСКИЙ, академик РАО	7
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	8
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки РФ ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	8
Ж. Т. ТОЩЕНКО, главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент РАН ФАНТОМЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	9
А. Н. КЕЛЬЧЕВСКИЙ, Генеральный консул Франции в Санкт-Петербурге КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	14
В. В. ОКРЕПИЛОВ, заместитель председателя Президиума Санкт-Петербургского Научного центра РАН, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРОГРЕССА КУЛЬТУРЫ	15

С. Н. ИКОННИКОВА, заведующая кафедрой культурологии Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор, академик РАЕН	
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Д. С. ЛИХАЧЕВА	17
Т. Г. КИСЕЛЕВА, ректор Московского Государственного университета культуры и искусств, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	19
Д. Н. АЛЬ (АЛЬШИЦ), член Союза писателей Санкт-Петербурга, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации	
ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ: УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК	21
Г. М. БИРЖЕНЮК, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор	
Д. С. ЛИХАЧЕВ КАК ПРОСВЕТИТЕЛЬ	23
А. П. МАРКОВ, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор педагогических наук, доктор культурологии	
НАУЧНЫЕ ИДЕИ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА КАК РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИИ В ХХІ ВЕКЕ	27
Н. Б. ИВАНОВА, заместитель главного редактора журнала «Знамя», литературный критик, кандидат филологических наук	
Д. С. ЛИХАЧЕВ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	30
В. Е. ЧУРОВ, заместитель председателя Комитета по внешним связям Администрации Санкт-Петербурга	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТЕРБУРГА	31
КРУГЛЫЙ СТОЛ	36
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Заслуженный деятель науки РФ	
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	36
И. Е. ТАЙМАНОВА, профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, Заслуженная артистка России	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТЕРБУРГА	36
А. С. КУШНЕР, поэт, лауреат Государственной премии РФ, Пушкинской премии	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТЕРБУРГА	38
Ю. В. ЗОБНИН, заведующий кафедрой литературы Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор филологических наук, профессор	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТЕРБУРГА	39
А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, поэт, академик РАО, лауреат Государственной премии СССР	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТЕРБУРГА	39
М. М. ЧУЛАКИ, писатель, общественный деятель	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТЕРБУРГА	39
Б. Д. ПАРЫГИН, заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТЕРБУРГА	40
Н. А. СИВОВА, председатель Комиссии по государственным наградам при Президенте РФ	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТЕРБУРГА	41
М. А. ГРИННИК, секретарь Федерации независимых профсоюзов России по Северо-Западному федеральному округу	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТЕРБУРГА	42

Н. Б. ИВАНОВА, заместитель главного редактора журнала «Знамя», литературный критик, кандидат филологических наук	43
Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА, директор Института среднего специального образования РАО, доктор педагогических наук, профессор	43
Г. А. ПРАЗДНИКОВ, заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, кандидат философских наук, профессор	44

Секция 1

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ.....

46

Е. Г. ДРАПЕКО, заместитель председателя Комитета по культуре и туризму Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, Заслуженная артистка России ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРЫ В РФ	46
---	----

А. И. ЛУКЬЯНОВ, председатель Комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по государственному строительству, доктор юридических наук, профессор СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	47
---	----

И. И. МЕЛЬНИКОВ, депутат Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор, действительный член Международной Славянской академии СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ИХ РОЛЬ И МЕСТО В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ	49
--	----

И. Л. БАЧИЛО, заведующая сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ЗАЩИТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	50
---	----

П. П. ГЛУЩЕНКО, декан юридического факультета, заведующий кафедрой государственного права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Почетный адвокат России КУЛЬТУРА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ	51
---	----

В. В. ПЫЛИН, профессор кафедры государственного права СПбГУП, доктор юридических наук МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ИХ В РОССИИ	52
--	----

А. В. СТРЕМОУХОВ, заведующий кафедрой трудового и профсоюзного права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ	55
---	----

И. Е. ТАРХАНОВ, профессор кафедры международного и зарубежного права СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР	60
--	----

А. И. ЗЯБКИН, заведующий кафедрой международного и зарубежного права СПбГУП, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЕЛЕНИЯ	60
--	----

Н. Н. НИКИФОРОВА, доцент кафедры трудового и профсоюзного права СПбГУП, кандидат юридических наук ОСОБЕННОСТИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ТЕАТРАЛЬНО-ЗРЕЛИЩНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	62
---	----

<p>П. П. ГЛУЩЕНКО, декан юридического факультета, заведующий кафедрой государственного права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Почетный адвокат России;</p> <p>О. М. ХАРАЙБАТОВА, Заслуженный работник культуры республики Саха (Якутия), аспирантка кафедры государственного права</p>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	64
<p>И. М. РЕЗНИЧЕНКО, профессор кафедры гражданского права и процесса СПбГУП, доктор юридических наук</p>	
СУДЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ НАПРАВЛЕННОСТИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ	67
<p>Е. Ф. МОСИН, доцент кафедры права предпринимательской деятельности СПбГУП, кандидат технических наук</p>	
БОРЬБА С ПРАВОВЫМ НИГИЛИЗМОМ — БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ	67
<p>Г. И. ГНИЛИЦКИЙ, доцент кафедры права предпринимательской деятельности СПбГУП, кандидат военных наук</p>	
ВЗАИМОСВЯЗЬ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИДЕОЛОГИИ	68
<p>К. Б. ХАЧИНСКИЙ, специалист Федерального управления Министерства юстиции Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу</p>	
КРИТЕРИЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В ИЗУЧЕНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	69
<p>Т. К. КИРИЛЛОВА, доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук</p>	
ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	72
<p>Н. М. СЕННИКОВ, доцент кафедры трудового и профсоюзного права СПбГУП, кандидат технических наук</p>	
К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ РОССИИ	73
<p>А. П. ФЕДОРОВ, доцент кафедры трудового и профсоюзного права СПбГУП, кандидат технических наук</p>	
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ	75
<p>П. А. НАЗАРЕНКО, доцент кафедры трудового и профсоюзного права СПбГУП, кандидат философских наук</p>	
РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОРСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ, СОЗДАНЫХ В ПОРЯДКЕ СЛУЖЕБНОГО ЗАДАНИЯ	77
<p>Н. С. ХАНИНА, доцент кафедры международного и зарубежного права СПбГУП, кандидат юридических наук</p>	
ЮНЕСКО — ГАРАНТ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	80
<p>В. А. САПУН, заведующий кафедрой теории и истории государства и права СПбГУП, кандидат юридических наук, профессор</p>	
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И УРОВНИ ПРАВОСОЗНАНИЯ	81
<p>В. Г. ИВАНОВ, профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук</p>	
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	85
<p>З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП, кандидат педагогических наук</p>	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ (международно-правовой анализ)	87

А. В. КИРСАНОВА, старший преподаватель кафедры государственного права СПбГУП РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ	88
--	----

Секция 2

СУДЬБА КНИГИ	91
---------------------------	----

В. Н. ЗАЙЦЕВ, генеральный директор Российской национальной библиотеки, Первый президент Российской библиотечной ассоциации, Заслуженный работник культуры России «ПРОФЕССИИ БИБЛИОТЕКАРЕЙ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ АВТОРИТЕТ...»	91
--	----

РЕНЦО ОЛИВА, атташе по культуре Генерального Консульства Италии в Санкт-Петербурге; ФРАНКО ОЛИВА, публицист, политолог БУДУЩЕЕ КНИГИ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	93
---	----

А. С. ЗОНИН, директор Государственного учреждения культуры и дополнительного образования «Институт культурных программ», кандидат педагогических наук; Н. Ю. ЗАЧЕК, заведующий информационно-издательским отделом ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	96
--	----

А. В. СОКОЛОВ, профессор кафедры социально-культурных технологий Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор педагогических наук, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник культуры России ЧТЕНИЕ В ЭПОХУ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ	97
---	----

И. И. САБИЛО, председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России «ОБРАЩАТЬСЯ С СЛОВОМ НУЖНО ЧЕСТНО...»	100
---	-----

Н. А. СИНДАЛОВСКИЙ, писатель, историк Петербурга ДЕЛОВОЙ ПЕТЕРБУРГ В ЛЕГЕНДАХ И ПРЕДАНИЯХ	103
--	-----

Г. П. СТАРУЩЕНКО, старший научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, кандидат педагогических наук ПЕРЕД ВЫБОРОМ: ВЫЖИВАНИЕ, ОТСТУПЛЕНИЕ ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ (особенность современного этапа развития библиотек)	106
---	-----

Т. В. ПЕТРУСЕНКО, заведующая отделом комплектования Российской национальной библиотеки, кандидат педагогических наук; М. И. ДЕМИДОВА, старший научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук, Заслуженный работник культуры РФ КОЛЛЕКЦИЯ КАК ФЕНОМЕН МИРА БИБЛИОТЕК	107
---	-----

И. А. МАНКЕВИЧ, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Ленинградского Государственного областного университета им. А. С. Пушкина, кандидат педагогических наук ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ	111
--	-----

А. С. АСВАТУРОВ, заведующий Отделом национальных литератур Российской национальной библиотеки БИБЛИОТЕКА КАК ПОЗИТИВНОЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО (на примере деятельности Отдела национальных литератур Российской национальной библиотеки)	114
---	-----

С. В. БУКОВСКИЙ, коммерческий директор издательства «Лань» КНИЖНАЯ СЕРИЯ «МИР КУЛЬТУРЫ, ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ» В КОНТЕКСТЕ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	115
И. А. САВКИН, генеральный директор издательства «Алетейя» ТРАДИЦИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ СЕРИИ «СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА»	117
КРУГЛЫЙ СТОЛ	119
Т. Д. ДЯГИЛЕВА, главный библиограф научной библиотеки СПбГУП ВОПРОСЫ ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА	119
В. В. ШИЛОВ, заведующий НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ФОНДОВ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА	121
Я. А. МИХНЕВИЧ, научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки; Н. О. ТИХОНОВА, старший научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ И ЕГО УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ФОНДАМИ ОБЩЕДОСТУПНЫХ БИБЛИОТЕК РФ	123
И. А. ГОЛУБЦОВА, научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, кандидат педагогических наук ФОНДЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЯЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	125
Н. И. ХОМЯКОВА, научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДА В ИНТЕРЕСАХ ЧИТАТЕЛЕЙ (на примере фонда групповой обработки РНБ)	126
В. А. КРАСИКОВА, научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки; Г. П. СТАРУЩЕНКО, старший научный сотрудник НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, кандидат педагогических наук ОПТИМАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К КОНЕЧНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ (Полнота документов XVIII века в фондах РГБ, РНБ, БАН)	127
И. В. ЭДЕМИЛЛЕР, заведующая сектором НИО библиотечных фондов Российской национальной библиотеки ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК	129
Секция 3 РОССИЙСКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ КАК ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ВОСПИТАНИЯ	131
Л. П. РОМАНКОВ, председатель Комиссии по образованию, культуре и науке Законодательного собрания Санкт-Петербурга ДОСТОЙСТВА И НЕДОСТАТКИ ПАТРИОТИЗМА	131

А. П. МАРКОВ, профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук, доктор культурологии	
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	132
А. А. БОДАЛЕВ, академик РАО, доктор философских наук, профессор	
ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ ДОСТИЖЕНИЕ АКМЕ ЧЕЛОВЕКОМ	133
И. Ф. ГОНЧАРОВ, директор Учебно-методического Центра национального образования РГПУ им. А. И. Герцена, доктор педагогических наук, профессор	
УЧИТЕЛЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ КАК НРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ	136
М. А. АРИАРСКИЙ, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКИ, доктор культурологии	
НРАВСТВЕННЫЕ ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	139
В. Г. ИВАНОВ профессор кафедры философии СПбГУП, доктор философских наук	
МОРАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТА — ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ИЛИ ГРУППОВОЕ?	140
Б. Д. ПАРЫГИН, заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ	
ЛИЧНОСТНАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ КАК ДУХОВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА	141
А. В. СОКОЛОВ, профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор педагогических наук	
РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	142
Ю. М. ШОР, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук	
О ДУХОВНОЙ И ПСИХИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ЛИЧНОСТИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ	143
Г. А. ПРАЗДНИКОВ заведующий кафедрой философии СПбГУП, профессор	
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГУМАНИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ	145
С. С. КОМИССАРЕНКО, декан заочного факультета СПбГУП, кандидат педагогических наук	
ДУХОВНАЯ ЭЛИТА: ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ	147
Е. С. ПРОТАНСКАЯ, заведующая кафедрой педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор	
ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ — КАТЕГОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ	150
Л. М. ЩЕГЛОВ, проректор Института психологии и сексологии, доктор медицинских наук	
ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНОТИП РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	154
А. В. КВАКИН, профессор кафедры истории Российского государства МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук	
МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТА	155
З. Я. КОРОГОДСКИЙ, заведующий кафедрой режиссуры и актерского мастерства СПбГУП, профессор, Народный артист России	
ВОСПИТАНИЕ ПРОФЕССИЕЙ	157
Н. Ю. БАЛОШИНА, директор департамента НИР СПбГУП, кандидат исторических наук	
СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ...	160

Секция 4**ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

163

А. И. ФИЛАТОВА,
профессор кафедры литературы СПбГУП, доктор филологических наук

**СЕМЬ ВЕКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ**

163

Г. А. САЩЕНКО,
директор Государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина (Александринского),
Заслуженный работник культуры РФ

**РУССКИЙ ЯЗЫК — НЕЗАМЕНИМОЕ ДОСТОЯНИЕ НАРОДА
(Д. С. Лихачев о сохранении русского языка)**

165

Р. ПРИТТС,
профессор Денверского университета (штат Колорадо, США), президент Международной организации звукоинженеров (AES);

Н. И. ДВОРКО,
заведующая кафедрой звукорежиссуры и музыкального искусства, кандидат технических наук, профессор

**РОЛЬ ЗВУКОЗАПИСИ В СОХРАНЕНИИ ПАМЯТНИКОВ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА**

167

М. Г. БЯЛИК,
профессор Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова
и Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства,
секретарь Санкт-Петербургского союза композиторов, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ

**Д. С. ЛИХАЧЕВ И Д. Д. ШОСТАКОВИЧ
О БАЛЕТЕ В. И. ТИЩЕНКО «ЯРОСЛАВНА»**

168

Д. Н. КАТЫШЕВА,
профессор кафедры хореографического искусства СПбГУП, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ

**МОТИВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ В БАЛЕТЕ «ПЕТРУШКА» И. СТРАВИНСКОГО
В ПОСТАНОВКЕ М. ФОКИНА**

170

Н. С. КУТЕЙНИКОВА,
профессор кафедры русского искусства Санкт-Петербургского государственного академического института
живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Российской академии художеств,
кандидат искусствоведения, член Союза художников России

**СОЗДАНИЕ ИКОНОГРАФИИ НОВОКАНОНИЗИРОВАННЫХ СВЯТЫХ.
СВЯТАЯ БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ**

172

Т. Е. ШЕХТЕР,
заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП, доктор философских наук, профессор

ДРЕВНЕРУССКАЯ ТРАДИЦИЯ В НАШЕЙ КУЛЬТУРЕ

175

Л. И. ГИТЕЛЬМАН,
заведующий кафедрой зарубежного искусства Санкт-Петербургской академии театрального искусства,
профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, академик РАГН

**РАЗВИТИЕ ВЫСОКИХ ТРАДИЦИЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕАТРА
В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ.
ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «РАДУГА»**

177

О. Ф. ПЕТРОВА,
профессор кафедры искусствоведения СПбГУП,
кандидат искусствоведения, Почетный профессор СПбГУП

ТВОРЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ЛИХАЧЕВЫХ

179

А. Н. КРУЧИНИНА,
заведующая кафедрой музыкальной этнографии и древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской
государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, кандидат искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ

**ГИМНОГРАФИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ПАХОМИЯ СЕРБА
В ДРЕВНЕРУССКОМ ПЕВЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ****(песнопения прп. Варлааму Хутынскому)** 180

И. Г. МАМОНОВА, искусствовед-эксперт галереи «Gala Gallery» (Северный Ванкувер — Санкт-Петербург), член Международной ассоциации искусствоведов, член Союза художников России	
ТРАДИЦИИ РУССКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАДНЫЙ АРТ-РЫНОК	182
С. М. ГРАЧЕВА, доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения, член Союза художников РФ	
ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА В ПЕЙЗАЖНОЙ ЖИВОПИСИ ОСТА	184
А. И. ЧЕРНЯК, доцент кафедры истории и культурологии Санкт-Петербургской государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова, кандидат искусствоведения, член Международной ассоциации искусствоведов	
ЭТОС ДРЕВНЕРУССКОЙ СКУЛЬПТУРЫ XVII–XVIII ВВ.	186
Н. А. КАРЛИК, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института управления и экономики, кандидат филологических наук	
СУБКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ	189
Секция 5	
ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ	194
И. П. МИХАЙЛОВ, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга	
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И КУЛЬТУРА	194
О. В. КОЛОМИЙЧЕНКО, руководитель Территориального управления по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, кандидат экономических наук	
СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ РЕГИОНА: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ	195
И. И. ЛУКИНОВ, директор Института экономики НАН Украины, академик РАН и НАН Украины	
ОБЩЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД И РОЛЬ В НЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ	199
Р. А. ИСЛЯЕВ, директор Института региональной экономики, доктор экономических наук, профессор	
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	201
Н. Н. ПОГОСТИНСКАЯ, заведующая кафедрой экономики СПбГУП, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы	
СТРУКТУРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	204
Н. Д. СТРЕКАЛОВА, декан экономического факультета, заведующая кафедрой управления СПбГУП, доктор экономических наук	
КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И СТРАТЕГИЯ ВУЗА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	205
А. Г. СТОЛБОВ, профессор кафедры экономики СПбГУП, доктор экономических наук	
НОВАЯ ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ	208
Д. Ю. МИРОПОЛЬСКИЙ, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, доктор экономических наук, профессор	
ГЕНЕЗИС СУБЪЕКТИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: НАЧАЛЬНЫЕ АКТЫ	209

- А. В. ПЕШЕХОНОВ,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук
О ПОВЫШЕНИИ КУЛЬТУРЫ В АГРАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 212
- Л. М. ЧИСТОВ,
профессор Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета,
доктор экономических наук, Заслуженный деятель науки РФ
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В ТЕОРИИ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ 213
- В. Я. ЖУКОВСКИЙ,
декан Московского государственного открытого педагогического
университета им. М. А. Шолохова, кандидат экономических наук
**ЭКОНОМИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ 215**

Научное издание

МИР ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Редакторы *В. Г. Даниленко, М. В. Николаева*
Художественное оформление *О. Н. Перминовой*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. Ю. Николаевой*
Корректоры *Я. Ф. Афанасьева, Н. В. Глотова*

ЛП № 000372 от 30.12.99

Подписано в печать с оригинала-макета 23.12.02. Формат 60x90/8
Гарнитура Journal. Усл. печ. л. 28,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 424

Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в типографии издательства СПбГУП
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15